

Н.П. Нарбут, И.В. Троцук

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
СТУДЕНЧЕСТВА**

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

**Москва
Российский университет дружбы народов
2017**

УДК 378.1:316.6(035.3)
ББК 74.04+60.54
Н28

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *З.Т. Голенкова*;
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН *В.Н. Иванов*

Нарбут, Н. П.

Н28   **Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества : результаты исследовательского проекта : монография / Н. П. Нарбут, И. В. Троцук. – Москва : РУДН, 2017. – 400 с. : ил.**

В монографии обозначены методологические основания, методические решения и результаты социологических опросов, которые на протяжении десятилетия проводит кафедра социологии Российского университета дружбы народов при поддержке РГНФ. Издание подготовлено в рамках проекта № 15-03-00573 «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)», поддержанного РГНФ (РФФИ). Собранные в монографии материалы объединены в четыре тематических блока: социологическое изучение ценностных ориентаций; эмпирическая фиксация мировоззренческих доминант молодежного сознания сквозь призму страхов, надежд и опасений; задачи и ограничения сравнительного анализа (кросскультурных проектов); социологическая оценка образов стран-соседей в восприятии студенчества.

Издание рекомендуется для студентов и аспирантов направления «Социология», а также всех, кто интересуется методическими проблемами и содержательными результатами социологической оценки ценностного многообразия современного общества в его разных социально-демографических, временных и пространственных срезах.

ISBN 978-5-209-08515-7

© Нарбут Н.П., Троцук И.В., 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Исследователи, проводящие кросс-культурный анализ, не могут отрицать, что существуют разные культуры, они состоят из разных элементов, эти элементы можно сравнивать как «количественно», так и «качественно»...; мы вынуждены балансировать на тонкой грани между объективистской и субъективистской трактовками человеческой жизни..., стремясь синтезировать эти позиции».¹

С 2006 года кафедра социологии Российского университета дружбы народов провела целую серию социологических опросов студенчества. Эти исследования различаются тематическими акцентами, структурой инструментария, типами выборочных совокупностей и контекстуальными рамками замеров: одни проекты имели точечный диагностический характер, другие – сопоставительный трендовый, поскольку велись в сотрудничестве с нашими коллегами в российских регионах и в зарубежных высших учебных заведениях. Наш нынешний проект «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)» заставил нас задуматься о необходимости в той или иной мере подытожить накопленные на сегодняшний день данные, хотя мы понимаем, что монография неизбежно носит фрагментарный и неполный по отношению к ним характер, потому что данных очень много и завершить их аналитическую обработку пока вряд ли можно. Мы собрали под одной обложкой большую часть имеющихся у нас материалов, структурировали их

---

¹ de Munck V. C. Contemporary issues and challenges for comparativists: An appraisal // Anthropological Theory. 2002. Vol.2. No.5. P. 16.

по ключевым для нас тематическим блокам и дополнили последними эмпирическими данными.

Мы хотим предупредить читателя, что монография – попытка представить обобщенный образ российского студенчества в сопоставительной страновой и временной перспективе по итогам нескольких лет исследований, поэтому многие фрагменты монографии покажутся ему знакомыми – они публиковались на страницах российских и зарубежных научных журналов. Также мы ограничились небольшой библиографической базой – методологические и методические основания нашей работы были неоднократно представлены на страницах наших публикаций. Читателя не должны смущать и ссылки на достаточно давние издания: обращение к работам и эмпирическим данным разных десятилетий показывает, сколь устойчивы многие ценностные ориентации и характеристики социального самочувствия российского студенчества и современной молодежи в целом, что позволяет говорить об устойчивых и воспроизводящихся из поколение в поколение коллективных представлениях.

Мы выражаем искреннюю признательность нашим коллегам и соавторам по публикациям, вместе с которыми мы работали над эмпирической и аналитической частями нашего проекта, – У.В. Шуваковичу, К.Г. Сохадзе, Е.А. Савельевой и многим другим.

Н. П. Нарбут, И. В. Троцук

ВВЕДЕНИЕ

Свой исследовательский проект мы рассматриваем как, прежде всего, призванный реконструировать некоторые важные черты российских молодежных поколений. Проблематика смены и конфликта поколений, внутри- и межпоколенческой трансляции статусных позиций, ценностей и жизненного опыта всегда привлекала внимание не только социологов, но и широкого круга представителей социогуманитарного знания. Актуальность названных вопросов вневременна – состояние любой социальной системы определяется совокупностью потерь и достижений прошлых и нынешних поколений, «работоспособностью» механизмов ретрансляции от поколения к поколению накопленного материального и духовного наследия. В XX веке проблема взаимоотношений поколений, преемственности и конфликтов во взаимодействии «отцов» и «детей» лишь обострилась по причине резкого ускорения ритма социальных изменений, диверсификации возможных вариантов социальной идентичности индивида в плюральном мире – поколения начинают выступать в качестве стабильных социальных структур, связующего звена между индивидом и различными социальными общностями, помогая человеку найти себя благодаря поколенческой отнесенности. Подобные тенденции наглядно прослеживаются на всех «уровнях» генерализаций – начиная от статистически значимых различий ценностных ориентаций представителей различных возрастов (массовые опросы позволяют увидеть поколенческую структуру общества, отличительные особенности каждого поколения, взаимоотношения между разными поколениями и причины таковых и т.д.) и заканчивая обыденными разговорами о том, каковы поколенческие причины непонимания родителей и детей. Особенно интересны литературные портреты поколений: скажем, популярность произведений

Е. Гришковца многие литературные критики и простые читатели объясняют тем, что автор очень тонко чувствует и четко описывает мироощущение своего поколения; известный японский писатель Х. Мураками вводит понятие «поколение Аум», понимая под ним людей, которые в сознательном возрасте пережили зариновую атаку в Токийском метро и все события, связанные с судебным процессом над лидерами секты «Аум Сенрикё» и существенно поколебавшие представления японского общества о самом себе.²

Этимологически понятие «поколение» относят одновременно к общеарийскому корню «gan» – «производить потомство, латинскому слову «generation» – «порождение»³ и русскому термину «колено» в значении разветвления рода, ступени в родословной.⁴ Данное понятие междисциплинарно, потому что разные науки наполняют его различным содержанием в соответствии с исследовательскими задачами. Так, например, антропологам и юристам присуще биолого-генетическое понимание поколения как звена в цепи происхождения от общего предка, а межпоколенных отношений – как отношений между родителями и детьми, предками и потомками.⁵ В западноевропейской социальной философии XIX века сложилось три трактовки поколения – позитивистско-натуралистическое (как пространственно-хронологической общности), романтико-гуманитарное (как идейно-духовной общности) и историко-политическое (как временно господствующей общности). Историко-культурологический подход определяет поколение как совокупность людей, объединенных активным участием

---

² Мураками Х. *Край обетованный (Подземка-2)* / Пер. с яп. М., 2006. С. 18.

³ *Кон И. С.* Ребенок и общество. М., 2003. С. 100.

⁴ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 277, 540.

⁵ *Нор-Аревян О. А.* Конфликтотенность взаимодействия поколений в условиях социальной транзисии российского общества: Дисс. к. с. н. Ростов н/Д., 2003. С. 15.

в конкретных исторических событиях, обладающих общими духовно-нравственными идеалами и являющихся носителями определенного типа субкультуры, т.е. данное понятие имеет скорее символический, чем хронологический смысл, весьма условные, хронологически нестрогие, описательные характеристики – в аналогичном значении его используют филологи, журналисты и писатели.⁶ Социальные психологи видят в поколении «связку» возрастных групп людей, формирование характера которых происходит под влиянием определенных важных событий, общего социального опыта, что определяет сходство ряда их личностных интеллектуальных, ценностных и нравственных установок: «жизненный путь человека – это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения».⁷

Вероятно, наиболее давней является этнографическая традиция поколенческого анализа, хотя этнографы обычно оперируют достаточно неоднозначным понятием возрастной группы и интересуются, прежде всего, теми обрядами и ритуалами, с помощью которых общество фиксирует переход индивида из одного (одновременно естественно-биологического и социального) статуса в другой. Родоначальником данного подхода считается А. ван Геннеп, который впервые провел структурный анализ поколений, выделив этапы их жизненного пути и обозначив их социально-структурные и культурно-символические различия.⁸ Во второй половине XX в. П. Галливер попытался упорядочить систему возрастных категорий в этнографии (понятий, посредством которых общество социально обозначает стадии жизненного пути че-

⁶ Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10.

⁷ Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. М., 1980. Т. 1. С. 67.

⁸ Геннеп ван А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 8–11.

ловека), разграничив культурно-нормативные (возрастная степень), социально-структурные (возрастной класс) и функционально-организационные (возрастная группа) аспекты возрастных отношений.⁹

В обыденном сознании и социологических исследованиях поколения традиционно рассматриваются в социально-демографическом ключе – как сосуществующие и воспроизводящиеся одна из другой возрастные группы (дети, молодежь, взрослые, пожилые), различия между которыми имеет вполне определенное и специфическое для большинства стран количественное измерение (например, это средняя возрастная разница между родителями и детьми в данный исторический период). В демографии было закреплено различие понятий «поколение» и «когорта»: когорта – совокупность людей, у которых одновременно произошло определенное демографическое событие; если в качестве такого события выступает рождение в течение некоторого календарного периода, то когорта получает название поколения; сформирована следующая классификация поколений – реальное (совокупность ровесников), гипотетическое (современники), нулевое (супружеские пары), первое (дети супружеских пар), второе (внуки) и третье (правнуки).

Таким образом, поколение – весьма многозначный термин, позволяющий выделять различные аспекты возрастной структуры и истории общества. В нем одновременно сосуществует множество самостоятельных значений – и генеалогического происхождения от общего предка, и возрастной однородности группы сверстников (тогда речь идет о реальном поколении или возрастной когорте), и условного, символического единства (поколение революции, войны, потерянное и т.д.) – тогда перед нами номинальная группа, выделяемая на основе неко-

---

⁹ Шахматова Н. В. Поколенческая организация современного российского общества. Саратов, 2003. С. 69–73.

торых типологических характеристик ее членов (общность социальных условий формирования и жизненного опыта, решаемых задач и реализуемых социальных ролей, доминирующих возрастных социально-психологических черт и т.д.).¹⁰ Благодаря столь широкой трактовке и выделению поколений на основе различных типологических синдромов, социологи получают возможность говорить о поколениях элиты (культурной, экономической, политической), массы – как продуктах «больших» институтов, «именных» поколениях – свидетелях крупномасштабных переломов, срывов рутинных механизмов поддержания и воспроизводства социального порядка.¹¹

В социологических исследованиях принято разделять понятия когорты и поколения – как демографического определения конкретной возрастной группы, четко локализованной по году рождения, и как культурной и социально-исторической специфики возрастной группы вне четких демографических границ.¹² Достаточно редко встречающееся в отечественных публикациях понятие «генерация» является полным синонимом поколения¹³ и потому отличается от понятия когорты: в первом случае речь идет о локализованном в пространстве и времени возрастном слое, обладающем сходными социаль-

---

¹⁰ См., напр.: *Кон И. С.* Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3; Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 234; *Лисовский В. Т.* «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. № 7; *Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. № 1 и др.

¹¹ *Дубин Б. В.* Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 68.

¹² *Семенова В. В.* Жизненный путь и социальное самочувствие в когорте 30-летних: от эйфории к разочарованию // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5. С. 54–59.

¹³ Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. М., 2000. С. 247.

ными признаками и ролевыми функциями; во втором – об искусственно сформированном исследователем по критерию наступления в один и тот же период значимого социального события.

В широком смысле поколение выступает как родовое понятие, позволяющее анализировать особенности генерационных общностей (на первый план выходят количественные параметры возраста и численности, статистически значимые распределения социально-демографических показателей); в узком смысле – как символическая общность современников, сообща переживших значимые события и потому обладающих общими характеристиками самосознания, нормативного и духовно-нравственного восприятия. Сходство личностных характеристик возникает в результате обладания общим социальным опытом и событийной идентичности (чувство принадлежности к определенному поколению в силу осознания единства социального мира оказывается более значимым, чем количественные показатели). Символическим понятием поколения, наполненным «субъектным» содержанием (учитывалась не столько хронология жизни, сколько общность ценностей и поведенческих стратегий), оперировали, например, представители и последователи Чикагской социологической школы.

На эмпирическом уровне поколение обладает следующими чертами: это социальная общность людей в определенных возрастных границах, для которых характерны схожие условия социализации и жизнедеятельности, типичные потребности и ценностные ориентации. «В социологическом анализе ...мы всегда имеем дело не с “демографическим” поколением (совокупностью людей одного возраста), а с определенными значимыми «поколенческими» группами или структурами (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)»; под значимыми поколениями выступают поколения в рамках определенного «крупного»

периода (длиной в столетие, т.е. в три «зримых» человеческих поколения; более крупные масштабы социально не ощутимы), формирующие определенные образцы поведения и мысли, соответствующий набор символов и пр..¹⁴ Очевидно, что лишь заведомо небольшое число людей примерно одного возраста обладает схожими социокультурными ориентациями и формами поведения (так называемой поколенной взаимосвязью) из-за общности волнующих их проблем, осознает свое поколенное единство.¹⁵ Именно потому, что поколения отличаются не столько количественными, возрастными, но и «качественными» характеристиками, социологическое понятие поколения может и зачастую охватывает одновременно несколько возрастных групп, осуществляющих схожую деятельность (социальная роль), направленных на общие социальные свершения (насколько поколение стало активной социальной силой). Иными словами, первичные характеристики поколения – социальный контекст становления, социализационные механизмы, системные (состав когорт) и биографические (ценностные ориентации и поведенческие модели) особенности; вторичные – количественный состав, гендерная, профессиональная, национальная и прочая структура.

В силу того, что использование генеалогических критериев (деды-отцы-дети) для выделения границ поколений в социологических исследованиях приводит к множеству вопросов (каковы возрастные «показатели» детства, каков временной интервал между детьми и родителями и т.д.), в социологии принято принимать за точку отсчета границ поколений важное историческое событие или процесс. Так, Х. Беккер обо-

¹⁴ Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 40–41.

¹⁵ Воронков В. М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 170–171.

значил в современном западном обществе довоенное (1910–1930 гг.р.), молчаливое (1930–1940), поколение протеста (1940–1955), потерянное (1955–1970) и поколение «икс» (родившиеся после 1970 года).¹⁶ В. В. Семенова выделяет в российском обществе околвоенное (1920–1940 гг.р.), доперестроечное (1940–1960), поколение переходного периода (1960–1970) и послеперестроечное поколение (родившиеся после середины 1980-х годов).¹⁷ Ю. А. Левада видит в российском обществе шесть переломных периодов и, соответственно, столько же поколений¹⁸: люди «революционного перелома» 1905–1930 годов, родившиеся в 1890-е годы; «сталинская» мобилизационная система 1930–1941 годов – поколение родившихся около 1910 года; военный и послевоенный период 1941–1953 годов – поколение 1920–1928 гг.р.; «оттепель» 1953–1964 годов – люди 1929–1943 гг.р.; «застой» 1964–1985 гг. – поколение 1944–1968 гг.р.; «перестройка и реформы» 1985–1999 годов – родившиеся в конце 1960-х. Значительные общественные события могут объединить несколько демографических когорт в одно символическое поколение, так же как хронологические сверстники по своим социальным установкам могут сформировать разные. Например, советское поколение «шестидесятников» – не демографический феномен, а меньшинство среди сверстников, включающее в себя и представителей других возрастных когорт, общественное движение образованного слоя, в основном гуманитарной интеллигенции, достаточно

---

¹⁶ *Леготин Э. В.* Межпоколенческая дифференциация среди молодых когорт в условиях преобразования российского общества: Дис. к.социол.н. М., 2003. С. 38.

¹⁷ *Семенова В. В.* Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России* / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 88–89.

¹⁸ *Левада Ю. А.* Поколения XX века: возможности исследования // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России* / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 41–44.

пестрое по идеологическим воззрениям, но сильное по своей поколенческой идентичности и групповому доверию.

Говоря об историческом становлении поколенческого анализа, наверное, не стоит обращаться к седой древности, когда Геродот впервые заговорил о поколении как историко-демографической общности, поскольку лишь в XIX веке было дано научное обоснование теории поколений, определены их количественные и качественные характеристики, поставлена проблема биологических и социальных начал в историческом ритме смены поколений.¹⁹ В конце XIX – начале XX веков поколенческая проблематика развивается в рамках противостояния позитивистско-натуралистического и романтически-гуманитарного подходов: первый настаивал на пространственно-хронологической и структурной определенности поколения, апеллируя к статистическим выкладкам, данным медицины, психологии, генетики и историографии; второй подчеркивал внутреннее духовное единство поколения.²⁰

Родоначальниками позитивистского направления являются О. Конт и Дж. С. Милль, которые говорили о смене поколений как о важнейшей динамике, заложенной в истории. Конт видел в смене поколений естественную закономерность, обусловленную ограниченностью человеческой жизни, но для него поколение имело социально-исторический характер и стало предметом теоретического анализа вне семейно-генеалогического контекста. Контом впервые была выдвинута идея о взаимосвязи межпоколенной динамики и темпов социального прогресса: рост продолжительности жизни и медленное обновление поколений приводят к инертности и домини-

---

¹⁹ Лезгина Д. В. Развитие классической теории поколений в позитивизме конца XIX – начала XX века // *Credo*. 2005. № 2.

²⁰ Нор-Аревян О. А. Конфликтогенность взаимодействия поколений в условиях социальной трансформации российского общества: Дисс. к. с. н. Ростов н/Д., 2003. С. 21.

рованию консерватизма; сокращение жизни и быстрая смена поколений не позволяют стабилизировать инновации и нарушают общественный порядок. Милль также считал смену поколений и их взаимное влияние важнейшим фактором социальной эволюции, выделяя в качестве ключевой черты поколения единство «общественного мнения», обусловленное не только единством времени и обстоятельств, но и интересами и чувствами господствующего общественного класса.

Г. Спенсер видел в смене поколений общеприродную закономерность, поддерживающую существование человеческого рода, но взаимоотношения поколений считал явлением историческим, развивающимся вместе с социальным строем: если в древнем обществе проблема межпоколенных отношений существовала, прежде всего, в рамках семьи, то в современном обществе она вобрала в себя и отношения больших социальных групп, различающихся не только по возрасту, но и по своим функциям в общественной жизни. Своеобразным итогом развития позитивистского поколенческого анализа стала работа Ф. Ментра «Социальные поколения»: он сопоставил взаимосвязи поколений в животном мире и человеческом обществе, разграничил биологическое и социокультурное наследование и выделил интеллектуальные, семейные и социальные поколения как объект научного анализа.

Близок позитивистскому направлению и марксистский подход, в соответствии с которым «история есть не что иное, как последовательная смена поколений»: «поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности».²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали социальную детерминацию возрастных фаз человека и взаимосвязь спо-

²¹ Лезгина Д. В. Развитие классической теории поколений в позитивизме конца XIX – начала XX века // *Credo*. 2005. № 2.

соба производства, возрастной структуры общества и преемственности поколений. Особое внимание они уделяли экономическим условиям становления поколений, а также их конфликтам.

В отличие от позитивистов, немецкие романтики и их последователи видели в поколении субъективную, исторически обусловленную духовно-символическую общность. В. Дильтей определял поколение, с одной стороны, как временной интервал приблизительно в тридцать лет, с другой – как людей, связанных общностью времени детства и молодости, а также крупными событиями, определяющими видение действительности на протяжении всей жизни и потому порождающими единый тип восприятия и личности. Дильтей полагал, что поколению свойственна внутренняя духовная солидарность, единство переживаний в морально-этической и социальной сфере, благодаря которому формируется мировоззрение – главное звено того, что наследственно передается новому поколению.²² У Х. Ортеги-и-Гассета поколение выступает как субъект истории, верный политическим идеям своего времени: «изменения жизненного мироощущения, являющиеся решающими в истории, предстают в форме поколений. Поколение – это и не горсть одиночек, и не просто масса: это как бы новое целостное социальное тело, обладающее и своим избранным меньшинством, и своей толпой, заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией... Его члены приходят в мир с некоторыми типичными чертами, придающими им общую физиономию, отличающую их от предшествующего поколения. В пределах этой идентичности могут пребывать индивиды, придерживающиеся самых разных установок. Каждое поколение представляет собой некую жизненную высоту, с которой определенным образом

---

²² Лезгина Д. В. Интегративная классическая теория поколений // Credo. 2006. № 2.

воспринимается существование».²³ Срок деятельности поколения составляет порядка тридцати лет и распадается на два периода: сначала новое поколение распространяет свои идеи и склонности, затем они утверждаются и становятся господствующими. Таким образом, в качестве базовых черт поколения выступает единство возраста (это совокупность сверстников) и общее жизненное пространство.²⁴

К. Мангейм попытался соединить позитивистско-биологический и романтико-исторический подходы, обозначив в качестве основных характеристик поколения определенное «положение» (временное измерение), специфические «взаимосвязи» и известное «единство» (историко-культурное пространство), сформулировав, тем самым, три определения поколения: как объективного возрастного статуса, определяемого включенностью в биологический ритм жизни и смерти; как социологически значимой реальности, основанной на общей исторической и социальной судьбе; как духовной общности, единства ценностей и идеалов, предполагающего осознание индивидами своей принадлежности к одному поколению.²⁵ Первая фаза жизненного цикла поколения – юность, когда под влиянием внешних событий и окружения у индивида формируется определенная картина мира, через которую преломляется последующий жизненный опыт. Второй и основной этап – «политическая жизнь», длящаяся около тридцати лет: первые пятнадцать лет поколение достигает политического совершеннолетия, борясь за власть с предыдущим поколением; следующие пятнадцать лет оно находится у власти и ведет борьбу со стремящимся его сместить молодым поколением. Таким образом, смена поколений оказывается уни-

---

²³ *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 1997. С. 143.

²⁴ Там же. С. 261–262.

²⁵ *Мангейм К.* Проблема поколений // Очерки социологии знания. М., 2000.

версальным процессом, основанным на биологическом ритме человеческой жизни и социокультурного процесса.

Постклассический этап поколенческого анализа связан с работами американских социологов второй половины XX века – поколение здесь трактуется либо как объект социализации (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, М. Мид, П. А. Сорокин), либо как субъект социально-политического конфликта (Г. Маркузе, Л. Фойер). Первая трактовка легла в основу структурно-функционального подхода, где поколение выступает как функциональная система социальных статусов, совокупность одновозрастных групп, отличающихся своими ролевыми характеристиками. Так, Ш. Айзенштадта интересовала историчность поколенческого деления общества и межпоколенческой трансмиссии культуры в ходе социализации, которая обеспечивает функциональную стабильность общества; обратная сторона функциональной социализации новых поколений – «девиантность», т.е. выпадение некоторых членов общества из социализационного процесса в поведенческие категории «странных», «ненормальных» и прочих обобщенных «не-мы».²⁶ Для Айзенштадта возрастные категории – одновременно социальные и психологические: для социальной системы возраст – критерий распределения социальных ролей; для индивида – важный компонент самоидентификации. По характеру взаимосвязи поколений и социальных структур он выделил два типа обществ: в «фамилистическом» обществе единица разделения труда – семья, возрастно-разнородные отношения – базовые формы взаимодействия; возрастно-однородные группы возникают в «универсалистском» обществе, где семейные и родственные ячейки не могут обеспечить их членам социального статуса, поэтому доминируют внутривоколенческие отношения.

---

²⁶ Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. N.Y.–L., 1966.

Для М. Мид специфика трансляции культуры внутри семьи и межпоколенческих отношений образует определенный тип культуры²⁷: в постфигуративных (примитивных архаичных) обществах культурный образец предзадан – дети учатся главным образом у предков; в кофигуративных (индустриальных) обществах сосуществуют и конфликтуют культурные образцы нового и старого поколений (дети и взрослые учатся у сверстников); в префигуративном (современном) обществе творчество молодого поколения предшествует установленному образцу, и взрослые учатся и у своих детей. Г. Маркузе стал идеологом теории конфликта поколений, рассматривая таковой как естественный закон, коренящийся в антропологической структуре человеческих потребностей и оказывающий революционное воздействие на общество. Аналогичного мнения придерживался и Л. Фойер, апеллировавший к З. Фрейду в обосновании причины всех межпоколенных конфликтов извечным соперничеством отцов и сыновей («эдиповым комплексом»).

В России поколенческая проблематика стала предметом серьезного обществоведческого анализа со второй половины XIX века.²⁸ Л. И. Мечников отмечал важность преемственности и солидарности поколений, полагая, что они формируют социум, являются условием, мерилom и важным элементом общественного прогресса, – сходную позицию занимал и П. Ф. Лилиенфельд. Представители субъективного направления П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский видели в поколенческой солидарности важнейшую форму социального взаимодействия и т. д. Для российской общественной мысли

---

²⁷ Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. С. 348, 359–360.

²⁸ Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.

изначально было характерно выделение и противопоставление поколений по социальному (типам жизненных стратегий и ценностей), а не возрастному критерию. Скажем, Ю. Лотман видел причины поколенческого кризиса XVIII века в конфликте двух человеческих типов: люди начала века обладали интеграционными ценностями, стремились стать частью какого-то единства, интериоризировав его правила; люди последней трети века, при всем разнообразии характеров, разделяли общее устремление к индивидуальному, специфически личному поведению.²⁹ В. И. Ленин выделил в истории России три политических поколения по социальному происхождению революционных элит каждого³⁰: 1) дворяне и декабристы; 2) разночинцы и «Народная Воля»; 3) революционные подростки 1905–1907 годов, которые к 1914–1917 годам стали революционным контингентом и ударной силой гражданской войны. Т. Шанин продолжил данный ряд³¹: 4) исполнители сталинской коллективизации 1928–1934 годов, «внутрипартийной борьбы» и «ежовщины» 1937 года; 5) протестное движение позднего советского периода – «шестидесятники», выразившие идейное содержание «оттепели»; 6) «прорабы перестройки».

Поколенческая периодизация истории российского общества весьма условна, поскольку предлагает взгляд на общество «сверху», со стороны элит (практически все российские литераторы XVIII и XIX веков описывали поколения как интеллектуальные или социально активные – массовые типы поколений в тех исторических условиях не могли выступать активными социальными субъектами), тогда как смена по-

---

²⁹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 2002. С. 254–255.

³⁰ Ленин В. И. Памяти Герцена // Собрание сочинений. М., 1976. Т. 21. С. 255–262.

³¹ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907–1918–1922 гг. М., 1997.

коленческих типов в массе городских и сельских жителей определяется значимыми общественными событиями (коллективизация, урбанизация, дефолт и т.д.) и лишь отчасти совпадает с элитарной хронологией (например, в военный период). Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения, показывающие динамику становления поведенческих стереотипов и ценностей разных возрастных когорт, механизмы наследования культурных устоев и т.д.

В целом в России в начале XX века сформировался и стал доминировать позитивистско-натуралистический вариант поколенческого анализа, акцентировавший роль смены поколений в механизме социальной эволюции и отличия поколенных общностей, стремившийся к количественной определенности величины поколений. Так, П. А. Сорокин считал необходимым изучение взаимодействия и преемственности поколений, выделил в социальной структуре «закрытые» группы (по возрастным и социальным признакам) и открытые поколенческие ассоциации (по признаку добровольного взаимодействия); впервые обозначил проблему неоднородности поколенческих общностей и назвал в качестве одного из естественных оснований социальной стратификации и мобильности возрастную разнородность социума, определяющую различные типы мышления и поведения.

В советской социологии до середины 1960-х годов поколенческая проблематика практически не поднималась. Позже работы по данной тематике распадаются на два условных типа: первые посвящены вопросам воспроизводства социальной структуры (поколения как возрастные когорты, носители основных качеств социальной структуры, находящиеся в отношениях замещения) – это работы демографического характера (Я. С. Улицкий, Б. Ц. Урланис, В. Е. Никитенко, В. И. Переведенцев, С. И. Пирожков), по сопоставлению поколений (Ф. Р. Филлипов, М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган, Б. С. Павлов)

и анализу жизненного пути отдельных поколений (М. Х. Титма, В. Н. Шубкин). Второй тип представлен работами по социологии молодежи, где молодые поколения выступают как особая социально-демографическая группа, особенности сознания которой определяются стадией социального становления (И. С. Кон, В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, В. И. Чупров и др.).³²

Таким образом, предмет поколенческого анализа – «возрастные группы как агенты социального изменения, включая интеллектуальные и организационные альтернативы, которые они противопоставляют существующим мировоззрениям, ценностям и жизненным стилям, источники их оппозиции внутри существующего общества и развитие отношений между этими и другими агентами социального изменения внутри их возрастного слоя».³³ Сегодня наиболее широко в социологических исследованиях представлен системный, структурно-функциональный тип поколенческого анализа, акцентирующий внимание на роли поколений в социальной системе и распадающийся на три направления: вертикальный анализ общества – объектом изучения выступают современники; диагональный – сверстники (изучается когорта); горизонтальный – ровесники (совокупность родившихся в один период). Структурно-функциональный подход реализуется в разных вариантах: в статусно-ролевом анализе; в формализованном моделировании поколенного взаимодействия; в лонгитюдной методике, позволяющей проследить вариативность включения отдельных генераций в общественную жизнь посредством многократного обследования одних и тех

---

³² *Леготин Э. В.* Межпоколенческая дифференциация среди молодых когорт в условиях преобразования российского общества: Дисс. к. с. н. М., 2003. С. 51–52.

³³ *Воронков В. М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 170.

же индивидов; в генерационном/когортном/генеалогическом и онтогенетическом (индивидуальные изменения в ходе взросления) анализе.

В рамках каждого подхода используется своя методическая база, специфика которой зависит от стоящих перед исследователями задач. Так, в рамках системного, структурно-функционального подхода социологи стремятся к обобщениям, позволяющим охарактеризовать общее и особенное в закономерностях взаимодействия поколений в разных странах или регионах одной страны, поэтому исследования обычно носят кросскультурный или широкомасштабный повторный характер. Очевидно, что инструментарий подобных исследований должен быть достаточно формализован, чтобы проводить сопоставительный анализ. Например, для изучения специфических характеристик и структуры жизненного пути когорт М. Авдиенко по материалам переписей населения 1897 и 1926 годов показал динамику уровня грамотности по пятилетним когортам в населении Украины; для отслеживания вариативности включения отдельных генераций в общественную жизнь М. Х. Титма проводил лонгитюдные обследования (в фокусе внимания находилось жизненное самоопределение молодежи с момента окончания школы до достижения тридцатилетнего возраста).³⁴

Лонгитюдные исследования широко применяются для изучения поколений, поскольку позволяют выяснить, как проявляется «эффект времени». Например, с 1985 по 2001 годы анализ межпоколенных изменений притязаний и жизненных стратегий четырех поколений российской и украинской молодежи методом анкетного опроса в школах показал, что на начальном этапе быстрых социальных изменений («перестройки») произошел резкий рост притязаний и кардинально

---

³⁴ Титма М. Х. Молодежь: ориентации и жизненные пути. Рига, 1988. С. 37.

изменились представления о способах их реализации.³⁵ Четыре волны всероссийских обследований (1990–1994–1998–2002) обозначили эволюцию когорт за годы трансформаций – был составлен социальный портрет когорт, описана их внутренняя структура, динамика социального статуса, ролей и стратегий экономического поведения (раз в четыре года проводились формализованные интервью).³⁶

Результаты массовых опросов показали, что в структуре российского общества достаточно четко выделяются три поколения – молодое, родительское и старшее.³⁷ Наименее гомогенным по своим ценностным ориентациям оказалось родительское поколение. Эта неоднородность – величина относительная, говорить о ней можно только в сопоставительном контексте со старшим и молодым поколениями: общность поколенческой идентификации «родителей» детерминируется схожими социальными характеристиками, привитыми социалистической системой, несмотря на различные трактовки ряда ценностей. Молодое поколение оказалось более категоричным в суждениях и более ценностно-сплоченным, чем родители.

В целом в основе структурно-функционального варианта поколенческого анализа лежит так называемая «жесткая», количественная методология – используются массовые статистические методики (анкетный опрос, формализованное интервью и т.д.). Жизнь индивидов рассматривается как проявление надындивидуальных объективных характеристик, а сам

³⁵ *Магун В. С., Энгелатов М. В.* Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России* / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.

³⁶ *Беляева Л. А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // *Социологические исследования*. 2004. № 10.

³⁷ *Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // *Социологические исследования*. 2002. № 1.

индивид – как представитель социально-поколенческого типа. Статистические обобщения позволяют увидеть проблемы взаимодействия между поколенческими структурами, социальными институтами и организациями, но вне фокуса внимания остаются субъективные, лично значимые аспекты реальной практики внутри- и межпоколенческих отношений, единство объективного и субъективного социально-возрастного опыта, значимые поколенческие явления, не имеющие массового распространения и т.д. – все то, что может стать предметом социологического анализа в рамках качественного подхода. Данная стратегия предполагает обращение к личному повседневному опыту взаимодействия информанта с представителями своего и иных поколений, интерпретацию рассказов информантов в контексте локальных форм поколенческого сосуществования, формулирование аналитических (а не статистически значимых) обобщений и «перевод» их на язык научных терминов для построения «мини-теорий» механизмов функционирования поколения в заданном социокультурном контексте.

В арсенале качественного подхода выделяют несколько тактик исследования, различающихся не столько методически, сколько фокусом интереса: предметом кейс-стади могут стать социально-психологические и ценностно-мотивационные особенности представителей поколения, позволяющие увидеть общие генерационные нормы и ценности, структуру поколенческих ролей; этнографическое исследование направлено на описание каждодневной практики поколенческой общности с точки зрения ее культуры (норм, ценностей, языковых паттернов и т.д.); тактика «обоснованной теории» помогает сконструировать объяснительную модель поколенческой идентификации и т.д. Перечисленные варианты реализации качественного подхода часто используются как дополнительные, иллюстративные в репрезентативных массовых

опросах. Например, количественные данные по трем поколениям советского периода в рамках лонгитюдного проекта «Пути поколения в России» были дополнены глубинными интервью с представителями трех поколений нескольких семей, что позволило показать механизмы трансмиссии семейного социокультурного капитала из дореволюционного периода до настоящего времени.³⁸ В последние годы качественные методики все чаще становятся основным и самостоятельным инструментом поколенческого анализа. Например, В. В. Семенова проанализировала образы поколений как лексические формы культурной самопрезентации, задав респондентам открытый вопрос «Как коротко Вы бы могли охарактеризовать людей своего поколения?» и закодировав полученный текстовый материал.³⁹ Кодирование состояло не в выявлении наиболее часто упоминаемых характеристик, а в выстраивании словесных образов поколения путем объединения отдельных слов и словосочетаний, несущих схожую символическую нагрузку.

Вероятно, оптимальной и наиболее «результативной» тактикой качественного исследования в рамках поколенческого анализа является биографический метод, ведь именно биографические характеристики (жизненный путь, ценностные ориентации, поведенческие образцы) составляют специфику поколения. И если рассматривать биографии как социально-симптоматические и социально-типичные, на основе их анализа можно выделить отличительные черты различных поколений в рамках одного социокультурного контекста, реконструировать семейные стратегии на протяжении не-

---

³⁸ Судьбы людей: Россия XX век: Биография семей как объект социологического исследования. М., 1996.

³⁹ Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 87.

скольких поколений, изучить формы взаимодействия поколений, механизмы межпоколенной трансмиссии социального капитала, причины межпоколенческих конфликтов и т.д. Например, сопоставление множества биографических повествований легло в основу формирования картины изменений в ценностном настрое разных поколений российского общества в последнее десятилетие XX века.⁴⁰ Чтобы биографический метод предоставлял столь «обобщенные» показатели, необходима методически грамотная работа как на этапе создания инструментария сбора информации (обычно речь идет о гайде биографического или нарративного интервью), так и на этапе обработки полученных неструктурированных данных (необходимо вводить однозначно трактуемые критерии межпоколенного сравнения, в качестве которых могут выступать оценка жизненных достижений и перспектив, образовательный и профессиональный уровень, социальный контекст жизни, поколенческое самосознание, лексические конструкции поколенческой самоидентификации и т.д.). Тогда биографические данные позволяют содержательно «наполнить» объяснительные модели массовых обследований, показывая реальную повседневную практику и артикулируемые людьми идентификационные поколенческие доминанты.

Можно обойтись без сложных контент-аналитических изысканий, чтобы увидеть: подавляющее большинство статей в социологической периодике и примеров в учебных пособиях, сборниках и монографиях посвящено молодежи (другой вопрос, что возрастные границы молодости могут варьировать от 15 и до 35 лет). Впрочем, сменив профессиональную «оптику» восприятия действительности на обыденно-привычную, любой россиянин, хотя бы раз побывавший за границей, отмечает, сколь разительно даже на самый неприят-

---

⁴⁰ *Цветаева Н. Н.* Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму // Социологические исследования. 2005. № 9.

зательный, расслабленно-туристический взгляд отличается «наше» и «их» социальное пространство с точки зрения представлений и поведения в нем детей и пожилых людей.

Вряд ли объективные научные данные будут сильно расходиться с устойчивыми социальными стереотипами в оценке принципиальных различий «наших» и «их» стариков, которые, очевидно, имеют объективное и субъективное измерение. Первое связано с качеством жизни, обусловленным социально-экономическими условиями, государственной политикой и инфраструктурной продуманностью социальной среды, – в совокупности они обеспечивают или, наоборот, препятствуют полноценной интеграции человека с ограниченными в силу возраста или болезни возможностями в «нормальную» жизнь. Второе определяется доминирующими в обществе трактовками и восприятием разных возрастов, социально одобряемыми и считающимися совершенно неприемлемыми форматами поведения человека при достижении конкретных биологических (бесстрастно фиксируемых числом прожитых лет) стадий жизни: как это ни грустно, но возраст является социальным фактом в дюркгеймовском смысле – не только биологически объективным, но и социально принудительным.⁴¹

---

⁴¹ Наш преподавательский опыт показывает, что для большинства студентов 30 лет – некий принципиальный рубеж, когда молодость, по крайней мере с позиций нынешних 20 лет заканчивается, поэтому к этому времени нужно обзавестись брачно-родительским багажом/опытом. Если на западе средний возраст вступления в брак с середины XX века постоянно повышается, то, скажем, по данным опроса студентов старших курсов в Российском университете дружбы народов (РУДН), проведенного в 2013 году, оптимальным возрастом вступления в брак 42% считают 24–25 лет, второй наиболее частотный интервал – 21–23 года (27%). 46% девушек считают оптимальным возрастом вступления в брак 24–25 лет, у юношей два наиболее частотных интервала – 24–25 лет (37%) и 26–35 (40%); верхний предел брачности в обеих группах – 26–35 лет. На девушек, видимо, давят сохраняющиеся стереотипы «старой девы», «старородящей» (хотя сегодня таковой считается женщина, рожаящая первого ребенка в 34 года, а не, как в советское время, в 24), ожидания окружающих, что после окончания вуза

Хотя в нашей стране геронтология в русле общемировых тенденций начала развиваться вследствие роста средней продолжительности жизни (в Европе с конца XIX века к 1970-м годам – с 39 до 70 лет, в СССР с 1917 по 1970 год – с 32 до 71) как раздел медико-биологической науки, изучающий явления старения в рамках гериатрии (учения об особенностях болезней старческого организма), герогиены и геронтопсихологии,⁴² в начале XXI века на практике в ней все еще делается акцент на медицинских аспектах борьбы со старением, хотя его проблемы артикулируются вполне в духе мировой социальной геронтологии. В западной традиции речь уже давно идет о социальной геронтологии – изучении и изменении образа жизни пожилых людей таким образом, чтобы повысить ее социальную насыщенность и, тем самым, продолжительность.⁴³

В России в период с 1959 по 2002 год число пожилых увеличилось более чем в два раза, но не проводится широкомаштабных мониторинговых обследований старших возрастных групп, как, например, в США, где в 1974 году был создан Национальный институт по проблемам старения (одна из 27 исследовательских структур Национального объединения институтов здравоохранения США), возглавивший все проекты по изучению природы старения в целях сохранения здоровья, социального благополучия и активной жизни старших воз-

---

девушка должна реализовать «семейный проект», а также громко тикающие биологические часы. 69% юношей, отвечая на открытый вопрос об оптимальном возрасте рождения детей, указали цифру в интервале от 26 до 35 лет; разброс ответов у девушек больше, но самых частотных интервала два – 24–25 лет (45%) и 26–35 лет (38%); верхний предел деторождения, как и брачности – 26–35 лет.

⁴² См., напр.: *Давыдовский И. В.* Геронтология. М., 1966; *Основы геронтологии* / Под ред. Д. Ф. Чеботарева, Н. Б. Маньковского, В. В. Фролькиса. М., 1969.

⁴³ Для современных западных обществ характерно «исчезновение старости» в том смысле, что ограничено использование слова «пожилой» – в Европе чаще говорят о «солидном», в США – о «третьем возрасте».

растов.⁴⁴ С 1992 года институт запустил мониторинговое «Национальное исследование здоровья и пенсионного возраста», ставшее основным источником разносторонней информации о состоянии здоровья, финансовых возможностях, взаимоотношениях пожилых американцев со своим окружением и т.д. На основе этих данных делаются прогнозы о благосостоянии пожилых людей (в том числе посредством сопоставления результатов опросов с информацией страховых служб о медицинских услугах, которые получают американцы в возрасте старше 65 лет), о влияющих на него факторах (финансовое положение, количество и качество социальных контактов и др.), разрабатываются меры социальной политики в сфере старения. Схожие проекты осуществляются в Великобритании (Лонгитюдное исследование проблем старения), Европе (Общеввропейское исследование здоровья, старения и пенсионного возраста) и других странах.

В России проводятся лишь отдельные исследования, тем или иным образом затрагивающие проблемы пожилых людей.⁴⁵ Их можно условно сгруппировать в четыре основных направления: социальный портрет российского пенсионера; экономическое положение пожилых; социальная политика в отношении старших возрастов и ее восприятие населением; межпоколенные связи и взаимоотношения. Несмотря на фрагментарность имеющихся данных, можно утверждать, что пожилой россиянин воспринимается обществом и действительно оказывается после выхода на пенсию в сложной экономической ситуации, если не «встроен» в сети эффективной

---

⁴⁴ См., напр.: *Freeman J. T.* Some notes on the history of the National Institute on Aging // *Gerontologist*. 1980. No.20; *Morley J. E.* A brief history of Geriatrics // *Journals of Gerontology: Medical Sciences*. 2004. No.59.

⁴⁵ См., напр.: *Козлова Т. З.* Здоровье пенсионеров: самооценка // Социологические исследования. 2000. № 12; *Козлова Т. З.* Мониторинг удовлетворенности пенсионеров материальным положением в 2000-е годы // Социологические исследования. 2006. № 5.

родственной поддержки, которые могут помочь ему финансово и с адаптацией к посттрудовому этапу жизни, спасти от нисходящей мобильности, обеспечить прежний уровень медицинского обеспечения и социальной активности. Тем не менее, во всех возрастных группах российского общества очень силен и устойчив стереотип, что пенсия (старость) – это время «дожития».

В целом уже на уровне базовых определений поколенческого анализа в социологии проявляются два явных его «умолчания» – из его предметной области выпадают «старые и малые». Прежде всего, это обусловлено акцентированием символического содержания поколения, поэтому обязательными его признаками поколения оказываются схожие ценности и формы поведения его членов (так называемая «поколенная взаимосвязь») и осознание ими своего поколенческого единства. Очевидно, что дети еще не в состоянии осознать свое «поколенческое единство», а старики уже не видят в этом смысла. Так, социологические трактовки одиночества могут бесконечно подчеркивать разнообразные его грани (объективное и субъективное), особенности (вынужденное или добровольное, временное или постоянное, реальное или неадекватно фиксируемое, позитивное или негативное) и стратегии адаптации или преодоления, советовать бороться с социальными стереотипами, клеймящими одиночество, или расценивать его как абсолютно нормальное состояние, требующее защиты прав своих «адептов» под лозунгом «Одиночки всех стран, объединяйтесь!»,⁴⁶ но все это срабатывает только до старости, когда идеализировать и романтизировать одиночество как право на свободу, независимость и собственный рецепт счастья уже не получается. И у самого здорового и финансово обеспеченного пожилого человека значительно ухудшается

---

⁴⁶ См., напр.: *Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность.* М., 2014.

качество жизни даже в Америке, где большинство взрослых (каждый седьмой без учета находящихся в домах престарелых и отбывающих тюремное заключение) одиноки, но привыкли к этой ситуации, где социально-конструкторский потенциал возрастных градаций очень велик (многие люди старше 65 лет не чувствуют и не называют себя престарелыми и ведут очень активную жизнь), где создана эффективная социальная инфраструктура и система поддержки достойной старости.

Уже к началу 2000-х годов мониторинговые всероссийские опросы обозначили изменения когорт за годы общественных трансформаций и обрисовали социальный портрет каждой из них, выделив в структуре общества три поколения – молодое, родительское и старшее. Понятно, что молодое поколение в социологических исследованиях, как правило, «начинается» не раньше школьников старших классов, потому что у них складывается уже более или менее реалистичная модель жизненных притязаний и стратегий, т.е. детство в фокус исследовательского интереса не попадает.⁴⁷ Старшее поколение обычно объединяет все возрастные группы от 55 лет,⁴⁸ хотя запросы, ожидания и поведенческие паттерны у человека в возрасте, скажем, 56 и 76 лет, несомненно, будут существенно различаться.

Складывается впечатление, что жизнь старших поколений привлекает внимание социологов только в рамках качественного подхода: предметом кейс-стади могут стать социально-психологические и ценностно-мотивационные особенности

⁴⁷ Дети оказываются в фокусе исследовательского интереса, как правило, в двух случаях: 1) речь идет о неких социальных девиациях (дети-сироты, беспризорные и т.д.), 2) дети только «имеются в виду» – в вопросах рождаемости, репродуктивных установок населения и пр.

⁴⁸ Данный «рубеж – пенсионный возраст для женщин – установлен государством, принят обществом, в этой возрастной группе женщин подавляющее большинство»: Левинсон А. Сократ и лира. «Новые старики» и старая реальность в России // В памяти и добром здравии. Старшее поколение, общество и политика. М., 2011. С. 113.

представителей старшего поколения, позволяющие увидеть общие для него нормы и типичные роли; этнография может показать каждодневные социальные и дискурсивные практики поколенческой общности, а «обоснованная теория» – сконструировать модель поколенческой идентификации; биографический метод позволяет «вдохнуть жизнь» в объяснительные модели массовых статистических обследований, показывая течение и событийную наполненность реальной повседневной жизни, и чем старше респонденты, тем четче они артикулируют идентификационные доминанты разных поколений, частью которых им удалось побывать. Например, Г. А. Ястребинская⁴⁹ реконструирует историю российского и советского крестьянства с дореволюционного времени до наших дней через повествования пожилых сельских жителей: они позволяют снять свойственную тактике кейс-стади «отстраненность» описания конкретного села и показать, как внутри данного «случая» складывались реальные жизненные траектории. Сельские старики становятся объектом пристального социологического внимания и в рамках исторической (крестьяноведческой) традиции изучения сетевого дарообмена: они не только могут рассказать об утраченных в российском обществе к 1980-м годам обычаях соседской взаимопомощи, но и воспроизводят архитектуру частных трансфертов между домохозяйствами, сложившуюся к началу 1990-х годов и продолжающую определять особенности нынешней неформальной экономики – помощь «детям», у которых нередко уже есть свои дети, на селе намного существеннее, чем в городе.

Хотя из поколенческого анализа в социологии выпадают две группы – «старые» и «малые» – первая чаще оказывается в фокусе исследовательского интереса, поскольку социально-конструктивистский компонент возрастной идентификации

---

⁴⁹ Ястребинская Г. А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992–2002. М., 2005.

в старости менее выражен по объективным причинам (биологические проявления старения ограничивают возможности изображать из себя молодого человека, если вы, конечно, не печально известный Дориан Грей). Биологические и психологические характеристики возраста имеют решающий характер во всех поколенческих группах, но социокультурное измерение в большей степени исключает из социологического рассмотрения именно детей как не-взрослых – именно так культура легитимирует их статусно-ролевые репертуары, задавая критерии преодоления жизненного рубежа «взрослости».

В современных обществах растет средняя продолжительность и жизни в целом, и составляющих ее возрастных этапов: период детства удлиняется за счет молодости, которая выступает не следующим за ним этапом, а скорее его продолжением, поэтому отмечается все более позднее вступление во взрослую жизнь не столько по формально-юридическим критериям, сколько по параметрам социальной «зрелости». Во второй половине XX века оформились социологические концепции трансформации детства: его исчезновения, индивидуализации и эмансипации, стирания четких границ между детством и взрослостью и др. Наиболее популярный сегодня историко-социологический подход учитывает сразу три взаимосвязанных аспекта детства: участие детей в общественной жизни (социальный статус, институты социализации и методы воспитания); символический образ ребенка в культуре и представления о критериях зрелости; культуру детства (детский фольклор, специфика восприятия детьми общества взрослых и т.д.).⁵⁰

Культура детства, в отличие от социально-статусных и символических его аспектов, не составляет предмет социологического анализа и рассматривается скорее в исторических дисциплинах. Самой известной работой здесь, видимо, является

⁵⁰ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 2003. С. 6–7.

«Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» Ф. Арьеса,⁵¹ где подчеркивается неактуальность идеи точного возраста человека, потому что она имеет ярко выраженный исторический характер и социокультурную детерминацию (например, в прошлые эпохи возрастные категории четко коррелировали с социально-статусными). В традиционном обществе с высоким уровнем смертности статус детства был крайне низок, подросткового этапа не существовало, по мере взросления дети просто растворялись среди взрослых. Самостоятельная социальная и психологическая ценность детства была признана только в Новое время, когда вся жизнь семьи стала организовываться вокруг ребенка, и по мере повышения статуса детства возрастал и социальный контроль за ним, особенно в воспитательном и образовательном отношении – «ребенок занял центральное место в семье не только с точки продолжения рода, но и потому, что он просто есть».⁵² Л. де Моз⁵³ объясняет историческую тенденцию к возрастанию ценности детства тем, что по мере развития общества увеличивается и родительская способность к эмпатии, а, значит, и эффективность удовлетворения запросов ребенка, т.е., как Арьес, констатирует исторически нарастающую тенденцию понимания взрослыми потребностей и автономии детей.

Социологию больше интересуют два других аспекта детства – его социальный статус, определяемый, прежде всего, набором и работой институтов социализации, а также символические образы детства, тесно связанные с критериями зрелости. Институциональные, социально-ролевые и символические аспекты детства хорошо фиксируются стандартными социологическими методиками, но в качестве респондентов/информантов всегда выступают взрослые (родители детей) или почти взрослые (подростки-старшеклассники), т.е. исследования детства ведутся в рамках таких отраслевых на-

---

⁵¹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

⁵² Там же. С. 142.

⁵³ Де Моз Л. Психоистория. Ростов н/Д., 2000.

правлений, как социология семьи, социология образования и социология молодежи, в фокус которых по определению не попадают дети школьного и дошкольного возраста. Позиционирование их в качестве объекта исследования затруднительно в методологическом плане: сложно установить объективный уровень развития личности и возрастные компетенции ребенка, не говоря уже об операционализации чрезмерно коннотированных критериев взрослости и самостоятельности суждений – в итоге социологи предпочитают выяснять, что взрослые думают о детях, а не мнения детей о самих себе (это считается задачей психологии). В последние десятилетия ситуация несколько изменилась благодаря разработке и модификации ряда социологических методик в целях изучения социальных реалий детства и установок детей, но говорить об «институционализации» детей как объекта социологического исследования нельзя вследствие недостаточной сформированности системы мотивов, ценностей и норм, низкого уровня коммуникативных способностей малолетних респондентов, ограниченности их кругозора и жизненного опыта, высокой вероятности неосознанного искажения информации, быстрой утомляемости и рассредоточения внимания и, конечно, отсутствия методических инструментов, необходимых для обхода подобных препятствий и т.д.

Иными словами, «классические» методы социологии не справляются, если цель – изучение детей дошкольного и младшего школьного возраста как самостоятельного объекта исследования в силу их особенностей как респондентов, поэтому в рамках поколенческого анализа дети – «неподдающееся» поколение. «Малые» наряду со «старыми» (последние прекрасно поддаются всем стандартным социологическим приемам получения информации, но откровенно игнорируются) формируют два «белых пятна» на поколенческом портрете современного российского общества, тогда как изображение молодежи (реже – трудоспособного населения в целом) на нем представлено предельно подробно, самыми разными красками и мазками, и создается оно непрерывно огром-

ным количеством «художников», придерживающихся разных принципов изобразительного мастерства (качественного или количественного подхода) и принадлежащих разным школам и направлениям (социологическим институциям и коллективам). Практически в режиме реального времени мы получаем сводки о состоянии и изменениях мировоззренческих доминант и поведенческих стратегий молодежи в самых разных областях, видим амбивалентный характер ценностно-нормативной сферы нынешнего студенчества, который только усугубляется в случае региональных сравнений, что не характерно для других государств, даже столь же больших и внутренне дифференцированных, как Россия.

Российская молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень социальной тревоги и агрессии, но он в значительной степени детерминирован сконструированным средствами массовой информации негативным образом окружающей действительности, а также скепсисом в оценках деятельности государственных структур. Но, несмотря на высокий уровень тревожности и восприятие значительного числа социальных угроз как актуальных, молодежи в целом не свойственен пессимистический и безрадостный настрой, что можно связать и с юношеским идеализмом, и со свойственной российскому обществу «нормой» конформности (россияне склонны оценивать практически любую ситуацию как «нормальную»), и с пока еще неактуальностью многих опасений личного свойства, и с восприятием большей части из них как постоянного, рутинизированного медийного «шума», который формирует некий «фатализм» вместе с уверенностью, что «пронесет». Обозначим более широкими мазками эти и другие черты портрета российской молодежи.

ЧАСТЬ 1

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Подходы, методика и задачи социологического анализа

Вряд ли в социологической науке есть тема сравнимая по популярности своего теоретического и эмпирического изучения с ценностными ориентациями и социальными установками молодых поколений как своеобразных «локомотивов» общественного развития, приоритеты которых позволяют в той или иной степени прогнозировать будущие траектории социального движения. В то же время именно эта проблематика является весьма неоднозначной в силу множества сосуществующих здесь подходов, методик и аналитических моделей. Так, только в отечественной социологии сложилось несколько устойчивых трактовок понятия «молодежь»⁵⁴: как определенной возрастной группы, отличительная характеристика которой – социальное взросление (насколько оно носит социобиологический характер – вопрос дискуссионный, но у приверженцев и биологической, и социальной доминант есть масса убедительных аргументов); как особого этапа жизненного цикла, отличающегося наиболее активным протеканием социализационного процесса и результирующего в обретении человеком социальной субъектности (подчеркивается единство молодежи как особого символического поколения, которое занимается преимущественно усвоением и овладением широким спектром профессиональных и социальных ролей)⁵⁵; как особой позиции в социальной структуре, детерминируемой,

---

⁵⁴ Чупров В. И., Зубок И. А. Социология молодежи. М., 2011. С. 48.

⁵⁵ Лисовский В. Т. Эскиз к портрету: жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М., 1969. С. 7.

в первую очередь, возрастом, т.е. молодежь – «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств»⁵⁶; как субкультуры – группы, обладающей особыми ценностями, нормами и поведенческими паттернами, определяющими ее своеобразие; и, наконец, как активного социального субъекта/актора со специфическими группообразующими чертами и функциями – воспроизводственной, инновационной и трансляционной.

Перечисленные трактовки молодежи не являются прерогативой исключительно российского социологического дискурса, однако нельзя не признать, что в зарубежной традиции возрастные и функциональные характеристики молодых поколений не вызывают столь бурных научных дискуссий. Отчасти это объясняется тем, что в России критерии выделения молодежи в самостоятельную социальную группу (обычно это ее задачи/функции и возрастные рамки) сложно назвать сугубо демографическими или социологическими – они часто фигурируют в нормативных документах, оказываясь в фокусе государственного внимания как некие «констатации», без убедительных обоснований. Скажем, в «Стратегии государственной молодежной политики до 2016 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года, к молодежи относятся граждане в возрасте от 14 до 30 лет: нижняя возрастная граница связана с физическим взрослением и получением разрешения на трудовую деятельность; верхняя граница обусловлена тем, что примерно к 30 годам человек предположительно (в современной ситуации отсроченного детства совершенно необязательно) достигает трудовой, семейной и социально-статусной стабильности. Впрочем, подтверждением приведенных границ молодости выступают статистические данные, согласно ко-

⁵⁶ Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 385.

торым, например, на женщин в возрасте 15–29 лет приходится наибольшее число рождений детей, и большая их часть – в браке; на этот же возраст выпадает и пик брачности и т.д.⁵⁷

Неоднозначность трактовок молодости в разных дискурсах (научном, официальном государственном и пр.) не отменяет необходимости междисциплинарного анализа молодежной проблематики, в рамках которого следует выделить два аспекта, важных для разведения в социологическом контексте, – диагностический и управленческий. В первом случае речь идет об использовании всего арсенала исследовательских инструментов социологии науки для понимания мировоззренческих доминант молодежного сознания, определяющих как устойчивые поведенческие паттерны, цели и ценности молодых поколений, так и их принципиальные отличия от поколений «отцов» и «дедов», причем социологов интересуют и приоритеты молодежи как таковые, и их восприятие прочими социально-демографическими группами.

Так, по мнению трети россиян, среди современной молодежи больше тех, кто не ставит себе конкретных целей, а просто «плывет по течению» (34%); примерно столько же убеждены, что среди молодежи, наоборот, преобладают те, кто ставит перед собой четкие цели (совершенствование в профессии и карьере (18%), получение образования по востребованной специальности (16%), деньги и богатство (12%), материальное благополучие и достойная жизнь (6%), создание семьи (6%) и т.д.) и стремится их достичь (30%),⁵⁸ хотя в нашей стране молодежи сложно добиться успеха – так считает 67% россиян и 56% 18–30-летних.⁵⁹ В качестве факторов жизненного неуспеха молодежи россияне называют отсутствие рабочих мест для молодых (27%), лень,

---

⁵⁷ См., напр.: Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М., 2014.

⁵⁸ О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности // <http://fom.ru/TSennosti/11748>.

⁵⁹ Легко или трудно живется молодым // <http://fom.ru/TSennosti/11749>.

инертность и отсутствие у них целеустремленности (12%), тяжелую жизнь в целом – бедность, нехватку денег (11%), недостаточную заботу государства (7%), платность образования (7%) и недостаточный уровень знаний у молодых (6%) и т.д.

Лишь 1% россиян отметили, что в стране ощущается дефицит действенной молодежной политики: «не хватает организованности – комсомола или другой подобной структуры»; «нет общественных организаций и кураторов, которые могли бы подсказать молодежи, в каком направлении развиваться» и т.п. Однако дефицит государственной заботы не «компенсируется» протестной активностью: молодые россияне серьезно озабочены целым рядом проблем (ростом цен на товары и услуги (66%), низким уровнем заработных плат (58%) и в целом ситуацией в сфере занятости (32%) и т.д.), но категорически не готовы принимать участие в акциях протеста – лишь каждый пятый в принципе допускает для себя подобную возможность. Уровень участия молодежи в деятельности общественных организаций – как политического характера, так и не связанных с политикой – в обществе не высок, что ощущается и на повседневном уровне, без привлечения статистических и социологических данных: большинство наших знакомых не состоят и даже не осведомлены о существовании молодежных общественных организаций помимо редко упоминаемых в средствах массовой информации молодежных отделений известных политических партий.

Почему же именно ценности (обычно в формате ценностных ориентаций как неких личностных эквивалентов устойчивых социальных образцов и нормативов мышления и поведения) привлекают пристальное внимание социологов, причем все чаще в сравнительной (межпоколенческой и межстрановой) перспективе? Дело в том, что «ценности в социологии рассматриваются как фундаментальные нравственные и этические нормы, выполняющие одновременно регулятивную

и прогностическую функции и обеспечивающие устойчивость социальных систем посредством нормативного регулирования и коррекции происходящих в обществе процессов, перспектив развития личности и поведения людей»,⁶⁰ т.е. в самом общем смысле ценности – это «социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь и т.п.».⁶¹ Столь широкая трактовка ценностей допускает их множественные классификации, например: по сферам общественной жизни (материальные и духовные), предметному содержанию (экономические, политические, эстетические и т.д.), характеру детерминации поведения (терминальные и инструментальные), общественному восприятию (одобряемые и отрицаемые) и т.д. А вот интерпретация личностью ценностей материальной и духовной культуры общества и стремление/отказ следовать им отражены в понятии «ценностные ориентации»⁶² – это разнообразные варианты отражения в сознании людей ценностей общества, признаваемых или отрицаемых в качестве стратегических жизненных целей, мировоззренческих ориентиров, профессиональных амбиций и регуляторов поведения.

Можно выделить два базовых методологических подхода к изучению ценностей – условные «измерение» и «выявление».⁶³ В первом случае респонденту предлагается список ценностей (сформированный произвольно или по итогам методических экспериментов) и жесткая схема их оценивания: абсолютная – каждая ценность оценивается по одной и той же балльной или

---

⁶⁰ *Елишев С. О.* Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18 «Социология и политология». 2010. № 3. С. 79.

⁶¹ *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Социология. М., 2007. С. 360.

⁶² *Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 197.

⁶³ *Гегер А. Э.* Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 133.

номинальной шкале, или относительная – каждая ценность рассматривается в соотношении с другими (можно выстроить ранжированный список, выбрать по одной ценности в наборе пар или определенное число ценностей из списка). Яркий пример реализации данного подхода – известная методика М. Рокича, построенная на технике прямого ранжирования двух классов ценностей – терминальных (ценностей-целей) и инструментальных (ценностей-средств)⁶⁴: респонденту предлагаются два списка ценностей, где в каждом он присваивает каждой ценности ранговый номер (сначала предъявляется набор из 18 терминальных, а затем набор из 18 инструментальных ценностей).

Преимущество методики Рокича состоит в том, что полученная иерархия ценностей может быть перегруппирована в содержательные блоки по разным основаниям, также методика позволяет успешно решать задачи сопоставительного анализа. Например, в начале 2000-х годов на ее основе было проведено сравнительное исследование среди студентов России и Казахстана, сфокусированное на терминальных ценностях⁶⁵: социологи проранжировали ценности, которыми молодежь каждой страны руководствуется в жизни, и поделили каждый список на три блока по шесть ценностей – наиболее значимые, менее важные и наименее предпочитаемые. Группировка обозначила мировоззренческие расхождения постсоветской молодежи: если третья группа наименее значимых ценностей в обеих странах оказалась представлена одинаковым набором ценностей, хотя и с разными ранговыми показателями (социальное равенство, спокойная ситуация в стране, общественное признание и др.), то второй блок оказался более вариативным – у молодых жителей Казахстана, что можно

---

⁶⁴ См., напр.: *Rokeych M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.*

⁶⁵ *Мухамбетова К.А., Кунантаева Д.Д. Ценности современной молодежи (на примере России и Казахстана) // Вестник Омского университета. 2004. № 2.*

объяснить исторически детерминированным приоритетом коллективных ценностей, в эту группу попали свобода как независимость в поступках и действиях и интересная работа, которые их российские сверстники отнесли в категорию наиболее приоритетных. Тем не менее, самые высокие позиции по значимости в мировоззренческом комплексе молодых поколений двух стран заняли одни и те же цели – здоровье, любовь и верные друзья, а также материальное благополучие, которое у россиян в большей степени связано с интересной работой, а у казахстанцев – со счастливой семейной жизнью и мудростью (вряд ли здесь следует подчеркивать антиномию западных и восточных ценностей, но характерные для разных типов социальных систем традиции не могли не сказаться на мировоззренческих доминантах).

Подходы, построенные на схожих с методикой Рокича принципах, составляют ядро попыток социологического «измерения» ценностных ориентаций, тогда как «выявление» ценностей предполагает скорее актуализацию и текстовую фиксацию личностных представлений и предпочтений, которые можно подвергнуть количественной обработке и выделить обобщенные категории/классы суждений у разных социально-демографических и типологических групп. Один из примеров выявления ценностей – опросная методика, разработанная Г. И. Саганенко⁶⁶: респонденту предлагается самостоятельно сформировать «пакет» из 10 наиболее значимых для него ценностей, отвечая на двойные открытые вопросы (артикуляция индивидуальных ценностей дополняется разъяснением их смыслов); затем применяются двойные оценки (субъективной значимости ценности и удовлетворенности состоянием соответствующей ценностной сферы).

---

⁶⁶ Саганенко Г. И., Гегер А. Э., Степанова Е. И. Потенциал рефлексивных методов в выявлении релевантных ценностей // Социология: 4М. 2011. № 32. С. 80.

Безусловно, сложные методические решения редко используются в кросскультурных исследованиях – они, как правило, основываются на несложных анкетах, неизбежные модификации которых с учетом специфики каждой конкретной страны не меняют кардинально базовый опросный инструментарий. Однако и самые простые методические решения сравнительных проектов не всегда гарантируют сопоставимость данных, потому что даже, казалось бы, очевидные повседневные моменты могут по-разному интерпретироваться представителями разных стран. Скажем, известные международные проекты «Европейское социальное исследование» (European Social Survey – ESS) и «Всемирное исследование жизненных ценностей» (World Values Survey – WVS), основанные на требовании единого инструментария как гарантии корректности межкультурных сопоставлений, не выглядят столь уж убедительно, если внимательно всмотреться в используемые в анкете простейшие лексические конструкции. Например, в одном из вопросов, призванных измерить социальную дистанцию по отношению к мигрантам и иностранным рабочим, респондентов просят назвать группы, с представителями которых они не хотели бы «жить по соседству».⁶⁷ Однако соседство воспринимается очень по-разному в тех странах, где значительная часть населения проживает в многоквартирных домах, и там, где более распространены частные домовладения (в 2011 году 56% французских домохозяйств имели собственный дом, в России – только 26%, т.е. реальное пространство, в котором формируются модели социального дистанцирования, в двух странах различны).

Тем не менее, масштабы двух крупнейших международных проектов по изучению ценностных ориентаций впе-

---

⁶⁷ Федоров П. М. О сравнимости результатов кросскультурных исследований (на примере измерения установок в отношении мигрантов) // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 75.

чатляют. Проект WVS, сфокусированный на фиксации изменений ценностей и убеждений поколений с течением времени и социально-политических последствий подобных трансформаций, охватил более 97 стран, а в последней на сегодняшний день его волне (2010–2014) было задействовано 60 стран Европы, Азии, Африки, а также бывшего Советского Союза: выяснялись мнения разных возрастных групп (младше 29, 30–40-летних и старше 50 лет) о политических процессах, о том, какие качества наиболее важны для человека, их опасения и планы на будущее, уровень удовлетворенности жизнью и доверия к другим людям и организациям, восприятие общественных и религиозных организаций и т.д.

Проект ESS, в силу своей географической привязки, охватывает меньшее число стран (30, в том числе Россию) и нацелен на описание и объяснение тех изменений, что характеризуют социально-политическую ситуацию в Европе и ценностные ориентации ее населения, уровень доверия социальным институтам и удовлетворенности жизнью, оценки деятельности руководства страны, системы образования и здравоохранения, социальный оптимизм и т.д., а также на демонстрацию познавательных возможностей и преимуществ социологического анализа по сравнению с отслеживанием только экономических показателей. Для этого в рамках ESS применяется модификация «портретного ценностного вопросника» (Portrait Values Questionnaire), основанного на предложенной Ш. Шварцем⁶⁸ классификации ценностей по десяти индексам в результате применения комплексного инструментария, в котором респонденты оценивают и предложенные ценности по заданной шкале, и особые ценностные профили («пор-

---

⁶⁸ См., напр.: *Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol.32. No.3.

треты»). Хотя в ESS использовался сокращенный вариант ценностного опросника Шварца,⁶⁹ что объясняется задачами сопоставительного анализа, модифицированная методика позволяет «замерять» нормативные идеалы и индивидуальные приоритеты респондентов.

Кросскультурные исследования ценностных ориентаций не столь широко распространены, как, вероятно, хотелось бы многим социологам, интересующимся, в частности, результатами постсоциалистической трансформации в странах со схожими или различающимися траекториями социально-экономического и политического развития. Причина не только в трудностях разработки универсального инструментария по конкретной проблематике или обобщенной характеристики ценностных ориентаций отдельных поколенческих групп, но и в отсутствии единых общепризнанных моделей измерения ценностных ориентаций даже в рамках отдельных социокультурных систем. Так, в России ежегодно проводится множество общенациональных и региональных «замеров» мировоззренческих доминант молодежного сознания, о чем свидетельствуют соответствующие публикации в журнале «Социологические исследования», но часто проекты диагностического и управленческого характера не пересекаются на уровне методологических, методических и организационных решений. Скажем, мониторинг «Ценностные ориентации молодежи в современных условиях» по заказу Федерального агентства по делам молодежи, наиболее известная волна которого, судя по количеству ее упоминаний в разных публикациях, прошла в 2010 году,⁷⁰ отличает комплексный характер. Авторы стремятся охарактеризовать положение российской

⁶⁹ Магун В., Руднев М. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. WP6/2010/03. М., 2010.

⁷⁰ Мониторинг «Ценностные ориентации молодежи в современных условиях». М., 2010 // edu53.ru/np-includes/upload/2010/08/15/256.doc.

молодежи в неких ценностно-мотивационных детерминантах, комбинируя методы интервью, анкетирования, контент-анализа и групповых дискуссий, чтобы получить данные об удовлетворенности молодежи разными аспектами личной и общественной жизни и волнующих ее проблемах как базовых индикаторах ее ценностных ориентаций. С другой стороны, важным ограничением мониторинга является некоторое игнорирование накопленных в отечественной социологии эмпирических данных и аналитических выкладок, которые могли бы стать важным интерпретационным фреймом в рамках и диагностической, и управленческой ориентаций.

Использованную в рамках мониторинга модель изучения ценностных ориентаций молодежи можно считать оптимальной в том смысле, что она нацелена одновременно на выявление и измерение мировоззренческих доминант молодежного сознания, и эту схему можно адаптировать для кросс-культурного анализа. Российские исследователи выделяют три базовые группы ценностных ориентаций молодежи: (1) связанные с личной и общественной безопасностью, душевным и физическим здоровьем и фиксируемые через страхи и опасения объективного и субъективного характера; (2) выражаемые в оценках жизненных планов и перспектив в образовательной, профессиональной, семейной и прочих сферах; (3) определяемые общей установкой на «социальное участие» (вовлеченность в разные форматы гражданской активности политического и неполитического характера); а также три группы факторов, детерминирующих структуру, соотношение и содержательное наполнение каждого блока, – системные (на уровне общества), институциональные (социальных институтов) и индивидуально-биографические (социально-симптоматического и типического характера).

Результаты мониторинга «Ценностные ориентации молодежи в современных условиях» представляют интерес и по-

тому, что фактически его задачей стала не столько диагностика мировоззренческих доминант молодежного сознания как таковая, сколько их учет в разработке программ государственной молодежной политики. Под ней понимается «деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив».⁷¹ Декларативно государство ориентировано на поддержку молодежи во всех ее начинаниях и инициативах, особенно в сложные жизненные периоды, и экспертный опрос, проведенный весной 2015 года среди 65 представителей российских неполитических общественных объединений, показал, что большинство респондентов (77%) осведомлены о зафиксированных в нормативных документах задачах государственной молодежной политики, но лишь 15% полагают, что она эффективно реализуется. Столько же (16%) убеждены, что она имеет номинальный характер и не удовлетворяет потребности общества и социальный заказ на участие государства в жизни молодых поколений, т.е. не справляется с созданием эффективной системы институтов социализации и механизмов формирования ценностных ориентаций молодежи.

Согласно общероссийским опросам, по мнению россиян, государство уделяет недостаточно внимания проблемам молодежи (64%), а должно заниматься трудоустройством молодых людей (21%), предоставлять им возможности получения бесплатного образования (14%), вести активную молодежную политику (10%), организовывать бесплатный и доступный досуг (8%), обеспечивать жильем (7%), приобщать к спорту и здоровому образу жизни (7%), повышать качество образо-

---

⁷¹ Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 25.

вания (4%) и гарантировать достойную зарплату (3%) (судя по доле отметивших последние варианты ответов, речь не идет о неких патерналистских ожиданиях).

Таким образом, независимо от предпочитаемого подхода к изучению ценностных ориентаций – диагностического или управленческого, внутривостранового или кросскультурного, «измерительного» или «выявительного» – исследователи неизбежно фокусируются на тех особенностях (само)оценок и социального самочувствия молодежи, которые определяют принципиальные сходства и отличия ее целей, ценностей, потребностей, нравственных ориентиров и поведенческих паттернов от старших поколений, а также на факторах, подобные отличия и сходства детерминирующих. Рассмотрим примеры подобных оценок.

«Статус» дружбы в мировоззрении российской молодежи

Межличностные отношения – механизмы их формирования и развития, логика трансформации в разные исторические эпохи, особенности повседневного и научного определения, специфика восприятия в разных социокультурных контекстах и многое другое – составляют предмет пристального внимания и заинтересованного изучения социологических и психологических дисциплин фактически с момента их институционализации и по сегодняшний день. Однако даже беглый обзор названий эмпирических исследований на сайтах крупных социологических центров, а также материалов, опубликованных в социологических журналах, показывает, что вопросы, связанные с дружбой, в них фигурируют редко, и дружба обычно изучается как один из компонентов оценки общего социального самочувствия или жизненного настроения, одиночества или круга общения поколенческих групп.

Так, например, по данным Левада-центра за 2008 год, порядка 76% россиян считали крайне важным иметь хороших друзей, и с возрастом этот показатель не меняется радикально: снижается с 78% в группе 18–24-летних до 72% среди людей старше 55 лет. Следует подчеркнуть, что значение дружбы, судя по результатам опроса, несущественно отстает от создания хорошей семьи, важность которой отмечают порядка 90% опрошенных во всех возрастных когортах. Каждый пятый россиянин, думая о хорошей жизни – той, которую он хотел бы вести, включает в нее хороших друзей, хотя с возрастом этот показатель снижается с 28% до 17%. Обратную тенденцию демонстрируют ответы на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что чего сегодня нам не хватает, так это настоящей дружбы, как бывало раньше – на всю жизнь?»: с данным утверждением согласны 69% опрошенных, но с возрастом их число увеличивается с 64% до 75%, что объясняется особенностями образа жизни разных поколений и подтверждается данными за 2009 и 2011 годы, согласно которым удовлетворены кругом своего общения (друзья, соседи, знакомые, коллеги) 91% респондентов в возрасте 18–24 лет и порядка 80% – старше 55 лет. Еще больший поколенческий разброс был отмечен в 2013 году: отвечая на вопрос «Что делает вашу жизнь полноценной и содержательной?», примерно каждый второй представитель всех социально-демографических групп, по которым традиционно котируются данные общероссийских опросов, назвал семью и родственные связи, а вот друзей и общение – 43% 18–24-летних и 18% людей старше 55 лет, у которых значимую часть жизни составляет общение с детьми и внуками (49%). На помощь ближайших родственников все поколения россиян рассчитывают в сложных жизненных ситуациях: 79% в целом по выборке, 88% 18–24-летних и 75% людей старше 55 лет – аналогичные доли рассчитывающих на поддержку друзей и знакомых составляют, соответственно, 62%, 75% и 54%, т.е.

с возрастом люди все больше уходят в частную жизнь и ориентируются на ближайший социальный круг.

По данным Фонда «Общественное мнение» за 2013 год, россияне достаточно четко разводят понятия дружбы и приятельства⁷²: каждый второй имеет приятелей и близких знакомых, с которыми общается с дошкольного возраста, 72% – со школы, 64% – с института или техникума, 85% познакомились с ними на работе. Однако приятели – это люди, с которыми можно время от времени пообщаться, приятно провести досуг, дружба же для половины россиян – почти кровное родство, безоговорочное взаимопонимание и доверие, поэтому приятелей у человека может быть много, а настоящих друзей (не просто входящих в список «друзей» в разных социальных сетях) – несколько, один или два. По данным ВЦИОМа за тот же год, россияне, как правило, находят друзей на работе (38%), реже дружат со школы (24%), института/колледжа (18%), по причине соседства (16%) или с детства (12%).⁷³ С близкими друзьями россияне общаются (встречаются, созваниваются или переписываются) несколько раз в неделю (78%), и с возрастом сокращается доля тех, кто общается с друзьями практически каждый день: с 61% 18–24-летних к 40% 25–34-летних и примерно к 30% начиная с 45 лет. 80% утверждают, что у них есть друзья, у каждого десятого их нет, и в основном это пожилые респонденты (22%). В среднем, с точки зрения опрошенных, человеку нужно три друга, но у среднестатистического россиянина их четверо (у 18–24-летних – пять).⁷⁴ Друзья, по мнению россиян, нужны, чтобы было на кого положиться в трудную минуту (30%), ради общения и совмест-

⁷² Почепцов В. Представления россиян о дружеских и приятельских отношениях // <http://fom.ru/blogs/11211>.

⁷³ Где найти друзей? Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2428 от 14.10.2013 // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114549>.

⁷⁴ Как и с кем мы дружим. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2402 от 13.09.2013 // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114473>.

ного времяпрепровождения (30%), на случай взаимовыручки и помощи (14%).

Даже столь небольшой обзор массовых опросов показывает, что дружба выступает важнейшей частью жизни для большинства россиян, по крайней мере, декларативно, хотя старшие когорты отмечают трансформацию дружбы – о влиянии объективного социально-экономического контекста на ценностные ориентации в сфере межличностных отношений отечественные исследователи заговорили в начале 2000-х годов.⁷⁵ Сегодня нарастает вал научных и публицистических материалов алармистского характера, предупреждающих старшие поколения о том, что появились новые угрозы. Как и прежде, подростки могут попасть в «дурную компанию» – некую молодежную субкультуру, формирующую девиантные предпочтения и поведенческие паттерны, но средства массовой информации и Интернет расширили спектр доступных подростку «друзей» и виртуализировали способы общения, сделав их почти неограниченными в пространственно-временном отношении, а потому и практически неконтролируемыми. В итоге понятие дружбы у молодежи подменяется «поверхностными и экстенсивными приятельскими отношениями, телефон заменяет личные контакты, а телевизор – живой обмен мнениями».⁷⁶

И. С. Кон в книге «Дружба» справедливо замечает, что каждое новое поколение считает, будто «настоящая дружба» осталась в предыдущих эпохах, а в науке сложилась особая хронология трансформации типов дружбы.⁷⁷ Расцвет высокоиндивидуализированной дружбы относят к периоду с середины XVIII до середины XIX веков, когда дружба про-

---

⁷⁵ См., напр.: Юркова Е. В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях. СПб., 2004.

⁷⁶ Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1987. С. 2.

⁷⁷ Там же. С. 39.

тивопоставлялась отношениям, основанным на сословной принадлежности или общности коммерческих интересов; в середине XVIII века считалось, что дружба была более избирательной и прочной во времена рыцарства; гуманисты эпохи Возрождения восхищались античными образами дружбы, видя в ней высшую форму общения, спокойную и ровную привязанность, противоположную беспокойной любви, основанной на страсти; А. де Сент-Экзюпери с грустью констатировал, что в современном обществе «нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей». Массовое общество подрывает устойчивость таких социальных структур, как семья, соседство, община, и «общение становится все более экстенсивным, анонимным, стандартным и деиндивидуализированным»; эпоха глобализации «нормализует» высокую мобильность, частые переезды и смены места работы, что «подрывает устойчивость личных отношений и привязанностей, делает их краткосрочными, ненадежными и эфемерными»; урбанизация превращает дружбу в инструмент для достижения личных целей в больших городах – человек начинает рассматривать других как «средство собственной деятельности», с позиций «нужности», «полезности», «овеществляет» других и незаметно «овеществляется сам», оказываясь «не способным к глубокой, интимной дружбе и не испытывая потребности в ней».⁷⁸

Как только мы обращаемся к понятию дружбы, то сразу вынуждены констатировать его теоретическую размытость и отсутствие единой общепринятой модели его эмпирической интерпретации, хотя в «Социологической энциклопедии» приводится определение дружбы как «социального феномена», «вида устойчивых, индивидуально-избирательных межличностных отношений, который характеризуется взаимной привязанностью участников и взаимными ожиданиями ответных

⁷⁸ Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1987. С. 40, 41.

чувств и предпочтительности».⁷⁹ Проблема не только в том, что с развитием общества трансформируются ценностные ориентации и поведенческие паттерны, что не может не отразиться на сфере межличностных отношений, но изменяются и трактовки дружбы в научном дискурсе. Так, для философии дружба – «одна из разновидностей любви в античной ее классификации, означающая любовь-приятель, любовь-симпатию, любовь-дружбу»⁸⁰: в античности она получила свои определения у Эмпедокла (объединяющая сила, олицетворяющая единство и добро в противовес ненависти и вражде) и Аристотеля (составная и главная часть любви, более предпочтительная, чем чувственное влечение),⁸¹ из которых метафизическое содержание было постепенно вытеснено социальным (тип социальной связи). Уже Цицерон сравнивал дружбу с родственными связями, отмечая, что, в отличие от них, в ней нельзя устранить взаимную благожелательность – без нее родственные связи сохраняются, а дружба уничтожается; для Лукиана дружба прекрасна единомыслием и отсутствием принуждения.

М. Монтень⁸² развел понятия дружбы и любви, подчеркнув роль общения в первом случае: обе основаны на свободном выборе, но дружба принципиально отличается от родственной, общественной, налагаемой гостеприимством и любовной привязанностей. Первым ученым, который обосновал возможность социологического изучения дружбы, считается Ф. Тённис, для которого это особый тип отношений двух людей: чем уже круг социального взаимодействия, тем он ближе к *Gemeinschaft* и к тому, что можно именовать дружбой. Э. Дюркгейм упоминает дружбу в концепции разделения общественного труда: это функция механического и органического типов солидарности,

⁷⁹ Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 297.

⁸⁰ Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск, 1999.

⁸¹ См., напр.: Скирбекк Г., Гилье Н. История философии / Пер. с англ. В. И. Кузнецова; под ред. С. Б. Крымского. М., 2003.

⁸² Монтень М. Опыты. М., 1979. С. 172, 173.

поэтому она обладает разными характеристиками в каждом из них. Иными словами, дружбу сложно назвать предметом пристального интереса социологов прошлого и настоящего, и она удивительно хорошо вписывается во все классические концепции в полном соответствии со взглядами их авторов. Скажем, для Г. Зиммеля это феномен межиндивидуального взаимодействия, который трансформируется по мере изменения общества и нарастания урбанизации. Несколько «маргинальная» позиция дружбы в социологии позволила И. С. Кону утверждать, что «как предмет серьезного научного исследования она сразу же вызывает скептическое отношение».⁸³

Все социологические определения дружбы объединяет акцент на общении, необходимость в котором исследователи относят к базовым человеческим потребностям: оно обогащает и расширяет наш жизненный мир и опыт, формирует новые знания и интересы, укрепляет в убеждениях, развенчивает стереотипы, влияет на характер и т.д. Дружба фактически выступает одним из видов общения – наряду с любовью, семейными связями, деловыми контактами, но с первыми двумя ее роднят отношения взаимной симпатии, глубокой привязанности, доверия, откровенности и взаимовыручки. Под дружеским кругом понимается то число друзей, которых сам человек склонен называть друзьями, причем широкий круг общения отличает молодые поколения от старших. Выделяют два типа дружеского общения⁸⁴: достаточно тесный круг, включающий не более 10 человек, – это дружба в традиционном понимании слова, когда «друг» – не просто приятель для непринужденного общения в компании, а близкий человек, с которым тебя связывают отношения взаимного доверия и поддержки;

---

⁸³ Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1987. С. 1.

⁸⁴ См., напр.: Никулина И. В., Прыкина Ю. Ю., Соболева А. В., Туманова А. В. Дружба в молодежной среде в условиях развития нового общества // <http://www.unn.ru/rus/f14/k2/students/friends.htm>.

«тусовка» (порядка 16% молодежи называют друзьями более 40 человек) – разнообразные знакомые, с которыми человек встречается время от времени.

В ходе массового опроса и ряда фокус-групп исследователи выделили десять конститутивных признаков дружбы⁸⁵: безусловная помощь и взаимовыручка; самоотверженная преданность; чувство сердечной близости, психологическое тяготение к человеку; эмоциональный комфорт, чувство душевной раскрепощенности; эмоциональная поддержка и сопереживание; близость по мироощущению и взглядам; с другом должно быть интересно; приятно вместе проводить время; с другом человек ощущает психологическую защищенность, видит в нем опору; дружба – своеобразный закрытый союз ограниченного круга людей, в который затруднен доступ посторонним. Хотя для дружбы важен факт соприсутствия, что определяет возможности близкого общения, сегодня дружить можно и даже «модно» виртуально, хотя далеко не все считают возможным называть подобный формат отношений дружбой: «развитие дистантных средств коммуникации привело к появлению феномена виртуального общества, постепенно деформирующего привычную пространственно-временную картину мира».⁸⁶

Особый интерес исследователей привлекают особенности гендерно-специфической дружбы: мужской, женской, а также между мужчиной и женщиной, о невозможности чего в российском обществе ходит много анекдотов. И. С. Кон проследживает истоки традиционной теории дружбы в античности, где таковая считалась преимущественно мужской добродетелью.⁸⁷ Возможность дружбы между женщинами философы начали признавать только в XVIII веке, но и тогда, как сегодня,

---

⁸⁵ Шмерлина И. А. Дружба как духовная и социальная реальность. Ч. 1 // Социальная реальность. 2006. № 5. С. 30–31.

⁸⁶ Там же. С. 57.

⁸⁷ Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1987.

бытовало убеждение, что женская дружба уступает мужской по глубине, силе и надежности, хотя различия скорее обусловлены большей степенью интимности и экспрессивности взаимоотношений женщин (впрочем, любые различия межличностного взаимодействия индивидуальны). Кроме того, возможны и ошибки атрибуции: мы принимаем за «реальные» поведенческие и мотивационные черты, которые приписываются мужчинам и женщинам в соответствии с традиционными гендерными стереотипами каждой исторической эпохи и общества. Кон обозначил и проблемы, связанные со смешанной (кроссгендерной, разнополой) дружбой: с возрастом сомнения людей в возможности настоящей дружбы (без влюбленности) между мужчиной и женщиной усиливаются и, говоря о друзьях, они обычно по умолчанию имеют в виду лиц своего пола. Это не значит, что смешанной дружбы не существует, но ей приписывается особый статус – его обозначил процитированный в книге Кона просветитель XVII века Жан де Лабрюйер: «хотя между людьми разных полов может существовать дружба, в которой нет и тени нечистых помыслов, тем не менее, женщина всегда будет видеть в своем друге мужчину, точно так же как он будет видеть в ней женщину. Такие отношения нельзя назвать ни любовью, ни дружбой: это – нечто совсем особое».

По данным американских психологов, 83% взрослых американцев верят в дружбу между мужчиной и женщиной, но 62% признают наличие сексуального притяжения между такими друзьями, а 94% считают, что могут влюбиться в друга/подругу.⁸⁸ В разговорах разнополых друзей отмечается меньшая психологическая напряженность: женщины не боятся вызвать зависть подруг, мужчины ведут себя более искренне и эмоционально; дружба с мужчиной дает женщине ощущение защищенности, надежности и подобия семейных уз (друг-

---

⁸⁸ Кумаков Ю. А. О дружбе // http://o-druzhebe.ru/mezhdu_muzhchinoj_i_zhenshchinoj.php.

мужчина ассоциируется со «старшим братом»⁸⁹). Мужчины и женщины, придерживающиеся традиционных гендерных представлений, полагают, что дружба разнополых людей вызывает подозрения, поскольку существует убеждение, что это – всегда больше, чем просто дружба. Дело не только в том, что между дружбой и любовью иногда трудно провести грань (на этом основано множество художественных фильмов, в которых человек неожиданно осознает, что любит друга как женщину/мужчину и ему недостаточно только дружбы) – слово «дружба» иногда служит своего рода эвфемизмом, благодаря которому можно сохранять комфортные и ни к чему не обязывающие, хотя по сути любовные отношения, чтобы избежать необходимости сделать серьезный «шаг» или выбор.

Чтобы оценить, как соотносятся понятия любви и дружбы в восприятии российской молодежи, в 2014 году на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов методом анкетирования был проведен опрос студентов старших курсов. Тематика опроса была существенно шире – нас интересовали идеальные представления молодежи о любви, браке и семейных отношениях, но мы включили в анкету тематический блок, сфокусированный на проблематике дружбы, поскольку, судя по опыту крупных социологических центров, разработать полноценную анкету, посвященную исключительно дружеским отношениям, вряд ли возможно. Мы сконструировали квотную выборку, репрезентативную по критериям факультета и курса обучения, только для старшекурсников (студентов третьего и четвертого курсов бакалавриата и магистратуры), потому что к этому возрасту, во-первых, складывается достаточно устойчивая система ценностных предпочтений, во-вторых, формируется дружеский

---

⁸⁹ Мужчина и женщина: реальна ли такая дружба? // <http://www.scienceline.ru/psihologiya/muzhchina-i-zhenschina-realna-li-takaya-druzhba.html>.

круг общения, в-третьих, актуализируется проблема «обретения» любви, а нередко и супружества.

Как показали результаты опроса, большинство студентов выросли в семье с обоими родителями (71%) и характеризуют свои отношения с ними как теплые, дружеские (52%), нередко как полное взаимопонимание (37%), и в случае возникновения важных проблем серьезные решения, как правило, принимаются студентами совместно с родителями (39%) или же они уважают право ребенка принять решение самостоятельно (26%). Дружеские отношения с родителями отнюдь не означают отсутствия ссор и конфликтов: они чаще всего возникают из-за бытовых проблем и домашних обязанностей (39%), т.е. не в самой важной сфере жизни с точки зрения взаимоотношений «отцов и детей», и из-за поведения студентов (32% – этот показатель может существенно вырасти, если объединить его с вредными привычками студентов – 12% и их образом жизни – 22%); реже причиной разногласий выступает учеба/работа (26%), разные взгляды на жизнь (29%) и круг общения и друзей (10%). Все это объясняет, почему 68% устраивает модель взаимоотношений поколений в их семьях и своих детей они планируют воспитывать примерно так же, как принято в их родительских семьях. Что типично для российского общества – каждый второй старшекурсник проживает с родителями, каждый десятый – с любимым человеком, каждый пятый – один, 2% – с друзьями.

Позитивные оценки родительской семьи не делают семейные отношения приоритетными для молодежи: отвечая на вопрос «Какие из перечисленных отношений особенно важны для человека?», респонденты поставили на первое место одновременно семейные (78%), дружеские (76%) и любовные (63%) отношения, за которыми с огромным отрывом идут профессиональные (27%), общие интересы/хобби (18%), трудовые (11%), общая гражданская позиция и религиозное единство

(по 6%) и, наконец, политическое единство (4%), т.е. очевидна сфокусированность российской молодежи на частной жизни, чем отечественные исследователи обычно объясняют ее аполитичность. Это подтверждается и тем, что свою личную ответственность студенты чувствуют, в первую очередь, за свою семью и близких (85%), на втором месте оказалась ответственность за друзей (25%) и только за самого себя (28%), тогда как за свой народ и страну ощущает ответственность лишь 8% и 9% соответственно.

Высокая позиция дружеских отношений наряду с любовными и семейными среди важнейших для человека объясняется тем, что лишь каждый третий респондент категорически разводит понятия любви и дружбы, полагая, что это абсолютно разные вещи (19%) и дружба – не главное в любви, потому что для дружбы есть друзья (13%). Большинство опрошенных (75%), напротив, уверены, что любовь и дружба тесно взаимосвязаны: любимый человек – это настоящий друг, которому полностью доверяешь (41%), и любовь станет крепче и полнее, если людей связывает дружба (35%). Гендерные различия в оценках соотношения любви и дружбы существенны: юноши почти в два раза чаще разводят эти понятия (45% против 25%) (Рис. 1). Причем студенты не идентифицируют любимого человека только и исключительно с тем, с кем состоят в любовной связи: слыша слово «любовь», 66% действительно в первую очередь думают о любимом человеке, но каждый третий (34%) – о родителях (семье).

Слово «любовь» для респондентов – весьма многогранное понятие (Табл. 1): это одновременно абсолютное доверие (50%), полное взаимопонимание (46%), чувство, которое вызывает позитивные эмоции, но требует взаимной ответственности (по 42%) и нередко основано на общих интересах и взглядах (34%), интимной близости (28%) и взаимном восхищении (18%); 8% уверены, что любовь может вырасти толь-

ко из дружбы, но этот вариант ответа – последний по частоте упоминаний среди характеристик любви.

Рисунок 1. «Насколько, по Вашему мнению, связаны понятия «друг» и «любимый человек»?»

Таблица 1

«Для Вас любовь – это, в первую очередь»	%
Состояние абсолютного доверия	49,5
Полное взаимопонимание двух людей	45,8
Чувство, которое вызывает позитивные эмоции	42,4
Взаимная ответственность друг перед другом	42,2
Общие интересы и взгляды, сближающие двух людей	34,2
Интимная близость	28,4
Взаимное восхищение друг другом	17,8
Чувство, которое может вырасти только из дружбы	8,4
Затрудняюсь ответить	6
Я не верю в любовь	2,4
Кратковременное чувство	1,7

У большинства опрошенных (75%) широкий круг общения, в котором выделяется несколько надежных, доверенных человек – именно их студенты и считают друзьями; каждый десятый полагает, что никого из своих многочисленных знакомых он не может назвать другом. Подобное распределение ответов обусловлено тем, что респонденты предъявляют к другу серьезные требования (Табл. 2).

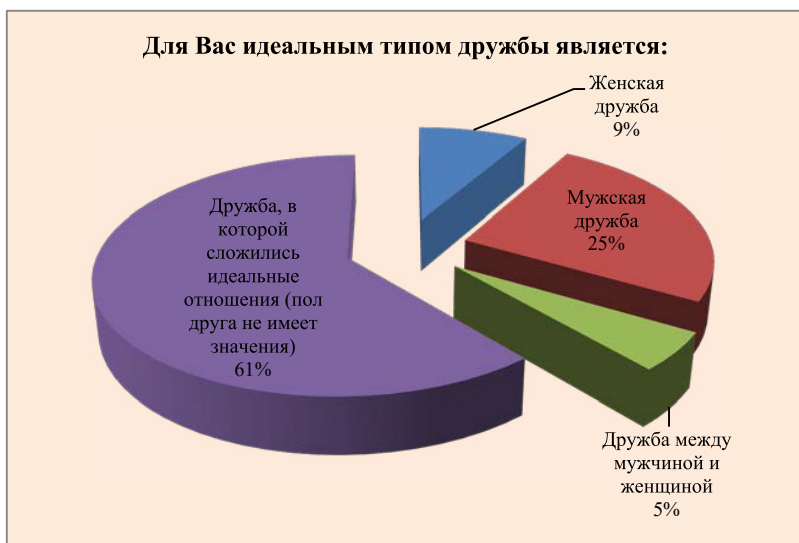
Таблица 2

«С какими из перечисленных высказываний Вы согласны?» (набор дихотомических шкал)	Доля согласных
Настоящий друг всегда готов прийти на помощь	95%%
Настоящих друзей не может быть много – это редкость и удача	83%
Настоящий друг никогда не предаст	82%
С настоящим другом всегда можно весело/интересно провести время	81%
Настоящий друг – это человек, которому можно доверить все свои секреты	73%
Настоящий друг – это навсегда, на всю жизнь	63%
Настоящий друг – это человек, с которым у меня общие интересы	62%
Настоящего друга всегда одобрит моя семья, близкие и знакомые	41%
Дружить по-настоящему можно только с человеком своего пола	23%
Дружить по-настоящему можно только с человеком своего возраста	14%
Внешность человека важна для дружбы с ним	13%

Прежде всего, это человек, который всегда готов прийти на помощь (95%), никогда не предаст (82%), ему можно доверить все свои секреты (73%), с ним всегда весело (81%), потому что у друзей, как правило, общие интересы (62%). С учетом перечисленных критериев настоящих друзей много быть не может

(83%), а если уж тебе повезло и ты обрел настоящего друга, то это на всю жизнь (63%). Конечно, внешность, возраст, пол и даже одобрение ближним социальным кругом отходят в свете названных требований на второй план.

Идеальная дружба – та, где между людьми, независимо от пола, сложились идеальные взаимоотношения (Рис. 2), хотя «гендерное измерение» в ответах прослеживается: каждый четвертый убежден, что настоящая – это «мужская дружба», лишь каждый десятый согласен, что идеальная дружба возможна и между женщинами, что соответствует устойчивым представлениям о мужском братстве на всю жизнь и неспособности женщин к преданной дружбе.

Рисунок 2. «Гендерное измерение» представлений о дружбе

Основной причиной прекращения дружбы, по мнению опрошенных, является предательство (76%), значительно отстает от него перерастание дружбы в ненависть (35%, видимо, полагают, что люди могут до непреодолимой взаимной непри-

язни надоест друг другу); каждый четвертый назвал утрату интереса или доверия к человеку; 16% – перерастание дружбы в любовь (Табл. 3).

Таблица 3

«Что, на Ваш взгляд, может стать причиной прекращения дружбы?»	%
Предательство	76,4%
Если дружба перерастает в ненависть	34,8%
Утрата интереса к общению с человеком	25,8%
Утрата доверия без конкретных фактов предательства	23,6%
Длительное отсутствие контактов (из-за занятости, отъезда или других причин)	18%
Появление новых интересов, увлечений, работы, изменение образа жизни	15,9%
Если дружба перерастает в любовь	15,9%
Появление у друга семьи, детей (выпадает из дружеских отношений)	12,4%
Противоречия во взглядах (политических, общечеловеческих, других)	11,4%
Не отданный денежный долг или другие материальные претензии	9%
Негативное отношение к другу со стороны близких и знакомых	6%
Разные религиозные взгляды	3,2%

Данное распределение ответов, как и ключевые требования к настоящему другу, свидетельствуют о сложившемся у молодежи романтично-идеалистическом образе дружбы, поскольку основным качеством друга выступает преданность, и в случае предательства он автоматически перестает быть другом. Мы полагаем правомерным говорить об излишней романтизации, потому что в современном обществе, учитывая высокий темп жизни, особенно в крупных городах, прекращение дру-

жеских отношений, как правило, обусловлено тем, что люди в силу объективных причин (переезд, вступление в брак, смена места работы и образа жизни) утрачивают возможность общаться друг с другом столь часто, чтобы квалифицировать свои отношения как дружбу. Конечно, немаловажен и фактор возраста, точнее небольшого жизненного опыта студентов, которые пока вряд ли часто сталкивались с прекращением дружеских отношений по иным причинам, чем прямое и откровенное предательство. Общероссийские опросы показывают, что у всех поколений сегодня «дружеские отношения часто распадаются в слишком “крепком растворе” житейских обстоятельств, связанных с работой, материальными интересами или семейными обязательствами».⁹⁰

Соотношения понятий «семья», «брак» и «любовь»

Семья, любовь и брак, судя по результатам многочисленных массовых опросов, из года в год проводящихся в разных регионах России, остаются базовыми ценностями всех поколений россиян, даже получая особое содержательное и «функциональное» наполнение в разных социокультурных контекстах и для разных когорт. Люди могут по-разному определять как суть брака и любви, так и их предназначение для себя лично и общества в целом, но в любых ранжированных списках ценностей перечисленные понятия, прежде всего семья, неизбежно оказываются в тройке лидеров. Проводимые на базе кафедры социологии РУДН опросы студенчества неизменно фиксируют, что молодежь (если отталкиваться от модальных ранговых значений) ставит на первое место по значимости для себя лично именно семью, даже если по прочим приоритетам (здоровье,

---

⁹⁰ Шмерлина И. А. Дружба как духовная и социальная реальность. Ч. 2 // Социальная реальность. 2006. № 6. С. 49.

дружба, образование, работа, материальный достаток, свободное время, религия, политическая и общественная деятельность и др.) наблюдаются расхождения по социально-демографическим и поселенческим характеристикам. Причем тематика исследования, ориентирующая респондентов на определенный формат рассуждений, слабо влияет на оценку семейно-брачно-любвиной проблематики: даже если анкета сфокусирована на «диагностике» ключевых страхов молодежи, то при группировке таковых в несколько тематических блоков боязнь одиночества (остаться одному – потерять близких, не иметь детей) оказывается в числе лидеров по частоте упоминаний.

Например, проведенное в 2014 году исследование ожиданий и опасений студенчества в профессиональной сфере (но в опросный инструментарий был включен блок вопросов про семейные предпочтения как важные для понимания профессиональных и брачных планов), реализованное методом анкетирования на репрезентативной выборке студентов РУДН, показало, что лишь 2% студентов состоят в официальном браке, 14% живут вместе, далеко не всегда квалифицируя это состояние как «гражданский брак», у каждого второго пока нет любимого человека (что соответствует социально одобряемой, особенно со стороны родительских поколений, последовательности решения жизненных задач – сначала учеба, потом уже женитьба и работа). Гендерные различия ярко проявились в оценках необходимых условий для вступления в официальный брак: каждая пятая девушка, но каждый десятый юноша готов к браку сразу после окончания вуза; большинство (63%) юношей в соответствии со стереотипом «кормильца семьи» полагают, что сначала нужно устроиться на работу и стать финансово независимым, чтобы обеспечивать семью; каждый десятый юноша вообще не видит необходимости в официальной регистрации отношений (среди девушек таковых 5%). В своих семейных предпочтениях юноши разделились на два «лагеря» – поло-

вина выступает за партнерский брак (73% девушек), когда супруги поровну делят семейные обязанности, чуть меньше половины – за модель, где муж работает, а жена воспитывает детей (24% девушек). Невзирая на указанные различия, девушки и юноши консолидировано признают исключительную важность семьи и рассчитывают на поддержку родных в реализации своих планов (примерно по 80%); отношения с родными намного реже, чем учеба, работа и общение с друзьями, становятся причиной их негативных переживаний.

Помимо субъективно-оценочного компонента семейно-брачно-любовной проблематики актуальность социологического изучения семьи определяется и объективными, статистически фиксируемыми (через показатели брачности, разводимости, деторождения и др.) ее изменениями как важнейшего социального института, который переживает в последние десятилетия радикальные трансформации, испытывая огромное внешнее давление со стороны политических, экономических, социокультурных и других факторов. В частности, во многих странах традиционную модель семьи (речь не идет о смене патриархальной семьи нуклеарной – последняя уже стала вполне «традиционной»), в основе которой лежат родственные связи, постепенно вытесняет партнерско-супружеский союз⁹¹: он имеет «сокращенный» состав – муж и жена, родители с детьми (до достижения ими совершеннолетия и отделения от родителей); фактор взаимоотношений и возможности самореализации обретают приоритетный для создания и сохранения семьи характер.

Многие исследователи уже двадцать лет назад утверждали, что семья в традиционном патриархальном формате переживает кризис,⁹² поскольку семейные ценности утрачивают свое значение, уступая позиции стремлению к самореализации за счет

---

⁹¹ См., напр.: *Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

⁹² См., напр.: *Голод С. И.* Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6.

отказа иметь собственную полноценную семью с детьми. Результаты многолетнего европейского исследовательского проекта 1978–2000 годов полтора десятилетия назад показали, что базовые семейные ценности, такие как стабильный брак, наличие детей, признание рождения и воспитания детей основой жизни женщины, слабеют, и примерно каждый пятый европеец (и россиянин) уже в 1999 году соглашался с утверждением, что брак – в значительной степени пережиток прошлого, четко отделяя его от понятия семьи и веря в нормальность рождения ребенка вне брака, что объясняет рост удельного веса разводов по отношению к бракам, числа оправдывающих разводы, среднего возраста вступления в первый брак, числа сожительства и «странных» видов браков – гостевых, выходного дня и пр.

Отечественную традицию изучения семьи характеризуют разнообразные клишированные фразы типа «семья – первичная ячейка общества»,⁹³ которая либо, как микрокосм, отражает суть происходящих в обществе перемен,⁹⁴ либо, напротив, выступает «островком стабильности» и защиты от внешних социальных трансформаций.⁹⁵ Иными словами, логика функционирования семьи связывается с состоянием других социальных институтов, что определяет преимущественно макросоциологическую перспективу анализа семейно-брачной проблематики. Например, С. И. Голод выделяет три «идеальных исторических типа семьи».⁹⁶

⁹³ Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., Мещеркина Е., Писклакова М. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. М., 1999. С. 53; Шмелева М. Н. Некоторые проблемы этнографического изучения современной городской семьи русских (методологические аспекты) // Проблемы и методы исследования современной семьи. М., 1997. С. 24.

⁹⁴ Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне. М., 1998.

⁹⁵ Василенко И. В., Иваненко Н. В. Нравственные координаты внутрисемейного сознания // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. Т. 1. М., 1999. С. 142; Римашевская М. Н. Роль семьи в условиях социальных трансформаций // Семья, гендер, культура / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 1997. С. 117.

⁹⁶ Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6.

Традиционная патриархальная, наиболее архаичная форма семейной «зависимости жены от мужа и детей от родителей» (сохранялась в России до конца 1920-х годов⁹⁷) постепенно сменяется детоцентристской современной семьей с повышенным вниманием к частной жизни и эмоциональной составляющей родительства. В основе супружеского постсовременного типа лежит «симметричность прав и ответственности обоих супругов», т.е. отношения определяются не родством (как в патриархальной семье) или рождением (как в детоцентристском союзе), а «кооперацией» полов и поколений в целях самореализации каждого. Логику подобного перехода определили макротрансформации, начавшиеся в России с конца XIX – начала XX века: эмансипация женщин, изменение матримониального поведения, рост числа разводов и внебрачной сексуальной практики, вытеснение в брачной сфере традиций и обычаев свободой личного выбора, возвышение роли частной жизни, интимности и ценности детей и т.д..⁹⁸ Безусловно, речь идет о смене доминантных типов семьи, а не о вытеснении одним «идеальным типом» остальных – сегодня все три типа, а также разнообразные новомодные форматы отношений функционируют параллельно.

Эволюционный подход к изучению трансформации семейных моделей в XX веке, вытеснивший производственный макро-анализ семьи, иногда упрекают в «близорукости»⁹⁹ – за отсутствие объяснений причин (а не общей логики – через кризис института семьи и утрату им своих главных функций воспроизводства населения и социализации или же вследствие закономерного исторического развития) перехода от

---

⁹⁷ Проблемы семьи в советской социологической литературе (научно-аналитический обзор) // Эволюция семьи в современном обществе. М., 1989. С. 158.

⁹⁸ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 121–122.

⁹⁹ Ушакин С. Место-имени-я: семья как способ организации жизни // Семейные узы: Модели для сборки. Кн.2 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. С. 19.

одного типа семьи к другому. Тем не менее, он корректно, пусть и схематично, фиксирует объективный контекст, на фоне которого в России, несмотря на постоянно циркулирующие в средствах массовой информации и государственном дискурсе пессимистичные оценки состояния социальных институтов семьи и брака, все поколения, по крайней мере декларативно, вновь и вновь утверждают, что семья, причем и в более широком смысле ближнего круга родственников, является для них основной ценностью.

Эволюционный подход отражает и смену акцентов государственной политики в семейной сфере с конца 1950-х годов, которая в целом не смогла изменить общего вектора трансформации семейных отношений. С начала 1960-х годов семья обрела все большую автономию, чему способствовал массовый переход от коммунального образа жизни к проживанию в отдельных квартирах и возможности влиять на жизненный и образовательный путь детей на фоне постепенного «смягчения» практик государственного нормирования семейных и внутрисемейных отношений, реализации вполне «социал-демократических» мер социальной политики в отношении матерей, завершения массового вовлечения женщин в общественное производство, инициированное в начале 1930-х годов и предполагавшее, что воспитание детей в значительной степени возьмут на себя государственные детские учреждения.¹⁰⁰ К 1980-м годам изменились традиционные представления женщин о распределении обязанностей между супругами (примерно каждая вторая стала считать, что если оба супруга работают, то домашние дела должны распределяться в зависимости от нагрузки на работе, склонностей и т.д.) и потеряли значение внешние факторы, стабилизирующие семью

---

¹⁰⁰ См., напр.: Социальный потенциал семьи / Под ред. А. И. Антонова. М., 1988. С. 35–37; Рабжаева М. В. Историко-социальный анализ практик семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. Григорьева И. А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х гг. СПб., 1998. С. 183–184.

(экономическая зависимость женщин от супругов, юридические, религиозные и моральные запреты и т.д.) – стабильность брака стала зависеть от удовлетворенности семейной жизнью, а она, в свою очередь, – от взаимопомощи, поддержки и общения.

На исторически сложившуюся естественную трансформацию демографической модели в условиях распада советской системы и перехода к рыночной экономике в 1990-е годы, когда вся социальная сфера, в том числе и семейные проблемы, отошли на периферию государственных интересов и оформилась сохраняющаяся до сих тенденция «искоренения государством социального иждивенчества»¹⁰¹ (перекладывания всех забот о детях и семье на саму семью) – наложилось социально-экономические трудности. Это привело к сокращению регистрируемой брачности во всех возрастных группах, но особенно среди молодежи,¹⁰² в том числе в силу роста ее положительного отношения к внебрачным связям.¹⁰³ Резко выросло число внебрачных рождений, особенно в «возрасте минимальной брачности» (когда у женщин не остается надежд на закрепление отношений браком, а тянуть далее с рождением ребенка опасно для здоровья матери и малыша). К началу 1990-х годов незарегистрированные сожительства стали социальной нормой и статистически значимой альтернативой официальной семье,¹⁰⁴ что наметило все нарастающую тенденцию к разделению институтов брака и семьи. Распространение незарегистрированных браков и желания откладывать создание семьи до достижения определенного уровня образования, материального достатка и социального положения

¹⁰¹ *Лунякова Л.* «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки. Кн.2. / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. С. 60, 63.

¹⁰² *Борисов В. А., Синельников А. Б.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995.

¹⁰³ *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

¹⁰⁴ *Иванова Е. И., Михеева А. Р.* Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 72.

обусловили увеличение среднего возраста вступления в «законный брак» уже к началу 2000-х.¹⁰⁵

Таким образом, с начала 1990-х годов сексуальные отношения, любовь, семья, брак, рождение и воспитание детей стали превращаться для молодежи во все более независимые друг от друга «вещи». При этом в обществе сохраняется высокая значимость брачных уз для создания семьи, хотя трактовки функций брака и моделей ролевого взаимодействия его «участников» стали весьма разнообразны. Ряд исследователей давно говорит о том, что в России доминирует «постсоветский традиционализм», абсолютизирующий и идеализирующий семью как одну из высших социальных ценностей,¹⁰⁶ яркий пример чему – введенный в 2008 году Всероссийский день семьи, любви и верности.

На трансформации института семьи и его трактовки повлияло и изменение гендерных ролей женщины. В начале XX века женщина считалась, в первую очередь, хранительницей домашнего очага. Для советского периода характерно сочетание профессиональной и семейной ролей в рамках гендерного контракта «работающей матери» и акцентирование государством важности профессиональной реализации женщин. Сегодня происходит частичный возврат к признанию значимости семейной роли женщины, что связано и со сложностями устройства детей в дошкольные учреждения, и с отсутствием поддержки в воспитании детей со стороны родственников, и с трудностями достойного трудоустройства (высокий уровень «женской» безработицы, неравенство в оплате труда и возможностях ка-

---

¹⁰⁵ Захаров С. В. Возраст при регистрации браков повышается // Население России. 2001 / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 2002. С. 27–30.

¹⁰⁶ Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 2 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. С. 270–275.

рьерного продвижения женщин и мужчин, вытеснение женщин в низкооплачиваемые отрасли экономики и т.д.).¹⁰⁷

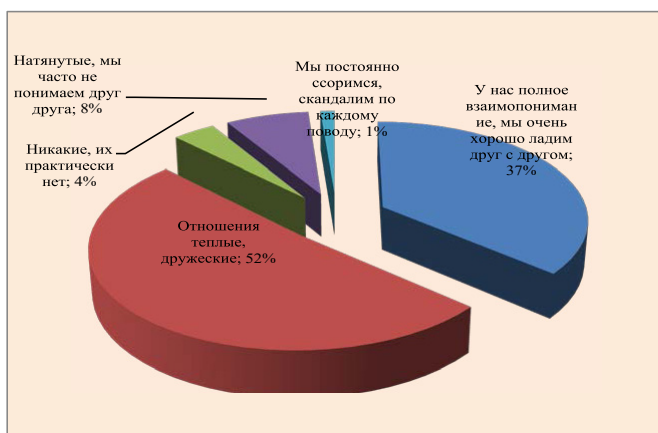
Нынешний этап в социологии семьи, начавшийся со второй половины XX века, характеризуется, во-первых, окончательным оформлением базовых концептуальных подходов к изучению семьи, в качестве которых выступают интеракционистский (взаимодействие членов семьи как закрытой системы, практически не поддерживающей связей с внешним миром), структурно-функциональный (семья как социальная система со структурой и набором функций), ситуационный (нормы и ценности семейных отношений), институциональный (семья как главный социальный институт) и эволюционный (пытается сочетать наработки и достоинства всех подходов, сформировать полную картину состояния и трансформаций семейно-брачных отношений в современном мире). Во-вторых, на протяжении последних десятилетий социологи занимаются интенсивной эмпирической работой – как вторичным анализом и обобщением результатов исследований прошлых лет, так и сбором данных для прогнозирования будущего семьи, исходя из ее нынешних черт, в условиях усиления тенденции утраты ею формальных институциональных признаков и сокращения функций. В частности, эмпирические проекты с начала 2000-х годов фиксируют неизменную ценность семьи и семейного образа жизни для россиян, прежде всего, потому что он обеспечивает взаимную поддержку на психологическом и материальном уровне, т.е. в жизни семьи важны как интимно-личностные мотивы, так и материально-экономические соображения.

Чтобы оценить, как преломляются все обозначенные вопросы, а также каково соотношение понятий любви, семьи и брака в восприятии студенческой молодежи, в 2014 году на базе Социологической лаборатории РУДН на репрезента-

---

¹⁰⁷ Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Вып.4. СПб., 1996.

тивной выборке студентов старших курсов было реализовано анкетирование, посвященное семейно-брачно-любвиной проблематике в ее «идеальных» и «реальных» воплощениях. Обобщенный социально-демографический портрет нашего респондента таков: он вырос в семье с обоими родителями, что важно для формирования образа полной семьи как «нормальной» (71% опрошенных; каждый пятый хотя бы часть детства/юности провел в семье с одним родителем), проживает с родителями или другими родственниками (53%; каждый пятый живет один), считает себя верующим (76%) и работает (каждый второй), хотя и не по профессии. Абсолютное большинство студентов характеризует свои отношения с родителями как теплые, дружеские, даже полное взаимопонимание (89%; Рис. 3), что объясняет настрой воспитывать своих детей так же, как в родительских семьях (68%; каждый пятый делал бы это по-другому), и то, что свою ответственность студенты чувствуют в первую очередь за свою семью и близких (85%), а уже затем за себя (28%) и друзей (25%).

Рисунок 3. «Как бы вы могли охарактеризовать свои отношения с родителями?»

Когда речь заходит о принципиально важных решениях в жизни студентов, то в их взаимоотношениях с родителями

срабатывает одна из трех стратегий: достижение компромисса, принятие совместного решения (в 39% случаев); родители продавливают собственный вариант (13%); родители соглашались с выбором ребенка (43%). Иными словами, в большинстве семей превалирует уважительное отношение к мнению ребенка, стремление прислушиваться к нему (Рис. 4).

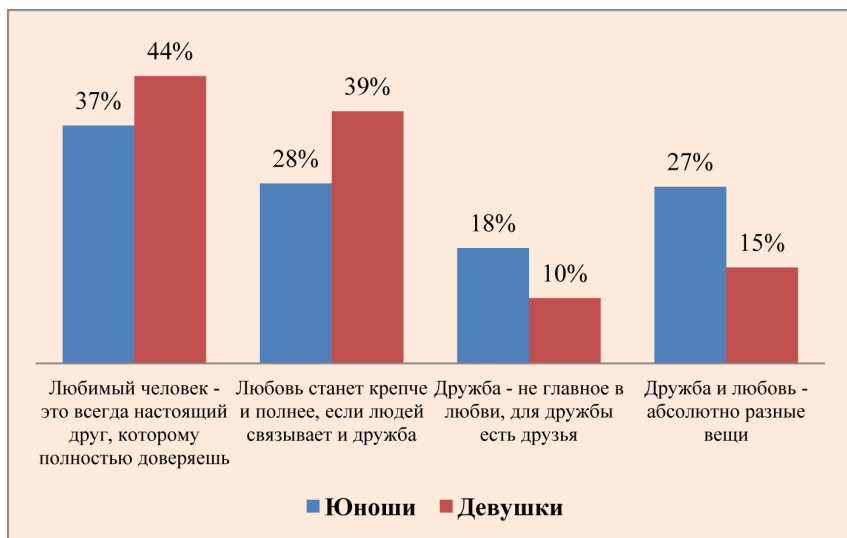

Рисунок 4. «Когда речь идет (или заходила прежде) о важных проблемах в Вашей жизни, требующих серьезных решений, как обычно ведут/вели себя Ваши родители?»

Ссоры и конфликты с родителями у студентов обычно случаются из-за их поступков и поведения (включая учебу, работу и образ жизни), на втором месте – бытовые проблемы и домашние дела (39%), на третьем – разные взгляды на жизнь (29%). Образ жизни родителей – причина конфликтов в незначительном числе семей (6%; по сути, это «конфликт отцов и детей»). По данному вопросу проявились предсказуемые гендерные различия, а также устойчивые «клише» о послушности и «правильности» девушек: их поведение (поступки,

учеба/работа, образ жизни) – причина ссор и конфликтов в 70% семей, у юношей аналогичный показатель составил 96%. Столь же ожидаемо юноши чаще конфликтуют с родителями по вопросам учебы/работы (33% против 21%).

Столь позитивные оценки родительской семьи не означают, что молодежь считает семейные отношения приоритетными. Отвечая на вопрос «Какие из перечисленных отношений особенно важны для человека?», респонденты поставили на первое место одновременно семейные (78%), дружеские (76%) и любовные (63%) отношения, за которыми с огромным отрывом идут профессиональные (27%), общие интересы/хобби (18%), трудовые (11%), общая гражданская позиция, религиозное единство (по 6%) и, наконец, политическое единство (4%). Высокая позиция дружеских отношений наряду с любовными и семейными не должна вызывать удивления: лишь каждый третий категорически разводит понятия любви и дружбы, полагая, что это абсолютно разные вещи (19%) и дружба – не главное в любви, потому что для дружбы есть друзья (13%). Большинство опрошенных (75%), напротив, уверено, что любовь и дружба взаимосвязаны: любимый человек – всегда настоящий друг, которому полностью доверяешь (41%), и любовь станет крепче и полнее, если людей связывает дружба (35%). Гендерные различия в оценках соотношения любви и дружбы существенны: юноши почти в два раза чаще разводят эти понятия (45% против 25%) (Рис. 5). Причем студенты не идентифицируют любимого человека только и исключительно с тем, с кем состоят в любовной связи: слыша слово «любовь», 66% действительно в первую очередь думают о любимом человеке, но каждый третий (34%) – о родителях (семье).

Рисунок 5. «Насколько, по Вашему мнению, связаны понятия «друг» и «любимый человек»?»

Слово «любовь» не столько понимается респондентами по-разному, сколько является для них многогранным понятием (Табл. 4): это одновременно состояние абсолютного доверия (50%), полное взаимопонимание (46%), чувство, которое вызывает позитивные эмоции, но при этом требует взаимной ответственности (по 42%) и нередко основано на общих интересах и взглядах (34%), интимной близости (28%) и взаимном восхищении (18%). Гендерные различия здесь, как ни удивительно, учитывая социальные стереотипы о «возвышенности» и мечтательности девушек и «приземленности» юношей, незначительны: девушки чаще подчеркивают важность абсолютного доверия (54% против 43%) и взаимной ответственности (45% против 38%), юноши – взаимного восхищения (24% против 14%).

Таблица 4

«Для Вас любовь – это, в первую очередь»	Юноши	Девушки
Состояние абсолютного доверия	43%	53,8%
Полное взаимопонимание двух людей	47,5%	45,2%
Чувство, которое вызывает позитивные эмоции	43,6%	41,6%
Взаимная ответственность друг перед другом	38%	44,8%
Общие интересы и взгляды, сближающие двух людей	30,7%	36,2%
Интимная близость	28,5%	28%
Взаимное восхищение друг другом	24%	14%
Чувство, которое может вырасти только из дружбы	8,9%	8,2%
Затрудняюсь ответить	6,7%	5,7%
Я не верю в любовь	2,8%	2,2%
Кратковременное чувство	2,2%	1,4%
Другое	1,7%	1,4

Гендерные различия проявились в образе идеального партнера для построения семейных отношений. В целом по выборке, по крайней мере декларативно, для респондентов не важны религиозная и этническая принадлежность, одобрение близкими и друзьями, «идеальность во всем». Прежде всего, идеальный партнер – любящий человек (то, что за этой характеристикой со значительным отрывом следуют все остальные, свидетельствует об усвоении молодежью такого «рецепта» хороших отношений, как «главное – чтобы любили тебя»), преданный, к кому ты испытываешь глубокие чувства; он хочет создать с тобой семью, у вас общие интересы, он понимает тебя с полуслова, при этом умеет доставить сексуальное удовольствие и внешне привлекателен.

Гендерные акценты в этом образе различаются, но не радикально (Табл. 5).

Таблица 5

«Идеальный партнер, с которым Вы бы хотели построить (или уже строите) долгосрочные (в перспективе семейные) отношения, – это человек, который»	Юноши	Девушки
Любит меня	65,6%	74,9%
Никогда меня не предаст	48,9%	59,9%
Человек, которого люблю я	50,6%	55,2%
Хочет создать со мной семью	47,2%	49,8%
Разделяет общие со мной интересы	43,9%	49,5%
Понимает меня с полуслова	41,7%	44,4%
Умеет доставлять сексуальное удовольствие	40%	35,8%
Обладает привлекательной внешностью	47,2%	27,2%
Хочет иметь со мной общих детей	31,7%	37,3%
Должен быть хозяйственным(ой)	42,8%	25,4%
Много зарабатывает	11,1%	28%
Идеален во всем	11,1%	12,5%
Нравится моим близким и друзьям	9,4%	10,4%
Приемлем для меня с точки зрения религиозной принадлежности	8,9%	9%
Приемлем для меня с точки зрения национальной принадлежности	6,7%	7,5%
Одного возраста со мной	3,9%	1,1%

Девушки следуют обозначенному ранее «курсу», согласно которому в любовных отношениях главное – преданность и любовь к ним; вполне в духе стереотипа «мужчина – кормилец семьи» они в три раза чаще подчеркивают, что он должен много зарабатывать. Юноши, следуя устойчивым коллективным представлениям о ролевых «предписаниях» в семье, считают, что в идеальном партнере в равной степени важны и верность, и любовь к ним, и желание создать семью, и общие интересы, и взаимопонимание, и привлекательная внешность,

и хозяйственность, т.е. предъявляют к женщине более развернутый список равноценных для них качеств. Все это соответствует традиционной модели брака: красивая, преданная «хранительница домашнего очага», которая всегда поддержит своего мужа – любящего и верного «добытчика и кормильца» добрым словом и умным советом.

Учитывая социально-демографические особенности выборки, вполне ожидаемо в качестве самых подходящих мест для знакомства с целью серьезных отношений респонденты назвали университет/институт (60%) и в гостях у друзей (58%). Каждый третий юноша планирует познакомиться с описанной выше разносторонне одаренной будущей супругой на улице, а каждый пятый – в общественном транспорте, что свидетельствует как о приверженности традиционно «мужским» поведенческим практикам (социально более нормальными для мужчин, чем для девушек, считаются знакомства на улице и в транспорте), так и, видимо, о несколько большей романтичности. Впрочем, понятия «любовь», «семья» и «брак» для каждого второго студента являются близкими, но не тождественными – в их абсолютной равнозначности уверен лишь каждый третий, и гендерных различий здесь не прослеживается. Видимо, в восприятии молодежи семья и брак могут быть основаны не только на любви, а она, в свою очередь, необязательно предполагает создание семьи и заключение брака: об этом свидетельствует рост числа так называемых «гражданских браков» – официально не зарегистрированных, но рассматриваемых совместно проживающими людьми как полноценный аналог брака, просто без «никому не нужных формальностей/бумажек».

Обозначенные выше акценты и гендерные различия оказались суммированы в распределении ответов на вопрос о том, какую идеальную модель семьи студенты хотели бы иметь в будущем (Табл. 6).

Таблица 6

«Какова для Вас идеальная модель семьи, которую Вы бы хотели иметь в будущем?»	Юноши	Девушки
Семья, где между мужем и женой складываются партнерские, равноправные отношения	29,8%	55,6%
Не представляю себе семьи без детей	43,8%	46,6%
Обязательно официально зарегистрированный в органах ЗАГС брак	30,9%	38%
Главное – любовь, остальное не важно	23%	24,4%
Традиционная семья, где муж – глава семьи, а жена занимается хозяйством	34,3%	15,8%
Равное распределение домашних обязанностей	16,3%	26,2%
Можно жить и в гражданском браке	16,3%	17,2%
Равный вклад каждого из супругов в семейный бюджет	11,2%	11,8%
Не представляю себе семейной жизни без религиозной формы заключения брака	11,8%	6,1%
Брак без детей – любящие люди могут жить для себя	2,2%	2,9%
Брак по расчету – чтобы супруг(а) полностью меня обеспечивал(а)	0	3,2%

В целом по выборке идеальная семья – это партнерские, равноправные отношения супругов (46%), которые вместе воспитывают детей (45%), желательно зарегистрировав свой брак в органах ЗАГС (35%); чуть менее значимы всепоглощающая любовь (24%) и распределение семейных обязанностей – традиционное (23%) или партнерское (22%). Гендерные различия здесь значительны, но предсказуемы: для девушек идеальная семья – это официально зарегистрированные партнерские отношения с рождением детей и равным распреде-

ление домашних обязанностей; только девушки (хотя всего 3%) считают, что идеальный союз – брак по расчету, где муж полностью обеспечивает жену (для юношей подобная альтернатива – жить за счет жены – неприемлема). Юноши менее консолидировано описывают идеальную модель семьи, и приоритеты в ней иные: в первую очередь, это совместное воспитание детей, на втором месте – партнерские отношения супругов, официальная регистрация брака и традиционное распределение обязанностей между женой-домохозяйкой и мужем-добытчиком. Интересно, что религиозную форму заключения брака отметило в два раза больше юношей, чем девушек (12% против 6%), что, видимо, можно расценивать как уверенность мужчин, что в идеальном браке все должно быть «по правилам», включая и церковный обряд. Большинство опрошенных (61%) уверено, что молодой семье нужно жить отдельно, но родители должны ей помогать; каждый четвертый полагает, что взаимоотношения с родителями и выбор места жительства молодой семьи зависят от конкретной ситуации (юноши чаще, чем девушки – 28% против 20%); каждый десятый убежден, что молодые должны принимать решение, где им жить после вступления в брак, совместно с родителями, чтобы избежать в дальнейшем конфликтов и упреков.

17% уверены, что для них лично идеальная семья возможна и в гражданском браке, но положительно к не зарегистрированному браку относится 70%, считая, что это прекрасный способ попробовать пожить вместе (53%) или вид свободных отношений, когда в любой момент каждый может уйти (17%). Большинство (75%) нормально воспринимает брачный договор; девушки чаще убеждены в его приемлемости, если оба согласны на его заключение (65% против 52%), а юноши чаще подчеркивают его необходимость в современном обществе (19% против 13%); каждый четвертый категорически против договора между любящими людьми.

Когда мы проводим опросы студентов РУДН, то обычно фиксируем порядка 2% брачности. Поскольку в данном случае мы сконструировали выборку старшекурсников и магистров,

то показатель вырос до 5%; в гражданском браке живут 8%; 46% встречаются; у 42% нет любимого человека. Респонденты полагают, что следует официально оформлять отношения, если люди психологически готовы (54%) и финансовой независимы – могут обеспечивать себя и свою семью (53%); все другие соображения значительно отстают от двух данных критериев «готовности» к браку (Рис. 6).

Рисунок 6. «Как Вы считаете, когда людям следует официально оформлять свои отношения?»

Студенты считают, что люди вступают в брак ради продолжения рода (48%), обретения близкого человека, который поймет и поддержит в любой жизненной ситуации (47%), чтобы не расставаться с любимым, чувствовать себя нужным, иметь возможность о ком-то заботиться (по 40%). Значительно отстают от этих мотивов стремление к уютному быту (29%), желание избежать

одинокства (25%), обрести постоянного сексуального партнера (18%) и выполнить свой человеческий долг (15%). Гендерные различия здесь незначительны: юноши чаще называют в качестве причины создания семьи и заключения брака желание не расставаться с любимой (44% против 37%), для девушек важнее чувствовать нужность и заботиться о ком-то (44% против 35%).

Учитывая, что сегодня заключение брака предполагает дорогостоящую «процедуру» (свадьбу, свадебное путешествие) и «последствия» (нередко съём жилья, обеспечение большего количества членов семьи и пр.), вполне предсказуемо в качестве оптимального возраста вступления в брак 42% студентов назвали 24–25 лет, два других наиболее частотных интервала сосредоточены вокруг этого показателя: 21–23 года (27%) или же 26–35 лет (25%). Интервалы не оговаривались в анкете: респондентам был задан открытый вопрос «Какой возраст Вы считаете оптимальным для официального вступления в брак?», полученные ответы были сгруппированы в интервалы, исходя из их наполненности. Группировка выявила гендерные различия: 46% девушек считают оптимальным возрастом вступления в брак 24–25 лет, юноши – 24–25 лет (37%) и 26–35 лет (40%); верхний предел брачности в обеих подгруппах одинаков – 26–35 лет.

Подобные различия предсказуемы: российское общество остается патриархальным и маскулиноцентрированным на уровне устойчивых коллективных представлений – на мужчину возлагается большая ответственность за материальное благосостояние семьи, обеспечить которое до 24 лет менее вероятно, чем в возрасте старше 26 лет, т.е. через 3–4 года после окончания вуза и начала работы, которую не нужно совмещать с учебой, а потому можно рассчитывать на более высокую заработную плату. На девушек, видимо, давят сохраняющиеся стереотипы «старой девы», «старородящей» и ожидания окружающих, что после окончания вуза девушка

должна начать активно реализовать «семейный проект»: если она не выходит замуж сразу после получения диплома, то, по крайней мере, должна серьезно озаботиться этим вопросом и к 24–25 годам создать семью. Подобную аргументацию подтверждает и распределение ответов на открытый вопрос об оптимальном возрасте рождения детей. Используя схожую модель группировки ответов, мы получили консолидированное мнение юношей – 69% указали возраст в интервале от 26 до 35 лет; разброс ответов у девушек больше, но самых частотных интервала также два – 24–25 лет (45%) и 26–35 лет (38%). Юноши и девушки солидарны в обозначении верхнего предела деторождения – 80% назвали интервал 26–35 лет.

Что касается желаемого количества детей, то модальным значением стало два ребенка (40%), каждый четвертый хотел бы иметь троих детей, каждый десятый – лишь одного, 16% вообще не задумывались на эту тему. Гендерные различия незначительны: девушки чуть реже хотели бы иметь одного ребенка (8% против 11%), юноши, наоборот, реже называют троих детей (21% против 28%). Предсказуемо более существенными оказались различия, обусловленные материальным положением, хотя 2–3 детей – самые частотные значения во всех имущественных группах, за исключением самых необеспеченных (тех, кому «часто не хватает средств даже на самое необходимое»): 17% из них хотели бы иметь одного ребенка, по 25% – двоих, троих или пока не выработали стратегию репродуктивного поведения. По мере роста материального благосостояния (в анкете использовалась стандартная «пятичленная» шкала оценки потребительских возможностей) доля желающих иметь двух детей увеличивается за счет сокращения мечтающих о трех детях (в самой богатой группе эта тенденция нарушается, но ее доля в выборке крайне мала и потому непоказательна).

В качестве отрицательных сторон семейной жизни респонденты называют, прежде всего, то, что семья налагает массу ответственностей, ограничивает свободу и в ней неизбежны обиды и конфликты (по 33%); далее следует бытовая рутина (28%), то, что семья затрудняет профессиональный рост (25%), утомляя своим однообразием (23%), заставляя слишком много работать, чтобы обеспечить ее материальное благополучие, и доставляя массу тревог и огорчений (по 16%) – в такой обстановке сложно сохранить любовь (13%). Гендерные различия незначительны, но показательны: девушки чаще подчеркивают неизбежность обид и конфликтов (37% против 26%) и бытовых сложностей (32% против 21% – они в меньшей степени затрагивают мужчину), а потому – проблематичность сохранения любви (16% против 9%).

Самыми распространенными причинами семейных конфликтов респонденты считают расхождения во взглядах на быт и образ жизни (57%), отсутствие/недостаток денег (44%), сексуальную неудовлетворенность (36%), нежелание выполнять домашние обязанности (35%), чрезмерное общение одного из членов семьи с друзьями/родственниками (32%), его гиперувлеченность своими интересами (хобби) или же депрессию (по 27%) – все эти причины сфокусированы в частной сфере (религиозные и идеологические противоречия в совокупности набрали 11%). Девушки вновь проявили себя как более обеспокоенные материальными проблемами (48% против 39%), сексуальными (40% против 30%) и депрессией одного из членов семьи (30% против 21%). Разногласий между девушками и юношами нет относительно факторов, препятствующих разводу – это дети (82%); все остальное – совместное имущество (15%) и бизнес (8%), опасения за здоровье супруга (12%), боязнь утраты социального положения (5%) – вряд ли сможет удержать людей вместе.

Патриотические и геополитические компоненты мировосприятия российской молодежи

В последние годы в российской научной и публицистической литературе прямолинейно или завуалированно постулируется все более отчетливое формирование достаточно разновекторных тенденций. С одной стороны, наблюдается все большее вмешательство государства в частную жизнь граждан под лозунгами борьбы за моральное здоровье нации, благополучие молодых поколений, традиционные семейные и религиозные ценности и т.д. С другой стороны, очевидно внятное «разгосударствление», под которым понимается как существенное сокращение государством своего присутствия и регулирующего воздействия в целом ряде отраслей, прежде выступавших приоритетными сферами государственной поддержки, так и участие граждан в различных волонтерских акциях и структурах, призванных компенсировать безразличие государственного нормативного и чиновничьего аппарата к судьбам отдельных людей и целых поселений. В последнем случае речь идет о своеобразном «уходе в частную сферу» и самоорганизации локальных сообществ, которые обусловлены тем, что государству, которое предпочитает мыслить все более масштабными категориями (с чем связаны укрупнения школ, муниципальных образований и более значимых территориальных и административных объектов), не интересна судьба «маленького человека», нетипичных социальных групп и неформатных населенных пунктов – они отвечают ему взаимностью. Противоположной тенденцией выступает резкая, в том числе, и политическая, активизация отдельных групп общества и жителей целых населенных пунктов, которые требуют и нередко добиваются от государства в лице соответствующих институций выполнения их официальных обязательств. Иными словами, в российском обществе се-

годня, пусть и в различной степени, сложились достаточно устойчивые и востребованные противоположные стратегии взаимодействия разных групп с властными структурами, хотя проявление наиболее активных их форматов носит волнообразный характер на фоне общей политической индифферентности в ситуации нарастания тенденций монолитизации общественного мнения, которая в молодежном его сегменте обретает формы политической апатии.

Утверждения о политическом безразличии российского населения небезосновательны: как показывают результаты социологических опросов, с 2010 года доля россиян, откровенно признающих, что они совершенно не разбираются в политике, составляет порядка 50% с незначительными колебаниями в сторону уменьшения или увеличения; тогда как процент тех, на кого политика нагоняет тоску, с 2010 года вырос с 47% опрошенных до 59%.¹⁰⁸ Причины подобного положения предсказуемы и выясняются социологами одновременно с получением ответов на названные вопросы: примерно 80% убеждены, что «политики заинтересованы только в том, чтобы получить или удержать власть, а не в том, чего действительно хотят избиратели» (данная формулировка приводится в инструментарии опроса – респондентам предлагается выразить степень согласия или несогласия с ним).

Безусловно, названные выше процессы не имеют ничего общего с теми стратегиями «разгосударствления», о которых неоднократно писал Дж. Скотт,¹⁰⁹ говоря об ином пространственно-временном локусе – о стремлении людей выйти из-под влияния государства посредством реального

---

¹⁰⁸ Политика нагоняет на россиян тоску // <http://www.levada.ru/15-08-2013/politika-nagonyayet-na-rossiyan-tosku>.

¹⁰⁹ См., напр.: Скотт Дж. Зомия: успешные стратегии бегства от государства // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2012. № 4; Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London, 2009.

географического перемещения на территории, недоступные (в силу сложных рельефных и/или природно-климатических условий) для государственного контроля, а затем целенаправленного поддержания своего безгосударственного состояния с помощью разных тактик: отказа от оседлого образа жизни, урбанизации, единой этнической идентичности, формального руководства, письменной культуры и т.д. Конечно, причины бегства населения в прошлые эпохи на территории, которые оказываются в центре внимания Скотта («осколочная», «буферная» межгосударственная зона, географически труднодоступный гористый регион размером с Европу, в который входят территориальные лоскуты семи азиатских стран – от провинции Сычуань до северо-восточных рубежей Камбоджи), были совершенно иными – не безразличие государства, а его ненасытная потребность в человеческом материале (люди были необходимы как рабочая сила, налоговый ресурс, военная защита и т.д.).

Впрочем, и сегодня российское государство прилагает (по крайней мере, озвучивает такие намерения) титанические усилия по «удержанию» граждан во всех смыслах этого слова. Прежде всего, в политическом дискурсе постоянно артикулируются проблемы демографического спада и миграционного оттока (в частности, в средствах массовой информации в экспертных оценках факта недавнего «возврата» Крыма в состав Российской Федерации, нередко подчеркивался и компонент демографического приращения населения страны на несколько миллионов человек). В последние годы стабильная цифра в 20%-22% россиян выражает желание уехать из России, причем в 2013 году 45% из них составили студенты; основной мотив для отъезда – желание устроить свое будущее таким, какое невозможно реализовать в России; Впрочем мало меняется со временем и доля тех, кто предпринимает какие-то

реальные действия, чтобы уехать, – примерно 1%.¹¹⁰ Проблемы демографического характера решаются за счет привлечения мигрантов на экономически не привлекательные для коренного населения позиции на рынке труда, посредством направления финансовых потоков в приоритетные для государства отрасли, например, науку, для предотвращения эмиграции наиболее ценных сотрудников (масштабы интеллектуальной миграции из России сопоставимы с европейскими и американскими, но проблема в отсутствии обратного потока, так называемого «кругооборота мозгов», что определяет проблему «утечки мозгов» и «бегства креативного класса»¹¹¹), а также с помощью нагнетания «ура-патриотической» риторики (наиболее очевидна она стала по вполне объективным причинам в свете событий на территории Украины, получивших широкое освещение в российских и зарубежных средствах массовой информации, но к ним мы обращаться не будем в силу их избыточной политизированности, недостатка объективных данных и отсутствия однозначно идентифицируемых как валидных и достоверных результатов посвященных им массовых социологических опросов) и разработки комплексных и широкомасштабно финансируемых государственных программ, ориентированных на целенаправленное воспитание «настоящих» российских патриотов, начиная с системы дошкольного образования.

Фактически российское руководство постулирует как одну из ключевых задач образовательной системы на всех ее уровнях «учить» патриотизму, хотя большинство федеральных и региональных программ сводит патриотическое воспитание либо к неким форматам (квази)военной подготовки, либо

---

110 Эмиграция путинской эпохи: от чего хотят бежать россияне? // <http://www.levada.ru/10-06-2013/emigratsiya-putinskoi-epokhi-ot-chego-khotyat-bezhat-rossiyane>.

111 Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

к попыткам сохранения и поддержания «аутентичности» национальных меньшинств, либо к воспроизводству определенной культурной автономии, хотя новая государственная идеология нацелена на восполнение патриотической риторикой недоверия граждан к органам государственной власти, снижения сепаратистских настроений и сдерживания глобализационных тенденций в демографической и миграционной сферах. Первая Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2006 годы» была призвана разивать патриотическое воспитание и гражданское сознание; вторая программа на 2006–2010 годы была ориентирована на массовизацию патриотического сознания как основы духовного единства страны на основе созданных за предыдущие пять лет единых на федеральном и региональном уровне институциональных форматов патриотического воспитания молодых поколений; третья программа, принятая в 2011 году, призвана способствовать уничтожению экстремистских проявлений и политической стабилизации общества за счет оптимизации правовой базы патриотического воспитания и развития системы «профессиональной патриотической подготовки». Например, одним из последних шагов в данном направлении, получившим наиболее широкомасштабное медийное освещение, стало предложение В. В. Путина разработать единый учебник истории для средней школы, которые будут на конкретных примерах в рамках «единой логики непрерывной российской истории» показывать, что «судьба России созидалась единением разных народов, традиций и культур», озвученное на встрече с членами Совета по межнациональным отношениям.

Как показывают результаты опросов, неоднократно реализованных Социологической лабораторией РУДН, практически каждый второй студент в общем солидарен с правительством, поскольку уверен, что патриотизм следует целенаправленно

воспитывать, мнения остальных распределились примерно поровну – каждый четвертый убежден, что патриотизм должен складываться стихийно, чтобы не стать навязанной принудительно псевдоценностью, каждый третий затрудняется с выбором одной модели формирования чувства патриотизма, считая, что следует сочетать стихийный и целенаправленный векторы его формирования. Однако, оценивая нынешнюю российскую ситуацию, студенты утверждают, что правительство и президент скорее много говорят об упрочении патриотического настроя населения, чем предпринимают грамотные и действенные шаги в этом направлении.

Чтобы понять, насколько обоснована вся пунктирно обозначенная выше государственная озабоченность объективными характеристиками современного российского общества в контексте задач национально-государственного строительства и укрепления позиций страны в геополитическом пространстве, рассмотрим два базовых «измерения» общественного мнения, акцентируя внимание на молодежном его сегменте как основы будущего благополучия страны: патриотический настрой как совокупность устойчивых когнитивных, аффективных и поведенческих ценностных ориентаций и релевантные компоненты социального самочувствия, связанные, прежде всего, с оценками макросоциального контекста жизни в стране сегодня. Следует сразу признать, что оба «измерения» предельно сложны для эмпирической фиксации в силу множественности вариантов концептуализации и чрезмерной коннотированности базовой терминологии инструментария и программы социологических исследований. Например, значение слова «патриотизм», казалось бы, совершенно прозрачно, поскольку зафиксировано в многочисленных словарных статьях – это «любовь к своей стране, отчизне», соответственно, патриот – «любитель отече-

ства, ревнитель о благе его»,¹¹² но допускает противоречивые трактовки в контексте конкретной политической ситуации и идеологических воззрений использующих его авторов, и ведь буквально каждый российский общественный деятель, писатель и поэт не преминул высказать свое отношение к патриотизму (тематические акценты обычно смещаются либо в сторону «национального вопроса», либо в геополитическую плоскость, внутри которых и велись ожесточенные споры между адептами разных содержательных, функциональных или оценочных интерпретаций патриотизма).

С одной стороны, значение слова «патриотизм» совершенно прозрачно, поскольку зафиксировано в многочисленных словарных статьях. С другой стороны, это понятие крайне многозначно и может декларироваться и как абсолютное добро, и как источник межнациональных распрей и социальной напряженности. Так, Л. Н. Толстой неоднократно высказывался о патриотизме весьма жестко: «есть в наше время чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество, и поэтому чувство это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, – а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разумных людей средствами. Но удивительное дело, несмотря на неоспоримую и очевидную зависимость только от этого чувства разоряющих народ всеобщих вооружений и губительных войн, все мои доводы об отсталости, несвоевременности и вреде патриотизма встречались и встречаются до сих пор или молчанием, или умышленным непониманием, или еще всегда одним и тем же странным возражением: говорится, что вреден только дурной патриотизм, джингоизм, шовинизм, но что настоящий, хороший патриотизм есть очень возвышенное нравственное чувство, осуждать которое не только неразумно, но преступно. О том же,

¹¹² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 3. С. 24.

в чем состоит этот настоящий, хороший патриотизм, или во все не говорится, или вместо объяснения произносятся напыщенные высокопарные фразы, или же подставляется под понятие патриотизма нечто, не имеющее ничего общего с тем патриотизмом, который мы все знаем и от которого все так жестоко страдаем... то чувство патриотизма, которое одно поддерживает это орудие насилия, есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное – безнравственное... всякий человек, под влиянием патриотизма, признает себя сыном своего отечества, рабом своего правительства и совершает поступки, противные своему разуму и своей совести».113

В качестве примера приведем и «глобалистское» определение: «в человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, – сколько возможно больше и сколько возможно лучше... Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен. Оттого-то настоящий патриот терпеть не может хвастливых и восторженных восклицаний о своем народе, оттого-то он смотрит презрительно на тех, которые стараются определить грани разъединения между племенами. Настоящий патриотизм как частное проявление любви к человечеству не уживается с неприязнью к отдельным народностям».114 Д. И. Менделеев отрицал по-

---

¹¹³ *Толстой Л. Н.* Патриотизм и правительство // Полное собр. соч. в 90 тт. М., 1958. Т. 90.

¹¹⁴ *Добролюбов Н. А.* Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым // Собр. соч. в 3-х тт. М., 1986. Т. 1.

добную интерпретацию: «Любовь к отечеству, или патриотизм... некоторые из современных крайних индивидуалистов уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству с участием в делах узкого кружка лиц, образующих общину (коммуну), город или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно, недомысленное учение приписывает патриотизму многие худые явления общественности и похваляется тем, что к этому клонится уже всеобщее сознание, а в будущем перейдет будто бы все человечество. Лживость такого учения становится, на мой взгляд, ясною не столько со стороны одних важных исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающие самое происхождение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в каком будущем нельзя представить слияния материков и стран, уничтожения различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминая уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния».115

В советский период понятие патриотизма имело внятную надэтническую трактовку и ассоциативный ряд, но с начала 1990-х годов обрело негативные коннотации, в первую очередь, потому что прежде практически идентичные понятия родины и государства оказались четко разведены. Первое вызвало у россиян теплые эмоции, ассоциировалось с природой родной страны, вызвало гордость за свой язык, историю, науку и культуру. Второе шло в прочной «сцепке» с бюрократическим чиновничьим аппаратом, манипулирующим понятием патриотизма, чтобы «заставить» россиян воспринимать

¹¹⁵ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1907. С. 111–112.

государство как родину, а потому не уклоняться от службы армии и уплаты налогов государственной машине, которая в постсоветский период стала предъявлять гражданам массу требований, не предоставляя взамен прежних социальных гарантий и упрекая население в иждивенчестве и приверженности утратившим свое значение в новой рыночной экономике патерналистским ценностям.

Как показывают опросы общественного мнения, государство и население в данном вопросе оценивают друг друга не вполне адекватно. Например, хотя более 70% россиян к 2013 году¹¹⁶ высказывали убеждение, что нынешние жители России изменились (признавали факт изменений, пусть и в разной степени – полностью, во многом, мало) по сравнению с людьми советской эпохи, 14% респондентов полагают, что россияне в основном сохранили черты советских людей. Что касается базовых векторов фиксируемых респондентами изменений, то, в первую очередь, они считают, что нынешние жители России стали более расчетливыми и холодными (58%), на втором месте по частоте упоминаний – большая нетерпимость друг к другу (35%), большая бедность (30%) и одновременно свобода (29%), за которыми следуют одновременно больше знаний о мире (26%) и меньше надежд на лучшую жизнь (24%) в ситуации большей зависимости от власти и начальства, чем прежде (22%) и т.д.

Весьма аналогична и в оценках общественного мнения трансформация нынешних властных структур – примерно 65% россиян уверены, что таковые изменились во сравнению с советским периодом (признавали факт изменений, пусть и в разной степени – полностью, во многом, мало), 22% респондентов полагают, что власть в нынешней России сохранила черты прежней советской власти. В качестве базовых

¹¹⁶ Как изменились люди и власть за 20 лет // <http://www.levada.ru/20-08-2013/kak-izmenilis-lyudi-i-vlast-za-20-let>.

отличий российской и советской власти признающие их отличия называют, прежде всего, отказ от заботы о простых людях и преследование своих интересов (50%), а также неспособность справиться с проблемами в стране (43%). Второй блок ответов формируют условные геополитические оценки: с одной стороны, позитивные – каждый четвертый признает, что российская власть установила нормальные отношения со странами Запада, каждый пятый убежден, что она много сделала для того, что Россию сегодня уважают в мире, однако ровно столько же полагают, что власть не может сделать так, чтобы Россию уважали во всем мире.

С начала 2000-х годов опросы общественного мнения фиксируют устойчивый рост числа респондентов, считающих себя патриотами, – данный показатель стабилизировался к середине 2000-х, и к 2010 году достиг 84%, хотя основную массу считающих себя патриотами составляют жители двух крупнейших российских мегаполисов (Москвы и Санкт-Петербурга) и пожилые люди (88%).¹¹⁷ Наше анкетирование конца 2011 – начала 2012 года на репрезентативной по профилям обучения выборке московского студенчества показало, что практически каждый второй студент считает себя патриотом, а трудности с однозначной идентификацией себя в терминах патриотизма испытывает каждый третий, ссылаясь на невозможность столь однозначного самоопределения или же утрату данным термином своего значения в глобализирующемся мире.

Впрочем, независимо от самооценки в терминах патриотизма, московские студенты гордятся историческим прошлым страны, ее природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями, хотя данный набор «предметов» гордости явно свидетельствует о четком разведении в сознании молодежи понятий родины и государства.

---

¹¹⁷ Новый русский патриотизм: национальный, государственный или гражданский! // <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13603>.

Общие для большинства студентов показатели антигордости (приближаются к 90%) связаны с деятельностью государственных институций – состояние экономики и социальной сферы, соблюдение прав и свобод человека, деятельность государственных органов в целом и уровень жизни населения. Данные показатели определяют, во-первых, низкий уровень доверия базовым социальным институтам; во-вторых, пессимистические оценки положения своего поколения в свете его ключевых проблем (наркомания, алкоголизм, морально-нравственная деградация общества, преступность, безработица и ее последствия); в-третьих, одновременно некую космополитичность молодежного самосознания (понятие, которое вызывает у студентов наиболее теплые чувства, – «моя страна (Россия)» – 29%, «весь мир» – 19%, «мой край, республика, область» – 12% и Евразия – 9%) и важную роль в нем понятия «малой родины», которое по сути, включает в себя прочие ответы на вопрос «Для Вас Родина – это, прежде всего», помимо России в целом (46%), – «семья и близкие» (23%), населенный пункт, в котором родились (16%), область или край, в котором живут (12%).

Доминирование трактовки патриотизма как любви к родине подтверждается и уверенностью респондентов в том, что рост патриотизма в обществе происходит в периоды войн, революций и радикальных политических потрясений (74%), но не в ситуации крайнего обострения социальных противоречий (23%), а потому самым патриотичным государственным праздником считают День Победы (85%). Однако даже консолидированные оценки не спасают от свойственной современным социокультурным реалиям и российскому массовому сознанию противоречивости: на фоне приведенных выше распределений ответов, свидетельствующих о четком разведении понятий родины и государства, в ответах студентов на открытый вопрос «Кого Вы лично могли бы назвать

“настоящим патриотом” России в современном обществе и в российской истории?» среди современников лидером оказалась «государственник» В.В. Путин (11%), в отечественной истории – «государственник» Петр Первый (13%). Причем выбирая окончания для высказывания «Настоящий патриот своей страны – это человек, который...», студенты отдали явное предпочтение «презентационным» и государственным компонентам «настоящего патриотизма»: «читит историю и традиции своего народа» (72%), «выполняет свой воинский долг в рядах вооруженных сил» (31%), «стремится наиболее позитивно представлять свою родину в любых высказываниях», «нетерпим к проявлениям неуважения к своей стране и ее гражданам» (36%), хотя «настоящий патриот» вряд ли может занимать по отношению к стране слепо-некритическую и огульно-апологетическую позицию.

В то же время большинство (78%) студентов убеждены, что Россия – страна с огромным потенциалом, которая не должна зависеть от США и Запада (62%), и все ее проблемы – от неспособности правителей руководить государством и их эгоистических интересов (62%) и отсутствия «нормальных» законов (70%), поэтому через 10–15 лет они видят Россию среднеразвитым государством (58%). Подобное распределение ответов в значительной степени обусловлено тем, как студенты оценивают ситуацию в стране: две трети убеждены в наличии угроз социальных волнений и беспорядков (73%), каждый второй опасается массовой безработицы (51%), экологической катастрофы (53%), провала экономической политики (58%), развала науки и образования (53%), утраты национальной культуры (50%), еще чаще (66%) – религиозных конфликтов.

Тем не менее, большинство уверено, что стране не угрожает распад (78%) или военная диктатура (83%), т.е. молодежь связывает «проблемы» российского общества с состоянием его управленческого аппарата, который вряд ли способен обеспе-

чить стране стратегически приоритетные позиции в геополитическом контексте, однако и мысли не допускает о возможной десоверинизации страны, ее распаде или радикальной смене политического режима, который угрожал бы ее целостности. Вероятно, этим объясняется и позитивный настрой студенчества: примерно каждый второй смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом или же без особого беспокойства, надежд и иллюзий (порядка 40%). 27% россиян в июле 2013 года полагали, что скорее всего через пятьдесят лет в России «техника, наука, вооружение будут похожи на западные, но жизнь людей будет строиться совсем иначе», 15% – что «Россия станет такой же богатой и развитой страной, как страны Запада», 11% – что страна «будет развиваться наподобие великих стран Азии – Китая и Индии», и лишь каждый десятый (9%) опасался, что «Россию ждет неминуемые распад и гибель» (примерно треть, что типично для подобных проективных и в целом вопросов по неоднозначной проблематике в российских опросах, затруднилась однозначно высказаться по этому вопросу).¹¹⁸

Второе базовое «измерение» российского общественного мнения в интересующем нас контексте – компоненты социального самочувствия, связанные с оценками макросоциального контекста жизни в стране и оперирующие понятием страхов. Эмпирические социологические исследования страхов сегодня исходят из утверждения У. Бека, что в современном «обществе риска» в связи с разнообразием опасностей невозможно дать рискам унифицированное определение, поэтому их следует рассматривать и как реальные и потенциальные угрозы и систему альтернатив выбора в ситуации их актуализации, так и как отражение опасностей в массовом сознании.¹¹⁹ Причем в обществе риска распространены массовые страхи, принимающие тотальный характер – повсеместные, постоянные,

¹¹⁸ Россия-2063 // <http://www.levada.ru/22-08-2013/rossiya-2063>.

¹¹⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

рутинизированные – благодаря государственному и медийному дискурсам, которые постоянно «обогащают» общественное мнение знаниями о репертуаре, опасности, масштабах распространения и уровне «нормальности» самых разнообразных рисков.

По данным нашего опроса, проведенного на репрезентативной по критерию профиля обучения московской выборке московского студенчества в 2013 году, после просмотра информационных и аналитических сообщений средств массовой информации (газет, телевидения, радио и Интернета) практически всегда чувство тревоги возникает у каждого десятого, иногда – у 70%, и лишь каждый пятый не испытывает под воздействием медийного «шума» негативных эмоций.

«Измерительные» и «интерпретационные» контексты социологических исследований страхов в «обществе риска» изменились по тональности (констативна) и акцентам – речь идет уже не о детерминации различными по интенсивности и форме протекания страхами и тревогами деструктивных форм поведения на микро- и макроуровне, а предпринимаются попытки представить репертуар страхов, доминирующих в конкретном обществе, как индикатор социального самочувствия населения, оценить силу, специфику и распространенность какого-то конкретного страха (например, безработицы или смерти), сконструировать внутри-, этно- или геополитический модус массового сознания, апеллируя к страхам через понятия врагов и угроз стране/обществу. Первый и последний элементы социологических «замеров» состояния массового сознания представляют для нас особый интерес в свете рассматриваемой проблематики.

Так, уже в 2008 году страхи, довлевшие над обществом 10–15 лет назад (распад страны, гражданская война, экономический коллапс и т.д.), утратили в России свою актуальность или остроту (терроризм, «чеченский фактор» и др.),

переместившись на периферию общественного внимания.¹²⁰ Массовые опросы конца 2000-х годов показали, что чувства страха и тревоги в российском обществе не локализируются в рамках отдельных социальных групп – их испытывает (в той или иной степени) большинство (около 70%), независимо от пола, возраста, дохода, профессии и т.п., причем среди «предметов» страха доминирует жизнь и здоровье близких, а среди источников угроз – бандиты, улица, чрезвычайные происшествия, транспорт, террористы и чиновники. Согласно данным опроса 2013 года,¹²¹ больше всего (приводятся только доли выбравших вариант «испытываю постоянный страх») россияне страшатся «болезней близких и детей» (49%); на втором месте – «собственные болезни и мучения» (28%) (что предсказуемо, пожилые люди боятся их чаще и сильнее, хотя в целом по выборке страх старости на последнем месте вместе с опасениями ужесточения политического режима – по 11%), страх «бедности, нищеты» (25%) и «мировой войны» (27%); каждый пятый сильнее всего боится смерти (21%), стихийных бедствий, потери работы, произвола властей и беззакония (по 18%); еще меньше доли опасющихся потери сбережений и нападения преступников (по 16%), публичных унижений и оскорблений, СПИДА и возврата к массовым репрессиям (по 15%).

Подобное распределение ответов может выступать индикатором мировоззренческих доминант россиян. Очевидно, что четыре базовых страха сфокусированы в сфере ближайшего круга родных и близких (семья и здоровье выступают фундаментальными ценностями), далее следуют их частные проявления с всплесками обеспокоенности общей ситуацией в стране, факторами ухудшения которой, очевидно, выступают либо действия (ужесточение, произвол, репрессии и т.д.),

¹²⁰ Горшков М. К. Чего опасаются россияне? М., 2008.

¹²¹ Страхи россиян и угрозы для страны // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2013. № 2227.

либо, наоборот, бездействие (беззакония, нищета, преступность и т.д.) властей. Кроме того, за прошедшие два десятилетия снизились стали страхи национальных конфликтов (видимо, политическая и социально-экономическая стабилизация ситуации в стране убеждает в снижении подобной угрозы), более весомыми – страхи перед болезнями (вследствие фактически отказа государства от прежних гарантий в сфере здравоохранения, несмотря на противоположные лозунги, под которыми реализуются реформы).

Уже к 2008 году массовые опросы россиян позволили выделить три группы угроз по доле респондентов, которые испытывают в отношении них сильную тревогу и постоянный страх¹²²: 1) от 44% до 49% опасается военных конфликтов с ближайшими соседями (наряду с резким снижением уровня жизни); 2) от 25% до 35% – войны со странами Запада, потери государственного суверенитета (наряду с гражданской войной, диктатурой и массовыми репрессиями); 3) менее 20% – внутривнутриполитических изменений (распада страны, «оранжевой революции», переворота, межэтнических конфликтов и т.д.).

С начала 2000-х годов в российском обществе повысились опасения внешнеполитического характера, но нет страны или группы стран, которые бы назывались в качестве угрозы хотя бы половиной респондентов.¹²³ На первые места в списке угроз россияне предсказуемо ставят США и Китай – в первом случае настороженность обусловлена «деятельным» обострением российско-американских отношений (вооруженным и/или финансовым вмешательством США в жизнь стран, входящих в сферу российских внешнеполитических интересов), во втором – своеобразным мировоззренческим шоком,

---

¹²² Горшков М. К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. 2009. № 7.

¹²³ Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром // <http://fom.ru/Mir/10097>.

вызванным относительно неожиданным появлением новой сверхдержавы на восточных границах России (в 2013 году каждый третий россиянин полагал, что «стремление Китая расширить свое влияние на другие страны/китайский экспансионизм представляет очень большую угрозу безопасности России»¹²⁴). В целом «россиянам не свойствен часто приписываемый им параноидальный страх перед внешним миром. В большинстве своем они как в 2000, так и в 2011 году либо утверждали, что стране никто не угрожает, либо затруднились сказать, есть ли у нее опасные враги. Российские граждане, очевидно, мало интересуются событиями во внешнем мире, а новые угрозы и надежды для себя они находят внутри страны, а не за рубежом».¹²⁵

По данным ВЦИОМ на 2012 год,¹²⁶ самой реальной угрозой для страны россиянам представляется рост цен на товары первой необходимости (81%), теракты (63%), массовая безработица, закрытие предприятий и вторая волна экономического кризиса (по 60%), всплеск преступности (59%); самыми маловероятными – хаос во власти (55%), установление диктатуры и военные конфликты с другими государствами (по 57%), возвращение «лихих девяностых» (64%) и гражданская война (66%). Безусловно, распределение ответов на подобные вопросы зависят от списка закрытий и допустимого количества выборов, тем не менее, такие вопросы позволяют отследить базовые тренды в социальном самочувствии, хотя эксперты и критикуют используемые опросники, в частности, когда результаты опроса показали, что заселение России мигрантами граждане считают наиболее реальной угрозой для страны:

¹²⁴ Установки россиян и угрозы стране // <http://www.levada.ru/11-07-2013/ustanovki-rossiyan-i-ugrozy-strane>.

¹²⁵ Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром // <http://fom.ru/Mir/10097>.

¹²⁶ Чего боятся россияне? Рейтинг актуальных угроз // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112598>.

«Не уверен, что опрос отражает то, что реально людей беспокоит. Вопрос ставился: “Кажется ли вам эта угроза реальной?”, а не “Какая угроза вам кажется наиболее опасной?”... Если бы респондентов просили выбрать из списка угроз наиболее опасные, это было бы более корректным. Таким образом, приход к власти фашистов люди представляют себе в виде марша чего-то вроде РНЕ (Русского национального единства) на Кремль, что действительно кажется маловероятным, а тех же таджиков люди видят вокруг себя каждый день, принимают это как факт».¹²⁷

В Таблице 7 приведено распределение страхов московской студенческой молодежи, полученное по результатам репрезентативного по критерию профилей обучения анкетирования. Поскольку реалистичность перечисленных угроз может по-разному оцениваться респондентами, в таблице приведены распределения ответов и для ответа «очень боюсь» (высокий уровень опасений), и для суммы ответов «очень боюсь» и «немного боюсь», поскольку последний вариант говорит не столько о незначительности опасений, сколько о неверии в реалистичность угрозы, которая, тем не менее, активно муссируется в масс-медиа.

Безусловными лидерами угроз для молодежи оказались террористические атаки, разгул преступности, последствия мирового экономического кризиса и коррупция и беззаконие, т.е. угрозы внутри-, а не внешнеполитического характера, которые свидетельствуют о слабости государственного контроля в разных сферах жизни. Угрозы суверенитету и политической стабильности занимают в списке более скромные позиции – военные действия, гражданская война, межэтнические конфликты, революция/путч/переворот набрали от 54% до 66%, хотя эти показатели также слишком высоки, чтобы

¹²⁷ Мигранты страшнее фашистов//http://www.gazeta.ru/social/2013/07/22/5495905.shtml?utm_source=vk-group&utm_medium=click-news&utm_campaign=smm.

можно было говорить о спокойном социальном самочувствии молодых поколений и их уверенности в завтрашнем дне. Данное утверждение не противоречит приведенным выше данным об оптимистическом настрое молодежи, поскольку речь идет о постоянно артикулируемых в политическом и медийном дискурсах сюжетах, которые вряд ли воспринимаются как актуальные, но вследствие рутинизации дискурса о них оцениваются как реалистичные.

Таблица 7

«Насколько ты лично боишься?» (в %)	Очень боюсь	Очень боюсь + немного боюсь
Террористических атак	31,9	81,4
Столкнуться с ядерной войной	27,2	60,5
Химического и радиационного заражения воды, воздуха	22,7	64,1
Столкнуться со стихийными бедствиями (землетрясение и пр.)	22,7	66,2
Разгула преступности	22,1	73,2
Столкнуться с военными действиями	21,3	65,6
Политического экстремизма	19,8	66,8
Последствий мирового экономического кризиса (безработицы и пр.)	19,6	69,9
Столкнуться с эпидемией	18,4	64,5
Полной утраты традиций и культуры	18,4	59,2
Столкнуться с техногенной катастрофой	15,5	58,0
Столкнуться с гражданской войной	15,5	54,1
Вытеснения мигрантами коренного населения	13,5	54,3
Столкнуться с коррупцией и беззаконием	13,3	72,1

«Насколько ты лично боишься?» (в %)	Очень боюсь	Очень боюсь + немного боюсь
Столкнуться с экологической катастрофой	13,1	63,5
Столкнуться с безвластием, анархией	12,5	47,5
Столкнуться с межэтническим конфликтом в жизни страны	11,7	60,5
Столкнуться с революцией/путчем/переворотом	10,8	51,4

В целом россияне не склонны опасаться внешних угроз¹²⁸: возможность войны со странами Запада, юга и юго-востока беспокоит по 11% опрошенных, военных конфликтов с ближайшими соседями и потери государственного суверенитета, в том числе в результате распада страны – по 10%. В списке подобных геополитических сценариев наиболее вероятной респондентам кажется потеря приграничных территорий, например Калининградской области и Приморья (13%). Подобное распределение ответов объясняется «спокойным» отношением к независимости страны, которая воспринимается как сама собой разумеющаяся.¹²⁹ Данные всероссийского опроса в мае 2013 года показали, что каждый четвертый не может оценить роль независимости, каждый второй полагает, что суверенитет пошел во благо России, 22% – что скорее/определенно во вред. Пропорции между положительными и отрицательными оценками зависят от возраста, образования, места проживания и уровня доходов: у молодежи, более образованных, с достатком, жителей Москвы и других круп-

¹²⁸ Мигранты страшнее фашистов // http://www.gazeta.ru/social/2013/07/22/5495905.shtml?utm_source=vk-group&utm_medium=click-news&utm_campaign=smm.

¹²⁹ День России и отношение к независимости // <http://www.levada.ru/10-06-2013/den-rossii-i-otnoshenie-k-nezavisimosti>.

ных городов преобладает мнение, что независимость пошла России во благо, опрошенные из старших возрастных групп, с низким уровнем образования, низкими доходами и проживающие в малых городах чаще придерживаются противоположного мнения, видимо, вспоминая более благоприятные для себя советские времена.

Эмпирическое изучение страхов, несомненно, помогает отобразить картину социальной действительности: чем меньше уровень тревожности и поводов для нее (особенно молодых поколений, для которых страхи могут стать серьезными барьерами в социализации и самореализации, причем у молодежи, в силу ее неустойчивого и неопределенного положения в обществе, могут преобладать особые виды страхов), тем больше возможностей для развития и самосовершенствования. Как показывают социологические данные, примерно с середины 2000-х годов в российском массовом сознании сложились устойчивые характеристики страхов.¹³⁰ Во-первых, чувства тревоги и опасения не являются специфической характеристикой отдельных социальных или демографических групп и не зависят от пола, возраста, дохода, места жительства и пр. Во-вторых, основные предметы заботы и опасений россиян – жизнь и здоровье свое и близких, а также материальное благополучие, от которого в значительной степени они зависят. В-третьих, основные источники страхов россиян, с одной стороны, мало отличаются от ситуации в других странах (преступность, стихийные бедствия и чрезвычайные происшествия и т.д.), с другой – имеют специфический характер (страх перед террористами и чиновниками, олицетворяющими «бездушную государственную машину», способную в своих

¹³⁰ Горшков М. К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. 2009. № 7.

жерновах легко раздавить любого человека). В-четвертых, помимо личных тревог и страхов, россиян волнуют угрозы государству и обществу – прежде всего, в связи с военными конфликтами с ближайшими соседями (массовый всплеск подобных опасений обычно ситуативно обусловлен, скажем, последний пик подобных страхов на уровне половины опрошенных фиксировался после российского-грузинского конфликта 2008 года), в отношении возможности гражданской войны (видимо, это следствие другого базового для российского общества страха резкого снижения уровня жизни, который усугубит и без того огромный разрыв между высоко- и низкодоходными группами населения), войны со странами Запада (вероятно, вследствие расширения НАТО), потери государственного суверенитета. Наконец, наименьший уровень «внешнеполитической тревожности» фиксируется в оценке возможностей распада страны, «оранжевой революции», насильственного свержения власти и межэтнических конфликтов, которые воспринимаются россиянами как события крайне не реалистичные.

Безусловно, мы понимаем, что в свете фиксируемого социологическими службами страны роста патриотических настроений (вследствие действий руководства страны на геополитической арене) представленные эмпирические данные могли и измениться, отражая трансформации массового сознания, в том числе, в самом, казалось бы, аполитичном молодежном его сегменте. Однако тем и важна суммирование накопленных к 2014 году сведений о состоянии общественного мнения – она позволяет «увидеть» контекст, на фоне которого стал возможен фиксируемый сегодня рост патриотических и даже «великодержавных» настроений.

Сегодня социологические замеры уровня патриотичности – популярная задача отечественных исследований на протяжении десятилетий, несмотря на изменчивые коннотации термина «патриотизм». С начала 2000-х годов государство прилагает титанические усилия, чтобы возродить в общественном мнении прежнее единство с понятием родины, вызывающим теплые чувства.¹³¹ Однако и без того неоднозначный термин «патриотизм» оказывается еще более размыт под влиянием глобализационных тенденций: с одной стороны, они подрывают основания традиционных трактовок патриотизма; с другой – подкрепляют «локальные» идентификационные маркеры (этнические, региональные и местных сообществ).¹³²

Общенациональные опросы, которые проводятся крупнейшими социологическими центрами, с раннепостсоветского времени основаны на схожих методиках оценки патриотических настроений – вносятся лишь незначительные модификации, не лишające права проводить сравнительный анализ.¹³³

---

¹³¹ См., напр.: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001–2005 гг.» // <http://base.garant.ru/1584972>; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 гг.» // <http://base.garant.ru/188373/#100>; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011–2015 гг.» // <http://base.garant.ru/199483>; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 гг.» // <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzH UxzVkhN1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>.

¹³² См., напр.: Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2005.

¹³³ См., напр.: О слове «патриотизм»: Как реагируют россияне, когда слышат в СМИ слово «патриотизм»? // <http://fom.ru/TSennosti/10851>; Патриотизм: динамика мнений. Необходимые атрибуты патриотов // <http://fom.ru/TSennosti/13261>; Символика России. Какие символы олицетворяют страну, по мнению россиян? // <http://fom.ru/TSennosti/12698>; О патриотизме. Сколько патриотов среди россиян? И кого можно считать патриотом? // <http://fom.ru/TSennosti/11471>; Образ патриота. Каким должен быть настоящий патриот? Может ли он критиковать власти и не любить родную природу? // <http://fom.ru/TSennosti/10799>; Гордость, патриотизм и ответственность // <https://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost>;

Типичный набор вопросов включает в себя: вопросы об идентификации респондента (в терминах патриотизма – «Считаете ли вы себя патриотом?» или в целом – «Как бы вы сами себе ответили на вопрос “Кто я такой?”»); о доминирующих трактовках патриотизма (например, «Что, по вашему мнению, значит быть патриотом?» или «Какое поведение вы бы назвали непатриотичным?»); о необходимости воспитывать патриотизм (скажем, «Одни считают, что люди становятся патриотами главным образом под влиянием патриотического воспитания. Другие считают, что люди становятся патриотами по другим причинам, а патриотическое воспитание особой роли не играет. Какая точка зрения вам ближе?»); о компонентах «настоящего патриотизма» и индикаторах «непатриотического поведения» и т.д.

Сами по себе используемые вопросы не плохи и не хороши – они работают, предоставляя нам надежные (в пределах своих эвристических возможностей) данные, однако проблема в том, что именно стоит за теми цифрами, что мы видим. Так, уже в 2000-е годы был зафиксирован постепенный рост числа респондентов, называющих себя патриотами (с той или иной степенью уверенности), этот показатель достиг 84% в 2010 году и удерживается на уровне 80%,¹³⁴ однако, просто оглянувшись вокруг, не возникает ли у нас сомнений, что 80% наших знакомых выбрали бы такой тип самоидентификации?

Патриотизм и государство // <https://www.levada.ru/2015/04/29/patriotizm-i-gosudarstvo>; Подмена понятий: патриотизм в России // <https://www.levada.ru/2014/05/27/podmena-ponyatij-patriotizm-v-rossii>; Патриотизм в представлениях россиян // <https://www.levada.ru/2013/11/19/patriotizm-v-predstavleniyah-rossiyan>; Патриоты и непатриотичное поведение // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116266>; Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747>; Что значит «быть патриотом»? // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857>; Патриотизм и гражданство // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114751> и др.

¹³⁴ Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747>.

Безусловно, нужно продолжать оценивать патриотические настроения россиян, используя традиционные опросные методики, потому что они предоставляют необходимые для описания современного общества данные, причем в ценностно-мировоззренческой статике и динамике, однако необходимо интерпретировать получаемую эмпирическую информацию с привлечением дополнительных сведений. Поясним, о чем идет речь, на примере многолетнего проекта, который реализуется кафедрой социологии РУДН на выборке московского студенчества (опрашивается 1000 человек, критериями квортирования выборки выступают три основных профиля обучения согласно данным Министерства образования и науки, т.е. выборку сложно назвать репрезентативной, но она позволяет отслеживать важные мировоззренческие тенденции).

В 2012 и 2016 годах по практически идентичной анкете был проведен опрос московского студенчества по проблематике патриотизма. Согласно данным, примерно каждый второй назвал себя патриотом, тогда как 28% затруднились идентифицировать себя в терминах патриотизма, прежде всего отмечая неоднозначность этого термина (каждый второй из затруднившихся) или же утрату им прежнего значения в современном мире (каждый пятый). При этом независимо от самооценок в терминах патриотизма, список объектов национальной гордости не меняется – историческое прошлое страны (66% в 2016 году), природные ресурсы (52%), спортивные достижения (56%), культурное наследие (43%) и искусство (40%), а не состояние экономики и социальной сферы, внутренняя политика и уважение прав и свобод граждан (менее 10% по каждому пункту). Иными словами, в сознании молодежи разведены страна/родина – как объект гордости, и государство – таковым не являющееся, хотя в идентификационном комплексе респондентов превалирует гражданская идентичность

(у каждого второго), а не космополитичная (каждый пятый) или региональная (каждый десятый).

В ответах на вопросы анкеты постоянно возникают противоречия в том смысле, что теплые чувства респонденты испытывают к родине, а государство (представленное через набор сфер, за состояние которых оно отвечает) оказывается объектом критики, однако «государственнический» аспект патриотизма неизменно оказывается исключительно значимым. Так, студенты уверены, что рост патриотизма в обществе происходит в периоды войн, революций, радикальных политических потрясений, т.е. когда родина в опасности (75% в 2012 и 69% в 2016 году), а не в ситуации крайнего обострения социальных противоречий (примерно каждый третий), и считают самым патриотичным праздником День победы (84% в 2012 году). В 2016 году в анкету был включен вопрос о том, как студенты относятся к проведению Зимней Олимпиады 2014 года в России – большинство (70%) сочли ее честью для страны (34%) и отличным поводом продемонстрировать свои возможности (36%), а каждый пятый счел ее неоправданной и ненужной тратой бюджетных средств, т.е. в патриотическом настрое молодежи силен презентационно-демонстрационный государственнический компонент.

В контексте перечисленных выше объектов национальной гордости несколько странно выглядят предпочтения респондентов в открытом вопросе «Кого вы лично могли бы назвать настоящим патриотом России в современном обществе/в истории страны?». Подчеркнем еще раз, что речь идет о московском студенчестве, а не о российском молодежи в целом, и вряд ли о репрезентативной выборке московского студенчества, но нельзя не отметить ряд важных тенденций. Во-первых, около 60% ответили на открытый вопрос (фактически два открытых вопроса), и это очень высокий показатель для массовых опросов, который, видимо, говорит об одно-

значном ассоциативном ряде применительно к понятию «настоящий патриот». Во-вторых, лидеры обоих списков не изменились, а лишь упрочили свои позиции – в настоящем это В. В. Путин (11% в 2012 году и 46% в 2016), а в прошлом – Петр Первый (13% и 20% соответственно), причем на вторых позициях в обоих списках в 2016 году оказались крайне противоречивые персонажи – В. В. Жириновский с 13% и И. В. Сталин с 6% (т.е. не представители культуры, искусства или спорта, которые являются объектами гордости молодежи, а политики-управленцы, ответственные за все то, чем студенты совершенно не гордятся).

Можно было бы предположить, что государственные программы патриотического воспитания и многочисленные мероприятия аналогичного характера сформировали у молодежи устойчивое представление о доминировании в поведении «настоящего патриота» презентационных и государственных элементов. Однако это не подтверждают ответы на вопрос «Настоящий патриот своей страны – это человек, который...», демонстрирующие, наоборот, некоторое снижение важности политизировано-презентационных маркеров патриотизма (вариант «любит свою страну» набрал 79% в 2016 году, но не использовался в 2012 году): чтит историю и традиции своего народа (69% в 2012 году и 65% в 2016); исполняет свой воинский долг, проходя службу в армии (36% и 24% соответственно); стремится наиболее позитивно представлять свою родину (37% и 24%); нетерпим к любым проявлениям неуважения к своей стране и ее гражданам (35% и 22%). Более того, большинство опрошенных (свыше 75%) уверены, что Россия – страна с огромным потенциалом развития, а все ее беды – от неспособностей правителей руководить государством и их эгоистических интересов (67% и 43%, т.е. очевидно укрепление государственнического компонента патриотизма и снижение критического настроения молодежи по отношению к государству).

Возможно, более позитивное восприятие государства в контексте патриотической тематики обусловлено и (декларативными) успехами России на международной арене, и многочисленными образовательными и пропагандистскими усилиями государства по укреплению патриотических настроений. Отчасти это подтверждает то, что доля уверенных в том, что через 10–15 лет Россия станет среднеразвитым государством, за прошедшие четыре года снизилась (с 45% до 34%), тогда как доля убежденных, что она превратится в сильное и независимое государство, наоборот, выросла (с 41% до 56%). Также за прошедшее время снизилось число опасющихся социальных волнений и беспорядков (с 78% до 48%), религиозных конфликтов (с 67% до 47%), развала науки и образования (с 57% до 46%) и утраты национальной культуры (с 52% до 36%) (хотя в последних двух случаях речь может идти и о феноменальной способности данных сфер к выживанию и самовоспроизводству даже в тяжелейших условиях государственного реформирования).

Иными словами, даже применяя простейшую анкету, посвященную патриотическим настроениям и состоящую в основном из неоднократно апробированных в массовых опросах формулировок, мы получаем достаточно противоречивые результаты, не позволяющие однозначно утверждать, что в российском общественном мнении патриотизм – отношение к стране, в не к государству, потому что по многим позициям эти два понятия объединились, отвечая задачам государственных программ патриотического воспитания. Это не значит, что нужно отказаться от удобных и надежных опросных инструментов, однако следует дополнить их вспомогательными контекстами для более корректной интерпретации данных. В качестве дополнительных «измерений» могут выступать: во-первых, социальный настрой, оцениваемый посредством двух показателей – ключевых социальных страхов/

проблем и уровня социального доверия; во-вторых, восприятие страны на международной арене – через образы окружающих стран; в-третьих, своеобразное сочетание первых двух «измерений», которое в нынешних российских реалиях можно назвать «продовольственным национализмом» – это отношение населения к продовольственному эмбарго, введенному российским руководством против «враждебных» стран (поддержали пакет санкций против России), в ситуации повседневных столкновений с негативными последствиями антисанкций (прежде всего, со снижением экономического доступа к качественным продуктам питания).

Кратко охарактеризуем причины необходимости вспомогательных контекстов. В первом случае предполагается сочетание оценок уровня социального доверия и ключевых социальных страхов/проблем. Одни авторы считают, что высокий уровень доверия – неизменная черта демократического общества, где население доверяет управляющему аппарату по той простой причине, что легко может заменить его представителей посредством понятных и доступных процедур.¹³⁵ Другие авторы уверены, что это правило срабатывает не всегда, и приводят в качестве примера уровень доверия правительству в Китае – он выше, чем в США, поскольку для Америки в принципе характерны колебания уровня доверия руководству страны в зависимости от конкретных политических, экономических и прочих событий.¹³⁶ Одни авторы настаивают, что в современном мире снижается уровень доверия всем официальным и профессиональным институциям, включая организационные структуры гражданского общества.¹³⁷ Другие авторы полагают, что изменяются не количественные параметры доверия, а качествен-

---

¹³⁵ Hosking G. *Trust: A History*. Oxford University Press, 2014. P.177.

¹³⁶ *Public Trust in Government: 1958–2014*: Pew Research Center // <http://www.people-press.org/2014/11/13/public-trust-in-government>.

¹³⁷ *Putnam R.P. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, 2000.

ные, т.е. не столько снижается уровень доверия как таковой, сколько трансформируются формы доверия,¹³⁸ что неизбежно в условиях «культуры подозрения».¹³⁹

В России ситуация с оценками доверия осложняется как особенностями исторического прошлого, так и противоречиями дня сегодняшнего. Многие авторы считают, что в советском обществе доверие было уничтожено репрессивным коммунистическим режимом, который строил тоталитарное государство на фундаменте тотального недоверия.¹⁴⁰ Противоположная точка зрения состоит в том, что доверие в советском обществе было не уничтожено, а вытеснено в сферу неформальных социальных сетей, которые стали способом выживания в экстремальных условиях.¹⁴¹ Обе точки зрения достоверны, что и обусловило противоречивую ситуацию с социальным доверием в современной России: с одной стороны, уровень доверия президенту неизменно высок (свыше 60%, иногда до 80% – в зависимости от времени проведения опроса и предшествующих социально-экономических или геополитических событий); с другой стороны, уровень доверия большинству социальных институтов непростоительно (для этих институтов) низок.¹⁴²

Подобная ситуация типична для российского общества, однако в последние годы, особенно среди молодых поколений, наметились иные тенденции. Так, опросы, посвященные ценностным ориентациям молодежи и проведенные на выборке

---

¹³⁸ Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1991.

¹³⁹ Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. London, 1999. P.49–52.

¹⁴⁰ См., напр.: Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура. М., 2011 и др.

¹⁴¹ Эткинд А. В поисках доверия // *Неприкосновенный запас*. 2001. № 2.

¹⁴² Институциональное доверие // <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2>.

московского студенчества в 2012 и 2016 годах, показали, что если четыре года назад каждый третий опрошенный выразил доверие правительству, российским и международным общественным организациям, судам и средствам массовой информации, каждый четвертый – Совету Федерации и Общественной Палате, каждый пятый – Государственной Думе, лидером рейтинга доверия стал президент, за которым идут церковь, банки и крупный бизнес (от 40% до 50%), а антилидерами – политические партии, полиция и правоохранительные органы и армия, то в 2016 году ситуация изменилась. Фактически упомянутое выше укрепление государственнического компонента патриотизма – результат роста уровня социального доверия молодежи, о чем свидетельствуют данные опроса: 1) лидеры рейтинга – президент (63%), правительство, церковь и суды (примерно каждый второй респондент); 2) свыше 40% – уровень доверия армии, правоохранительным органам, Государственной Думе и Общественной палате, банкам, бизнесу и российским общественным организациям; 3) антилидеры рейтинга (им доверяет менее трети) – международные общественные организации, политические партии и средства массовой информации.

Второй важный компонент социального настроения – оценки макроконтекста жизни в стране, реконструируемые через базовые страхи общественного мнения. Опрос московского студенчества в 2016 году выявил высокий уровень социальных опасений молодежи, хотя результаты несколько различаются, если принимать во внимание «реальные» страхи (ответ «очень боюсь» на вопрос «Насколько ты лично боишься...?») и «общие/потенциальные» страхи (сумма ответов «очень боюсь» и «немного боюсь»). Антилидером рейтинга страхов оказалась угроза вторжения инопланетян – каждый десятый ее очень боится, а практически у каждого третьего этот страх присутствует в той или иной степени. Как наиболее

реалистичные респонденты (примерно каждый третий) рассматривают угрозы ядерной и гражданской войны и военных действий в принципе, террористических атак, массовой эпидемии, химического и радиоактивного загрязнения.

Среди потенциальных угроз также лидируют военные действия и террористические акты, но к ним прибавились техногенные катастрофы и последствия мирового экономического кризиса (их в той или иной степени опасается более 80%). Несколько ниже (на общем высоком уровне тревожности) оказалась обеспокоенность политическим экстремизмом, разгулом преступности, коррупцией и беззаконием, что подкрепляет государственнический компонент патриотического настроения, как и относительно низкий (на общем фоне) уровень опасений этнических конфликтов, государственного переворота, анархии и полной утраты традиций и культуры (примерно каждый пятый считает таковые реальной угрозой, общий уровень тревожности не достигает 70%, за исключением опасений столкнуться с коррупцией и беззаконием – свыше двух третей опрошенных), т.е. тех угроз, которые свидетельствуют о слабости государства.

Приведенные данные вряд ли позволяют говорить о позитивном социальном настроении молодежи, однако большинство угроз – это устойчивые сюжеты политического и медийного дискурса, которые превращают их в реалистичные угрозы в собственных интересах. Об этом свидетельствует то, что большинство студентов узнают о подобных опасностях из средств массовой информации (свыше 70% назвали телевизор и Интернет), а не от близких и знакомых (28%). Кроме того, невзирая на высочайший уровень декларируемой социальной тревожности, большинство студентов смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом (каждый второй) или спокойно, хотя без особых надежд и иллюзий (39%), тогда как с тревогой и неуверенностью – каждый десятый, а со страхом и отчаяни-

ем – 3%. Здесь можно было бы сослаться на неизбывный юношеский оптимизм, однако версия об уверенности молодежи в нереалистичности большинства угроз представляется более убедительной.

Второе условное «измерение», которое подкрепляет и усиливает государственнический компонент молодежного самосознания – низкий уровень внешнеполитической обеспокоенности, о чем свидетельствует соотношение наиболее и наименее позитивно воспринимаемых стран. Стереотипные представления о других странах формируются либо стихийно (скажем, как следствие массового туризма или гиперпредставленности в кинематографе), либо целенаправленно – когда государство дискурсивно конструирует в общественном сознании образ страны-врага (для оправдания жестких решений) или, наоборот, страны-друга (для обоснования финансовой или иной помощи ей за счет своих налогоплательщиков). Считается, что наиболее активно стихийный механизм используется в демократических обществах, тогда как прочие типы социальных систем предпочитают целенаправленное воздействие.¹⁴³ Сегодня, видимо, корректнее говорить о переплетении элементов обоих механизмов в жизни любой страны, поскольку широкое распространение информационных технологий и относительная свобода географических перемещений снижают эффективность любых попыток государства воздействовать на общественное мнение.

Геополитическая картина мира, которая в значительной степени стихийно складывается в общественном мнении, обычно отличается от реального положения дел на международной арене и заполнена стереотипными или сказочно-мифологизированными представлениями, что характерно не только для рядовых граждан, но и для публичных полити-

¹⁴³ См., напр.: Колосов В. «Низкая» и «высокая» геополитика // <http://bd.fom.ru/report/map/oz02061904>.

ков, допускающих в своих выступлениях множество непростительных географических и исторических ляпов. В результате нередко именно мифологемы определяют восприятие/оценку массовым сознанием нынешнего мирового порядка как легитимного или неправильного, поэтому общественное мнение подвержено резким колебаниям – даже частное событие, в сложившийся стереотипный образ какой-то страны не укладывающееся, может быстро изменить вектор ее восприятия на прямо противоположный. Именно этот стереотипный «шум» относительно других стран, сформировавшийся в общественном мнении под воздействием средств массовой информации и политических технологий, мы и изучаем в ходе массовых опросов.

Подобные замеры неоднократно проводились кафедрой социологии РУДН в рамках уже упоминавшихся опросов студенчества. В 2016 году для выявления стран, к которым московские студенты относятся наиболее позитивно, был использован полузакрытый вопрос-меню с неограниченным количеством выборов, а для выявления стран, к которым респонденты относятся негативно – открытый вопрос (абсолютным лидером антирейтинга стали США, названные 44%). Позитивный рейтинг возглавила Белоруссия (ее выбрал каждый второй), наиболее позитивно студенты воспринимают также Китай, Италию, Испанию и Кубу (их указал примерно каждый третий), а антилидеры рейтинга (набравшие менее 10%) – Египет, Северная и Южная Корея и Австралия.

Безусловно, данные сложно интерпретировать: непонятен негативный образ Австралии – страны малоизвестной в России, а также уравнивание в негативном статусе Южной и Северной Кореи; в позитивной группе не очень понятно наличие Кубы (впрочем, можно связать это со схожим идеологическим прошлым двух стран и нарастающим потоком российских туристов). Приведенные данные показательны в том смыс-

ле, что в группе наиболее позитивно воспринимаемых стран присутствует ключевой геополитический соперник/партнер России – Китай, а также две европейские страны, которые не только лидируют среди туристических аттракций для россиян, но и в составе Европейского Союза наложили на Россию пакет санкций: респонденты перечисленные страны как угрозу не воспринимают, несмотря на их «враждебные» действия (применительно к Китаю речь может идти о непартнерских срывах соглашений и преследовании собственных интересов в ущерб сотрудничеству двух стран).

Социальная активность молодежи

Следует признать, что хотя с 1960-х годов в отечественной социологии значительное внимание стало уделяться вопросам жизнедеятельности молодых поколений в разных сферах общества, социализации молодежи, формирования ее интересов, ценностей, жизненных планов, субкультур, досуговых предпочтений, девиантных практик и т.д., социальная активность молодежи редко оказывалась в фокусе интереса. Не изменилась ситуация и в 1990-е годы, когда вследствие происходящих социально-экономических перемен особую значимость обрели проблемы молодежного рынка труда, безработицы, социальной адаптации, социального самочувствия и социальной защиты молодежи и молодых семей и др., хотя российские социологи стали использовать понятие «социальный потенциал молодежи» как обозначение интегральной характеристики качеств и возможностей молодежи (интеллектуальных, образовательных, духовных, нравственных, ценностно-мотивационных, трудовых, демографических, политических, протестных и т.д.), которые могут реализоваться тем или иным образом в заданных социально-экономических

условиях и, в свою очередь, оказать влияние на них и социально-политическое развитие общества.

Невнимание исследователей к понятию социальной активности в значительной степени определяется его размытостью и сложностями однозначного определения. Как правило, под социальной активностью понимается «объективно детерминированное субъективное отношение и социально-психологическая готовность личности к деятельности, которая проявляется в соответствующих актах поведения и представляет собой целенаправленную творческую деятельность, преобразующую объективную действительность и саму личность».¹⁴⁴ Наиболее развернутой и точной представляется трактовка социальной активности как «сознательной и целенаправленной деятельности личности и ее целостно-социально-психологического качества, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности»,¹⁴⁵ т.е. социальная активность выступает как «социально-психологическая, ценностная, профессиональная установка субъекта, реализуемая в его деятельности».¹⁴⁶

Движущими факторами социальной активности выступают не все потребности, а лишь те, удовлетворение которых имеет социальное значение, затрагивает общественные интересы. Соответственно, она направлена на удовлетворение и собственных потребностей личности, и решение общественно значимых задач¹⁴⁷ и реализуется в виде социально-полез-

---

¹⁴⁴ Христова И. Ч., Комаров Е. Г., Ищенко Т. В. Пути формирования социальной активности личности при социализме. М., 1972. С. 172.

¹⁴⁵ Коган В. З. Понятие «активность личности» как категория социальной психологии. М., 1971. С. 131.

¹⁴⁶ Потапова С. А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах Нижнекамска). СПб., 2005. С. 48.

¹⁴⁷ Серегин А. Н. Методика исследования социальной активности студенческой молодежи. М., 2008. С. 2.

ных действий под влиянием мотивов и стимулов, в основе которых лежат общественно значимые потребности. Субъектом социальной активности выступает человек, группа и другие общности в системе связей с социальной средой в процессе познания, деятельности и общения. Социальная активность обусловлена превращением интереса в фактор действия, противоречием между условиями существования и потребностями личности, направлена на ликвидацию данного несоответствия и движима внутренними мотивами, устремлениями и интересами индивида.

В структуре социальной активности выделяют четыре уровня: жизненная позиция высокого уровня активности, предполагающая социальную инициативу и творческую деятельность; жизненная позиция среднего уровня активности, отличающаяся ответственным отношением к обязанностям, но в то же время в ней наблюдается перевес репродуктивной деятельности; пассивная жизненная позиция, которая характеризуется низким уровнем активности, конформизмом на вполне здоровой социальной основе, а также добрыми намерениями, не подкрепленными необходимыми для их воплощения в жизнь навыками и умениями; пассивная жизненная позиция с потенциально-негативной направленностью, в основе которой лежит скептицизм, а также конформизм, но уже на основе социальных разочарований.¹⁴⁸

Целью социальной активности может быть как сам процесс деятельности и общения, так и их содержание. Например, донор крови, помогающий в постройке детского сада или собирающий средства для нуждающихся, в первую очередь, удовлетворяет личную потребность сделать доброе дело, помочь окружающим, т.е. с пользой для общества осуществляет сознательный и целенаправленный процесс самореализации.

¹⁴⁸ *Константинов В. Н.* Социальная активность и пассивность личности. Владимир, 1990. С. 12.

При альтруистически мотивированном поведении акт заботы о других людях, оказание им помощи осуществляются по собственному убеждению человека, при этом реализуются определенные жизненные ценности и социальные потребности – такова основа, например, волонтерской деятельности. К целям социальной активности можно отнести и результат деятельности и общения, когда они выступают средством достижения других социально-значимых целей. Участвуя, например, в мирных акциях для решения какой-либо проблемы, в сборе подписей жильцов дома для постройки детской площадки, молодые люди получают знания, умения и навыки организаторской работы и развивают свои лидерские способности, т.е. проходят своеобразное обучение, которое поможет им в будущей профессиональной или общественной деятельности. Целью социальной активности может быть результат деятельности и общения и как средство достижения узко-личностных целей: включение молодежи в социально-значимую деятельность может быть мотивировано вполне прагматическими задачами (карьерный рост, перспективы, открываемые участием в престижной молодежной организации и образовательных программах, получение рекомендаций для трудоустройства и т.д.).¹⁴⁹

Социальная активность может осуществляться в различных формах – личностная, групповая/коллективная, направленная на реализацию возможностей и интересов тех или иных социальных общностей (например, проведение акций по защите животных или по пропаганде здорового образа жизни и отказа от вредных привычек), личностно-институциональная (в рамках формальных объединений). Конкретные молодежные действия могут квалифицироваться как социально активные (личность полноценно включена в соци-

---

¹⁴⁹ Соколова Е. С. Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи. М., 2008.

альное взаимодействие); потенциально активные (осознание необходимости и ценности участия в социальном взаимодействии, но без включения в него); псевдоактивными (включение во взаимодействие, но без осознания его необходимости и ценности); социально пассивными (минимальное включение во взаимодействие, его ценность и значимость не осознаются или не признаются).¹⁵⁰

Как из года в год показывают массовые опросы, россияне в большинстве своем склоняются к мнению, что в решении социальных проблем от них ничего не зависит, а их шансы вхождения во властные структуры, обладающие реальными, а не декларативными рычагами воздействия на социальные процессы, невелики. Наше общество кажется его гражданам излишне иерархизированным, поэтому, как правило, существующие и/или осознаваемые проблемы пробуждают не столько желание проявить социальную активность (влияние на социальные процессы), сколько пассивное ожидание решения вопроса властями или же усилия по ее нормализации (воспринимается как повседневная обыденность).

Общий уровень и конкретные проявления социальной активности в обществе определяются как внешними, так и внутренними факторами, поэтому почти одинаково важны общая социальная ситуация, государственная политика, объективные институциональные возможности реализации социальной активности, свобода самовыражения, жизненная позиция личности, ее социальный статус, вовлеченность в различные группы, спектр личных интересов, доминирующие мотивы и т.д. В процессе социальной активности для личности важно скорее не удовлетворение социальных потребностей, а осуществление действий, приводящих к со-

---

¹⁵⁰ Харланова Е. М. Развитие социальной активности молодежи: традиции и инновации // Молодежь в социальном взаимодействии: самореализация, социальная активность, интеграция. Челябинск, 2010. С. 24.

циальным изменениям, которые обеспечат формирование благоприятных условий для реализации определенных групповых и личных интересов. Иными словами, социальная активность может осуществляться на двух уровнях: социальная активность «верхов» направлена на укрепление достигнутых позиций и предотвращение нежелательной социальной реконструкции; социальная активность «низов» на микроуровне и может носить как поддерживающий, так и протестный характер относительно сложившегося положения дел.

Наибольший практический интерес для социологического анализа социальной активности представляет теория практического рефрейминга.¹⁵¹ Данная теория была разработана ею на основе фрейм-анализа И. Гофмана и утверждает, что люди в большинстве своем действуют в рамках обывательского фрейма и отвергают активистские методы защиты своих интересов. Конечно, «обыватели» бывают разные и нельзя давать им единое определение: в многообразном мире обывателей две его крайности составляют «смирившиеся обыватели» (пассивные, плывущие по течению, живущие привычной для большинства жизнью и подчиняющиеся обстоятельствам) и «приватные акторы» (пытающиеся расширить границы своих возможностей и перестроить рамки допустимого под себя, не выступая при этом против общепринятых правил и действуя в целом рамках дозволенного). Если большинство составляют обыватели, то в меньшинстве оказываются «активисты». Переход от «обывателя» к «активисту» и называется «рефреймингом» или «фрейм-трансформацией».

Первый этап этой трансформации состоит в том, что некоторые из обывателей начинают по-другому воспринимать окружающую действительность, вследствие чего меняются сами. Когда проблема касается не одного человека, а группы,

---

¹⁵¹ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М., 2010.

действия по ее решению все еще относятся к обывательскому фрейму (человек может написать письмо с жалобой, обратиться к нужным людям, ругаться или бездействовать): чтобы произошла трансформация фрейма, человеку нужно иначе взглянуть на ситуацию. Стимулом может стать значимое событие, способное произвести сильное впечатление (личное потрясение, случайное участие в крупной акции общественного движения, знакомство с успешным «активистом»), но для разрушения обывательского фрейма и этого недостаточно – нужны определенные условия. Процесс трансформации зависит от того, как долго человек занимается активистской деятельностью, в какой степени вовлечен во взаимодействие с другими активистами. Чем дольше и теснее вовлеченность в сеть активистов, тем сложнее вернуться к обывательской жизни. Когда человек достигает состояния «невозвращения», за ним следует институционализация и «рутинизация» нового типа поведенческих паттернов: фрейм активного социального поведения укрепляется, появляются устойчивые структуры (формальные и неформальные) его воспроизведения во взаимодействии и при поддержке активистов. Впрочем, обывательский фрейм более привычен для общества, поэтому нередко активисты подвержены давлению среды, насмешкам и остракизму. Однако по мере укрепления трансформации фрейма уменьшается и сила противодействия, человек все менее подвержен влиянию общественного мнения и может настоять на своем, обращаясь к поддержке новых для него значимых других (активистов).

О. И. Шкаратан видит особенность российского общества в том, что социальные притязания измеряются не столько потенциалом активности, сколько возможностями благоустройства, обеспечения первичного включения в систему социальных связей.¹⁵² В России небольшое количество людей можно

---

¹⁵² Шкаратан О. И. Социология неравенства: теория и реальность. М., 2012. С. 498.

отнести к активистам, поскольку интерес россиян к социальной активности колеблется на уровне 6%-8%.¹⁵³ Россияне позитивно и высоко оценивают такие качества, как активность, инициативность и уважение к правам других: 38%-39% отводят им шестую и восьмую позиции (из двадцати) в ряду качеств, которые больше всего ценят в людях; 26% считают себя активными и инициативными; уважение к правам других обнаруживают в себе 31%. Сравнительно высокую позицию (одиннадцатое место) заняло и равнодушие: 30% ценят это качество в других, 32% считают, что сами им обладают. В ряду востребованных качеств встречаются и те, что свидетельствуют о слабой мотивации к решению общих проблем, а также о невысоком уровне ответственности за то, что происходит в стране. Готовность к решению общих проблем считают важной 18%, и только 13% приписывают его себе. Еще ниже актуальность такого качества, как ответственность за происходящее в стране (13%), и лишь 3% считают, что являются его обладателями.

Большинство россиян (58%) позиционируют себя как социально мобильных, способных к гармонии с постоянно обновляющимся и меняющимся миром – перемены пугают и ассоциируются с ухудшением жизни у 41%. Несмотря на то, что большинство отмечает готовность к активной борьбе за свои интересы (54%), высок процент сторонников приспособления к действительности (46%). Практически поровну разделились мнения по вопросу, как следует отстаивать свои интересы: 51% считает, что нужно это делать самостоятельно, полагаясь только на себя, 49% уверены, что действовать следует сообща, опираясь на поддержку единомышленников. По мнению подавляющего большинства (80%) в делах государства от простых граждан ничего не зависит: 65% полагают, что перемены

¹⁵³ Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М., 2010. С. 90.

возможны только под контролем власти и должны инициироваться «сверху»; 35% полагают, что это под силу инициативным гражданам и силам общества.

70% россиян не принимали участие в каких-либо формах общественной жизни за последние три года. Среди тех 30%, у кого все же был подобный опыт, наиболее популярны: коллективное обустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий (16%); сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (8%), участие в избирательных кампаниях (6%); участие в митингах, пикетах, подписании петиций и обращений (5%); лишь 2% принимали участие в деятельности общественных организаций женщин, ветеранов, молодежи, защитников природы, правозащитных, благотворительных организаций.

Если исходить из того, что наиболее активной и заинтересованной в самовыражении и внесении вклада в развитие общества является молодежь, можно предположить, что уровень социальной активности среди молодежи должен быть выше, чем по стране в целом. Базовые формы социальной активности российской молодежи отражены в аналитическом обзоре исследовательской группы ЦИРКОН на основе анализа ранее проведенных опросов общественного мнения.¹⁵⁴ Его авторы характеризуют нынешний этап развития гражданского общества в России как наличие широкого круга формальных возможностей для реализации человеком гражданской активности в рамках разноплановых общественных объединений и организаций, партий практически любых идеологических платформ, церкви, органов местного самоуправления и т.п. Основной смысловой стержень, вокруг которого фор-

---

¹⁵⁴ Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. Аналитический обзор по результатам общероссийских опросов Фонда «Общественное мнение». М., 2007.

мируется отношение молодежи к общественной работе, – возможность приносить пользу людям.

Однако о слабой вовлеченности молодежи в общественную жизнь говорят данные о формах участия молодых россиян в жизни общества. В четырех социологических опросах, проведенных разными центрами по сходному инструментарию за последние несколько лет, значительная часть молодых респондентов (46%-62%) заявляла, что за последний год не принимала участия в общественной и политической жизни. Среди наиболее распространенных форм общественного участия нет ни одной, которая представляла бы интерес для значительной части молодежи и могла бы локализовать потенциал ее социальной активности. Для российской молодежи наиболее характерны две формы социальной активности – участие в выборах в органы власти разного уровня и коллективное благоустройство подъездов, домов и прилегающих территорий (решение локальных проблем своего сообщества). Среди иных форм общественной активности, которые упоминает не менее 5%-7% молодежи, доминирует благотворительность – сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию (по данным Циркона показатель участия молодежи в возрасте 16–24 лет в благотворительности даже выше – 13%). Общий уровень участия молодежи в деятельности общественных организаций можно оценить в 3%-7%. Хотя этот показатель невысок, привлекательность общественных организаций для молодежи сегодня выше, нежели политических структур, в работе которых участвуют только 2%-3% (в органах местного самоуправления, домкомах и кооперативах – 1%-2%).

Через общественные и благотворительные организации действует около 9% молодых россиян (частным образом, минуя какие-либо организации, в благотворительности и общественно-полезной деятельности – около 33%). Наиболее

приемлемые и предпочтительные формы – нефинансовая материальная помощь (46%) и волонтерство (43%): молодежь предпочитает сбор и передачу вещей и продуктов нуждающимся людям (48%), участие в поездках в социальные учреждения (детские дома, дома инвалидов, престарелых, больницы), которые часто предполагают сбор и передачу вещей нуждающимся (38%). Среди возможных для себя видов деятельности респонденты называют также донорство, коллективные акции (молодежные, культурно-просветительские, правозащитные и т.д.), помощь на дому инвалидам, многодетным семьям, престарелым одиноким людям (23%-32%).

В целом доля молодых россиян, реально участвующих в деятельности разных некоммерческих организаций и гражданских инициативах не превышает 5% (эта цифра далека от зафиксированного выше уровня готовности к общественно-полезной деятельности). Профсоюзные организации, имеющие широкую формальную сеть, сумели вовлечь в нее самую большую долю молодежи (5% принимают участие в профсоюзных мероприятиях, 2% работают на добровольной основе, 1% – за деньги). Различные неформальные объединения и организации привлекли примерно 7%-8% молодежи, ниже всего уровень ее участия в деятельности политических партий (3%). Большинство опрошенных студентов (74%) заявили, что не состоят ни в каких общественных организациях.

Одной из наиболее приемлемых форм социальной активности для молодежи является благотворительность в формате поддержки деятельности соответствующих организаций и гражданских инициатив. Конкретные направления благотворительности, в которых могла бы принять участие нынешняя молодежь, связаны, прежде всего, с оказанием помощи детям-сиротам и отказникам (78%), беспризорникам (52%) и представителям таких социально уязвимых групп, как пожилые люди и инвалиды (41%-44%). Значительное число

молодых россиян выражают готовность участвовать в благоустройстве территорий (27%), экологических программах (26%), акциях по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, СПИДом (24%), работать волонтерами в больницах (23%).

К сожалению, в России масштабы реальной (и не только финансовой) помощи общественным организациям и гражданским инициативам серьезно отстают от декларируемой готовности, точно так же доля тех, кто готов помогать благотворительным инициативам в разы превышает долю тех, кто реально оказывал им помощь. Тем не менее, примерно пятая часть молодежи в течение прошедшего года лично участвовала в благотворительной помощи деньгами незнакомым нуждающимися людям.

Таким образом, в целом можно констатировать отчужденность большей части российской молодежи от активной и социально ответственной общественной жизни: по разным оценкам, 60%-65% молодых россиян никогда в ней не участвовали и не собираются этого делать, а личный опыт общественной работы остальных носит временный и несистемный характер. Кроме того, молодые люди не ориентированы на институциональные формы социальной активности (в рамках организаций и объединений), и основные ее каналы сегодня – частные индивидуальные инициативы или же деятельность неформальных групп. При этом мотивы участия молодежи в общественно-полезной деятельности варьируют от искреннего желания помочь (милосердия) до преследования рациональных и вполне прагматичных целей самореализации и социальной мобильности (улучшить материальное положение, расширить социальные сети, сделать карьеру или получить профессиональные навыки).

В последние годы в российском обществе, судя по тематике социологических исследований и выступлениям официальных представителей партийных структур и государствен-

ного аппарата, возрос интерес к мотивации и проявлениям социальной активности, особенностям гражданской идентичности, восприятию политических институтов и протестному потенциалу общества в целом и молодежи в частности. Н. Зоркая (Левада-Центр) полагает, что «молодежь сегодня – наиболее приспособившаяся группа населения, циничная и нацеленная в первую очередь на себя».¹⁵⁵ Л. Гудков, директор «Левада-центра», объясняет это тем, что «молодежь воспринимает сегодняшнее состояние российской жизни как вполне благополучное, ей кажется, что у нее есть то, чего она хочет, – возможности потреблять, развлекаться, сидеть в чатах. Сегодняшняя молодежь отличается в целом невысокими запросами, в основном прагматическими, – хочет большую зарплату, быструю карьеру, ориентирована на определенный уровень потребления».¹⁵⁶ Способствует подобной аполитичности молодежи и то, что «в России гражданская культура является недостаточно зрелой, ...уровень гражданского самосознания является низким, причем это относится ко всем слоям российского общества».¹⁵⁷ Результаты социологических исследований показывают, что молодежь, как правило, не готова жертвовать личным благополучием ради общезначимых целей, в целом россияне готовы действовать в интересах страны только если это не повредит их интересам.¹⁵⁸

Как правило, приведенные оценки базируются на различных «замерах» гражданской активности и патриотического

---

¹⁵⁵ *Ревоненко А.* Молодежь аполитична и прагматична: Эксперты о протестном потенциале студентов // <https://openrussia.org/post/view/18923>.

¹⁵⁶ *Цветкова Р.* Лев Гудков: «Молодым в стране не хватает воздуха» // http://www.ng.ru/ng_politics/2016-03-01/9_young.html.

¹⁵⁷ *Трофимова И. Н.* Гражданская компетенция: государственная политика или возможность для гражданина // Россия реформирующаяся. Вып. 13 / Отв. ред. М. К. Горшков. М., 2015. С. 92.

¹⁵⁸ Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: Информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования. М., 2015. С. 13.

настрою, но в вопросах не всегда проводится разграничение государства и страны/общества, что действительно приводит к достаточно низким (декларируемым) показателям гражданской ответственности россиян применительно к широкому социальному кругу – на уровне своего города или страны. Так, Фонд «Общественное мнение» регулярно рассчитывает индекс гражданской ответственности, используя метод опроса (интервью) по месту жительства, и результаты подтверждают, что россияне в разной мере чувствуют ответственность за то, что происходит на той или иной социальной дистанции. «Индекс рассчитывается по ответам респондентов на вопросы о готовности брать на себя ответственность за происходящее на ближней, средней и на дальней социальной дистанции: “Вы чувствуете или не чувствуете ответственность за то, что происходит в доме, во дворе, где Вы живете?”; “Вы чувствуете или не чувствуете ответственность за то, что происходит в нашем городе?”; “Вы чувствуете или не чувствуете ответственность за то, что происходит в нашей стране?”. Утвердительному ответу на каждый из трех вопросов присваивается 1 балл, а отрицательному ответу – 0 баллов. Набранная респондентом сумма баллов нормируется... и значение индекса для каждого респондента вычисляется как средний балл по трем вопросам... от 0 до 100. Значение индекса в той или иной социальной группе вычисляется как среднее значение по респондентам, входящим в эту группу. Среднее значение индекса по стране в 2014 году... составило 56 баллов».¹⁵⁹ Около половины россиян готовы нести ответственность за происходящее в родном городе, селе, и 41% – за происходящее в стране.

Всероссийский центр изучения общественного мнения измеряет индекс моральной ответственности на основе вопроса «По Вашему мнению, несет ли человек моральную ответ-

---

¹⁵⁹ Индекс «Гражданская ответственность» // <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11691>.

ственность...»¹⁶⁰: ответу «безусловно, несет» присваивается коэффициент «2», «в какой-то мере несет» – коэффициент «1», «затрудняюсь ответить» – «-1» и «безусловно, не несет» – «-2»; соответственно, индекс может принимать значение от -200 до 200 пунктов. Так, в 2014 году индекс ответственности за происходящее в государстве составил 4 пункта (в 1989 году – 20 пунктов), индекс ответственности за действия людей своей национальности – 15 пунктов (в 1989 году – 6), а индекс ответственности за поступки родных – 55.

По данным ежегодных опросов «Левада-Центра», большинство россиян (73%) считают невозможным влиять на то, что происходит в стране, – отсюда низкий уровень ответственности за происходящее в ней (64%).¹⁶¹ Что касается отношения к политике, то за прошедшие три года стабильной остается и доля тех, кто совсем не интересуется политикой (каждый пятый), и тех, кто «скорее, интересуется» и «очень интересуется» (около 40%). При этом выросла доля тех, кто определенно не готов более активно участвовать в политике – с 36% до 46%, но не снизилась доля тех, кто в какой-то мере и определенно готов к этому – 19% и 18%

Казалось бы, если в основном россияне столь аполитичны и не хотят принимать участие ни в каких видах политической активности, то, возможно, иной будет ситуация с социальной активностью в связи с разными форматами взаимной поддержки различных сообществ. Однако это предположение не подтвердилось. Так, по данным «Левада-Центра», добровольчеству, волонтерству, работе в общественных организациях и социальных инициативах более-менее регулярно отдают свое свободное время лишь около 2% россиян.¹⁶² Наиболее распро-

¹⁶⁰ Российская идентичность: мы вместе? // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115072>.

¹⁶¹ Общественное мнение-2016. М., 2017. С. 42.

¹⁶² Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М., 2014. С. 29.

страненными оказались такие виды «общественной активности», как подавание милостыни (31%), участие в субботниках, обустройстве территории, подъезда, двора, детской площадки (22%), пожертвование одежды, вещей, игрушек малоимущим, бездомным, детским учреждениям, пострадавшим от стихийных бедствий (17%) и участие в собрании товарищества собственников жилья, дачного кооператива, родительского комитета (13%). Значительная часть россиян не участвовала ни в каких формах общественной активности (41%).

Согласно данным Фонда «Общественное мнение»,¹⁶³ россияне по степени вовлеченности в добровольческую активность можно разделить на три группы. Волонтеров отличает интенсивное участие в добровольчестве и активная гражданская позиция: в течение последнего года они хотя бы раз участвовали в деятельности некоммерческих организаций, в массовых акциях, демонстрациях, забастовках, митингах, шествиях или в работе профессиональных сообществ, профсоюзов. Активисты более спонтанно и нерегулярно участвуют в социальных инициативах, причем их участие локализовано на ближней социальной дистанции: в течение последнего года им приходилось заниматься общественными проблемами по месту жительства и помогать незнакомым людям. «Обыватели», судя по названию категории, наименее социально активны, вернее, готовы помогать и объединяться только ради своего ближайшего окружения (друзья, коллеги, соседи, хорошие знакомые и пр.). К данным трем группам относятся те, кто хотя бы минимально задействован в добровольчестве, тогда как остальные респонденты были разделены на две группы: те, кто каждый день пользуется Интернетом, т.е. «web-обыватели», и «аутсайдеры» – не включены ни в какие форматы социального взаимодействия.

---

¹⁶³ Акторы добровольчества // <http://fom.ru/TSennosti/11663>.

Чтобы оценить, насколько приведенные выше низкие показатели социальной активности верны и для молодых поколений, обратимся к данным социологических исследований, проведенных на базе Социологической лаборатории РУДН в 2016 году. Согласно результатам нескольких опросов среди студентов РУДН (была использована квотная выборка, отражающая структуру генеральной совокупности по критериям факультета и курса обучения), больше половины респондентов не участвовали в общественной активности за последний год (57%). Однако достаточно высока (по сравнению с общероссийскими показателями) доля тех, кто участвует в таковой регулярно, несколько раз в год и чаще – 39%. Наиболее заполненными оказались две градации социальной активности – полное отсутствие и регулярное участие, тогда как эпизодически вовлеченных в нее всего лишь 5% (Рис. 7).

Рисунок 7. «Приходилось ли тебе за последний год участвовать в каком-либо виде общественной активности?»

Относительно невысокую степень вовлеченности молодежи в социальную активность подтверждают и данные Фонда «Общественное мнение» за 2017 год¹⁶⁴: 65% молодых россиян никогда не участвовали в работе волонтерских организаций и не занимались благотворительностью; 74% никогда не участвовали в массовых мероприятиях или флешмобах; 65% не подписывали петиции или коллективные письма. Лишь 16% молодых респондентов когда-либо участвовали в митингах, демонстрациях или акциях протеста, а 62% не допускают для себя подобной возможности, потому что такие мероприятия связаны с проблемами, которые не волнуют их и их близких. Принимая во внимание результаты опроса в РУДН (хотя речь ни в коем случае не идет о сопоставлении данных), следует, видимо, признать, что университетская среда повышает заинтересованность и реальное участие молодежи в разных форматах общественной активности.

Опираясь на результаты российских и наших опросов в РУДН, обозначим основные причины неучастия (незаинтересованности) молодежи в общественной деятельности: отсутствие материальной выгоды («невысокая заинтересованность связана с установкой на “зарабатывание денег”»; «сначала нужно помочь себе, себя прокормить, для себя заработать, а потом уже помогать другим... молодежь (и не только) вынуждена полжизни работать на квартиру или оплачивать дорогостоящее обучение, очень много барьеров, а если сам неблагополучный, то тебе не до общественной деятельности»); отсутствие интереса/желания/времени/мотивации («наличие альтернативных интересов»; «не интересно»; «ноль стимула и мотивации»); недостаточная информированность («молодежь недостаточно информирована о всех прелестях участия в общественных объединениях и видит только ми-

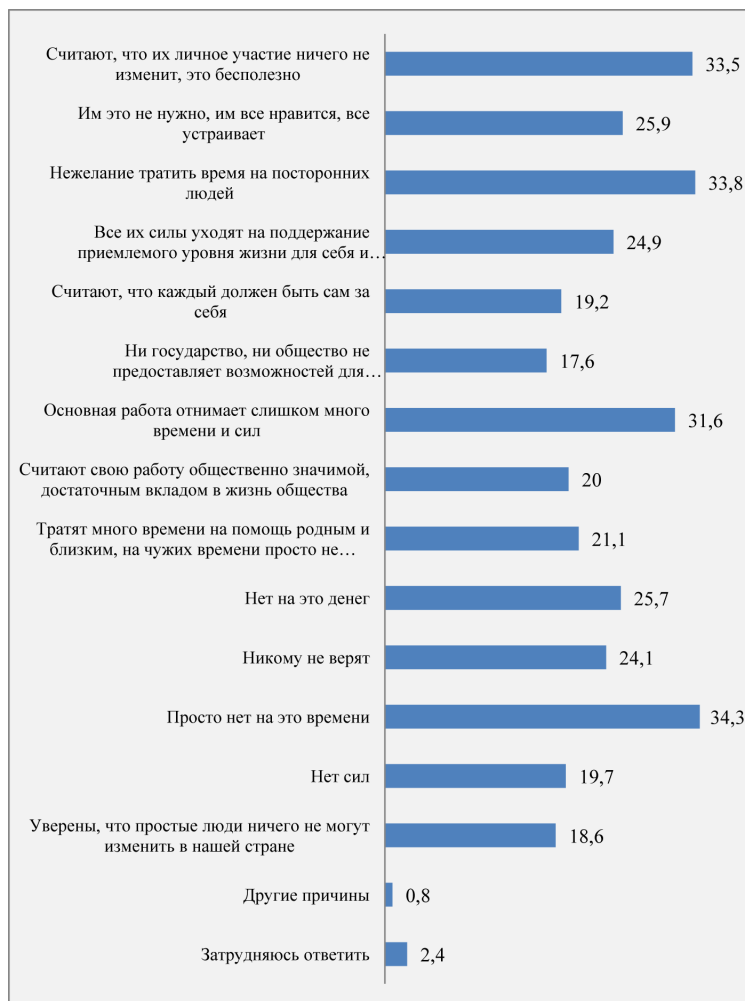
¹⁶⁴ Социальная и политическая активность молодежи. Какие виды активности распространены среди молодых? // <http://fom.ru/TSennosti/13286>.

нусы»; «очень слабая информационная составляющая в продвижении некоммерческих молодежных организаций»); негативный образ общественных объединений («престиж работы в общественных организациях невысок»; «негативное восприятие политических движений»).

Среди студентов РУДН эти причины распределены следующим образом: просто нет на общественную активность времени (34%); считают, что их личное участие ничего не изменит, это бесполезно (34%); не желают тратить время на посторонних людей (34%); основная работа отнимает слишком много времени и сил (32%); социальные инициативы им не нужны, им все нравится, все устраивает (26%); нет на это денег (26%); все силы уходят на поддержание приемлемого уровня жизни для себя и своей семьи (25%); никому не верят (24%); тратят много времени на помощь родным и близким, на чужих времени просто не остается (21%); считают свою работу общественно значимой, достаточным вкладом в жизнь общества (20%); нет сил (20%); считают, что каждый должен быть за себя (19%); уверены, что простые люди ничего не могут изменить в стране (19%); убеждены, что ни государство, ни общество не предоставляют возможностей для гражданской активности (18%) (Рис. 8).

Негативный (вернее неоднозначный) имидж общественных организаций, конструируемый российскими средствами массовой информации, обуславливает то, что они не вызывают доверия у большинства студентов: менее половины отметили, что полностью или скорее доверяют общественным организациям (45%); аналогична доля доверяющих международным неправительственным организациям, которые работают в России (43%), тогда как доверие благотворительным фондам выше (52%). Однако когда речь заходит о собственном будущем, мнения респондентов распределяются иначе: каждый третий не видит себя в общественной деятельности

или затрудняется однозначно ответить на вопрос (по 30%); 28% хотели бы стать участниками или руководителями общественного объединения; 15% не отказались бы связать свое будущее с политической деятельностью.

Рисунок 8. «Почему люди НЕ участвуют регулярно в деятельности общественных организаций/инициативах?»

Среди тех 39% студентов РУДН, кто заявил о регулярном участии в общественной активности, предпочтения распределились следующим образом: помощь деньгами детским домам/домам престарелых/приютам для животных и пр. (18%); волонтерская помощь тем же организациям (23%); сбор/передача вещей в эти учреждения (24%); участие/помощь в городских субботниках (12%); участие/помощь в городских, районных мероприятиях и пр. (19%). По мнению опрошенных, основными движущими мотивами людей, на регулярной основе вовлеченных в социальную активность, являются стремление сделать мир лучше и принести пользу людям (47%), сам факт участия в общественной жизни и удовольствие от подобной деятельности (по 36%); несколько реже – обретение новых знакомств и хорошая компания (31%), шанс почувствовать себя нужным (30%), получение шанса на индивидуальное продвижение и самореализацию (27%) или просто нового жизненного опыта (21%); защита собственных прав (22%), выполнение гражданского долга по принципу «кто, если не я?» (23%), надежда на материальное вознаграждение (19%) или избыток свободного времени (17%) (Рис. 9).

Мнение об условно «бескорыстных» мотивах участия в общественных инициативах преобладает среди тех, кто полагает, что жизнь в нашей стране в последнее время становится все лучше и безопаснее, и, видимо, в таких условиях, по мнению респондентов, людям проще реализовывать стремление «сделать мир лучше, принести пользу людям» и просто «принимать участие в общественной деятельности». Те, кто полагает, что в нашей стране либо ничего не меняется, либо жизнь становится хуже и опаснее, чаще называют в качестве мотивов социальной активности личные интересы – «надежду на построение карьеры», «возможность новых зна-

комств», хороший старт для индивидуального продвижения и самореализации.

Рисунок 9. «По твоему мнению, какие мотивы движут людьми, которые на регулярной основе занимаются общественными инициативами?» (в %)

Таким образом, мотивы социальной активности молодежи можно разделить на социальные (гражданский долг и ответственность, стремление сделать общество справедливым, оказание помощи), селективные (профессиональные перспективы, карьера, возможность подработать), компетентностные (получить новые знания и навыки, организационный опыт, найти единомышленников), мобилизационные (влияние друзей, семьи, принуждение).¹⁶⁵ Впрочем, типология мотивов общественной деятельности может быть и более простой, такой, какая была составлена нами по результатам экспертного опроса, проведенного в 2015 году методом полуструктурированного интервью с 65 представителями российских неполитических общественных объединений:

– самореализация: «стремление к грамотной и созидательной самореализации и намерение развиваться»; «возможность самовыражения»; «личностный рост»; «саморазвитие, получение жизненного опыта»;

– желание изменить мир: «изменить окружающую действительность, создавать актуальные форматы для самореализации молодежи, помогать нуждающимся»; «быть полезным обществу»; «гражданская позиция, желание улучшить социальный климат»; «возможность помочь людям, защитить их интересы, быть на стороне справедливости и разума»; «развивать молодежную политику, ... помогать в росте и развитии молодых людей и детей»;

– сочетание того и другого: «желание создать собственную команду и изменить действительность»; «желание делать хорошие дела и развиваться»; «желание приносить пользу и видеть реальный результат от деятельности; необходимость в самореализации, личностном росте»;

---

¹⁶⁵ Николаева А. А. Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности современной российской студенческой молодежи. Орел, 2012. С. 106.

– совпадение личных интересов с деятельностью общественного объединения: «интерес к деятельности и масштаб организации»; «желание активного образа жизни, интересные мероприятия».

Независимо от мотивов социальной активности, несомненно одно: ее восприятие и степень вовлеченности в нее молодежи зависит и от объективной ситуации в обществе, и от ценностных ориентаций и социального самочувствия молодых поколений. Так, студенты РУДН не очень оптимистичны в оценках общей ситуации в стране: лишь 17% считают, что жизнь становится все лучше и безопаснее; каждый третий полагает, что ничего не меняется, каждый четвертый – что жизнь становится все хуже и опаснее. Тем не менее, в будущее студенты смотрят либо с надеждой и оптимизмом (41%), либо спокойно, без особых надежд и иллюзий (35%); существенно меньше доля тех, кто испытывает тревогу, неуверенность (18%) и, тем более, страх и отчаяние (7%).

Видимо, подобные оценки в значительной степени определяются представлениями студентов о том, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед российской молодежью. Среди «лидеров» оказались алкоголизм (60%), наркомания (51%) и курение (46%), а также морально-нравственная деградация общества (41%) и безработица (36%). Примерно каждый пятый опрошенный назвал также недоступность образования (22%), преступность (20%), экономическую ситуацию в стране (18%), нехватку материальных средств (17%), коррупцию власти (17%), отсутствие взаимопонимания с родителями (16%) и т.д.

Другой фактор, который также снижает мотивацию участия в общественной деятельности, – доминирующие трактовки жизненного успеха. Почти для половины студентов успех ассоциируется, прежде всего, с материальным достатком (47%), карьерными достижениями (44%) и творческой самореализацией

(42%), чуть реже – с семейным благополучием (37%), но общественное признание и славу отметил лишь каждый пятый (19%). Причем результаты общероссийского опроса Фонда «Общественное мнение» в 2016 году¹⁶⁶ показывают, что значительная доля молодежи (60%) считает, что ей сложно будет добиться успеха в жизни и реализовать себя (основные причины – высокий уровень безработицы и сложности с трудоустройством, бедность и коррупция, платное образование и невнятная политика государства, крайне редко упоминается инфантилизм молодежи, ее избалованность и инертность). Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения за 2017 год¹⁶⁷ также подтверждают ориентацию молодежи на ценности, не стимулирующие активную общественную деятельность: доход, порядок и стабильность и самореализацию.

Иными словами, российская молодежь сталкивается со значительным числом объективных проблем, весьма пессимистично оценивает свои жизненные перспективы и опирается на устойчивую систему ценностей, которая не подкрепляет активную гражданскую позицию и заинтересованность в волонтерской деятельности или в социальной активности в целом (молодые люди не видят в ней смысла, тем более, не ощущая поддержки со стороны общества и государства). Поэтому говорить однозначно о социальной пассивности или аполитичности молодежи вряд ли корректно: есть немало социологических свидетельств, что молодые люди, особенно студенты, проявляют интерес и готовность к участию в общественной деятельности, пусть в основном и на очень близкой «социальной дистанции».

---

¹⁶⁶ Молодежь о молодежи. Молодежь говорит о своих особенностях и о трудностях в жизни // <http://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>.

¹⁶⁷ Молодежь и политика: точки соприкосновения // https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-05-22_cennosti.pdf.

ЧАСТЬ 2

СТРАХИ И ОПАСЕНИЯ МОЛОДЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Мировоззренческие доминанты: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов и опасений

Изучение ценностных ориентаций давно стало одним из базовых исследовательских направлений Социологической лаборатории РУДН не только в «диагностическом», но и в сравнительном контексте, поскольку речь идет о становлении молодых поколений целого ряда стран, в историко-схематичном плане проходящих схожие этапы «постсоциалистического» развития, пусть и с разным успехом, по разным траекториям и моделям. Безусловно, ценностная проблематика обладает вневременной актуальностью, но в последние годы она стала особенно популярной и фактически доминирующей в массовых опросах населения большинства стран мира, потому что принципиально важна для понимания не только происходящих сегодня, но и прогнозируемых на ближайшую и среднесрочную перспективу социальных, экономических, политических, идеологических и демографических перемен. В социологии разработано немало концепций ценностных ориентаций и апробировано множество методических решений для их верификации, благодаря чему любой исследователь, заинтересованный в характеристике отдельных ценностных ориентиров конкретных социально-демографических или профессиональных групп или же в обозначении общих мировоззренческих контуров массового сознания, получает в свое распоряжение практически готовые и доказавшие свою эвристичность модели теоретической, эмпирической и операциональной интерпретации предмета своего изучения.

Понятие ценностных ориентаций носит междисциплинарный характер: вряд ли можно назвать хотя бы одного известного философа, социального психолога, социолога и т.д., который не предложил бы своей трактовки ценностей с учетом свойственного его дисциплинарной области уровня абстракции, ориентации на соответствующую «диагностическую» работу, возможных терминологических и концептуальных контекстов и практического применения. В социологии вполне равноценно употребляются понятия «ценности» и «ценностные ориентации»: многие авторы считают их синонимами, хотя правильнее разводить ценности как абстрактные, общие понятия, некий «интерес эпохи», отражающий доминирующую в ней идеологическую матрицу, и ценностные ориентации – как реальное претворение «интереса эпохи» в поведении и жизненных ориентирах индивидов и групп. С другой стороны, подобное разведение показывает, что любые концептуальные и операциональные определения ценностных ориентаций должны учитывать классические социологические концепции, основу которых заложил М. Вебер в теории социального действия – оно «по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него».¹⁶⁸ Один из веберовских идеальных типов действия – ценностно-рациональное – «основан на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет»,¹⁶⁹ т.е. в основе ценностно-рационального действия лежат ценности как ориентир, объясняющий действия и мотивацию.

Концептуальные основы социологической работы с понятиями ценностей и ценностных ориентаций разрабатывали

¹⁶⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602.

¹⁶⁹ Там же. С. 628.

многие ученые, одно перечисление которых заняло бы несколько страниц, поэтому обозначим лишь базовые терминологические и теоретико-интерпретационные контексты социологического «разговора» о ценностях, принципиально важные для эмпирических исследований, посвященных мировоззренческим доминантам массового сознания. Так, согласно Э. Дюркгейму, существует два типа суждений: понятия – выражают факты (реальное положение дел) – и ценностные идеалы – фиксируют желаемое, идеальные представления. В любом обществе существует «объективная» система экономических, нравственных, эстетических «идеалов», с которой индивиды одновременно вынуждены и желают соотносить собственное поведение, поскольку «...общество является творцом и хранителем всех благ цивилизации, к которым мы привязаны всеми силами нашей души... не только повелевает, но несет добро и милосердие».¹⁷⁰ Продолжает эту линию рассуждений Т. Парсонс, для которого ценности – один из четырех типов независимых переменных (наряду с нормами, коллективами и ролями), объясняющих структуру социальных систем: «ценности... суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств».¹⁷¹

У. Томас и Ф. Знанецкий, анализируя две взаимодополняющие зависимости, объясняющие процесс адаптации польских крестьян-эмигрантов к новым социокультурным реалиям (индивида от организации и организации от индивида), ввели в социологию понятие «социальная установка» для обозначения «состояния сознания индивида относительно некоторой социальной ценности», т.е. как своеобразный аналог цен-

---

¹⁷⁰ Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 108.

¹⁷¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 17.

ностных ориентаций, более эвристичный по причине своей трехуровневой структуры. Тем самым они положили начало эмпирическим исследованиям ценностных ориентаций и социальных установок, оказывающих направляющее влияние на поведение, и качественного подхода к изучению ценностных ориентаций, хотя соответствующие социологические проекты тяготеют к количественному подходу – использованию формализованного инструментария на больших репрезентативных выборках.

Дальнейшие социологические разработки проблематики ценностных ориентаций развивались в трех направлениях: во-первых, это, условные концептуальные уточнения прежде разработанных теорий и моделей вне критического контекста, в целях валидации эмпирических «замеров». В частности, исследователи пытались объяснить «парадокс Лапьера» – расхождение декларируемого и реального поведения: М. Смит выделил три компонента социальной установки – когнитивный, эмотивный и конативный, а М. Рокич развел установки на объект и на ситуацию, т.е. терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). В. А. Ядов предложил собственную модель регуляции поведения личности, рассматривая ценностные ориентации в системе других диспозиций, которые организованы иерархически: на самом высоком уровне находятся элементарные фиксированные установки (базовые человеческие потребности), затем идут социальные фиксированные установки (классически понимаемые, состоящие из трех компонентов – когнитивного, эмотивного и поведенческого), на третьем уровне – базовые социальные установки (общая направленность интересов), на низшем уровне, зависящем от всех предыдущих, – ценностные ориентации (смысложизненные ориентиры).¹⁷²

---

¹⁷² Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

Второе условное направление развития ценностной проблематики в социологических исследованиях – моделирование и апробация вариантов эмпирических «замеров», которые нередко предпринимались в сравнительном (поколенческом, временном, страновом и пр.) контексте. Наиболее известны сегодня методики Г. Олпорта, М. Рокича, Р. Инглхарта, подходы, основанные на иерархии потребностей А. Маслоу и «теории содержания и структуры ценностей» Ш. Шварца, и др. В изучении ценностей в кросскультурном контексте обычно применяется стандартный метод ранжирования (методика М. Рокича), метод парных сравнений (методика А. Эдвардса), метод оценки высказываний (опросники С. Морриса, Ш. Шварца, Л. Б. Косовой), метод выбора из нескольких альтернатив (методики Г. Олпорта, Ф. Клакхона и Ф. Стродтбека, Л. Гордона), реже контент-анализ (М. Гудман) и техника семантического дифференциала,¹⁷³ причем при наличии соответствующих возможностей социологи предпочитают использовать сразу несколько методических решений для повышения надежности и валидности данных.

Третье направление – сравнительные исследования ценностных ориентаций, которые больше чем за полвека своего развития фактически оформились в отдельную область социологии с обширными теоретическими и методологическими наработками. Например, Р. Инглхарт с 1970-х годов отслеживает изменения обществ в эпоху постмодерна, разводя материалистические (акцент на экономической и физической безопасности) и постматериалистические (на первом плане самовыражение и качество жизни) ценности и предложив теорию межгенерационного изменения ценностей.¹⁷⁴ В целом

---

¹⁷³ Емельяненко Т. В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: 4М. 1997. № 9.

¹⁷⁴ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.

множество проведенных на сегодняшний день сравнительных исследований можно условно разбить на три группы: массовые опросы, основанные на разных методических решениях, но с приоритетом количественного подхода; применение качественного подхода на небольших выборках; вторичный анализ результатов мониторинговых проектов или данных, собранных независимо друг от друга, но допускающих, пусть и ограниченный по возможностям выводов, сопоставительный анализ. Важность сравнительного контекста во всех его вариациях несомненна: «анализ изменений, происходящих в ценностных ориентациях отдельных социальных групп, позволяет глубже понять особенности трансформаций, происходящих в обществе в целом, определить место современных социально-политических событий в историческом процессе, спрогнозировать сценарии трансформации социально-политических сил».¹⁷⁵

Итак, ценностные ориентации на протяжении более чем ста лет находятся в фокусе социологического интереса, что позволило накопить и систематизировать знания о содержании и структуре мировоззрения людей в разных странах в разные исторические периоды и валидизировать методологические подходы и методики эмпирического «измерения». Однако, несмотря на активную разработку проблематики катастрофического/кризисного сознания в социологическом контексте в последние десятилетия и институционализацию социальных страхов как предмета социологического анализа, данные тематики – с одной стороны, ценностей, с другой – рисков, опасностей и угроз на макро- и микроуровне как порождающих массовые страхи и тревоги – редко взаимосвязываются в эмпирических исследованиях, хотя общепризнанно, что

---

¹⁷⁵ *Бокарев В. А.* Трансформация и развитие социально-политических ориентаций учащейся молодежи московского мегаполиса на рубеже XX–XXI вв.: Автореф. дисс. д. с. н. М., 2009. С. 3.

современный человек живет в «обществе риска», в котором устойчивой формой массового сознания стало «катастрофическое», а основные источники опасностей и угроз изменились таким образом, что большая часть страхов социально детерминирована.¹⁷⁶ Это, прежде всего, страхи социальных объектов и ситуаций (их «репертуар» и степень проявленности у различных групп по отношению к разным объектам могут существенно различаться).

Проблематика страхов более междисциплинарна, чем ценностная, причем сугубо социологический контекст здесь вычленишь сложнее не только в силу исторической «новизны» обращения социологии к данной предметной области, но и по причине более ранней институционализации и популярности соответствующих исследовательских направлений в иных дисциплинарных полях. Теоретико-методологические аспекты философского осмысления феномена страха с точки зрения его онтологического и аксиологического значения берут свое начало еще в Античности, с тех времен последовательно обогащаясь гносеологическими и психологическими акцентами, не менее внушительна психологическая традиция изучения страхов и – шире – явлений «тревожного ряда». Так, например, З. Фрейд считал страх «узловым пунктом», в котором сходятся самые важные вопросы душевной жизни человека, и выделял два основных вида страхов: реальные – реакции на восприятие внешней опасности, и невротические – субъективные состояния, возникающие как повторение определенного значительного переживания в прошлом, а не как ответ на конкретную угрозу (она может провоцировать подобный страх, но он не соответствует ей по степени значимости, например, это фобии).¹⁷⁷

---

¹⁷⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

¹⁷⁷ Фрейд З. Истерия и страх. М., 2006.

Несмотря на столь внушительную концептуальную проработку на протяжении длительного времени и апробацию многообразных познавательных средств исследования страха, данное понятие остается дискуссионным в силу отсутствия единого подхода к его теоретической и эмпирической интерпретации в ситуации наличия огромного количества терминологически близких или пересекающихся понятий и, соответственно, нерешенных вопросов. Насколько близки страх и тревога (по своей сути, механизмам и способам реализации) и какова их динамика? Каково соотношение позитивного и отрицательного в страхе как эмоциональном состоянии, а также реального, потенциального и воображаемого в его продуцировании? Каково соотношение личностных и ситуативных факторов в возникновении страха, биологических и социальных (культурно детерминированных, приобретенных в ходе социализации) активаторов страха? Или же следует говорить о типах страхов (биологические, социальные, моральные, дезинтеграционные; мистико-психологические, социально-оценочные, общебытийные, пространственные, перед агрессией и превосходящей силой, телесные, зависимостные и т.д.)? Не существует универсальной классификации страхов в целом, а также тех страхов, что считаются социальными (в силу их многообразия и отсутствия единых детерминант возникновения), хотя основания для упорядочивания очевидны – по характеру объекта опасности (реальные и иррациональные страхи) и по интенсивности проявления («нормальные», фобические и панические) – в фокусе социологического интереса оказываются, прежде всего, страхи реальные и «нормальные».

В социологии говорить о зарождении и постепенной институционализации проблематики страхов можно с начала XX века, когда в таком концептуальном ракурсе стали анализироваться содержание, динамика и детерминанты кризисов. Во второй половине XX века в научной литературе стал до-

минировать «дискурс кризиса» – в большинстве работ, сфокусированных на понимании современности, присутствуют категории «кризис», «кризисное/катастрофическое сознание», «общество риска». Конечно, социальные кризисы интересовали ученых во все исторические эпохи, однако принципиальное отличие нынешней ситуации в том, что прежде кризисное мировосприятие проявлялось в периоды резких социальных катаклизмов (войн, эпидемий, революций и пр.), а ускорение исторического времени и неведомая прежним эпохам концентрация и диверсификация (в частности, появились техногенные и экологические катастрофы) кризисов и драм в XX столетии не столько усилили чувство тревоги и страха, сколько «нормализовали» кризисное сознание до состояния рутинизации (в философской литературе речь идет, прежде всего, о «хроническом» – постоянном и непреодолимом – кризисе современности). Иными словами, на концептуальном уровне в социально-философской и социологической литературе страхи рассматриваются как одно из проявлений и результат кризисного состояния общества и трансформаций социальных систем, как сильнейшая детерминанта переустройства духовных ориентиров и ценностных ориентаций, как одновременно и мобилизующий фактор, а потому способствующий индивидуальной и коллективной адаптации к изменениям окружающей «среды», и затрудняющий таковую в случае утраты человеком способности рационально оценивать и реагировать на эти изменения.

Эмпирические исследования страхов исходят из утверждения У. Бека, что в современном «обществе риска» в связи с разнообразием опасностей невозможно дать рискам какое-либо унифицированное определение, поэтому он рассматривает их и как реальные и потенциальные угрозы, и как систему альтернатив выбора в ситуации вероятности катастрофы, и как

отражение опасностей в массовом сознании.¹⁷⁸ В заданном контексте страх выступает как результат/реакция на наличие рисков, причем в обществе риска распространены массовые страхи, принимающие тотальный характер, повсеместные, постоянные, рутинизированные и потому не требующие кропотливой эмпирической и операциональной интерпретации – они «прозрачны» на уровне и профессионального, и повседневного дискурсов благодаря, прежде всего, средствам массовой информации (нередко они привлекают научные данные и экспертные оценки).

Различные медиа постоянно «обогащают» общественное мнение знаниями о репертуаре, степени опасности, масштабах распространения и уровне «нормальности» разнообразных рисков и страхов (в современном обществе в большинстве своем люди «получают» страхи «из третьих рук», а не из собственного опыта или жизненных реалий своей семьи и ближнего социального круга). Кроме того, «измерительные» и «интерпретационные» контексты социологических исследований страхов в «обществе риска» изменились даже по тональности (она практически констативна): социологи уже не акцентируют внимание на детерминации бесконечными и различными по интенсивности и форме протекания страхами и тревогами деструктивных форм поведения (агрессии, насилия, дезадаптации и пр.) на микро- и макроуровне – скорее предпринимаются попытки (1) представить репертуар страхов, доминирующих в конкретном обществе в социально-демографическом или ином срезе, как индикатор социального настроения/самочувствия населения; (2) оценить силу, специфику и распространенность какого-то конкретного страха («прикладного» – страха безработицы, или же «экзистенциального» – страха смерти); (3) сконструировать внутри-, этно-

---

¹⁷⁸ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

или геополитический модус массового сознания, апеллируя к страхам через понятия врагов и угроз.

Так, в массовых опросах нередко используется вопрос «Какое у вас настроение в последние дни?», варианты ответов на который варьируют от «настроение просто прекрасное» до «испытываю страх и тоску»¹⁷⁹: выбравших последний вариант среди российского населения в 2013 году было порядка 5% (каждый второй оценивает свое состояние как нормальное), с возрастом эмоциональное напряжение нарастает. Другой вариант вопроса для «замеров» социального настроения – «С какими чувствами Вы смотрите в свое собственное будущее/на будущее России?»: «скорее с беспокойством, опасениями» в будущее (в обоих представленных вариантах) смотрит почти 60%, «скорее спокойно, с уверенностью» – лишь каждый третий.¹⁸⁰ Социологов интересует не только массовый социальный настрой, но и самооценки такового респондентами: в 2012 году считали, что в стране преобладает тревожное настроение, 43%, каждый третий был убежден, что за последние полгода настроение в стране стало более тревожным, считая признаками такового рост политической активности людей в форме митингов и акций протеста, нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, бедности и безработицы, цен, общего недовольства и т.д..¹⁸¹

По данным 2012 года россияне считают, что в окружающих их людях окрепли одновременно чувства усталости, безразличия (37%), растерянности (19%), ожесточения, агрессивности (18%), обиды (13%), зависти, отчаяния и страха (по 12%) и, но существенно в меньшей степени, надежды (30%), собственного достоинства (10%), уверенности в завтрашнем дне (9%),

¹⁷⁹ Дебаты А. Левинсона и А. Морозова в Сахаровском центре // <http://www.levada.ru/17-07-2013/debaty-alevinsona-i-amorozova-v-sakharovskom-tsentre>.

¹⁸⁰ Страхи россиян // <http://www.levada.ru/20-06-2013/strakhi-rossiyan>.

¹⁸¹ Спокойно или тревожно живется россиянам? Россияне о настроениях в стране и среди близких // <http://fom.ru/obshchestvo/10367>.

свободы (6%) и т.д..¹⁸² Детерминантами подобных оценок социального настроения, видимо, стала уверенность значительной доли опрошенных, что за прошедший год ухудшился уровень жизни основной части населения (39%), работа образовательных учреждений (29%), больниц и поликлиник (40%), правоохранительных органов (23%), справедливость в распределении материальных благ (41%), состояние окружающей среды (43%), отношения между людьми разных национальностей (31%), возможности хорошо зарабатывать (34%), отношения со странами Запада и НАТО (20%) и личная безопасность граждан (28%).

Для понимания тенденций в ответах, а также для их контекстуализации (чтобы увидеть, на каком макро-фоне более половины россиян себя нормально чувствуют) респондентам задаются вопросы о том, чего они боятся в жизни, а варианты ответов варьируют от «совсем не боюсь» до «постоянно испытываю страх»: так, уже в 2008 году была отмечена тенденция, что страхи, довлевшие над обществом 10–15 лет назад (распад страны, гражданская война, экономический коллапс и т.д.), утратили актуальность или остроту (терроризм, «чеченский фактор» и др.), переместившись на периферию общественного внимания.¹⁸³ Массовые опросы к концу первого десятилетия XXI века показали, что чувства страха и тревоги в российском обществе не локализуются в рамках отдельных социальных групп – их испытывает (в той или иной степени) большинство россиян (около 70%), независимо от пола, возраста, дохода, профессии и т.п., причем среди «предметов» страха доминирует жизнь и здоровье близких, а среди источников угроз – бандиты, улица, чрезвычайные происшествия, транспорт, террористы и чиновники.

---

¹⁸² Уходящий год в оценках россиян // <http://www.levada.ru/27-12-2012/ukhodyashchii-god-v-otsenkakh-rossiyan-chast-2>.

¹⁸³ Горшков М. К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. 2009. № 7.

Согласно опросу в мае 2013 года,¹⁸⁴ больше всего (вариант «испытываю постоянный страх») россияне страшатся «болезней близких и детей» (49%); на втором месте – «собственные болезни и мучения» (28%) (вполне предсказуемо пожилые люди боятся их чаще и сильнее, хотя в целом по выборке страх старости на последнем месте вместе с опасениями ужесточения политического режима – по 11%), страх «бедности, нищеты» (25%) (не знаком лишь каждому десятому, занимающие руководящие должности испытывают его чаще и сильнее) и «мировой войны» (27%); каждый пятый сильнее всего боится смерти (21%), стихийных бедствий, возможности потери работы, произвола властей и беззакония (по 18%); еще меньше доли опасющихся потери сбережений и нападения преступников (по 16%), публичных унижений и оскорблений, СПИДа и возврата к массовым репрессиям (по 15%). Подобное распределение ответов может выступать индикатором мировоззренческих доминант россиян – очевидно, что четыре основных страха сфокусированы в ближайшем круге родных и близких (семья и здоровье – базовые ценности), далее следуют их частные проявления с всплесками обеспокоенности общей ситуацией в стране.

Результаты массовых опросов несколько различаются в зависимости от используемого инструментария (показатели обычно варьируют в пределах статической погрешности, хотя наблюдаются и существенные разногласия по ряду пунктов), однако диагностируемые общие тенденции совпадают: россияне больше всего беспокоит будущее детей, они больше всего боятся болезней и потери близких, бедности и нищеты, безработицы, старости и беспомощности; вторую группу угроз формирует преступность, стихийные бедствия, национальные конфликты, войны и т.д. За прошедшие два десятилетия менее распространены стали страхи за будущее детей, пре-

¹⁸⁴ Страхи россиян // <http://www.levada.ru/20-06-2013/strakhi-rossiyan>.

ступности и национальных конфликтов, более весомыми – страхи перед болезнями.

Наибольший интерес из приведенного выше «реестра» страхов, видимо, представляет страх смерти, изучение которого имеет длительную философскую, антропологическую, историческую и культурологическую традиции, тогда как в социологии данная проблематика «табуирована».¹⁸⁵ С одной стороны, современное (по крайней мере развитое западное) общество фактически элиминировало столкновения с «прозой смерти» из повседневности; с другой стороны, в отличие от, скажем, психологии, вернее даже психотерапии, социологические возможности эмпирической работы здесь ограничены: наиболее яркими и институционализированными сюжетами выступают либо суицидальные риски и поведение, либо отношение к смерти в самых разных ее форматах – страх собственной смерти, оценка аборт, восприятие смертной казни и эвтаназии.

С древнейших времен вряд ли какие-то иные вопросы привлекали столь же всепоглощающее внимание человечества и вызывали столь же бурные споры, как смерть в совокупности ее физиологических, психологических, антропологических, экономических, религиозных и прочих проявлений. Столь богатое «содержание», казалось бы, простого биологического процесса не могло не сделать его предметом интереса представителей самых разных дисциплинарных направлений, формально имеющих к смерти весьма отдаленное отношение, а потому нередко вынужденных выслушивать упреки в покушении не на свою вотчину и убеждать в обоснованности своих претензий. Социологии в этом отношении повезло меньше прочих дисциплин как в силу объективно более позднего становления в качестве самостоятельной науки, так и по причи-

---

¹⁸⁵ *Ильясов Ф. Н.* Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. 2010. № 9.

не своих базовых исследовательских интересов, которые все же сосредоточены на деятельности живых людей, даже если они взаимодействуют по поводу «своих» мертвых. Тем не менее, можно составить целый список работ известных ученых, в большей или меньшей степени составивших социологическую традицию, рассмотревших определенные аспекты умирания как процесса социального по своей природе, т.е. культурно детерминированного.

В социологическом изучении смерти можно выделить два условных направления: дискурс о смерти, или попытки представить некое внятное и социально насыщенное ее концептуальное определение; и попытки эмпирической оценки отношения общества к разным проблемам, связанным с умиранием (скажем, к самоубийству, эвтаназии и пр.), причем нередко это проекты с прикладными задачами (очевидно, эвтаназия требует легитимации прежде чем превращаться в легальную практику, а уровень самоубийств любое общество стремится контролировать и минимизировать).

В рамках первого направления сложилось устойчивое словосочетание «нормативы смерти», которые зависят от конкретного общества в заданный исторический период. Например, во многих странах запрещена смертная казнь из опасений лишить жизни невиновного человека, а ежедневная статистика смертности в дорожно-транспортных происшествиях, несмотря на ужасающие цифры, воспринимается как повседневная норма и не вызывает у людей особого отклика; в отличие от прежних эпох, сегодня смерть в результате нападения хищника или заболевания гриппом – нонсенс и вызывает широкий общественный резонанс; на войне убийство врага в коллективных интересах считается оправданным, террористические акты, напротив, вызывают бурное социальное негодование. К теоретическому уровню социологического анализа смерти можно отнести и введенную Т. Парсонсом

дихотомию активного (рациональная оценка угрозы смерти) и фаталистического (отрицание смерти) отношения к ней¹⁸⁶; и отмеченную Р. Блаунером зависимость отношения к смерти от возраста по причине роста ее прогнозируемости и, соответственно, принятия¹⁸⁷; и показанный В. Маршаллом социальный характер принятия смерти, поскольку переосмысление собственной жизни в пожилом возрасте базируется на общепринятых нормах отношения к смерти¹⁸⁸ и т.д.

Несомненно, социология в значительной степени заимствовала антропологические трактовки смерти – эволюционные и функциональные. В первом случае речь идет о классических этнографических работах, иллюстрирующих жизнь туземных сообществ, их отношение к смерти, обряды и ритуалы, историческая трансформация которых прослеживается в современных практиках. Во втором случае можно сослаться на работы Э. Дюркгейма¹⁸⁹ и Р. Герца,¹⁹⁰ которые считали своей задачей объяснение различий в восприятии смерти и ее ритуалов социальными детерминантами (сюда же можно отнести и утверждение П. А. Сорокина, что одна из социальных причин самоубийств – подражание¹⁹¹).

Первым серьезным эмпирическим исследованием смерти в социологии считается работа Э. Дюркгейма «Самоубийство», поскольку автор стремился выделить типы самоубийств, исходя из их социальных причин, используя правительственные статистические отчеты и «наблюдения индивидуальных случаев». За прошедшие десятилетия предметное поле эмпи-

---

¹⁸⁶ *Parsons T.* Death in American society: A brief working paper // *American Behavior Science*. 1963. Vol.6.

¹⁸⁷ *Blauner R.* Death and social structure // *Psychiatry*. 1966. Vol.29.

¹⁸⁸ *Marshall V.* Last Chapter: A Sociology of Aging and Dying. Belmont, 1980.

¹⁸⁹ *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

¹⁹⁰ *Hertz R.* Death and the Right Hand. New York, 1960.

¹⁹¹ *Сорокин П. А.* Самоубийство как социальное явление // *Социологические исследования*. 2003. № 2.

рических исследований смерти расширилось, но в нем отчетливо выделяется несколько интересующих исследователей вопросов: насколько общество боится смерти – как таковой и дискурсивно¹⁹²; как воспринимается потеря значимых других и близких¹⁹³; как конструируются, поддерживаются и воспроизводятся «нормы умирания» – культурные практики ухода за больными, передачи наследства, организации похорон, оформления и размещения кладбищ и т.д..¹⁹⁴

Таким образом, специфика социологического исследования смерти как феномена социального, несмотря на его биологическую природу, состоит в изучении существующих в обществе «нормативов смерти». Все их многообразие можно свести в две группы: во-первых, это религиозное восприятие смерти¹⁹⁵; во-вторых, предельно человеческое, но не в смысле атеистического неприятия, а с точки зрения признания неизбежности столкновения с ней на сугубо бытовом уровне, когда каждому придется принимать массу непривычных решений в отношении себя и близких.¹⁹⁶

Безусловно, смерть сложно рассматривать вне религиозного контекста, поскольку впервые к ней обратились антропологи, а в традиционных обществах божественное выступает неотъемлемой частью социальной и повседневной жизни. Сегодня религиозное «измерение» смерти зачастую воспри-

¹⁹² См., напр.: *Riley J. W.* Dying and the meanings of death: Sociological inquiries // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol.9.

¹⁹³ См., напр.: *Moss M.S., Moss S.Z.* Multiple social contexts in qualitative bereavement research // *Journal of Aging Studies*. 2012. Vol.26; *Nseir S., Larkey L.K.* Interventions for spousal bereavement in the older adult: An evidence review // *Death Studies*. 2013. Vol.37. No.6.

¹⁹⁴ См., напр.: *Елютина М.Э., Филиппова С.В.* Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // *Социологические исследования*. 2010. № 9. *Рогозин Д.* Социология смерти // *Отечественные записки*. 2010. № 5.

¹⁹⁵ См., напр.: *Протопресвитер Александр Шмеман.* Литургия смерти и современная культура. М., 2013.

¹⁹⁶ См., напр.: *Erickson K.A.* How We Die Now: Intimacy and the Work of Dying. Philadelphia, 2013.

нимается в «прикладном» аспекте, т.е. исследователи связывают страх смерти с определенным типом религиозности, апеллируя к понятиям «буферизация» (религиозные взгляды рассматриваются в качестве буфера, блокирующего страх перед смертью как перед шагом в вечную жизнь), «управление страхом смерти» (чем более однородна и многочисленна религиозная конфессия, чем выше ее солидарная уверенность в правильности своих идей, тем ниже уровень тревоги перед смертью), «криволинейность» (несмотря на веру в Бога, люди не могут быть полностью уверены в существовании загробной жизни) или «принятие смерти» (отрицание связи между уровнем религиозности и страхом смерти).¹⁹⁷ Что касается внерелигиозной трактовки смерти, то таковая часто связана с понятием «медикализация», введенном Ф. Арьесом, и концепцией «гуманизации смерти», представленной работами Э. Кюблер-Росс, создательницы теории психологической помощи умирающим больным.

Наконец, третий доминирующий в социологии модус анализа страхов – внутри-, этно- или геополитический. Уже к 2008 году массовые опросы россиян позволили выделить три группы угроз по доле респондентов, которые испытывают в отношении них сильную тревогу и постоянный страх¹⁹⁸: 1) от 44% до 49% опасается военных конфликтов с ближайшими соседями (наряду с резким снижением уровня жизни); 2) от 25% до 35% – войны со странами Запада, возможности потери государственного суверенитета (наряду с гражданской войной, диктатурой и массовыми репрессиями); 3) менее 20% – внутривнутриполитических изменений внутри страны (распада Рос-

---

¹⁹⁷ *Ellis L., Wahab E.A.* Religiosity and fear of death: A theory-oriented review of the empirical literature // *Review of Religious Research*. 2013. Vol.55. No.1.

¹⁹⁸ *Горшков М. К.* Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // *Социологические исследования*. 2009. № 7.

сии, «оранжевой революции», переворота, межэтнических конфликтов и т.д.).

С начала 2000-х годов в российском обществе значительное место стали занимать опасения внешнеполитического характера, хотя нет ни одной страны или группы стран, которые бы назывались в качестве угрозы хотя бы половиной респондентов¹⁹⁹: на первые места в списке угроз россияне ставят США и Китай – в первом случае настороженность обусловлена «действенным» обострением российско-американских отношений (вооруженным и/или финансовым вмешательством США в жизнь стран, входящих в сферу российских внешнеполитических интересов), во втором – скорее своеобразным мировоззренческим шоком, вызванным относительно неожиданным появлением новой сверхдержавы на восточных границах России (в 2013 году каждый третий россиянин полагал, что «стремление Китая расширить свое влияние на другие страны/китайский экспансионизм» представляет очень большую угрозу безопасности России²⁰⁰). В целом «россиянам не свойствен часто приписываемый им параноидальный страх перед внешним миром. В большинстве своем они как в 2000, так и в 2011 году либо утверждали, что нашей стране никто не угрожает, либо затруднялись сказать, есть ли у нее опасные враги. Российские граждане, очевидно, мало интересуются событиями во внешнем мире, а новые угрозы и надежды для себя они находят внутри страны, а не за рубежом».²⁰¹

Таким образом, схематично обозначенные выше теоретико-методологические основания социологического анализа, с одной стороны, ценностных ориентаций, с другой – страхов

¹⁹⁹ Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром // <http://fom.ru/Mir/10097>.

²⁰⁰ Установки россиян и угрозы стране // <http://www.levada.ru/11-07-2013/ustanovki-rossiyan-i-ugrozy-strane>.

²⁰¹ Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром // <http://fom.ru/Mir/10097>.

и опасений массового сознания, позволяют утверждать, что можно «замерять» мировоззренческие доминанты молодежи как особой социально-демографической группы сквозь призму страхов, надежд и опасений (надежды в данном случае выступают как необходимый элемент контекстуализации страхов и снижения пессимистично-негативной тональности анкеты, посвященной исключительно страхам). В подобных исследованиях страх не требует дополнительной теоретической интерпретации, помимо общепризнанной, – это эмоция, которая представляет собой ответную реакцию на реальную или воображаемую угрозу и действует как защитный механизм в опасных ситуациях. Интенсивность проявления страха, его характер и влияние на поведение человека зависят от индивидуальных особенностей, но фундаментальная детерминанта здесь – социальный контекст: с одной стороны, общественные проблемы, с другой, наличие и эффективность социальных институтов.

Эмпирическое изучение страхов помогает отобразить картину социальной действительности: чем меньше уровень тревожности и поводов для нее у членов социума (особенно молодых поколений, для которых страхи могут стать серьезными барьерами в социализации и самореализации, причем у молодежи, в силу ее неустойчивого и неопределенного положения могут преобладать особые виды страхов), тем больше возможностей для развития и самосовершенствования общества. Оптимальную эмпирическую интерпретацию страхов, несмотря на некоторую ее терминологическую неоднозначность, предлагает концепция «катастрофического сознания» (В. Н. Шубкин, В. Э. Шляпентох, В. А. Ядов и др.), в рамках которой изучение тревог и опасений проводится, прежде всего, с помощью массовых обследований – анкеты включают в себя вопросы о социально-демографических данных респондентов, их уверенности в будущем, отношении к разным груп-

пам опасностей (от «меня это не беспокоит» до «это вызывает у меня постоянный страх»), времени и причинах этих тревог, возможных поведенческих реакциях на угрозы (противостояние, предупреждение и пр.) и т.д. Например, по результатам опросов была сформирована следующая типология опасностей: неожиданные, внезапные, непредсказуемые природные, экономические или политические; предсказываемые специалистами экологические катастрофы; социально-экономические потрясения длительного действия вроде глубоких реформаций, революций, контрреволюций; бедствия, порождаемые внешними враждебными силами (вроде «международных сил зла»).

Вторичный анализ социологических исследований, в той или иной степени фокусирующихся на проблематике страхов, позволяет предложить следующую условную типологию страхов, адекватную целям измерения мировоззренческих доминант молодежного самосознания: во-первых, это опасения экономической дезадаптации (падения уровня жизни, безработицы, неспособности в будущем должным образом обеспечить себя и семью и т.д.), которые обусловлены как общей социально-экономической ситуацией, так и отсутствием государственной поддержки молодежи в сфере трудоустройства и получения образования. Во-вторых, страх определенных социальных субъектов, которые могут представлять угрозу физическому существованию (преступности, бандитов, агрессивных националистических движений, экстремистов, террористов, хулиганов и т.д.), что также может объясняться как общей социально-экономической ситуацией и криминализацией общества, так и недоверием к государственным инстанциям и социальным институтам, призванным

---

²⁰² Шубкин В. Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. М., 1999.

обеспечивать охранную, защитную функцию.²⁰³ В-третьих, страхи, связанные с опасностями ухудшения здоровья вследствие вредных привычек (курения, алкоголизма, наркотизма) и неизлечимых/трудноизлечимых болезней (СПИДа, рака и т.д.), которые подкрепляются «истеричными» сообщениями средств массовой информации и утратой веры в возможность получить качественную медицинскую помощь (в силу ее недоступности по самым разным причинам, но, прежде всего, финансовым). В-четвертых, опасения не достичь желаемых целей (определенного уровня образования) или не избежать нежелательных состояний (службы в армии). И, наконец, страх перед ситуациями, неподконтрольными человеку (экологические катастрофы, мировая война и т.д.). В целом респонденты младших возрастных групп (18–30 лет) в России демонстрируют минимальный уровень тревожности, однако различия между социальными группами не носят характера ярко выраженных и устойчивых тенденций.²⁰⁴

Таким образом, логика конструирования опросного инструментария для понимания репертуара страхов современного студенчества должна ориентироваться на решение следующих исследовательских задач:

- Выявить ключевые смысложизненные приоритеты молодежи (базовые ценности и трактовки жизненного успеха): вопросы-меню «Обучение в университете для Вас, прежде всего...», «Для Вас лично успех – это прежде всего...», «По-Вашему, какие качества сегодня позволяют человеку достичь успеха?», «Представьте на минуту, что на один день Вы стали Президентом России. На решении каких проблем, наиболее важных и тревожащих именно студенческую молодежь, Вы бы сосредоточились?» и др.

---

²⁰³ Хулиганы, мошенники и карманники: о росте преступности на фоне кризиса // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2009. № 1201.

²⁰⁴ Горшков М. К. Чего опасаются россияне? М., 2008.

- Определить ключевые страхи студента (в сфере трудоустройства, материального достатка, личной жизни, здоровья, учебы, а также фобии): вопрос-меню «Какие заболевания Вы считаете самыми страшными?», дополненный просьбой оценить риск заболеть каждым из них в процентах; закрытый вопрос «Одни люди боятся быть не такими, как все. Другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому Вы бы отнесли себя?»; вопросы-меню «Задумываясь о своем будущем, чего Вы опасаетесь больше всего?», «Насколько Вы лично боитесь столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?»; открытый вопрос «А чего Вы боитесь больше всего?» и др.

- Оценить общий уровень тревожности студенческой молодежи: вопросы-меню «Каждый человек сталкивается в жизни с ситуациями, в которых испытывает страх или другие неприятные эмоции. Случается ли с Вами что-то подобное в следующих случаях...», «Случалось ли Вам за последние несколько месяцев испытывать...», «Задумываясь о своем будущем, чего Вы опасаетесь больше всего?»; набор дихотомических шкал под общей «шапкой» «За последние несколько месяцев Ваши негативные переживания были связаны в основном...»; закрытые вопросы «Как у Вас складывается учеба в университете?», «Что Вам сложнее всего делать в ходе обучения?» и др.

- Выявить предпочитаемые респондентами стратегии преодоления дискомфортных ситуаций: вопросы-меню «Если Вы оказались в ситуации, которая для Вас лично крайне дискомфортна, что Вы обычно делаете?», «Если Вы испытываете сильный страх или тревогу, что Вы обычно делаете?» и др.

- Обозначить основные факторы тревоги: вопрос-меню «В основном обо всех перечисленных выше угрозах Вы узнаете из...»; закрытый вопрос «В целом возникает ли у Вас чувство тревоги после просмотра информационных и аналитических сообщений средств массовой информации?»; закрытые вопро-

сы о социально-демографических характеристиках, уровне материального достатка, курсе и профиле обучения и др.

Приведенные вопросы легли в основу инструментария опроса, реализованного в форме анкетирования на репрезентативной по критерию факультетов/профилей обучения выборке студентов РУДН. Чтобы снизить «сензитивность» и «пафосность» опроса про надежды и страхи студенчества, было решено использовать в анкете обращение к респондентам на «ты».

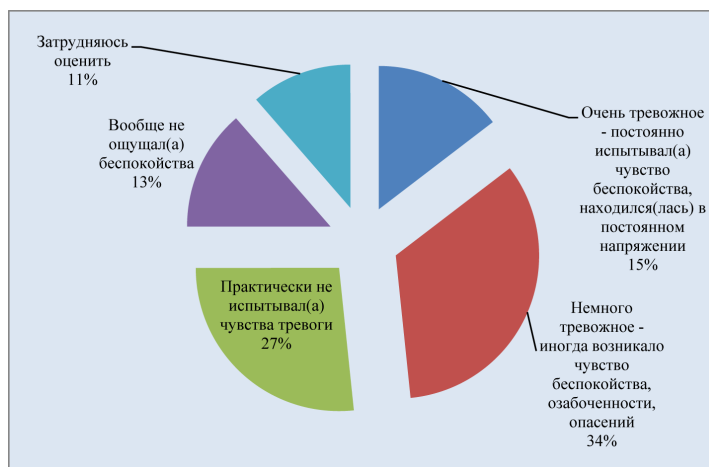
Репертуар страхов российского студента

В июне 2013 года, исходя из обозначенных выше форматов концептуализации, типологизации и эмпирической интерпретации страхов, на базе Социологической лаборатории РУДН было реализовано анкетирование на репрезентативной (по критериям факультета и курса обучения) выборке студентов (опрошено 509 человек). Ниже представлены результаты анкетирования (их последовательность в основном отражает тематическое структурирование анкеты): мы понимаем, что они носят описательный характер, однако сложность предметного поля пока не дает нам оснований и возможности для иных форматов аналитической отчетности.

Итак, распределение ответов на первый вопрос анкеты «Каждый человек сталкивается в жизни с ситуациями, в которых испытывает страх или другие неприятные эмоции. Случается ли с тобой что-то подобное в следующих случаях...» показало, что среди студентов преобладающими можно считать одновременно социально-психологические и иррациональные страхи, хотя доля выбравших каждый из них невелика (скажем, каждый третий боится насекомых, большой высоты и публичных выступлений, каждый пятый – темных помеще-

ний, некоторых животных и замкнутого пространства). В целом студенты не склонны демонстрировать устойчивые поведенческие паттерны в преодолении подобных дискомфортных для них состояний (здесь и далее сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать одновременно несколько вариантов ответа): треть (35%) вообще не может спрогнозировать свое поведение, утверждая, что оно зависит от конкретных обстоятельств; треть сохраняет самообладание или же перебарывает страх/негатив (по 30%), каждый четвертый «молча терпит, пока все это закончится» (23%).

Более удручающими выглядят оценки студентами своего основного эмоционального состояния за последний месяц (Рис. 1): если сложить доли постоянно испытывающих чувство беспокойства и напряжения (15%) и иногда ощущавших озабоченность и опасения (34%), то мы получим половину выборки.

Рисунок 1. «Оцени свое основное эмоциональное состояние за последний месяц»

Амбивалентность молодежного самосознания проявляется в том, что 50% указали, что за последние несколько месяцев

им случалось радоваться своим успехам, а 47% – что испытывали усталость и безразличие (Табл. 1).

Таблица 1

Случалось ли тебе за последние несколько месяцев:	Условный позитив	Условный негатив
Радоваться своим успехам	49,5%	
Чувствовать, что тебе все удается	32,2%	
Чувствовать себя свободным	29,5%	
Испытывать абсолютное счастье	28,3%	
Ощущать уверенность в завтрашнем дне	20,8%	
Ощущать усталость, безразличие		46,6%
Чувствовать обиду		29,5%
Ощущать озлобленность, агрессивность		26,7%
Чувствовать одиночество		24,6%
Ощущать растерянность		22,6%
Испытывать страх		17,5%
Чувствовать отчаяние		14,5%
Испытывать зависть		7,9%

Блок позитивных эмоций представлен более консолидировано (вариации значений от 21% до 32%), тогда как негативные эмоции демонстрируют больший разброс, и зависть в этом списке явный аутсайдер. «Контекст» опроса, несомненно, оказал влияние на сферу проявления негативных переживаний: каждый второй респондент утверждает, что таковые за последние несколько месяцев у него были в основном связаны с учебной, примерно у каждого третьего – со всем остальным, т.е. с семьей, друзьями, работой и здоровьем (следует учитывать, что в вопросе использовался набор дихотомических шкал). Но если студенты испытывают сильный страх или тревогу, то обращаются за советом/поддержкой/утешением

к родным и близким людям (46%) или друзьям (44%), фактически каждый пятый «ждет, когда само пройдет» (22%).

В данном тематическом блоке был также задан вопрос «Какие заболевания (в широком смысле этого слова) ты считаешь самыми страшными?». Лидерами студенческого рейтинга стали, с одной стороны, болезни, контролировать или предупредить которые крайне сложно: ВИЧ/СПИД – 78% и онкологические заболевания – 62%; сердечнососудистые заболевания, которые являются основной причиной смертности в России, набрали только 15%, что, видимо, свидетельствует о недостаточной артикулированности данной проблемы в медийном дискурсе, в отличие от предыдущих двух; с другой стороны – наркотическая зависимость (57%), которую вряд ли можно считать заболеванием в полном смысле слова (до сих пор ведутся дискуссии, является ли наркотическая зависимость болезнью или «вредной привычкой») (Табл. 2). Впрочем, риск заболеть болезнью из списка респонденты оценивают как относительно невысокий (примерно в 20% в случае онкологии, 14% – ВИЧ/СПИДа, 10% – наркотической зависимости). Лидерами по риску заболеть оказались сердечнососудистые заболевания (23%), что, видимо, говорит об осведомленности молодежи о масштабах распространения данной группы болезней в обществе, и табачная зависимость (21%) – здесь, скорее, срабатывает эффект нормализации (курение не воспринимается как болезнь, тем более опасная, – скорее как привычка, и не очень вредная на фоне прочих).

Таблица 2

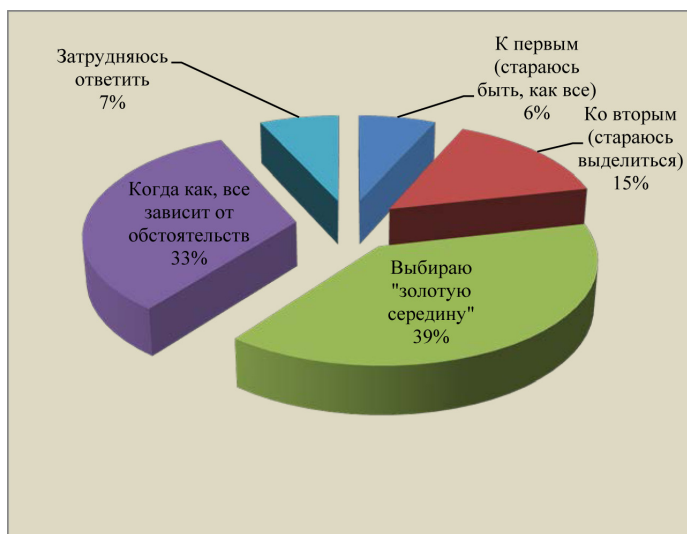
Какие заболевания (в широком смысле этого слова) ты считаешь самыми страшными?	Всего
ВИЧ/СПИД	77,6%
Онкологические заболевания	61,9%
Наркотическая зависимость	57%
Нарушение репродуктивных способностей (невозможность иметь детей)	33,9%

Какие заболевания (в широком смысле этого слова) ты считаешь самыми страшными?	Всего
Венерические заболевания	28%
Алкоголизм	27,8%
Сердечнососудистые заболевания	15,4%
Пандемии и массовые эпидемии (например, свиной грипп)	14,3%
Табачная зависимость (человек не может отказаться от курения)	10,5%

Прежде чем задавать следующие вопросы о страхах и опасениях, в анкету были включены нейтральные (по причине несензитивности и рутинности) вопросы относительно учебы. Так, абсолютными лидерами ответов на предложение продолжить фразу «Обучение в университете для тебя, в первую очередь...» стали: возможность стать квалифицированным специалистом, получить «корочку», необходимую для трудоустройства, и знания, необходимые для жизни, – они набрали по 44% и говорят о прагматичном восприятии молодыми поколениями сути и возможностей высшего образования, хотя ненамного отстает от них вариант «возможность саморазвития и самореализации», т.е. налицо сочетание весьма утилитарных и практических целей получения образования с принципиально важным его потенциалом по удовлетворению высших (по всем иерархическим моделям) потребностей личности. 41% опрошенных уверены, что «учатся нормально, могли бы и лучше, если бы захотели», каждый четвертый «старательно учит только то, что может пригодиться в дальнейшем, и забывает на остальное», 18% утверждают, что учеба в университете складывается у них «здорово – впитывают знания, как губка, и учатся легко», однако 16% учатся скорее «потому что так нужно» – «не испытывают особого интереса к учебе – закончат вуз, потом ориентируются». Основная сложность для студентов в процессе

учебы – все успевать (43%), второй блок по частоте упоминаний составили варианты – досдавать долги (27%), выступать перед аудиторией (отвечать на семинарах, делать доклады и пр.) и писать контрольные работы (аттестации, рефераты, курсовые и пр.) (по 20%), а также получать плохие оценки (15%); лишь каждый десятый считает, что ничего сложного в учебе нет, и «учится легко и с удовольствием».

В варианте ответа о выступлениях перед аудиторией фактически был заложен переход к следующему тематическому блоку анкеты, в котором студентам предлагалось оценить свое социальное «самочувствие» и высказаться о значении для себя публичной сферы жизни. 39% определили себя скорее как социальных конформистов, не забывающих о собственной самореализации, 33% – как ситуационно ориентирующихся в конкретных жизненных реалиях (Рис. 2).

Рисунок 2. «Одни люди боятся быть не такими, как все. Другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому ты бы отнес(ла) себя?»

Жизненный успех для студентов – это, прежде всего, семейное благополучие (58%), материальный достаток и богатство (47%), творческая самореализация (44%) и карьерные достижения (35%), т.е. наблюдается достаточно сложный комплекс параметров самооценки респондентами себя как успешных людей. Уже по распределению ответов на данный вопрос можно прогнозировать достаточно высокий уровень тревожности российского студента – достичь всех четырех элементов успеха в многослойном обществе постмодерна крайне сложно, даже учитывая, что респондентам важно признание и уважение семьи, близких и друзей (64%), а собственная самооценка как успешного человека значительно отстает от ближнего круга (15%). Чтобы достичь успеха, по мнению студентов, человеку необходимы: трудолюбие (59%), коммуникабельность (52%), целеустремленность (50%), талант, способности и оптимизм (по 41%), честолюбие и амбициозность (35%), умение идти напролом в достижении своей цели (34%), расчетливость (30%) и исполнительность (28%) – список нужных для успеха качеств получился не только внушительным, но и разномастным, т.е. сочетать в себе все эти черты крайне сложно. Отвечая на вопрос «Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации. На решении каких проблем, наиболее важных и тревожащих именно студенческую молодежь, ты бы сосредоточился?», студенты вполне консолидировано назвали, по сути, объективные факторы, которые мешают им стать успешными с помощью своего трудолюбия, коммуникабельности, целеустремленности, талантов, оптимизма и пр.: отсутствие системы социальных гарантий, а также блат, взяточничество и коррупция (Табл. 3).

Таблица 3

Представь на минуту, что на один день ты стал Президентом Российской Федерации. На решении каких проблем ты бы сосредоточился?	%
Реформа социальной сферы (человек должен быть уверен, что даже старый или больной он сможет вести достойную полноценную жизнь)	63,1%
Искоренение блата, взяточничества, коррупции	45%
Сокращение бедности	41%
Обеспечение достойного трудоустройства выпускников вузов	33,5%
Реформа правоохранительных органов для обеспечения безопасности граждан	32,7%
Повышение стипендий до прожиточного минимума	26,3%
Обеспечение равных возможностей всех молодых людей в получении высшего образования	20,3%

Для «диагностики» ключевых страхов студентов в анкете был задан вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаться больше всего?». Распределение ответов сложно назвать непредсказуемым, причем варианты, упорядоченные по убыванию набранных долей, сгруппировались в несколько тематических блоков (примем во внимание только варианты, набравшие более 15% – Табл. 4): боязнь одиночества (остаться одному – потерять близких, не иметь детей), боязнь заболеть неизлечимой болезнью, боязнь безработицы и, соответственно, бедности, денежной работы без возможностей самореализации, а также боязнь разочароваться в жизни – в профессии/деле/любимом человеке/учебе.

Таблица 4

Задумываясь о своем будущем, чего ты опасешься больше всего?	%
Потерять близких	57%
Заболеть неизлечимой болезнью	34,4%
Быть бездетным	31,2%
Оказаться одиноким человеком	30,8%
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	27,4%
Оказаться безработным	24,4%
Бедности	22,8%
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	20,8%
Разочарования в выбранном деле/профессии	16,2%
Неудачи в любви	15,6%
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	14,6%
Оказаться под следствием/в тюрьме	13,2%
Не выйти замуж/не жениться	11,8%
Умереть	10,8%
Публичного унижения/оскорбления	10,4%
Стать жертвой преступников	9,4%
Внепланово забеременеть	7,2%
Заболеть свиным гриппом или иной пандемической болезнью	5%
Пойти служить в армию	3,6%
Жизни без компьютера/Интернета	2,6%

В значительной степени объясняет столь явно доминирующий страх потерять близких распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?» (Табл. 5). В данном случае имеет смысл рассматривать совокупное распределение вариантов

«очень боюсь» и «немного боюсь», потому что все перечисленные угрозы не являются рутинно актуальными (вряд ли кто-то из нас в повседневной жизни, а не через средства массовой информации узнавал о таковых), т.е. речь идет об оценке тех или иных угроз как потенциально опасных. 57% опрошенных боятся потерять своих близких именно потому, что оценивают как высоко вероятные в нашей стране террористические угрозы (81%), разгул преступности, коррупции и беззакония (более 70%), последствия мирового экономического кризиса, который существенно повлияет на уровень безработицы, бедности и разгул преступности (70%), политический экстремизм, стихийные бедствия, военные действия, массовые эпидемии, радиационные, техногенные и экологические катастрофы, ядерную войну (свыше 60%) и т.д.

Таблица 5

Насколько ты лично боишься:	Очень боюсь	Очень боюсь + немного боюсь
Террористических атак в нашей стране	31,9%	81,4%
Разгула преступности в жизни страны	22,1%	73,2%
Столкнуться с коррупцией и беззаконием	13,3%	72,1%
Последствий мирового экономического кризиса (безработицы, падения курса рубля и пр.)	19,6%	69,9%
Политического экстремизма (нападения фашистов, скинхедов, расистов и других националистических группировок)	19,8%	66,8%
Столкнуться со стихийными бедствиями (землетрясение, наводнение и пр.)	22,7%	66,2%
Столкнуться с военными действиями	21,3%	65,6%
Столкнуться с массовой эпидемией	18,4%	64,5%
Химического и радиационного заражения воды, воздуха	22,7%	64,1%

Насколько ты лично боишься:	Очень боюсь	Очень боюсь + немного боюсь
Столкнуться с экологической катастрофой	13,1%	63,5%
Столкнуться с межэтническим конфликтом	11,7%	60,5%
Столкнуться с ядерной войной	27,2%	60,5%
Полной утраты традиций и культуры	18,4%	59,2%
Столкнуться с техногенной катастрофой	15,5%	58%
Вытеснения мигрантами коренного населения	13,5%	54,3%
Столкнуться с гражданской войной	15,5%	54,1%
Столкнуться с революцией/путчем/переворотом	10,8%	51,4%
Столкнуться с безвластием, анархией	12,5%	47,5%
Столкнуться с вторжением инопланетян	6,5%	21,9%

В основном обо всех перечисленных выше угрозах студенты узнают из Интернета (84%), который давно и прочно вошел в число безусловных лидеров молодежного рейтинга источников получения информации и сфер досуговой деятельности, а также из телевизионных передач (54%), т.е. практически все названные в предыдущем вопросе угрозы имеют медийный формат, а не статус актуализированных; ближний круг общения играет менее определяющую роль, поскольку различные его «участники» (от родственников и друзей до знакомых сверстников и людей старших поколений) набрали от 20% до 27% (Табл. 6). Лишь каждый пятый респондент (21%) уверенно заявляет, что после просмотра информационных и аналитических сообщений средств массовой информации (телевидения, радио, Интернета) у него никогда не возникает чувства тревоги – каждый десятый испытывает его практически всегда, 70% – иногда.

Таблица 6

В основном обо всех перечисленных выше угрозах ты узнаешь	Всего
Из Интернета	84,3%
Из телевизионных передач	54,3%
От родственников, друзей	27%
Из разговоров со своими сверстниками	24,4%
Читая газеты, журналы	22,2%
Из разговоров с людьми старших поколений	19,7%
Из радиопередач	15,2%
От случайных людей (например, в общественных местах)	10,8%

Тем не менее, при достаточно высоком уровне тревожности и восприятию значительного числа социальных угроз как актуальных для респондентов в целом не характерен пессимистический и безрадостный настрой. Как и во многих общероссийских опросах, в самооценках и в восприятии окружающих реалий студенты не склонны высказываться консолидировано – выборка распадается на три подсовкупности или демонстрирует тенденцию к предпочтению «стабильных» вариантов. Так, почти треть опрошенных (31%) затруднилась однозначно оценить наметившиеся векторы изменения жизни в стране, однако 35% считают, что она вообще не меняется (все остается по-прежнему), а 26% склонны фиксировать ее изменения в худшую сторону (считает, что она становится все лучше и безопаснее, 8%). Однако с тревогой и неуверенность в будущее смотрит 16% – 37% скорее с надеждой и оптимизмом, 42% спокойно, но без особых надежд и иллюзий, т.е. говорить о доминирующем среди студенчества трагически-безрадостном настрое сложно.

Это, конечно, можно связать и с юношеским идеализмом, и со свойственной российскому обществу «нормой» конформности (при прочих равных россияне склонны оценивать практически любую ситуацию как «нормальную»), однако, скорее всего бóльшая часть страхов и опасений личного свойства пока еще не актуальна для молодежи, а социального характера – воспринимается как постоянный, рутинизированный медийный «шум», которого не избежать, что формирует, с одной стороны, определенный «фатализм», с другой – уверенность, что с тобой либо подобного не случится, либо, если случится, то и обойдется. Собственно это подтверждает и самооценка респондентов: треть квалифицирует себя как оптимистов (30%), реалистов (33%) или «ситуационистов» (26% считают, что их самооценка варьирует в зависимости от ситуации), тогда как пессимистами или пофигистами себя назвали по 4%. Испытывают опасения, что могут стать неудачниками, иногда 39% (часто – 4%) – столько же категорически исключают для себя эту возможность (41%).

В целом довольны своей жизнью 64%, недовольны – 8% (29% затруднились высказаться однозначно). Вероятно, способствует достаточно позитивному самоощущению и социальному настрою студентов ориентация на ближний социальный круг как главный охранительный «оплот» и источник поддержки, которая фиксируется как прямо (респондентам предлагалось проранжировать ряд понятий по степени важности – 74% поставили семью на первое место), так и косвенно в соответствующих вопросах анкеты, что свидетельствует о воспроизводстве у молодых поколений традиционных для российского общества ценностных ориентаций – на родных и близких как основу основ личного мироздания, утрата которой наиболее болезненна и пугающа.

Ожидания и опасения студентов в профессиональной сфере

Одной из важнейших экономико-социальных проблем современного российского общества на протяжении нескольких десятилетий (и, судя по всему, ситуация на ближайшую перспективу не изменится) остается молодежная безработица, которая приводит к недоиспользованию такого важного социального ресурса, как человеческий капитал. Экономисты активно изучают безработицу, чтобы определить ее причины и совершенствовать меры государственной политики, влияющие на занятость населения, однако безработицу нельзя рассматривать только с экономической точки зрения – важно учитывать ее социальные аспекты. Безработица – сложное, многоаспектное социально-экономическое явление, она не сводится к отсутствию рабочих мест для части трудоспособного населения, которая может и хочет трудиться, а связана с неэффективным использованием кадров, с дисбалансами в структуре и запросах рынка труда по отношению к возможностям рынка образования и т.д.

Рынок труда с точки зрения взаимодействия его субъектов неизменно привлекает внимание исследователей, но в настоящее время, когда российская экономика столкнулась с долговременными системными вызовами, данная проблематика обрела особую актуальность. Первый вызов, который сегодня находится на повестке дня, – экономический кризис, последствия которого будут ощущаться еще несколько лет в связи с замедлением темпов роста экономики. Второй вызов – ожидающееся нарастание волны технологических изменений, усиливающей роль инноваций в социально-экономическом развитии. Третий вызов – обретение человеческим капиталом роли основного фактора экономического развития, поскольку конкурентоспособность современной инновационной экономики напрямую зависит от «качества» трудовых ресурсов.

Четвертый вызов – исчерпание источников экспортно-сырьевого развития, вследствие чего российская экономика должна перейти от экспортно-сырьевого к инновационному и социально-ориентированному типу развития. Перечисленные вызовы задают ключевые направления исследований рынка труда: с одной стороны, в связи с непростой экономической ситуацией прогнозируется проблема занятости; с другой стороны, эксперты опасаются, что производство может встать из-за нехватки кадров. Для России характерно перепроизводство специалистов в «ненужных» отраслях и недопроизводство кадров в сферах, в специалистах остро нуждающихся.²⁰⁵

Российский рынок труда характеризуется структурными дисбалансами, в частности, несоответствием подготовки специалистов требованиям рынка. Эта тенденция существует уже продолжительное время и объясняется не только несоответствием подготовки выпускников высших учебных учреждений требованиям рынка, но и появлением ряда технологических инноваций и новых профессий. Сегодня наблюдаются структурно-профессиональные диспропорции между спросом на труд, спросом на профессиональную подготовку и предложением образовательных услуг. Эти диспропорции отчетливо проявляются во всех сферах экономики – первичной (сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство), вторичной (добывающие и обрабатывающие отрасли) и третичной (непроизводственные услуги).²⁰⁶ Для первичной сферы характерно устойчивое несоответствие между спросом на образование и спросом на труд: так, спрос на «сельские» специальности очень низок уже несколько десятилетий и предложение «сельского» образования неуклонно

---

²⁰⁵ *Евстигнеева А.* Через несколько лет производство в России встанет: не хватает инженеров // <http://rbcdaily.ru/economy/562949989025944>.

²⁰⁶ *Латова Н. В., Латов Ю. В.* Структурно-функциональные диспропорции в современной России // *Terra economicus*. 2014. Т. 12. № 3.

сокращается, а это признак, что система образования старается соответствовать спросу населения, а не потребностям производства. Во вторичной сфере спрос на образование по профилям добывающих отраслей почти совпадает с потребностями предприятий в специалистах, но система образования не справляется с их удовлетворением, поэтому здесь главная диспропорция наблюдается в отставании предложения образовательных услуг от производственных потребностей и спроса на образование. В обрабатывающих отраслях сложилась иная тенденция: спрос со стороны населения высок, но производственные потребности еще выше, т.е. интерес молодежи оказывается ниже, чем запросы отраслей, – система образования в этом случае соответствует запросам населения, но не производственному спросу. Что касается третичной сферы, то учебные специальности производственного профиля популярны: более половины молодых людей стремятся получить образование для этого сектора экономики, что более чем вдвое превышает его реальные потребности, но система образования чутко реагирует на спрос населения и активно его удовлетворяет. С другой стороны, в третичной сфере в отраслях непромышленных услуг (например, врачи, учителя и т.д.) спрос на образование ниже, чем запросы экономики, поэтому наблюдается серьезное недопроизводство кадров. В результате на российском рынке на специальности производственных услуг в третичной сфере спрос населения чрезмерен в сопоставлении с потребностями рынка труда, а почти на все прочие специальности – недостаточен; кроме того, наблюдается диспропорция между спросом на образовательные услуги и спросом на труд.

Незанятая молодежь формирует устойчивый сегмент рынка труда: ряды незанятой молодежи пополняются за счет выпускников высших учебных заведений и среднетехнических общеобразовательных учреждений, демобилизованных со

срочной службы, мигрантов, а также выпускников учебных заведений, которые не стремятся найти работу и выйти на рынок труда (часть планирует продолжить обучение, остальные не трудоустраиваются по иным причинам).

В первую очередь, молодежный рынок труда характеризуется неустойчивостью спроса и предложения, что обусловлено изменчивостью ориентаций молодежи, ее общей социально-профессиональной неопределенностью в условиях социокультурных и политических изменений, что приводит к трудностям самоопределения, в том числе и профессионального. Во-вторых, молодые люди менее конкурентоспособны по сравнению с другими возрастными группами, поэтому у молодежи выше риск потерять работу или не трудоустроиться: шансы рабочей силы, поступающей на рынок труда впервые, на трудоустройство незначительны в сопоставлении с уже обладающими опытом работы. В-третьих, молодежная безработица носит как явный, так и скрытый характер (в частности, увеличивается доля молодых людей, которая не учится и не работает на постоянной основе). В-четвертых, одна из характерных черт молодежного рынка труда – вариативность: вчерашний выпускник учебного заведения нередко сталкивается с отсутствием спроса на свою профессию, поэтому часто молодежь трудоустраивается по специальностям, далеким от базового образования. Нередко переподготовка оказывается единственной возможностью получить работу: ежегодно каждый четвертый выпускник в России становится кандидатом на переобучение и получение второй профессии. Кроме того, зачастую молодые люди увольняются из-за неудовлетворенности своей профессией и характером труда уже в первый год работы.

Молодежный рынок труда в России, вполне в духе общемировых тенденций в сфере занятости, сегодня характеризуется все увеличивающимся разрывом между трудовыми

притязаниями молодых специалистов и возможностями их удовлетворения. Поскольку молодежь, как правило, не имеет практического опыта трудовой деятельности (либо он недостаточен для работодателя), ее высокие требования к оплате труда усложняют поиск подходящей работы. Отсутствие опыта работы часто становится препятствием для занятия желаемой позиции, так как руководители предприятий предпочитают нанимать специалистов, уже имеющих достаточный опыт работы. В нынешних условиях работодатель выступает не просто потребителем (результата) образовательной услуги, но и ее заказчиком, и его запросы начинают доминировать: работодатели устанавливают все более жесткие требования к выпускникам образовательных учреждений. Слабая сегментированность рынка труда в свое время привела к тому, что главным требованием работодателя к работнику было само наличие высшего образования, в результате тенденция к получению высшего образования у молодежи все возрастает, хотя и не соответствует запросам и потребностям рынка труда. Работодателю сегодня все сложнее ориентироваться, потому что высшее образование перестало быть единственным и главным критерием, по которому можно и нужно оценивать кандидатов, что привело к росту спроса на второе высшее и дополнительное образование.

Пытаясь решить или снизить остроту проблемы нехватки кадров, работодатели все чаще идут на сотрудничество с учреждениями высшего профессионального образования, чтобы «получить» работников с нужной квалификацией. Эта тенденция говорит об изменении характера заказа системе образования со стороны рынка труда: раньше это были только количественные показатели, а качественные характеристики подготовки определял государственный образовательный стандарт – сегодня заказ все чаще формируется на основе прямых требований работодателя к качеству и содержанию

подготовки, т.е. между рынком труда и системой образования складывается новый формат взаимодействия. Тем не менее, в российском обществе сохраняются диспропорции между спросом на труд, спросом на образование и предложением образовательных услуг, характерные для стран «догоняющего типа» (например, для Индии и Китая) – это перепроизводство специалистов по социальным и гуманитарным специальностям, нехватка специалистов технического и естественнонаучного профилей, перепроизводство специалистов с высшим образованием в целом и т.д.

31 марта 2014 года в еженедельной информационной рассылке исследовательской компании «Левада-центр» удивительным образом совпали анонсы двух социологических опросов, казалось бы, тематически далеких друг друга, но поразительно точно характеризующих нынешние российские реалии. Первым в рассылке шел аналитический обзор результатов очередного замера страхов россиян по унифицированному опроснику, который используется с 1989 года: несмотря на мощную артикуляцию военной проблемы в средствах массовой информации и государственном дискурсе, страх войны продолжил наметившуюся еще в 2005 и 2007 годах тенденцию к снижению, сократившись с 61% в 1991 году до 38% в 2013. «Главная причина опасений для россиян – экономические проблемы. Если в вопросе есть подсказка про экономику, она затмевает все остальное, становится важнее ядерной войны».²⁰⁷ Причины экономических опасений фиксируются статистикой и социологическими опросами: высок уровень скрытой безработицы; рынок труда и сфера образования развиваются параллельными траекториями и не соответствуют требованиям и ожиданиям друг друга; предпринимательская активность средних и малых масштабов осложнилась вследствие принятия новых нормативных документов и т.д. Наиболее уяз-

²⁰⁷ Волков Д. Экономика страшнее ядерной войны // <http://www.levada.ru/31-03-2014/ekonomika-strashnee-yadernoi-voiny>.

вимой группой на рынке труда оказывается молодежь – в силу отсутствия профессионального опыта, не вполне четкого понимания своих профессиональных траекторий и завышенных запросов в нынешнем обществе потребления.

В свете высоких опасений в экономической сфере, успешность в которой в значительной степени определяет самооощущение и социальный статус, результаты опроса, проведенного в марте 2014 года показали, что самые смешливые наши сограждане – предприниматели, учащиеся и студенты (по 54%), за ними идут безработные (43%), руководители и управленцы (41%) и в целом россияне моложе 25 (52%) и т.д.²⁰⁸ Самыми смешливыми оказались те группы, что по сообщениям средств массовой информации (в том числе по оценкам экспертов – представителей названных групп, помимо учащихся и безработных), статистическим сводкам и явной государственной озабоченности должны испытывать максимальные опасения относительно собственного положения и экономики страны. Впрочем, этот диссонанс хорошо отражает суть студенческой жизни: получающие сегодня высшее образование в целом склонны пессимистично оценивать свои профессиональные и карьерные перспективы, но зачастую в юмористической форме. Если пройтись по самым популярным среди студенчества тематическим сообществам в социальной сети «ВКонтакте», то можно поразиться количеству посвященных карьере и трудоустройству грустно-юмористических мотиваторов, анекдотов, комиксов и пр. (скажем, самые популярные в последнее время шутки – что гуманитариям прямая дорога в Макдональдс). Темы профессионального самоопределения и достойного с точки зрения заработной платы и социального престижа трудоустройства стали для студенчества столь болезненны, что связанный с ними высокий уровень

²⁰⁸ Россияне о смехе и шутках // <http://www.levada.ru/30-03-2014/rossiyane-o-smekhe-i-shutkakh>.

эмоционального напряжения «выплескивается» в юмористических форматах, что затрудняет социологическую оценку «самоощущения» студенчества в профессиональной сфере и заставляет задумываться об объективности стандартных моделей его «измерения».

Многочисленные опросы студенческих выборок, проводимые на базе Социологической лаборатории РУДН, показали, что основные причины получения высшего образования в России – желание обладать знаниями, необходимыми для дальнейшей жизни, стать квалифицированным специалистом и просто получить «корочку» как некий пропуск в мир достойных карьерных перспектив и заработков, где далеко не все смогут легко и быстро найти работу по специальности. Главные требования к трудоустройству у студентов на протяжении последних нескольких лет остаются стабильными: высокая оплата труда и интересная работа; затем идут гарантии карьерного роста и возможности самореализации. Иными словами, студенты не испытывают особого оптимизма в оценке своих шансов на трудоустройство по специальности (это весьма трезвая и одновременно грустная оценка качества образования, наличия рабочих мест по специальности либо того и другого одновременно) и консолидировано придерживаются прагматичных критериев поиска работы.

В 2013 году мы решили посмотреть на интересующую нас предметную область (образовательные и профессиональные ценности студенчества) с несколько иного ракурса, поскольку в социологии в целях оценки устойчивых коллективных представлений и состояния массового сознания активизировалась разработка «катастрофической»/«кризисной» проблематики. Сегодня можно уверенно говорить об институционализации социальных страхов как полноправного предмета социологического анализа по двум причинам: методологической – они получили внятную структурную и факторную эмпирическую

интерпретацию; и «объективной» – в рамках социально-гуманитарного знания достигнут консенсус в признании того, что все мы живем в «обществе риска», которое формирует устойчивое катастрофическое массовое сознание, и большая часть страхов современного человека социально детерминирована. Особенностью эмпирической работы социологов с понятием страхов как «маркеров» ценностных доминант является понимание, что далеко не всегда страхи должны быть актуализированными – средства массовой информации настолько «нормализуют» и «рутинизируют» разнообразные риски, с большинством из которых мы никогда не встретимся воочию, что даже самые нереалистичные из них могут значимо влиять на массовое сознание.

Таким образом, мы заменили прежний инструментарий изучения ценностных ориентаций студенческой молодежи иным, позволяющим решать практически те же задачи – «измерять» ценностные ориентации, но сквозь призму страхов и опасений. Он был сконструирован по результатам вторичного анализа социологических проектов, в той или иной степени фокусирующихся на проблематике страхов, и отражает следующую их условную типологию: опасения экономической дезадаптации; страх определенных социальных субъектов; страхи, связанные с опасностями ухудшения здоровья; опасения не достичь желаемых целей или не избежать нежелательных состояний; страх перед ситуациями, неподконтрольными человеку. Опросный инструментарий был призван выявить смысложизненные приоритеты молодежи; определить ее ключевые страхи (в том числе в сфере трудоустройства); оценить общий уровень тревожности; выявить предпочитаемые стратегии преодоления дискомфортных ситуаций и обозначить основные факторы, обуславливающие состояние тревоги.

Результаты анкетирования репрезентативной (по критериям факультета и курса обучения) выборки студентов РУДН

показали, что при достаточно высоком уровне тревожности и восприятии значительного числа социальных угроз как актуальных респондентов, тем не менее, не отличает пессимистический и безрадостный жизненный настрой. Подобное противоречие может быть связано и с юношеским идеализмом, и со свойственной российскому обществу «нормой» конформности (россияне тяготеют к оценке любых ситуаций как скорее нормальных, чем однозначно плохих или хороших), и с тем, что большая часть страхов и опасений личного характера пока не актуальна для молодежи, а социального – воспринимается как постоянный, рутинизированный медийный «шум», который формирует двойственный «фатализм» (люди верят и в неизбежность плохого, и в то, что все обойдется и образуется), и с тем, что студенты ориентированы на ближний социальный круг как главный охранительный «оплот», источник поддержки, где всегда находят помощь, решение проблем и утешение.

Обозначив ценностные предпочтения студенческой молодежи сквозь призму страхов, надежд и опасений, мы разработали тематически сфокусированный инструментарий, призванный решать те же задачи применительно к профессиональной сфере. В 2014 году по аналогичной модели квотной выборки в РУДН был проведен опрос, анкета которого включала в себя 57 вопросов разной степени сложности и формализации. Мы сознательно пошли на содержательное «утяжеление» инструментария по двум причинам: во-первых, в его разработке активное участие приняли студенты-социологи третьего курса, которые выступали в качестве «экспертов» и настаивали на данном формате инструментария и невозможности убрать из него ни одного вопроса. Во-вторых, учитывая актуальность проблематики опроса, можно было ожидать мотивированное согласие на участие в нем студентов и заполнения анкеты теми, кто действительно задумывался

на данную тему и считает важным отражение своего мнения в итоговых данных. На стадии раздачи анкет мы сталкивались с большим числом отказов, когда респонденты видели объем анкеты, но, с другой стороны, большинство студентов, согласившихся принять участие в опросе, заполняли анкеты сосредоточенно и серьезно.

Итак, распределение ответов на вопрос «Почему ты поступил именно в РУДН?» (Табл. 7) показывает, что основная причина выбора университета (58%) – его известность и статус престижного вуза, т.е. респонденты явно ориентированы на «формальные» характеристики образования, а не содержательные, которые составляют значительно отстающий от «имиджа» блок показателей, – хорошую языковую подготовку (28%), возможности общения с иностранными студентами (25% – причинами выбора данного варианта могли быть и соображения развития коммуникативных навыков на иностранных языках, и расширение круга знакомств), качество образования (21%) и возможность получения диплома переводчика (20%, т.е. формальные гарантии). На условном третьем месте оказались три разных критерия – близкое расположение вуза к дому (14%), случайность (14%) и сильный преподавательский состав (13%), что подчеркивает не вполне осознанный выбор вуза, судя по первому и второму, и неважность такого параметра позиционирования университета на рынке образовательных услуг, как его профессорско-преподавательский состав – судя по третьему.

Таблица 7

Почему ты поступил именно в РУДН?	Всего
Известный вуз (обучение в РУДН престижно)	58%
Хорошая языковая подготовка	27,6%
Возможность общения с иностранными студентами	25,2%
Устраивает качество получаемого образования	21,1%

Почему ты поступил именно в РУДН?	Всего
Возможность получения диплома переводчика	20,4%
Вуз расположен близко к моему дому	14,4%
Случайно	13,9%
Сильный преподавательский состав	12,5%
Следую семейной традиции	7,9%
Устраивает оплата за обучение	4,6%
Техническое оснащение университета, научная база	4,3%
Только здесь можно получить интересующую меня специальность	3,1%
Это единственный вуз, куда меня приняли	2,6%
Возможность быть подальше от родителей	2,6%

Помимо критериев выбора вуза мы выясняли причины поступления на конкретную специальность, ожидая, что здесь формально-имиджевые соображения могли уйти на второй план: вероятно, родители с абитуриентами пытаются найти разумный компромисс между поступлением на интересующую подростка специальность, но в известный и престижный вуз. Каждый второй респондент хочет стать квалифицированным специалистом именно в той области, по которой проходит обучение (49%), у каждого четвертого получаемая специальность была давней мечтой (27%) (Табл. 8). Со значительным отрывом следуют прагматичные соображения – поступить хоть куда-нибудь, на специальность, куда абитуриент точно бы прошел со своими знаниями (по 16%), вследствие убеждения в возможностях дальнейшего трудоустройства (15%), в надежде в будущем открыть свое дело (11%) или потому что на этом настояли родители (9%).

Таблица 8

Почему ты решил поступить на данную специальность?	Всего
Хочу стать квалифицированным специалистом именно в этой области	49,3%
Это была моя давняя мечта	27,4%
Поступил(а) туда, куда получилось поступить	16,3%
Знал(а), что смогу сдать нужные предметы	16,3%
Был(а) уверен(а), что смогу без проблем найти работу после окончания вуза	14,9%
Чтобы в будущем открыть свое дело	10,8%
На этом настаивали мои родители	9,1%
Мне нужен только диплом престижной специальности	5,3%
В этом заинтересовано предприятие, на котором я работаю/собираюсь работать	4,1%
Поступил(а) за компанию с друзьями	1,4%

Мы целенаправленно развели три вопроса – о критериях выбора университета, причинах предпочтения специальности и значении обучения в вузе. Обучение в университете для половины опрошенных – в первую очередь, возможность стать квалифицированным специалистом (55%) и получить знания, необходимые для дальнейшей жизни (54%), т.е. студентов отличает «правильная» трактовка сути высшего образования с позиций профессионального и личного становления, что подтверждает и восприятие обучения каждым третьим (37%) как возможности саморазвития и самореализации (Табл. 9). Значительно отстают прагматические соображения получения «корочки» для трудоустройства (21% – явный показатель переоценки факта наличия высшего образования на рынке труда), гарантий карьерного роста и высокой зарплаты (по 17%). В выборке обнаружались и «студенты-гедонисты», для кого обучение в университете – приятный способ времяпрепровождения.

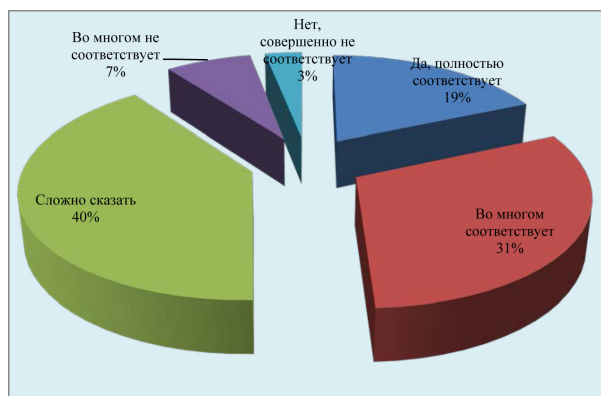
Таблица 9

Обучение в университете для тебя – в первую очередь	Всего
Возможность стать квалифицированным специалистом	55,2%
Возможность получить знания, необходимые для дальнейшей жизни	54%
Возможность саморазвития и самореализации	37,4%
Возможность получить «корочку», необходимую для трудоустройства	20,6%
Гарантии карьерного роста в будущем	17,3%
Гарантии высокой заработной платы в будущем	17%
Приятный способ времяпрепровождения	13,4%
Следование пожеланиям родителям	6%
Шанс удачно выйти замуж/жениться	4,8%
Следование семейным традициям	4,3%
Возможность откосить от армии	3,1%

Обозначенные доминанты восприятия высшего образования определяют заинтересованность студентов в обучении: лишь 6% не испытывают интереса к учебе, считая, что сориентируются после окончания вуза; каждый пятый учится «здорово и легко, впитывая знания, как губка»; 29% старательно учат то, что считают нужным/важным; 44% просто «нормально» учатся, будучи уверены, что могли бы и лучше, если бы захотели. Вероятно, подобное распределение ответов на вопрос «Как у тебя складывается учеба в университете?» связано с тем, что у каждого второго представления о будущей специальности и учебе изменились после поступления (53%), и лишь у каждого пятого (18%) остались такими же. Примерно столько же студентов (17%) собираются продолжить обучение в магистратуре (бакалавры) или аспирантуре (магистры) не по своей специальности, видимо, поняв, что

«душа лежит» к другому, либо осознав недостаточность образования по формальным или содержательным критериям. В пользу последней версии говорит то, что 37% готовы продолжить обучение по специальности, каждый десятый – получить второе высшее (11%), каждый пятый (21%) – пройти обучение на курсах повышения квалификации. Интересно, что столько же (20%) хотели бы уехать за границу на постоянное место жительства, а каждый второй (52%) на время – для продолжения учебы (20%) или поработать и посмотреть мир. Значительное число ориентированных на продолжение обучения, видимо, объясняется тем, что хотя лишь каждый десятый полагает (10%), что его образование не соответствует требованиям возможного работодателя, у 40% данный вопрос вызвал затруднения с однозначным ответом (Рис. 3).

Высокий процент затруднившихся можно объяснить тем, что у респондентов размытые и разнообразные жизненные приоритеты. Так, для 37% успех – это, прежде всего, творческая самореализация, для 33% – материальный достаток, для 31% – карьерные достижения, для 35% – семейное благополучие. Студенты могли выбрать и вариант «все вместе», объединяющий перечисленные ответы, но его предпочла треть опрошенных.

Рисунок 3. «Как ты думаешь, соответствует ли образование, которое ты получаешь, требованиям твоего возможного работодателя?»

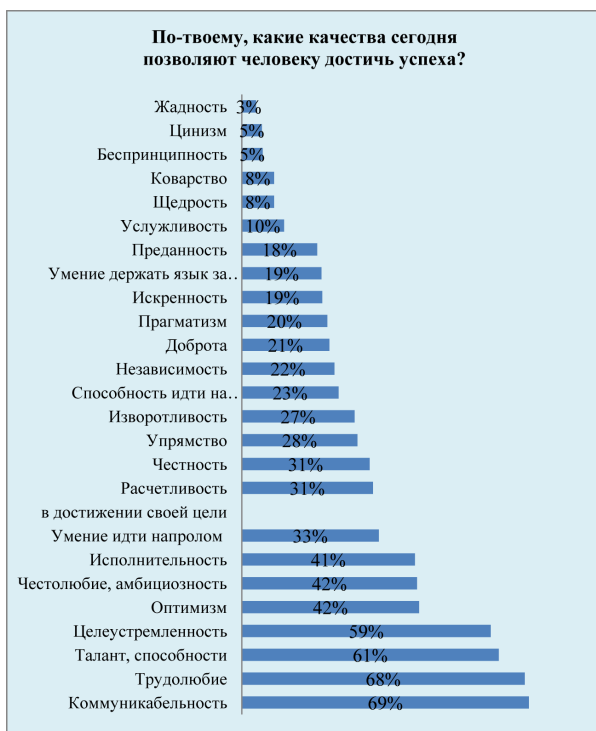
Многообразие жизненных доминант студенчества подтверждается и распределением ответов на вопрос о связанных с будущим опасениях (Табл. 10). Здесь также нет явного «лидера», хотя если объединить соответствующие закрытия в группы, то базовых страхов у студентов получится три: 1) вынужденная профессиональная нереализованность (пусть даже при высоких заработках); 2) бедность (вследствие низкой зарплаты, болезни или безработицы); 3) личное одиночество, неустроенность.

Таблица 10

Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаясь больше всего?	Всего
Работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы	38,7%
Оказаться одиноким человеком	31,7%
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	28,8%
Оказаться безработным	22,8%
Заболеть неизлечимой болезнью	22,6%
Бедности	20,7%
Разочарования в выбранном деле/профессии	20,4%
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	19%
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	18,3%
Неудачи в любви	13,2%
Не выйти замуж/не жениться	12,3%
Оказаться под следствием/в тюрьме	11,8%
Публичного унижения/оскорбления	9,6%
Стать жертвой преступников	7,5%
Пойти служить в армию	3,8%
Жизни без компьютера/Интернета	2,4%

Большее единодушие студенты продемонстрировали, выбирая в списке из 25 закрытий (и имея возможность написать

свой вариант, хотя ей почти никто не воспользовался) те качества, что сегодня позволяют человеку достичь успеха (Рис. 4). Безусловные лидеры (набрали примерно 60% и более) – коммуникабельность, трудолюбие, талант/способности и целеустремленность, т.е. классический набор личных качеств «self-made man». Вторую по частоте упоминаний (порядка 40%) группу составили «вспомогательные» качества, но тоже позитивные – оптимизм, честолюбие, исполнительность. И лишь затем (порядка 30%) идут качества, неоднозначно коннотированные (в зависимости от ситуации могут считаться и позитивными, и негативными) – расчетливость в достижении своей цели и умение идти напролом, упрямство и изворотливость, впрочем, с ними соседствует честность.

Рисунок 4. Качества успешного человека

Трудолюбие для студентов – качество пока не вполне реальное: большинство (68%) не работает, 14% регулярно подрабатывают, только каждый пятый (19%) имеет постоянную работу (в основном не по специальности). Основным критерием выбора места работы является возможность ее совмещения с учебой (47%), каждый четвертый трудоустроенный хотел получить практические навыки по специальности (26%), ради заработка трудоустроено 15%, каждый десятый (11%) работает из интереса. Будучи вынуждены совмещать работу и учебу, на что сегодня идет все меньше работодателей, соблюдением своих трудовых прав студенты не озабочены: каждый второй (55%) не оформлен официально, еще 10% обещано подписание трудового договора или оформление трудовой книжки в ближайшее время. Учитывая совмещение с учебой, студенты вряд ли могут рассчитывать на высокий заработок: каждый второй (51%) убежден, что зарабатывает недостаточно (и вряд ли можно упрекнуть респондентов в завышенных ожиданиях – зарплата 45% не превышает 20 тысяч рублей в месяц, еще 26% – 30 тысяч), достаточно – каждый пятый (20%). Каждый третий (30%) затруднился с оценкой достаточности своего заработка, и эта позиция оправдана: получают студенты не много, но если не хотят забрасывать учебу, то не могут рассчитывать на высокие заработки. О том, что нынешнее место работы большинство рассматривают либо как возможность получить практический опыт, либо как подработку, свидетельствует то, что 71% собирается менять место работы после окончания вуза.

В анкете было задано три похожих вопроса, предполагающих указание размера заработка в рублях в месяц: «Как ты думаешь, на какую заработную плату может рассчитывать выпускник вуза, трудоустроиваясь по твоей специальности в первые несколько лет после окончания вуза?», «Каков минималь-

ный приемлемый для тебя лично уровень заработной платы?» и «А какой желаемый уровень заработной платы?». Несмотря на то, что по всем вопросам наблюдался значительный разброс сумм (вопросы задавались в открытой форме, по поводу желаемого уровня зарплаты студенты откровенно шутили, что дало в итоге среднее значение в 139 тысяч рублей, хотя, судя по размерам «золотых парашютов» и бонусам топ-менеджеров крупнейших компаний, это могли быть реальные запросы на будущее), на первые два вопроса студенты отвечали вполне реалистично, о чем говорит однопорядковость средних значений – 40 и 48 тысяч рублей в месяц соответственно. Реальную зарплату студенты оценивают верно – от 21 до 40 тысяч рублей; медианное значение минимальной приемлемой зарплаты – 40 тысяч, и планка здесь повыше – от 21 до 50 тысяч; медианное значение желаемой зарплаты – около 110 тысяч рублей.

Не работающие и не подрабатывающие студенты (Табл. 11) аргументируют это тем, что не могут совмещать работу и учебу (67%, если объединить опасующихся и категорически убежденных, что это сложно), менее трети (29%) уверены в необходимости сосредоточиться на учебе, по 17% либо не испытывают материальной необходимости работать, либо не смогли подобрать подходящий вариант. Условные «отличники» (14%) полагают, что от оценок зависит профессиональное будущее, есть также «послушные дети» (9%) отрицательно относящихся к их трудоустройству родителей и «честные» – открыто говорящие о нежелании работать (7%). Неработающие студенты оптимистично оценивают перспективы трудоустройства после окончания вуза: 91% убеждены, что легко и быстро найдет работу, половина из них уверена, что это будет работа по специальности (53%).

Таблица 11

Если ты не работаешь и не подрабатываешь, с чем это связано?	Всего
Боюсь, что не смогу совмещать работу и учебу	47,2%
Считаю, что сейчас главное – учеба, а трудоустроиться я всегда успею	28,5%
Это слишком сложно и утомительно – сочетать работу и учебу	19,4%
Не смог(ла) найти работу, в которой бы меня все устраивало	16,7%
Нет материальной необходимости работать	16,7%
Боюсь, что любая работа не позволит мне получать хорошие оценки и усложнит мое дальнейшее трудоустройство	13,5%
Мои родители/родственники против того, чтобы я работал(а)	9,4%
Не хочу	7,3%
Меня не устраивает уровень заработной платы	5,6%
Не смог(ла) найти работу по специальности	4,5%

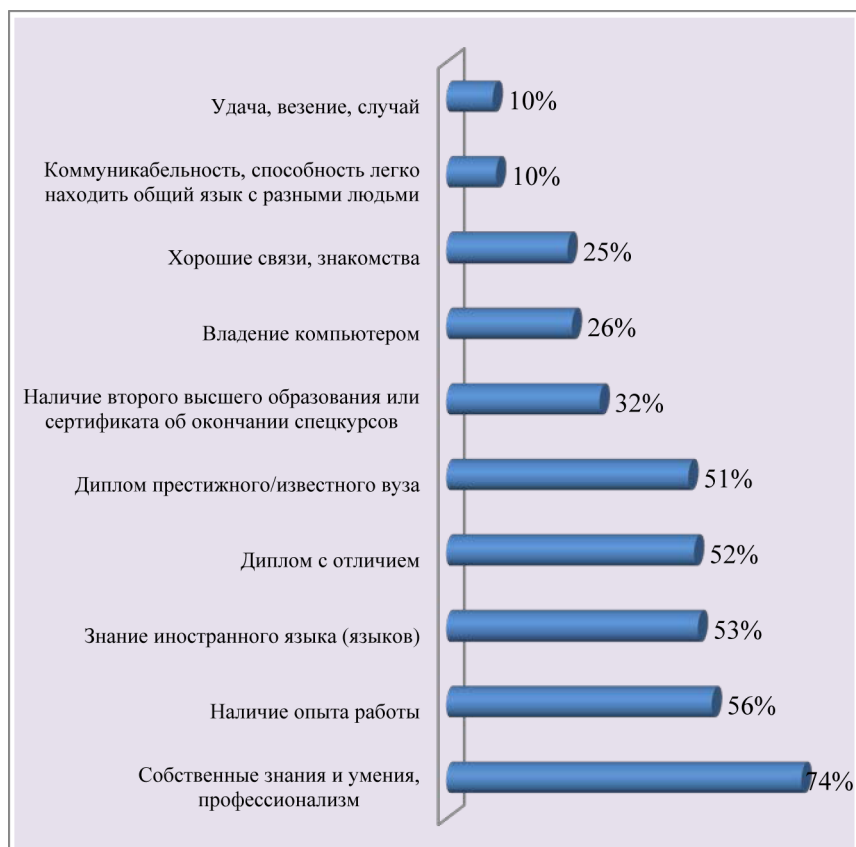
Самые действенные способы трудоустройства, благодаря которым большинство знакомых и друзей студентов уже нашли или планируют найти работу (Рис. 5), – специализированные сайты (60%) и связи (49%), что объяснимо: трудоустройство «по знакомству» упрощает совмещение работы с обучением. Вторая группа способов трудоустройства – набор вариаций этих двух: дополняют сети родственной поддержки дружеские и приятельские связи, контакты в социальных сетях; аналог Интернет-трудоустройства – рассылка резюме в кадровые агентства и обращение к специальным объявлениям в средствах массовой информации.

Рисунок 5. «Каким образом большинство твоих друзей и знакомых нашли или планируют найти работу?»

Однако когда речь заходит о том, что нужно для удачного трудоустройства, то наличие связей и знакомств упоминает лишь каждый четвертый, тогда как безусловными лидерами, как и в случае с жизненным успехом, оказались личные качества – знания, умения, профессионализм (74%), знание иностранного языка и опыт работы (их назвал каждый второй), а также диплом с отличием, причем престижного/известного вуза (Рис. 6). Подобное рассогласование можно объяснить тем, что, с одной стороны, большинство студентов трудоустраивается через знакомых; с другой стороны, все понимают, что ра-

ботодатели предъявляют четкие требования к сотрудникам, и вряд ли не соответствующий им сможет трудоустроиться даже со связями, а будучи принят на работу – удержаться на ней. В качестве базовых требований работодателей студенты называют опыт работы (76%), ответственность (62%), диплом по специальности (54%), готовность работать с максимальной отдачей (49%), пунктуальность, быструю обучаемость и знание иностранных языков (по 42%).

Рисунок 6. «Как ты считаешь, что необходимо для удачного трудоустройства после окончания вуза?»

По мнению студентов, основная проблема, с которой сталкивается выпускник вуза, – отсутствие опыта работы (55%) (Табл. 12).

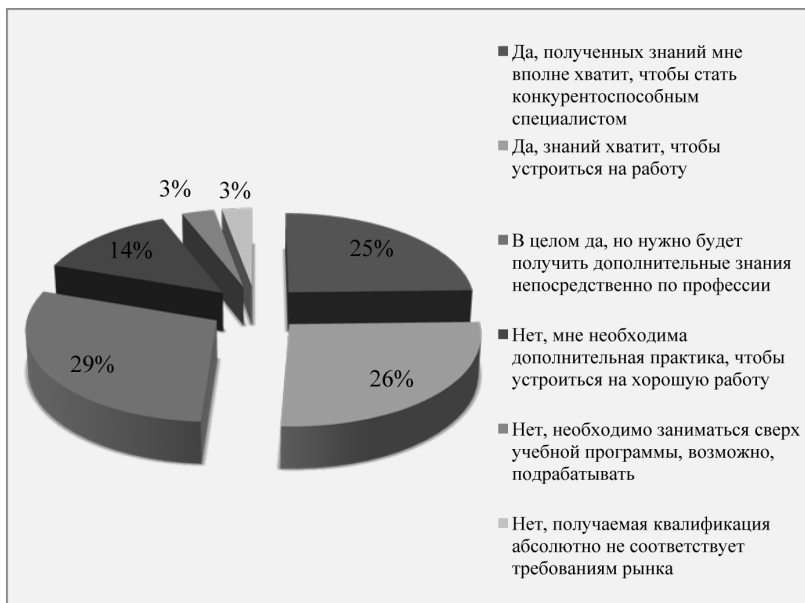
Таблица 12

С какими сложностями, на твой взгляд, сталкивается выпускник вуза по твоей и смежным специальностям на рынке труда?	Всего
Работодатели требуют наличия опыта работы	55,2%
Работодатели не хотят платить достойную заработную плату молодым специалистам	47,2%
Работодатели платят слишком низкую заработную плату молодым специалистам	39,7%
Рынок труда перенасыщен специалистами моего и схожих профилей	29,7%
Работодатели заставляют молодых специалистов работать «за троих»	24,1%
Моя и смежные специальности не востребованы на рынке труда	10,9%
Работодатели требуют знания иностранного языка	10,7%
Работодатели требуют «красный» диплом (или высоких оценок по профильным дисциплинам)	6,1%

Дело не столько в наличии опыта работы как такового – работодатели готовы «доучивать» молодых специалистов, но не согласны на совмещение работы с учебой; кроме того, уровень зарплаты, на который могут рассчитывать обладающие и не обладающие опытом работы, – разный. Это подтверждает и вторая по частоте упоминаний проблема, с которой сталкиваются молодые специалисты, – нежелание работодателей платить им достойную заработную плату (47%) и констатация реального положения дел – работодатели платят слишком низкую заработную плату молодым специалистам (40%). Высокие оценки, знание иностранного языка и востребованность профессии не кажутся студентам актуальными проблемами; каж-

дого третьего волнует перенасыщенность рынка специалистами его профиля, каждого четвертого – гиперэксплуатация молодых специалистов.

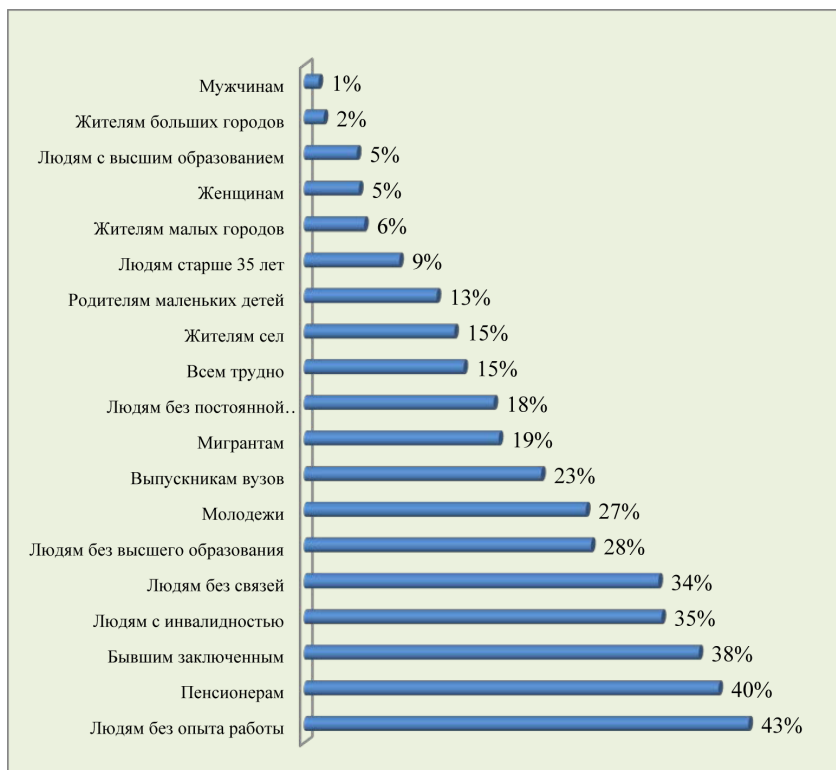
43% убеждены, что получаемая ими квалификация не вполне соответствует требованиям рынка, поэтому им нужны дополнительные знания (29%) или практика (14%) (Рис. 7). С другой стороны, половина респондентов уверена, что полученные знания соответствуют требованиям рынка и позволяют им стать конкурентоспособными специалистами (25%) или просто найти работу (26%).

Рисунок 7. «Как ты считаешь, соответствует ли получаемая тобой квалификация требованиям рынка?»

Себя как молодых (27%) выпускников вузов (23%), студенты не относят в самую проблемную группу с точки зрения возможностей трудоустройства – более важными ограниче-

ниями респонденты считают отсутствие опыта работы (43%) и связей (34%) (Рис. 8).

Рисунок 8. «Кому, на твой взгляд, сегодня труднее всего устроиться на работу?»

Распределение ответов показательно в случае их группировки: если взять варианты, которые отметило больше трети опрошенных, то отсутствие опыта работы как сдерживающий фактор трудоустройства делит лидирующие позиции с утратой работоспособности по возрасту и инвалидностью и стигматизацией бывших заключенных; на втором месте – молодежь (27%) и люди без высшего образования (28%), далее идут

выпускники вузов (23%), мигранты (19%), люди без постоянной регистрации (18%), жители сел (15%) и вообще все (15%).

В анкету было включено четыре открытых вопроса: «Как ты думаешь, какие профессии наиболее востребованы сегодня на рынке труда?», «А какие наименее востребованы?», «Какие профессии сегодня наиболее высоко оплачиваемы?», «А какие самые низкооплачиваемые?». Доля ответивших составила более половины выборки, и, как в любых открытых вопросах с размытым предметным полем, здесь оказалось множество вариантов. Тем не менее, самыми востребованными профессиями студенты считают инженеров (42%), программистов/ИТ-специалистов (20%), врачей (16%), экономистов (15%) и юристов (10%), т.е. с одной стороны, тех, на кого есть реальный спрос, с другой – престижные профессии, о «перепроизводстве» которых общеизвестно. Они же оказались лидерами среди наименее востребованных специальностей – юристы (35%) и экономисты (30%) (замыкают тройку лидеров менеджеры с 12%), что, видимо, свидетельствует о понимании студентами ситуации, хотя эти профессии возглавляют список самых высокооплачиваемых: юристы и экономисты (по 11%), затем инженеры (9%) чиновники (8%) и менеджеры (7%). Самые низкооплачиваемые специальности названы студентами более определенно и совершенно предсказуемо: дворники/уборщики (34%), учителя/преподаватели (29%) и врачи (11%).

Оптимизм студенчества прослеживается в том, что 56% уверены, что получат желаемое место работы после окончания вуза, хотя для этого может потребоваться время (42%) – пессимистично высказались 8%, остальные затруднились с оценкой шансов найти «идеальную» работу. В перспективе большинство (61%) надеется стать руководителями, причем 39% – собственного бизнеса, а 13% – фрилансерами, работая в свободном режиме или на дому. В целом в будущее студенты смотрят с оптимизмом (58%) или спокойно, пусть и без осо-

бых надежд и иллюзий (28%) – негативные эмоции (тревогу, неуверенность, страх), думая о будущем, испытывает 13%. Оценивая свой жизненный настрой, респонденты называют себя оптимистами (30%), реалистами (35%) или «ситуационистами» (19%). Абсолютное большинство (76%) довольно своей нынешней жизнью (недовольных 9%) и предпочитает планировать ее на отдаленную (34%) или ближайшую перспективу (46%), рассчитывая в реализации своих планов на поддержку и помощь родителей, родственников, друзей и знакомых (79%), но иногда испытывая опасения стать неудачниками (37%). Свой общий эмоциональный настрой за последние несколько месяцев студенты характеризуют как двойственный: большинству случилось и радоваться своим успехам (68%), и ощущать усталость и безразличие (60%), и в основном негативные переживания были связаны с учебой (65%), а не с работой/трудоустройством (28%) или родными (29%) и друзьями (32%).

В принципе уже с первых лет постсоветского периода отечественные исследователи стали отмечать, что молодые люди на российском рынке труда находятся в ситуации «вынужденной мотивации труда»²⁰⁹: ее отличает ориентация на выживание, неконкурентоспособность, низкое удовлетворение материальных потребностей при относительном отсутствии свободного выбора вариантов трудоустройства. С одной стороны, переход к рынку кардинальным образом трансформировал сферу социально-трудовых отношений в интересах молодежи – в целом она оказалась в лучших условиях, чем старшие поколения: молодые люди более образованы, выросли в иных социально-экономических реалиях и потому быстрее и проще адаптируются к изменяющимся социокультурным условиям, обладают большей свободой, возможностями выбора

²⁰⁹ См., напр.: *Озерникова Т. Г.* Принуждение к труду и вынужденная трудовая мотивация в современной России. Иркутск, 2006.

и самореализации в принятии принципиально важных решений относительно занятости и выстраивания карьеры. С другой стороны, эти перспективы постсоветского периода характеризуются высоким уровнем неопределенности (вследствие структурных несоответствий сферы образования запросам рынка труда), рискогенностью (экономические проблемы влекут рост конкуренции), недоступностью (для проживающих в сельской местности и моногородах) на фоне увеличения периода незанятости на первых этапах трудовой деятельности (образование все чаще становится своеобразной альтернативой трудоустройству, но пролонгирование периода поиска работы неизбежно ведет к депрофессионализации выпускника вуза) – все это определяет высокий уровень молодежной безработицы.

К середине 2000-х годов исследователи зафиксировали мозаичность ценностно-нормативного комплекса молодых россиян в целом и в профессиональной сфере в частности; заговорили о нарастающей инструментальной ценности труда – как источника материальных благ и социального капитала (важных знакомств, связей и пр.)²¹⁰; об усугублении непонимания между молодежью, которая хочет высокой оплаты труда сразу после окончания обучения, и обществом в лице работодателей, занижающими оплату труда молодых специалистов, ссылаясь на высокие требования (им нужны высококвалифицированные кадры с опытом работы) и отсутствие у молодежи опыта и навыков для их удовлетворения; о росте общей жизненной неуверенности молодежи в связи со страхом потерять работу и оказаться без средств.²¹¹ Проводивши-

²¹⁰ См., напр.: *Здравомыслов А. Г., Ядов В. А.* Человек и его работа в СССР и после. М., 2003; *Лелекина И. А.* Социально-экономический статус молодежи в трансформирующемся российском социуме: Автореф. дисс.к.с.н. Майкоп, 2007.

²¹¹ Аналитический доклад «Молодежь новой России: ценностные приоритеты» // http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html.

еся на протяжении 2000-х годов опросы показали, что с 2002 по 2013 годы доля уверенных, что жители их города/района при необходимости не смогут устроиться на хорошую работу по специальности, не падала ниже 70%, противоположного мнения придерживался каждый пятый.²¹² Доля уверенных в возможности успешного трудоустройства по специальности коррелирует со степенью урбанизации: достигает максимума в крупных мегаполисах, минимума – в сельских поселениях. Тем не менее, доля выпускников школ, получающих высшее образование, остается высокой²¹³: диплом вуза считается «пропуском» на рынок труда и гарантом успешной профессиональной карьеры, даже если человек формально относится к обучению и не получает за годы учебы ничего, кроме «корочки». Высшее образование нередко не приносит ни удовлетворения, ни ожидаемого результата, потому что не успевает за изменениями рынка труда и требованиями работодателей, но продолжает рассматриваться как вклад в будущее, пусть и без гарантий.

В. И. Чупров в конце 1990-х годов предложил типологию молодых работников по критерию реализации ими своей квалификации на рынке труда²¹⁴: молодые люди, работающие по специальности, что говорит об их высоком профессиональном статусе (примерно треть); молодые люди, которые работают не по специальности или не прошли профессиональную подготовку (около 45% в конце 1990-х годов, более 60% в 2000-х); молодые люди, трудоустроенные по близкой к своей специальности (соответственно, 20% и 40%). Примерно тогда же исследователи обнаружили, что мотив высокого заработ-

²¹² Перспективы трудоустройства // <http://www.levada.ru/26-09-2013/perspektiva-trudoustroistva>.

²¹³ Кочетов А. Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 5.

²¹⁴ Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 98.

ка лидирует во всех опросах молодежи и опережает прочие аспекты трудовой мотивации, в том числе и распространенные среди россиян соображения, что работа должна быть интересной, а коллеги – хорошими товарищами.²¹⁵ Речь идет об устойчивых представлениях и типах поведения на рынке труда, но они могут различаться по типам поселений, полу и возрасту. Так, гендерная проблематика применительно к сфере занятости и карьеры в российском обществе характеризуется выраженной «традиционностью» – на уровне анекдотов, шуток, расхожих соображений, что нужно/позволено/запрещено женщине и мужчине.

Выделяют разные социальные трактовки гендерных различий²¹⁶; через культурные символы (например, «женщина-мать» и «отец-кормилец»); нормативные понятия (в моральном «кодексе» традиционного общества от женщины требуется приверженность семейным ценностям и подчеркнутая «женственность»); деление социальных сфер деятельности (сугобо мужские и женские профессии); субъективное самовосприятие индивида (идентификация себя как «мужественного» или «женственной»). Все эти трактовки укладываются в получившие на Западе во второй половине XX века популярность дискуссии о «предназначении» женщины и «образах женственности», которые каждая культура директивно навязывает своим членам. Специфика гендерного подхода в социологии состоит в том, что она отрицает психоаналитические и структурно-функциональные обоснования социальных ролей мужчин и женщин и подчеркивает социально-экономическую и социокультурную детерминацию устойчивости традиционных стереотипов о своеобразной «второсортности» женщины по сравнению с мужчиной в публичных (прежде

---

²¹⁵ См., напр.: *Магун В. С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4.

²¹⁶ См., напр.: *Гиденс Э.* Социология. М., 1999.

всего, связанных с производственными и властными отношениями) сферах. Проблема не в том, что существует «мужская» и «женская» работа, а в том, что подобные маркировки обуславливают неравный доступ мужчин и женщин к рабочим местам, неравенство в зарплате и социальные диспропорции (гендерную дискриминацию и сегрегацию на рынке труда), масштабы и острота которых определяются социальными представлениями. Так, массовые опросы из года в год показывают, что россияне ратуют за «равенство полов» и убеждены, что женщинам живется тяжелее, чем мужчинам (по причине «двойной занятости» и меньших возможностей для продвижения по службе), но в то же время уверены в правильности/справедливости закрепления за мужчинами и женщинами определенных сфер ответственности и ролевых ограничений (согласно статистике, чем выше должностная ступень, тем ниже в ней доля женщин, что подтверждает теорию «стеклянного потолка», разработанную в начале 1980-х годов).

Итак, рассмотрим, насколько по-разному отвечали на вопросы нашей анкеты юноши и девушки, а также влияние на распределение ответов некоторых иных социально-демографических показателей. Так, распределение ответов на вопрос «Почему ты поступил именно в РУДН?» предсказуемо показало отсутствие значимых расхождений в приоритетах юношей и девушек. Более значимы различия в причинах поступления в РУДН между жителями Москвы и Московской области (условными «москвичами») и ребятами из регионов: для последних более значимы известность и престижность вуза (69% против 57%) и возможность получить диплом переводчика, т.е. второй «корочки» (27% против 18%); менее значимы «содержательные» аспекты обучения – хорошая языковая подготовка (19% против 31%) и сильный преподавательский состав (4% против 13%). По мере взросления (мы использовали три градации – младшие курсы, старшие курсы и магистратура)

студенты реже отмечают известность и престижность вуза (60% младшекурсников – 42% магистров) и качество образования (31% – 13%), но чаще – хорошую языковую подготовку (21% – 33%), что, очевидно, отражает возрастающее понимание того, что трудоустроиться придется не по «корочке», а по знаниям.

Что касается причин поступления на конкретную специальность, то здесь различия оказались столь же незначительными. Юноши чаще озабочены получением диплома престижной специальности (8% против 3%); девушки чаще подвержены влиянию родителей (11% против 5% выбрали специальность по их настоянию) и в большей степени стремятся гарантировать свое будущее – сначала поступление (21% против 9% юношей выбрали специальность, зная, что смогут сдать нужные для поступления предметы), а затем трудоустройство после окончания вуза (18% против 10%; данный вариант – единственное различие между «москвичами» и приезжими – 12% против 4%). Стремление девушек гарантировать свое будущее прослеживается и в ответах на вопрос о значении обучения: они чаще указывают возможность стать квалифицированным специалистом (61% против 46%), получить гарантии карьерного роста и высокой зарплаты (20% против 13%), саморазвития и самореализации (40% против 33%), подтверждая расхожее утверждение, что женщине, чтобы чего-то добиться в профессиональной сфере, нужно быть на голову выше мужчины.

Более интересны расхождения в ответах на вопрос о причинах выбора конкретной специальности по критерию профиля обучения – у условных «технарей» (студенты инженерного и факультета физико-математических наук), «естественников» (студенты медицинского, экологического и аграрного факультетов) и «гуманитариев» (студенты юридического, филологического, экономического и факультета гуманитарных

и социальных наук). У «гуманитариев» более ярко выражено желание стать квалифицированным специалистом в конкретной области (54% против 40% «технарей» и 44% «естественников»); «технари» чаще поступают туда, куда получилось (24% против 10% «естественников» и 15% «гуманитариев») и реже уверены, что смогут без проблем найти работу после окончания вуза (7% против 23% и 16% соответственно); «естественникам» чаще нужен только диплом престижной специальности (15% против 4%) и гарантии поступления (28% были уверены, что смогут сдать нужные для поступления предметы, – против 12% «технарей» и 15% «гуманитариев»). «Технари» пессимистично оценивают обучение по сравнению с «естественниками» и «гуманитариями»: реже рассматривают его как возможность получить знания, необходимые для дальнейшей жизни (43% против 69% и 55%), как шанс для саморазвития и самореализации (27% против 44% и 40%), как гарантии карьерного роста и высокой заработной платы (11% против 19%), хотя сложнее всего учиться «естественникам» (8% против 14% в других группах рассматривают обучение как приятное времяпрепровождение).

Восторженно впитывающих знания, как губка, несколько больше среди «гуманитариев» – 21% против 14% «технарей» и 12% «естественников»; последние более прагматичны и старательно учат только то, что может пригодиться (48% против примерно каждого пятого студента других профилей); «технари» чаще учатся нормально, хотя могли бы и лучше (56% против 28% «естественников» и 43% «гуманитариев»). У юношей реже, чем у девушек (47% против 57%), а у «москвичей» реже, чем у приезжих (54% против 73%) представления о будущей специальности и учебе меняются после поступления, что можно связать с большей прагматичностью первых в каждой из названных пар.

Следующий блок вопросов анкеты – о планах студентов продолжать обучение (в магистратуре, аспирантуре, втором высшем, специализированных курсах) – не выявил значимых различий по социально-демографическим характеристикам или параметрам обучения, хотя среди магистров больше уверенных в том, что получаемое ими образование соответствует требованиям работодателя (61% против 46% бакалавров): как правило, к началу учебы в магистратуре большинство студентов либо уже имеет опыт работы, либо совмещает обучение с работой. Среди «естественников» меньше, чем среди «технарей» и «гуманитариев», уверенных в том, что получаемое образование соответствует требованиям возможного работодателя (38% против каждого второго).

Распределение ответов на вопрос о связанных с будущим опасениях (Табл. 13) не выявило явных «лидеров», но если объединить соответствующие закрытия в группы, то мы увидим три базовых страха: вынужденная профессиональная нереализованность (пусть даже при высоких зарплатах); бедность (вследствие низкой зарплаты, болезни или безработицы); одиночество, жизненная неустроенность. Эти страхи доминируют во всех подгруппах, но ярко проявились гендерные различия. Практически по всем видам опасений девушки демонстрируют более высокий уровень тревожности (за исключением службы в армии, попадания в тюрьму/под следствие и жизни без компьютера); Девушки, задумываясь о своем будущем, чаще опасаются вынужденного трудоустройства (43% против 33%), неизлечимой болезни (28% против 15%) и одиночества (36% против 25%). Последнее расхождение предсказуемо: более социально одобряемым и приемлемым считается одиночество мужчины – как реализующего себя в профессиональной сфере, от женщины общество ожидает семейно-материнской «карьеры», что подтверждается и большей частотой у девушек опасений не

выйти замуж (16% против 7%) и неудачи в любви (15% против 10%). Ребята из регионов в меньшей степени опасаются вынужденного трудоустройства на неинтересную, но денежную работу, учитывая уровень безработицы за пределами Москвы, и неудачи в любви, но в большей степени – публичного унижения/оскорбления и неизлечимой болезни (видимо, считая их факторами безработицы и бедности).

Таблица 13

**«Задумываясь о своем будущем,
чего ты опасешься больше всего?», в%**

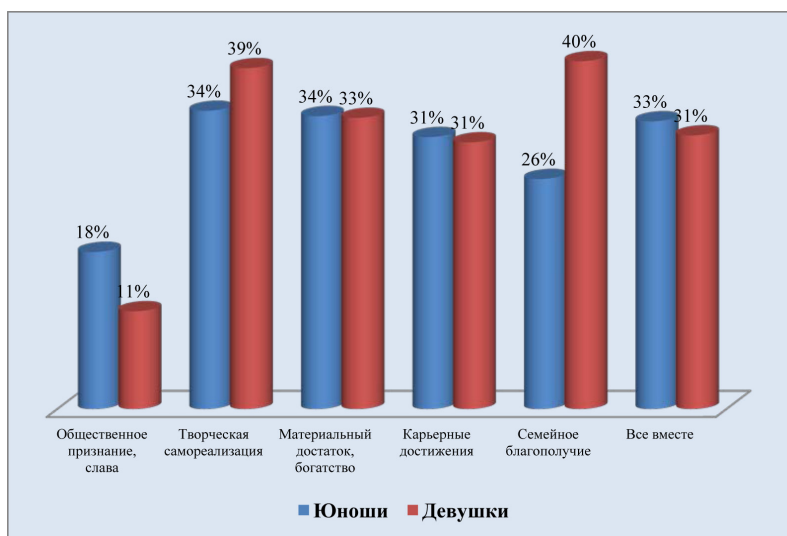
Варианты ответов	Пол		Постоянное место жительства		
	Муж	Жен	Москва	МО	Другое
Работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы	33,1	42,6	41	29,5	34,6
Оказаться одиноким	25,3	36,1	29,3	42,3	34,6
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	27,1	29,7	29,3	25,6	34,6
Оказаться безработным	19,3	25,3	20,7	30,8	30,8
Заболеть неизлечимой болезнью	15,1	27,7	21,3	24,4	38,5
Бедности	18,1	22,5	21	20,5	19,2
Разочарования в деле/профессии	16,9	22,5	21,3	14,1	15,4
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	15,1	21,3	20	17,9	3,8

Варианты ответов	Пол		Постоянное местожительство		
	Муж	Жен	Москва	МО	Другое
Отчисления (не смогу доучиться/ получить диплом)	15,1	20,1	16,3	21,8	23,1
Неудачи в любви	10,2	14,9	14,3	10,3	3,8
Ее выйти замуж/ не жениться	7,2	15,7	12,3	9	15,4
Оказаться под следствием/в тюрьме	13,9	10,4	12	11,5	15,4
Публичного унижения/ оскорбления	9	10	10	6,4	15,4
Стать жертвой преступников	3,6	10	7,3	7,7	7,7
Пойти служить в армию	7,8	1,2	4,7	1,3	3,8
Жизни без компьютера/Ин- тернета	4,2	1,2	2,3	2,6	3,8

По мере взросления несколько снижается уровень опасений вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу (с 19% до 8%), получать заработную плату, которая не позволит жить, так как хочется (с 32% до 21%), работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы (с 47% до 29%), а также отчисления и разочарования в выбранном деле (с 26% до 14%). Видимо, к магистратуре студенты увереннее чувствуют себя на рынке труда.

В восприятии личного жизненного успеха девушки и юноши продемонстрировали предсказуемые сходства и различия (Рис. 9): в обеих подгруппах наименее весомым стало общественное признание/слава, но его в два раза чаще упоминают

юноши (18% против 11%), а для девушек намного более важно семейное благополучие (40% против 26%).

Рисунок 9. «Для тебя лично успех – это прежде всего...»

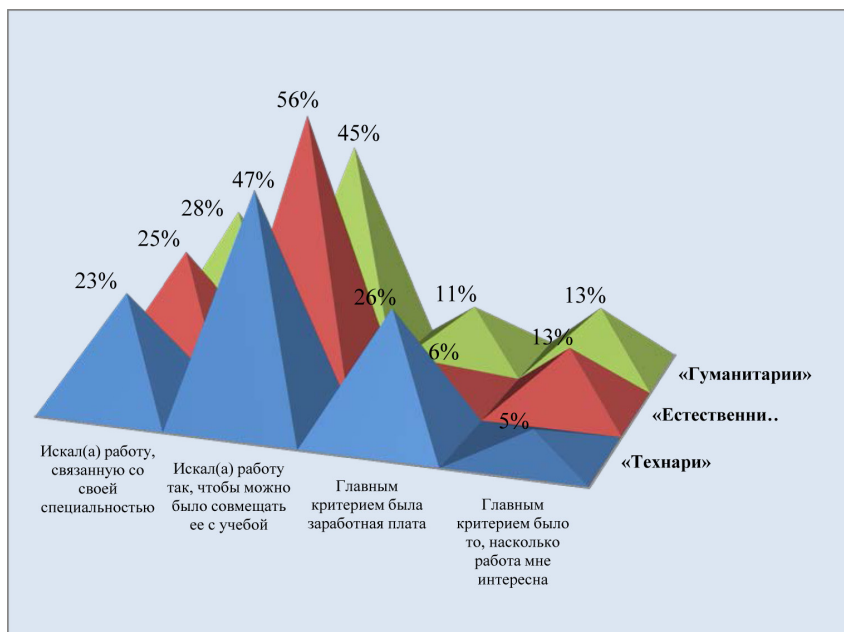
По мере взросления значение общественного признания и материального достатка возрастает (соответственно с 13% до 25% и с 28% до 42%): видимо, возникает четкое понимание, что достичь всего и сразу в жизни сложно. Выбирая в списке из 25 закрытий необходимые для жизненного успеха личные качества (максимум десять), юноши и девушки продемонстрировали предсказуемые различия, хотя безусловными лидерами в обеих подгруппах стали коммуникабельность, трудолюбие, талант/способности и целеустремленность – девушки чаще указывали каждую из этих характеристик (Рис. 10). Вторую по частоте упоминаний группу (порядка 40%) составили «вспомогательные» по отношению к названным черты – оптимизм, честолюбие,

исполнительность, но для девушек последнее качество намного более важно (55% против 21%), что, видимо, отражает стереотипное представление о том, как себя должны вести мужчина и женщина на работе. Подтверждает это то, что 28% девушек указали в качестве фактора жизненного успеха способность идти на компромисс – с ними согласны 16% юношей. Третий блок важных для успеха личных качеств (порядка 30%) составили черты неоднозначно коннотированные, т.е. ситуативно они могут считаться и позитивными, и негативными – расчетливость в достижении целей, умение идти напролом, упрямство и изворотливость, впрочем, с ними соседствует честность. Статистически и интерпретационно значимых расхождений в ответах начиная с третьего блока, за исключением указанного тяготения к компромиссам, практически нет, хотя коварство и беспринципность чаще оказывались в «мужском», чем в «женском» наборе личных рецептов успеха (11% против 6% и 8% против 3% соответственно).

Ребята из регионов выше, чем их сверстники-«москвичи», ценят трудолюбие, талант/способности и умение идти напролом в достижении целей (на 15%), а ниже – оптимизм (на 30%) и умение держать язык за зубами (в 2–3 раза), что соответствует стереотипным «рецептам» успеха в столице (изображать успешность и помалкивать, если много чего знаешь) и в провинции («пахать»). По мере взросления возрастает значение трудолюбия и способности идти на компромиссы (на 10%), прагматизма и искренности (почти в два раза) при одновременном снижении важности коммуникабельности, таланта/способностей, оптимизма, умения идти напролом в достижении целей и изворотливости (на 20%).

Трудолюбие для студентов качество пока не вполне реальное – не работает и не подрабатывает на регулярной основе 64% юношей и 70% девушек: не работает вообще каждый третий юноша (34%), но практически каждая вторая девушка (48%); подрабатывает 30% юношей и 22% девушек. Трудоустроено не по специальности – по 10% и тех, и других, но по профессии или в смежных с ней областях работает почти в два раза больше юношей (11% против 6%).

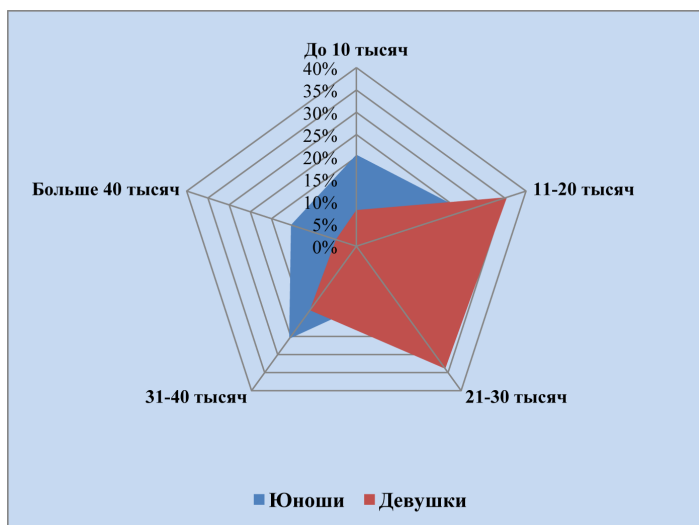
Понятно, что ребятам из регионов труднее трудоустроиться в столице, поэтому среди них 92% не работают, а 8% перебиваются случайными подработками – две трети из них работают ради зарплаты (более 40 тысяч рублей в месяц), каждый четвертый пытается получить опыт работы по специальности (получает менее 10 тысяч в месяц); все трудоустроены на коммерческих предприятиях и собираются сменить место работы после окончания вуза. По мере взросления снижается число не работающих и не подрабатывающих (с 88% до 50%) и возрастает доля трудоустроенных по специальности или в смежных с ней областях (с 2% до 18%), хотя лишь каждый пятый работающий по профессии магистр – грустная цифра, явно говорящая о несоответствии высшего образования запросам (столичного) рынка труда. Среди «технарей» самый низкий процент нигде не работающих и не подрабатывающих – 59% против 69% «гуманитариев» и 75% «естественников». Среди «технарей» в два раза выше доля работающих по специальности (13% против 7%), они чаще ориентируются в трудоустройстве на заработную плату (26% против 6% «естественников» и 11% «гуманитариев») и, видимо, поэтому согласны работать без официального оформления (70% против, соответственно, 31% и 52%) (Рис. 10).

Рисунок 10. «Если ты работаешь или подрабатываешь, по каким критериям выбирал(а) место работы?»

Девушки, видимо, в силу отмеченного выше более высокого уровня тревожности, чаще настаивают на официальном оформлении (35% против 23%) и реже соглашаются его подождать, веря обещаниям работодателя в ближайшее время уладить все формальности (8% против 13%). Также девушки чаще мотивированы в поисках работы на заработок, поэтому среди них меньше тех, кто получает менее 10 тысяч рублей в месяц (8% против 21% среди юношей); но 69% работающих девушек получает от 11 до 30 тысяч рублей (38% юношей), а 41% работающих юношей – свыше 31 тысячи (22% девушек) (Рис. 11). Вряд ли по этим цифрам можно делать выводы о гендерном дисбалансе в оплате труда, но учитывая, что речь о студентах, которые находятся в равном положении в связи с необходи-

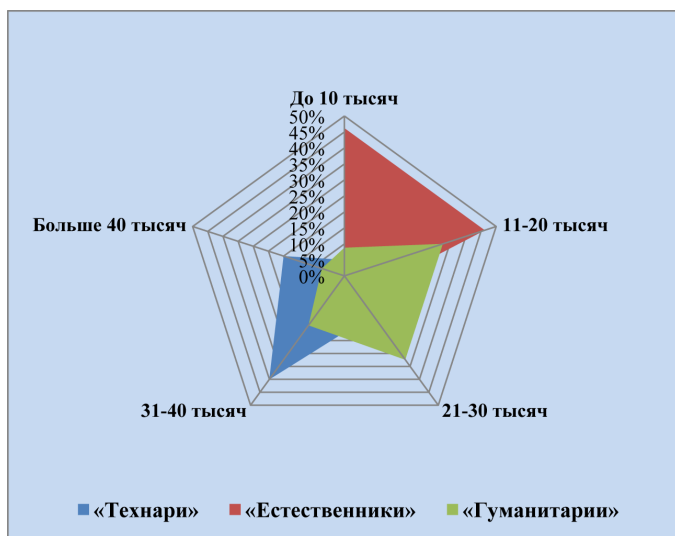
мостью сочетать работу с учебой, расхождения показательны. Впрочем, средняя заработная плата по подгруппам сводит их к минимуму: у юношей – 28833 рубля в месяц, у девушек – 24677. Девушки чаще называют в качестве минимально приемлемой зарплаты цифру ниже 30 тысяч; на цифрах от 31 до 70 тысяч доли юношей и девушек совпадают, а заработок свыше 70 тысяч юноши писали в два раза чаще (19% против 10%), что в итоге дало разные, но близкие средние минимально приемлемые зарплаты юношей и девушек – 52945 и 45192 рублей соответственно.

Рисунок 11. «Какова твоя (примерная) заработная плата?»

Реальная средняя зарплата различается у студентов в зависимости от профиля (Рис. 12): у «технарей» это 35475 рублей в месяц (60% получают больше 30 тысяч), у «гуманитариев» – 26125 (52% получают от 21 до 40 тысяч), у «естественников» – 12961 (100% получают меньше 30 тысяч, 92% – меньше 20 тысяч). Группировка размеров зарплаты, на которую может рассчитывать выпуск-

ник вуза в первые несколько лет после окончания вуза, показала, что различия по профилям не столь значительны – планируемая средняя зарплата у всех составила около 47 тысяч рублей в месяц, т.е. нынешнее место работы большинство студентов рассматривают как возможность получить опыт или подработать; две трети собираются менять место работы после окончания вуза, и девушки чаще (77% против 63%) – среди них меньше удовлетворенных местом работы (7% против 18%).

Рисунок 12. «Какова твоя (примерная) заработная плата?»

Когда речь заходит о том, что необходимо для удачного трудоустройства, то при доминировании комплекса из собственных знаний и умений (профессионализм назвали более 70%), владения иностранным языком, коммуникабельности, опыта работы и связей/знакомств (упоминались каждым вторым), представления студентов оказались весьма вариативны. Так, девушки, чаще убеждены, что для удачного трудоустройства важны все перечисленные «навыки», и в большей степе-

ни рассчитывают на удачу и везение (31% против 20%) и верят в «нужность» диплома с отличием (12% против 7%). Юноши более прагматичны – чаще верят не в «качественные» параметры образования (диплом с отличием), а в «количественные» – наличие второго высшего образования или сертификата об окончании спецкурсов (17% против 6%). Девушки почти в два раза чаще, чем юноши, уверены, что работодателю важны хорошие оценки по профильным дисциплинам и знание иностранного языка. Ребята из регионов полагают, что работодатели заинтересованы в профессионализме и дипломе известного, престижного вуза, и реже разделяют убежденность «москвичей» в важности умения легко находить общий язык с разными людьми. К магистратуре сокращается доля уверенных, что работодателю нужны знания, умения и профессионализм, хотя эти требования остаются основными факторами успешного трудоустройства, снижается доля тех, кто верит в диплом престижного вуза, за счет роста понимания важности диплома с отличием. «Естественники» в большей степени акцентируют значение опыта работы, знания иностранных языков, коммуникабельности и диплома с отличием, который не кажется важным «технарям» – для них более приоритетны владение компьютером и прохождение дополнительных образовательных программ, которые, в свою очередь, не интересны «гуманитариям», подчеркивающим важность хороших связей и знакомств (учитывая перенасыщенность рынка труда специалистами данного профиля, этот механизм трудоустройства действительно может выступать наиболее действенным).

Зафиксированный ранее высокий уровень тревожности девушек подтверждается и оценками ситуации на рынке труда и положения на нем молодых специалистов. Хотя опрошенные в целом, независимо от пола, профиля и курса обучения, полагают, что выпускник вуза сталкивается на рынке труда с двумя основными проблемами – работодатели требуют на-

личия опыта работы, которым обладают далеко не все, тем более, по специальности, и не хотят платить достойную заработную плату молодым специалистам, девушки чаще отмечали все варианты ответов. Как мы и предполагали, более значимые различия в оценках своих перспектив на рынке труда прослеживаются по профилю обучения, хотя каждый второй во всех подгруппах убежден, что работодатели не хотят платить молодым специалистам достойную заработную плату, а каждый десятый – что работодателям нужны специалисты со знанием иностранного языка.

По всем остальным параметрам оценки несколько расходятся: «технари» преимущественно обеспокоены необходимостью опыта работы и низкой оплатой труда, но убеждены, что их специальности востребованы и для успешного трудоустройства им не нужен красный диплом и высокие оценки по профильным дисциплинам – эти два обстоятельства куда больше волнуют «естественников» и «гуманитариев»; последних в меньшей степени беспокоит наличие опыта работы, в большей – перенасыщенность рынка труда специалистами их профиля; для «естественников» в два раза более значимой оказалась проблема гиперэксплуатации молодых специалистов (Табл. 14).

Таблица 14

«С какими сложностями, на твой взгляд, сталкивается выпускник вуза по твоей и смежной специальностям на рынке труда?»

Варианты ответов	Технари	Естественники	Гуманитарии
Работодатели требуют наличия опыта работы	72,9%	61,7%	47,1%
Работодатели платят слишком низкую заработную плату молодым специалистам	54,2%	33,3%	35,7%

Варианты ответов	Технари	Естественники	Гуманитарии
Работодатели не хотят платить достойную заработную плату молодым специалистам	50%	46,7%	46,3%
Работодатели заставляют молодых специалистов работать «за троих»	21,9%	38,3%	21,6%
Рынок труда перенасыщен специалистами моего и схожих профилей	18,8%	13,3%	37,6%
Работодатели требуют знания иностранного языка	11,5%	10%	10,6%
Работодатели требуют «красный» диплом (или высоких оценок по профильным дисциплинам)	2,1%	11,7%	6,3%
Моя и смежные специальности не востребованы на рынке труда	1%	11,7%	14,5%

По мнению студентов, основные характеристики идеальной работы – интересная и высокооплачиваемая: так полагает каждый второй, но девушки чаще, чем юноши (60% против 47% и 56% против 46% соответственно). Работа для девушки должна быть интересной (60%), высокооплачиваемой (56%), гарантировать карьерный рост (51% против 35% у юношей), предоставлять свободу действий (45%) и возможность самореализации (42%). Различия идеальных работ для разных профилей обучения таковы: приоритеты «технарей», представления которых в целом более размыты, – высокая зарплата и гарантии карьерного роста (по 46%) на интересной работе (42%); «гуманитарии» более консолидировано высказались за интересную (57%) и высокооплачиваемую работу (54%),

гарантирующую карьерный рост (46%) и свободу действий и (45%); для «естественников» работа должна быть интересной (65%), предоставлять свободу действий (62%) и быть высокооплачиваемой (50%). «Естественников» меньше интересуется расширение круга знакомств (10% против 24% «технарей» и 22% «гуманитариев»), стабильный небольшой доход (10%–31%–18%) и местоположение работы (3%–10%–8%), а «гуманитарии» реже вспоминают про хороший социальный пакет (7% против 16% «технарей» и 13% «естественников»).

Несмотря на повышенный уровень тревожности и более высокие запросы к желаемому месту работы, девушки оптимистично настроены: 61% (49% юношей) полагают, что смогут найти «идеальную» работу. Самыми оптимистичными в этом отношении оказались «технари» – 61% убеждены, что найдут «идеальную работу», и 23% полагают, что сделают это без особого труда; чуть менее оптимистично настроены «гуманитарии» (56% и 13% соответственно) и «естественники» (49% и всего лишь 3%). В перспективе юноши чаще надеются стать хозяевами собственного бизнеса (46% против 34%) и работать в государственной организации (10% против 4%), тогда как девушки хотели бы работать в коммерческой организации (19% против 9%) и в свободном режиме или на дому (16% против 8%), что позволяет сочетать профессиональную карьеру и семейное благополучие, которое для девушек существенно более важный компонент жизненного успеха. В ранжированном списке жизненных ценностей большинство респондентов поставило семью на первое место, но это сделало 66% девушек и 48% юношей; для девушек более значимо признание и уважение семьи, близких и друзей (75% против 61%), но при этом они в большей степени ориентированы на семью, где оба супруга работают и делят поровну семейные обязанности (73% против 51%), а не на традиционную модель, где муж работает, а жена воспитывает детей (24% против 46%).

Итак, можно было бы упрекнуть нас в том, что полученные данные выглядят социально предсказуемыми, хотя вряд ли подобные упреки имеют смысл в социологическом исследовании, задача которого – «диагностировать» реалии, независимо от того, насколько они соответствуют неким стереотипам и «социальным мифам», скажем, о жестко маскулинном характере российского общества и существующей в нем гендерной дискриминации женщин в профессиональной сфере и на рынке труда в целом. Конечно, объективные статистические показатели (доля женщин среди руководителей разных уровней в различных отраслях экономики или диспропорции в уровне оплаты труда женщин и мужчин на одних и тех же позициях) фиксируют гендерные расхождения, но они, как показывают результаты нашего опроса, не воспринимаются в качестве проблемы, считаются и девушками, и юношами нормальным положением дел. Сопоставления данных по критериям пола, курса и профиля обучения, постоянного местожительства не выявили радикальных различий, что говорит об устойчивых коллективных представлениях, суммированных по результатам нашего проекта. Кроме того, гендерные различия оказались незначительными почти по всем вопросам анкеты, а там, где проявились, действительно были вполне ожидаемыми.

ЧАСТЬ 3

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ (КРОССКУЛЬТУРНЫЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Сопоставительный анализ: задачи, возможности и ограничения

Понятие «сравнительные исследования» сложно назвать устоявшимся обозначением сопоставительного анализа ценностных ориентаций социально-демографических, поколенческих и иных групп в социологической традиции. Содержательно оно размыто: если речь идет о внутрискановом сравнении, то оно редко выносится в название проекта, а если предполагается сопоставление ценностных доминант населения нескольких стран, то чаще используется обозначение «кросскультурный анализ». Но и оно «даже в самом амбициозном значении необязательно подразумевает охват более чем одной культуры (страны или общества), однако если дело обстоит именно так, то исследователи склонны имплицитно трактовать собственную культуру как норму, а все остальные – как ее вариации... Социология, сформировавшись как наука об обществе в целом, в данном контексте превращается в науку о том обществе, в котором существует, концентрируется на его социальных проблемах и отражает специфическую интеллектуальную традицию определенной культуры... Иными словами, казалось бы, объективные цифры кросскультурных исследований на деле подкрепляют этноцентрическое мировоззрение..., наименее очевидно ограниченность рамками мышления своей культуры воплощается в формулировках вопросов и ответов, но также в логике концептуализации рассматриваемой проблемы».²¹⁷

²¹⁷ Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons // Social Science Information. 1967. Vol.6. No.7. P.7.

История кросскультурных исследований объясняет, почему сегодня данное их обозначение столь популярно. Эмпирическая традиция в социологии возникла в формате набора процедур сбора и анализа данных благодаря чикагской школе. Ее ключевые представители, особенно на ранних этапах становления школы, придерживались «кросскультурной исследовательской ориентации», поскольку эмпирическое изучение городских реалий Чикаго предполагало анализ разнообразных культур: «В тот исторический период в городе проживало такое множество неассимилированных меньшинств, что все их разнообразие можно было обнаружить на ступеньках у входа в Чикагский университет. Однако приоритеты последователей первых чикагских социологов сменились... – они сосредоточились на анализе социальных различий..., детерминированных культурным своеобразием..., например, между этническими группами со схожим социально-экономическим статусом... Вторым обстоятельством, которое изменило интересы американской эмпирической социологии в начале 1930-х годов, стало то, что по приглашению федерального правительства социологи стали участвовать в социальном планировании и помогать государственным учреждениям эффективно выполнять свою работу, т.е. речь идет о внешней детерминации интересов социологии, которая стала отвечать на институциональные запросы общества. Социологические проекты обрели политическую подоплеку, а она, как правило, снижает интерес к кросскультурным сопоставлениям».²¹⁸

О тех же процессах, но в иные исторические периоды, можно говорить применительно к европейской социологии, поэтому сегодня понятие «сравнительное исследование» оказалось шире, чем «кросскультурный проект». В обоих случаях подразумевается сопоставительный анализ, но во втором случае

²¹⁸ Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons // Social Science Information. 1967. Vol.6. No.7. P.12.

сравниваются социокультурные системы, а в первом – любые социальные объекты, хотя обычно в качестве таковых выступают социально-демографические группы, разделенные государственными границами. Последнее обстоятельство затрудняет корректную понятийную «маркировку» исследований, поэтому при беглом просмотре публикаций в социологических журналах складывается впечатление, что авторы стараются не упоминать о сравнительном анализе в названии проектов, не выходящих за пределы региона/государства, и используют как синонимы понятия «сравнительное исследование» и «кросс-культурный проект», если различия двух (или более) совокупностей определяет их культурная специфика.

Объединяет разные варианты сопоставительного анализа в социологических исследованиях то, что преимущественно он основывается на количественных данных. Примеры применения качественного подхода редки, поскольку он не предназначен для проверки гипотез – скорее для оценки их применимости в заданных социокультурных контекстах.²¹⁹ В любом случае «исследователи, реализующие кросскультурный анализ, по определению, не могут отрицать следующие аксиомы: существуют разные культуры, они состоят из разных элементов, эти элементы можно сравнивать как “количественно”, так и “качественно”...; мы вынуждены балансировать на тонкой грани между объективистской и субъективистской трактовками человеческой жизни..., стремясь синтезировать эти позиции».²²⁰ В социологической (и не только) традиции важность сравнительных исследований не ставится под сомнение. Получив данные о том, какие именно ценности/цели/мотивы

---

²¹⁹ См., напр.: *Khizrieva A. G., de Munck V. C., Bondarenko D. M.* The Moscow School of quantitative cross-cultural research // *Cross-Cultural Research*. 2003. Vol.37. No.5.

²²⁰ *de Munck V. C.* Contemporary issues and challenges for comparativists: An appraisal // *Anthropological Theory*. 2002. Vol.2. No.5. P. 16.

преобладают в тех или иных когортах/группах, важно понять, насколько они совпадают в разных странах, и сделать выводы о причинах формирования тех или иных поведенческих паттернов, о влиянии на них социально-экономической и политической ситуации и т.д.

Наиболее известные сравнительные исследования ценностных ориентаций – это World Values Survey,²²¹ или Всемирное исследование ценностей (основано на методике Р. Инглхарта), European Social Survey,²²² или Европейское социальное исследование (охватывает европейские страны, основано на методике Ш. Шварца) и Евробарометр. Основная цель Всемирного исследования ценностей (WVS) – «изучение изменений в моральных и социальных ценностях в современном мире, ... представлений о смысле и предназначении жизни»²²³; отличительная черта – охват большого количества стран, хотя выборки в них не всегда эквивалентны, что вызывает у критиков проекта сомнения в обоснованности межстрановых сравнений. Европейское социальное исследование (ESS) стало продолжением Международной программы социальных исследований (International Social Studies Program – ISSP²²⁴), призванным устранить ее ошибки и «измерить и интерпретировать изменения установок, ценностей, восприятия и моделей поведения населения Европы, показать зависимость этих изменений от социальных, экономических и политических условий».²²⁵ Евробарометр стал

---

²²¹ <http://www.worldvaluessurvey.org>.

²²² <http://www.ess-ru.ru>.

²²³ Андреевкова А. В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3. С. 135.

²²⁴ См., напр.: Rokkan S. The development of cross-national comparative Research: A review of current problems and possibilities // Social Science Information. 1962. Vol.1. No.21.

²²⁵ Андреевкова А. В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3. С. 136.

первым многолетним сравнительным проектом, задача которого – оценить, как население европейских стран воспринимает ход и результаты евроинтеграции и общеевропейские политические и социальные институты.

Развитие сравнительных исследований с 1940-х годов привело к тому, что сегодня они формируют отдельную область социологии. Возникновение социального запроса на сопоставительный анализ в середине XX века связано с рядом причин: «Во-первых, встала задача выстраивания мирного сосуществования наций и восстановления международного сотрудничества после разрушительной Второй мировой войны. Во-вторых, появилось большое количество новых молодых государств, стали развиваться международные и политическое организации. В-третьих, начался процесс постепенной глобализации общественных проблем».²²⁶ В истории сравнительных исследований выделяют четыре этапа: 1) в 1940-е годы зарождается сравнительная ориентация, осуществляется первый межстрановой проект по изучению представлений друг о друге у тех стран, которые были союзниками и противниками в войне; 2) в 1950-е годы начинается «американский этап», название которого объясняется доминированием американских проектов; 3) в 1960–1970-е годы сравнительные исследования проводят европейские ученые, в частности, был запущен Евробарометр; 4) с 1970-х годов начинается институционализация сравнительных исследований, создаются архивы социологических данных, в том числе в России, где осуществляются проекты по изучению бюджетов времени, жизненных траекторий молодежи и т.д.

Длительная традиция сравнительных исследований породила попытки их структурирования по разным основаниям, например, по объекту – межстрановые проекты предполагают массовые обследования населения нескольких стран, кросс-

²²⁶ Там же. С. 126.

культурные – различных культур, социетальные – территориальных или иных общностей; но грань между данными номинациями тонка, и обычно их используют как синонимы. Другие классификации используют в качестве оснований количество объектов (двусторонние, региональные и всемирные); количество замеров (одноразовые или трендовые); содержание и цели проекта (академические, посвященные вопросам международной и социальной политики, изучение общественного мнения, маркетинговые исследования); методологию – сравнительные исследования могут основываться на массовых опросах, анализе документов, методе фокус-групп, наблюдениях или вторичном анализе данных, собранных независимо друг от друга.

Главное методологическое требование сравнительных исследований – эквивалентность.²²⁷ На уровне метода речь идет об унифицированной концептуализации и операционализации базовых понятий, об использовании единого метода сбора данных с учетом региональных особенностей подвыборок; на уровне единиц наблюдения и анализа эквивалентность достигается за счет построения выборки по единой модели; эквивалентность представления данных обеспечивается единым форматом их обработки и документированием всех этапов проекта. Не менее важна лингвистическая эквивалентность инструментария в межстрановых проектах. Для ее достижения используется два варианта разработки инструментария: последовательный (более предпочтительный) – одна команда создает базовую анкету, которая затем переводится на разные языки (недостаток подхода состоит в том, что пилотаж инструментария осуществляется обычно только на языке базовой анкеты, поэтому не все региональные особенности можно

---

²²⁷ *Андреевкова А. В.* Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3. С. 138.

учесть в ее переводных версиях); параллельный – анкета разрабатывается одновременно на нескольких языках, что подходит только для проектов с малым количеством стран; совмещение последовательного и параллельного способов – базовая анкета используется как основа для разработки региональных анкет, т.е. они являются не ее дословным переводом, а адаптированными, доработанными и апробированными в местных условиях ее версиями, что гарантирует инструментарию не только формальную лингвистическую, но и функциональную эквивалентность.

Основные тенденции развития сравнительных исследований в последние десятилетия – это все большая открытость организации, жесткий контроль качества данных, учет региональных особенностей в разработке и переводе анкеты на разные языки, предпочтение случайных выборок для обеспечения репрезентативности данных, усложнение методов сбора информации и документирования всех этапов проекта, развитие межстрановой исследовательской инфраструктуры, в том числе открытых архивов данных. Например, в открытом доступе находятся данные Европейского социального исследования, что позволяет публиковать результаты сопоставления ценностных ориентаций.²²⁸

Хотя общеизвестно, что люди не всегда поступают согласно заявленным ценностям, социологи убеждены, что сначала должны сформироваться соответствующие ценности – в качестве социальной нормы и руководства к действию, а после основанные на устойчивых ценностных ориентациях практики превратятся в рутину: «Ядро ценностной структуры составляет некий идеал – социально-политический и нравственный образ желаемого будущего. Ценностные ориентации, которые человек рассматривает в качестве эталона, так или иначе согласуются с идеалом, формируя собственную иерархию жиз-

²²⁸ <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=339>.

ненных целей, а также ценностей, средств или представлений о нормах поведения». ²²⁹ Поэтому теория ценностей развивается с XIX века в рамках разных наук и носит междисциплинарный характер. Так, экономика рассматривает ценности как некие материальные вещи, удовлетворяющие потребности; психология стремится выстроить их в определенную иерархию, объясняющую поведение; социальная психология рассуждает о ценностях в концепции социальных установок как о формате индивидуального и группового преломления социальных императивов и т.д. В социологии ценности рассматриваются как ориентиры, задающие смысловые горизонты социального действия, как инструментальные эталоны, согласно которым осуществляется оценка действий и событий и определение ситуации. Как правило, в социологии разводятся ценности (уровень общества) и ценностные ориентации (индивидуальный уровень преломления ценностей): в обществе существует определенный набор ценностей, задающий нормы и правила поведения и усваиваемый индивидами в ходе социализации в формате ценностных ориентаций (смысложизненные ориентиры, элементы мировоззрения, помогающие в выборе модели поведения). Впрочем, нередко случаи использования данных понятий как абсолютных синонимов.

В 1934 году Р. Лапьер провел эксперимент, который показал, что индивиды не всегда действуют в соответствии с декларируемыми ценностями: «парадокс Лапьера» был объяснен благодаря открытию трех компонентов социальной установки – когнитивного (что человек говорит/знает), эмоционального (что человек чувствует) и поведенческого (как человек себя в реальности ведет). Другое объяснение «парадокса Лапьера» предложил М. Рокич, показавший, что у индивида всегда существует две социальные установки – на объект и на

²²⁹ Корж Н. В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. 2011. № 3. С. 331.

ситуацию: человек может действовать, ориентируясь то на объект, то на ситуацию – отсюда расхождения между поведением и словами.²³⁰ Рокич разделил ценности на терминальные (цели) и инструментальные (средства) – в ходе опроса респондентам предлагается их проранжировать все вместе, но анализируются полученные иерархии по отдельности.

Следующий этап в развитии методики социологического анализа ценностных ориентаций в сравнительном аспекте начался благодаря работам Р. Инглхарта²³¹: изучая ценности (материалистические и постматериалистические) в кросскультурном и межгенерационном контексте с 1970-х годов, он обозначил трансформации, которые переживают общества в эпоху постмодерна. Согласно Инглхарту, зафиксированный межгенерационный сдвиг можно объяснить, основываясь на двух гипотезах – недостатка и лага. Гипотеза «недостатка значимого» гласит, что «приоритеты индивида отражают состояние социально-экономической среды: наибольшая субъективная ценность придается тому, чего относительно недостает». Гипотеза «социализационного лага» утверждает, что «состояние социально-экономической среды и ценностные приоритеты не соотносятся непосредственно: между ними вклинивается существенный временной лаг, ибо базовые ценности индивида в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали совершеннолетию».²³² Иными словами, людям ценно то, чего им недостает, и приоритеты меняются только в следующем поколении: ценности определяет то, чего не хватало в молодости, поэтому они устойчивы и не меняются легко и мгновенно сразу после изменения условий жизни.

---

²³⁰ *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New York., 1973.

²³¹ *Inglehart R.* Changing values among western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics.* 2008. Vol.31.

²³² *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Политические исследования.* 1997. № 4. С. 11.

В отечественной социологии наиболее последовательную концепцию ценностей разработал В.А. Ядов в модели диспозиционной структуры личности²³³: диспозиции образуют систему, которая определяет, как индивиды оценивают жизненные условия и как ведут себя на разных уровнях – от элементарного поступка до жизнедеятельности в целом. Под диспозициями понимаются базовые потребности (регулируют поведенческий акт), и социально фиксированные установки (регулируют конкретный поступок), и базовые социальные установки (регулируют серию поступков, формируя общую направленность интересов), и ценностные ориентации (регулируют все поведение). Методическое обеспечение эмпирического изучения ценностей в рамках данной модели носит комплексный характер и включает в себя структурированные опросники, глубинные интервью, методику Рокича, проективные вопросы, авторский вариант ранжирования и оценки высказываний. Соответственно, можно объяснить «парадокс Лапьера» наличием разных диспозиций, которые по-разному влияют на поведение человека.

В сравнительном анализе методология и методика социологического поиска не меняется радикальным образом, просто исследователи должны решить одну дополнительную задачу – обосновать универсальные категории для сопоставления.²³⁴ Поскольку универсальность в большей степени обеспечивает количественный подход, именно он доминирует в кросскультурных проектах в формате формализованных анкет. Методики сопоставительного анализа разрабатывались К. Клакхоном (методика трех групп культурных ценностей, описательно-аналитический метод), Ф. Клакхоном

---

²³³ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013.

²³⁴ Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: 4М. 1997. № 9.

и Ф. Стродтбеком (методика пяти оснований ценностей, метод выбора из альтернатив), Ф. Тромпенаарсом (ключевые дилеммы на основе теории Т. Парсонса, проективная методика и метод выбора из альтернатив), Г. Хофштеде (изучение корпоративных ценностей), С. Моррисом (методика «13 способов жизни», основанная на оценке высказываний и семантическом дифференциале), Ш. Шварцем («теория содержания и структуры ценностей», метод оценки высказываний), А. Эдвардсом («список личностных предпочтений», метод парных сравнений), Г. Олпортом метод выбора из альтернатив), М. Гудманом (контент-анализ), М. А. Котиком (методика на основе теории поля К. Левина) и др.

Сложности изучения ценностных ориентаций в массовых опросах связаны с тем, что полный список ценностей по определению огромен и непригоден для опросников, поэтому в разных проектах списки ценностей различаются и порождают разные результаты. В зависимости от тематики исследования социологи модифицируют список ценностей, сокращая его до базового набора и включая в него ценности, наиболее важные для конкретного исследования. Например, в изучении здорового образа жизни в список ценностей будет добавлено «здоровье», а в опросе, посвященном политическим ориентациям, в список будут включены справедливость, демократия, законность и т.д. А. Э. Гегер полагает, что оптимальной методикой изучения ценностных ориентацией является та, в которой сочетаются качественный и количественный подходы²³⁵: скажем, респонденты сначала вписывают релевантные для них ценности, поясняют, какой смысл вкладывают в них, и дают количественную оценку их значимости и степени удовлетворенности по 100-балльной шкале; затем производится

---

²³⁵ Гегер А. Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1.

кодировка и группировка ценностей. В связи с объективными трудностями эта методика редко используется в массовых опросах, но для изучения отдельных групп ценностей вполне может применяться, в том числе вместе с оценками высказываний и выбором альтернатив.

Другой проблемой сравнительных исследований является возможность и надежность сопоставления индексов и переменных.²³⁶ Сегодня выработано несколько вариантов оценки (и гарантии) эквивалентности измерений. Практически все они опираются на теорию Ш. Шварца, согласно которой в разных странах и культурах существуют одни и те же ценности, которые формируют различные ценностные структуры/иерархии.²³⁷ Иными словами, расхождения в ответах респондентов в разных странах обусловлены не только реальными различиями их мировоззренческих схем, но и реакцией на вопросы и их формулировки. Чтобы убедиться, что мы обнаружили различия, а не систематические смещения, необходимо оценивать эквивалентность измерений, и наиболее распространенный метод ее проверки – многогрупповой факторный анализ.²³⁸ «На первом этапе производят проверку инвариантности (эквивалентности) на всем массиве данных в целом, предпринимая обычный конфирматорный факторный анализ, чтобы убедиться, работает ли вообще предполагаемая теоретическая модель на всей группе респондентов или в каждой группе по отдельности. Затем внимание переключает-

---

²³⁶ Руднев М. Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. № 37.

²³⁷ Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25 / Ed. by M. Zanna. New York, 1992.

²³⁸ Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research // *Annual Review of Sociology*. 2014. No.40.

ют на различия и сходства структур латентных конструкторов в различных группах».²³⁹

Сначала, как правило, проверяется конфигурационная эквивалентность – схожесть структур факторов в разных странах (количество факторов и нагрузки на них), чтобы убедиться, что на разных выборках измеряются одни и те же конструкторы. Если конфигурационная эквивалентность показывает приемлемый уровень аналогичности измерительных моделей, то производится оценка метрической и скалярной эквивалентностей: первая подтверждает, что респонденты используют пункты шкалы одинаковым образом, если в разных странах обнаруживаются схожие факторные нагрузки; вторая оценивается, когда необходима эквивалентность абсолютных значений шкалы – «даже если шкала имеет одинаковую для всех единицу измерения, абсолютные значения в разных странах могут быть выше или ниже по не связанным с измеряемой характеристикой причинам»,²⁴⁰ т.е. скалярная эквивалентность фиксирует одинаковые факторные нагрузки и константы. Чаще всего в исследованиях мы имеем дело с частичной метрической и скалярной эквивалентностями.

Помимо многогруппового факторного анализа применяются и другие методы проверки эквивалентности, например, «вместо проверки абсолютного равенства параметров на метрическом (факторные нагрузки) и скалярном (факторные нагрузки и константы) уровнях проверяется близость разности параметров к нулю».²⁴¹ Шварц использовал многомерное шкалирование, располагая переменные-индикаторы в двухмерном пространстве: с одной стороны, они могли группироваться одинаково, с другой – располагаться в пространстве

²³⁹ Руднев М. Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. № 37. С. 11.

²⁴⁰ Там же. С. 12.

²⁴¹ Там же. С. 14.

одинаково; схожая группировка переменных свидетельствовала об эквивалентности измерения, а аналогичное расположение – об эквивалентности структуры. Достаточно редко, в силу трудоемкости, применяется когнитивное интервью, призванное выявлять смысловые и культурные различия: с респондентами проводится интервью по поводу анкеты – задаются вопросы о том, как они поняли и интерпретировали вопросы и варианты ответов; делается вывод, насколько одинаково понимались вопросы в разных странах и не возникло ли систематических смещений.

Для обеспечения надежности и валидности данных в сравнительных исследованиях классические методики изучения ценностных ориентаций подвергаются модификациям на этапах сбора и анализа эмпирической информации. Например, Шварц разработал «Портретный опросник»: респонденты должны оценить 21 «портрет» по шкале от «очень похож» до «совсем не похож», затем данные подвергаются факторному анализу, чтобы выделить 10 ценностных типов по 4 категориям – «открытость изменениям», «сохранение», «забота о природе и людях» и «самоутверждение».²⁴² М. Г. Руднев, проанализировав категории «самоутверждение» и «забота о людях и природе» на примере четырех постсоветских стран, пришел к выводу, что конфигурационная и метрическая эквивалентность в Европейском социальном исследовании были достигнуты (факторные нагрузки похожи), а скалярная эквивалентность – лишь частично (видимо, в силу несогласованности «вординга» анкеты). Российские исследователи полагают, что вопросник Шварца позволяет надежно дифференцировать только 7 ценностей из 10, поэтому укрупнили индексы

---

²⁴² *Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol.32. No.5.*

посредством их объединения по 4 категориям²⁴³: «сохранение» включает в «безопасность», «конформность-традицию», «открытость изменениям» («самостоятельность», «рисковозна», «гедонизм»); «самоутверждение» – «достижение-власть-богатство»; «забота о людях и природе» – «благожелательность» и «универсализм».

Результаты исследования в четырех постсоветских странах – России, Украине, Эстонии и Латвии – показали, что, например, по ценности «безопасность» Россия и Украина близки друг другу, ценность безопасности стоит на первом месте (наиболее ярко выражена среди всех европейских стран). По ценности «традиция-конформность» Украина занимает одну из верхних позиций, Эстония и Россия – среднюю, а в Латвии ценность выражена наиболее слабо. Ценность «самостоятельность» наиболее выражена в Эстонии (эстонское население), которая занимает по ней среднюю позицию; Латвия и Россия тяготеют к низким позициям, а Украина находится в крайне низкой позиции. В целом Украина и Латвия демонстрируют наиболее значимые отличия: у Украины ярко выражены ценности традиции-конформности и, наоборот, слабо выражены ценности самостоятельности и гедонизма, т.е. более выражена категория «сохранения» и менее – категория «открытости изменениям». В Латвии менее выражена ценность традиции-конформности и заботы о природе и людях, более – ценность самоутверждения, причем Латвия по значению ценности заботы о природе и людях стоит на последнем месте, а по самоутверждению – на первом. Эстония сильно внутренне дифференцирована – в шести ценностях здесь наблюдаются значимые различия между эстонским и русскоязычным населением: для эстонцев более важны «открытость изменениям» и «забота о природе и людях», и только по ценности «тради-

²⁴³ Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3.

ция-конформность» эстонцы и русскоязычные близки друг другу. Противоположны по ценностям Россия и Латвия, Россия и Эстония, если речь идет о титульном населении республик, и, напротив, Россия и русскоязычное население Эстонии и Латвии схожи по ценностям. Россия с Украиной не отличаются лишь в двух ценностях – безопасности (первые места) и риска-новизны (последние места), но расходятся по всем остальным позициям. Таким образом, уже по одному примеру видно, сколь важны методические аспекты сбора и анализа данных в сравнительных исследованиях – они в значительной степени определяют результаты социологической работы.

Сегодня накоплен богатый арсенал методик и техник сравнительного «измерения» мировоззренческих доминант в рамках количественного и качественного подходов, однако сохраняется проблема обеспечения эквивалентности данных – чтобы можно было уверенно говорить о реальных различиях, а не о результатах систематических смещений. Сегодня в нашем распоряжении два способа снятия данной проблемы: во-первых, «конфирматорный факторный анализ», проверяющий эквивалентность эмпирических данных на трех уровнях – конфигурационном, метрическом и скалярном; во-вторых, использование стандартизированных инструментов и индексов, которые разработаны лишь для небольшого числа переменных – профессиональной занятости, образования и социального статуса (прежде всего, дохода), а также отчасти для этнической принадлежности.²⁴⁴ В целом сегодня можно говорить о решении проблемы корректного перевода инструментария сравнительных проектов (за счет введения критерия функциональной эквивалентности, а не дословного перевода), но не о его стандартизации.

---

²⁴⁴ См., напр.: *Hoffmeyer-Zlotnik J. H. P.* Harmonisation of demographic and socioeconomic variables in cross-national survey research // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. 2008. Vol.98. No.5.

Постсоциалистические страны как «кейс» для сравнительного анализа

На протяжении нескольких десятилетий проблема содержания и структуры ценностных ориентаций студенческой молодежи в трансформирующемся обществе находится в фокусе внимания социологов постсоциалистических стран, переживающих сложный период кардинальной переоценки политических, экономических и социальных доминант общественного развития. Речь идет о ценностных ориентациях, а не о ценностях, поскольку первое понятие шире второго и подразумевает структурную связь ценности и ориентированного на нее субъекта; и не о молодежи в целом, а о студенчестве – как высоко социально мобильной части молодежи, в наибольшей степени затронутой процессом перестройки ценностного содержания общественного сознания и формирующей потенциал общественного развития на перспективу. Анализ ценностных ориентаций студенческой молодежи постсоциалистических стран позволяет в некоторой степени прогнозировать социальные процессы и развенчивать стереотипы массового сознания о молодых поколениях.

Девяностые годы вошли в историю как время изменения государственных границ, потоков миграции и национального состава населения, трансформаций в политической, культурной и социально-экономической сфере: движение от обществ тоталитарного типа к демократическим, от плановых централизованных экономик – к экономикам рыночного типа, от относительно социально-однородных систем – к обществам со сложной социальной стратификацией приобрело необратимый характер. Быстрое и противоречивое становление новых государств в качестве субъектов международной политики и внутренней жизни не только отразилось в сознании живущих на их территории людей, но и породило ощутимые про-

тиворечия между требованиями государств и готовностью граждан их выполнять.

Специалисты характеризуют нынешнее состояние общественного сознания в постсоциалистических странах как переход от «морально-политического единства» к «конфликту ценностей». Отринутая идеология содержала в качестве важнейшей идею морально-политического единства, призванную обеспечить достижение большинством членов общества консенсуса относительно важнейших вопросов социального бытия, – отказавшись от этой официальной доктрины, общество открыло для себя реальное разнообразие ценностей. Многообразие ценностных ориентаций – естественное состояние сообществ, но оно противоречиво и потенциально содержит возможность позитивных и негативных интерпретаций: так, российское общество еще далеко от той толерантности к разнообразию ценностей, которая позволяет укрепиться нормам демократического общежития. «Конфликт ценностей» определяет формирование сознания нынешних молодых поколений: не впитав ценности советского периода, молодежь оказалась более способной адаптироваться к изменившимся социальным условиям, чем старшие поколения, прожившие основную часть жизни при социализме. Этот фактор, наряду с другими социально-демографическими характеристиками молодежи, позволяет рассматривать ее как активного субъекта истории, а не пассивного объекта навязанных государственных программ, что было характерно для периода социализма.

В 1999 году кафедра социологии РУДН совместно с Карловым университетом (Прага) провела первое, разведывательное исследование ценностных ориентаций молодежи постсоветской России и Чехии. Под ценностными ориентациями мы понимали осознание представителями молодого поколения всей совокупности желаемых материальных и духовных благ,

необходимых нравственных норм и выбор из них наиболее предпочтительных. Несмотря на детерминированность содержания ценностных ориентаций характером социального развития, они представляют собой относительно самостоятельный феномен группового и индивидуального сознания, один из важнейших мотивов формирования и реализации жизненных планов молодого поколения. Анализ ценностных ориентаций основывался на изучении всей системы ценностного отношения молодежи к разным видам жизнедеятельности: к труду, образованию, семье, быту, общественно-политической деятельности и т.д.

Девяностые годы были переходным этапом в истории России и Чехии: российское общество стало на путь создания демократических институтов и выработки либеральных ценностей; в Чехии те же процессы не вызвали коренной ломки системы ценностей населения, поскольку Чехия, будучи социалистической страной в составе Чехословакии, все же развивалась в западноевропейском русле. Наиболее ярко это различие проявляется в жизни старших поколений двух стран, так как молодежь более четко и менее болезненно адаптируется к требованиям современного общественного устройства. Для молодежи обеих стран характерно расслоение по типам выбранной модели самоопределения: часть молодежи ориентируется на западные модели; часть стремится разумно сочетать ценности демократического рыночного общества с традиционными ценностями социалистического общежития; часть ведет себя аполитично, считая главным приоритетом устройство личной жизни и равнодушно воспринимая все происходящее в жизни общества перемены.

Можно выделить несколько особенностей исторического развития России и Чехии, повлиявших на ценностное сознание молодежи двух стран. Во-первых, если Россия является «естественным» государственным и языковым образовани-

ем со многовековой историей, то Чехия как самостоятельное государство оформилась в результате прагматической интеллектуальной работы только в начале XX века. Во-вторых, «европеизированность» чешского мировоззрения (практицизм и индивидуализм) и его несколько локальный/региональный характер резко контрастируют с российским мировоззрением, совмещающим черты христианской и азиатской цивилизаций (т.е. более склонным к компромиссам) и имеющим глобальный характер (вся история России прошла под лозунгом объединения обширных территорий и отличалась имперскими притязаниями). В-третьих, Россия далека от социально-экономической и политической стабильности Чехии, что обусловлено размерами территорий (наладить жизнь 10- и 150-миллионного населения – две несоизмеримые задачи), спокойным историческим развитием (история Чехии не знала стольких войн, смут и бунтов, тем более в российских масштабах; разрушения II Мировой войны в Чехии и в России несопоставимы; даже чешский «социализм» носил более мягкий характер – коллективизация здесь проходила в 1950-е, а не в 1920-е годы), геополитическим положением стран и более стабильной стратификационной картиной – в Чехии сформировался средний класс (гарант общественного спокойствия и стабильности) со своим выраженным жизненным стилем и взглядами. И, наконец, если чешское общество восстановило либеральные ценности западной демократии, которые были насильственно замещены коммунистической идеологией, то в России идеалы демократического общества не доминировали никогда; в Чехии можно говорить о существовании гражданского общества, четко функционирующего общественного мнения – в России гражданское общество еще не сформировалось.

Как показали результаты нашего исследования в Праге и Москве в конце 1990-х годов, российское и чешское общество не

отличались кардинально – многие проблемы и противоречия переходного периода были общими, но формы их проявления носили несколько специфический «национальный» оттенок (сравнивать масштабы было бы бессмысленно: только в Москве проживает больше жителей, чем во всей Чехии, а в Праге, соответственно, в пять раз меньше жителей, чем в Москве, поэтому и проблемы российского общества ярче и сложнее; причем иные масштабы обуславливают и более разветвленную дифференциацию внутри российских субкультур). По итогам исследования был сделан вывод, что в результате почти одновременного перехода двух стран от социалистического к капиталистическому пути развития те значительные изменения, которые произошли в ценностных ориентациях российской и чешской молодежи, носят достаточно сходный характер в выборе приоритетов как в культурно-духовной, так и в материальной сферах. Несмотря на отчетливо просматриваемое влияние западной, в частности американской, культуры на российскую и чешскую молодежь, у последней ярче проявляется как адаптация и принятие западных ценностей, так и стремление к сохранению национальной культуры.

В 2002 году было проведено уже полномасштабное сравнительное социологическое исследование патриотизма российской и чешской студенческой молодежи. Патриотизм рассматривался как ценностная ориентация личности, комплексное системное понятие, включающее в себя: 1) когнитивный компонент (спектр знаний и представлений, связанных с понятием родины, – своеобразие и специфика страны, ее статус в мировом сообществе, роль в истории, перспективы развития, достижения и неудачи, субъективное понимание родины и т.д.); 2) аффективный (эмоционально-окрашенное чувство духовного и культурного единства со своей родиной); 3) конативный (готовность действовать в интересах родины – жертвовать своими интересами ради ее интересов и т.д.). Исследо-

вание было направлено на составление некоторой целостной картины патриотических представлений современной студенческой молодежи России и Чехии. Особый акцент делался на сравнительном аспекте: учитывая страновую специфику становления молодого поколения, оказывающую пусть и незначительное, но ощутимое влияние на формирование ценностных ориентаций, предполагалось выявление значимых отличий в патриотических представлениях молодежи двух стран. Предметом исследования стало содержание патриотических представлений российской и чешской студенческой молодежи и модели жизненного самоопределения, обусловленные содержанием патриотических представлений.

Сложность сопоставления патриотического настроения российской и чешской молодежи связана с тем, что само понятие патриотизма оказалось неактуальным для Чехии. В сознании россиян существует четкое разграничение своей национальной и гражданской принадлежности – национальный состав россиян крайне разнообразен, что, тем не менее, не снижает их патриотического настроения и осознания себя гражданами России. В Чехии следует говорить не столько о патриотизме, сколько о национальной идентичности – несмотря на четкую дифференциацию на собственно Чехию (столица Прага), Моравию (Брно) и Силезию (Опава), Чехия считается однопатриотическим государством, поэтому патриотизм здесь выступает как ощущение и осознание себя «чехом». В отличие от многонационального российского государства, где понятие патриотизма является надэтническим, в Чехии понятие патриотизма сливается с этнической и территориальной проблематикой. Общим для России и Чехии является не субстанциональное, а функциональное определение патриотизма – это не некая «вещь» в сознании отдельного человека или народа в целом, а фактор, определяющий направление частной жизни и общественной истории.

Как показали результаты исследования, структура патриотизма у российской и чешской студенческой молодежи включает в себя все три компонента – когнитивный, аффективный и конативный, и ни один не доминирующим или более ярко выраженным по сравнению с остальными. Так, российские и чешские респонденты достаточно единодушны в оценках положения своих стран на международной арене как «среднеразвитых» и в приверженности позитивному образу своих стран, независимо от того, считают они себя патриотами или нет. Российские и чешские студенты оказались единодушны в негативной оценке деятельности властных структур, однако чешские студенты более удовлетворены развитием экономики, системой социального обеспечения, реализацией прав и свобод человека, что, скорее всего, связано с более стабильной, по сравнению с Россией, социально-экономической и политической ситуацией.

Большинство студентов испытывали чувство гордости за прошлое своих стран; настоящее и будущее национальной культуры, науки, сферы образования и занятости вызывают у молодежи оправданные опасения. Никто из респондентов не выразил обеспокоенности возможностью распада государства и установления военной диктатуры – вероятно, данные варианты не рассматриваются студентами двух стран как реалистичные. Чешские студенты связывают будущее Чехии с интеграцией в НАТО и ЕС, российские респонденты уверены, что у России свой путь. Тем не менее, студенты России и Чехии отмечают как позитивные, так и негативные моменты западного влияния, и чешские респонденты более единодушны в акцентировании как плюсов («будущее всего мира зависит от решений стран Запада»), так и минусов («США в роли «мирового жандарма», насилие в средствах массовой информации как «западный продукт»).

Аффективный компонент патриотизма оказался хорошо выражен и положительно окрашен как у российских, так и у чешских респондентов: большинство смотрит в будущее скорее с надеждой и оптимизмом, чем с тревогой и неуверенностью; для студентов характерна общероссийская/общечешская патриотическая установка, однако для молодых россиян на втором месте по приоритетности стоит привязанность к родному городу, а для чехов – к родному краю и городу. Выражение общечешской/общероссийской патриотической установки характерно для тех респондентов, кто считает себя патриотом. Среди тех российских студентов, кто не считает себя таковыми, предпочтения распределились поровну между общероссийской, этнонациональной и космополитичной установками, а среди чешских студентов доминирует этнонациональная установка с некоторым креном в региональную. Российские и чешские студенты единодушны не только в позитивной оценке национальной символики, но и в видении ее функций – большинство считает, что она обеспечивает солидарность общества, а не является внешним атрибутом без смысловой нагрузки.

Оценить степень выраженности конативного компонента патриотизма представляется наиболее сложным, поскольку, в отличие от патриотического настроения «советских» поколений, патриотизм молодых граждан России и Чехии лишился своей деятельностной основы. Большинство респондентов считают себя патриотами, однако почти все они испытали некоторые трудности при самоопределении на шкале патриотизма: если российским студентам сложно однозначно определить свое отношение к стране как патриотизм, то чешским студентам непонятно это слово. Больше половины российских студентов готовы принять участие в военных действиях по отражению внешнего вторжения других государств, и эта готовность характерна как для тех, кто считает себя патриотами, так и для

тех, кто не готов характеризовать себя подобным образом. Почти половина чешских респондентов затруднилась выразить свое мнение о готовности участвовать в военных действиях по отражению внешнего вторжения, и неопределенность гражданской позиции характерна как для считающих себя патриотами, так и для отказывающихся характеризовать себя таким образом. Российские и чешские студенты единодушно допускают для себя возможность временного выезда за рубеж, и желание или нежелание жить и работать за рубежом не связаны с оценкой будущего страны. Основными мотивами выезда для российских студентов являются желание материальной обеспеченности и уверенности в завтрашнем дне, на первом месте у чешской молодежи – стремление реализовать свой потенциал и получать за это достойную заработную плату. Среди сдерживающих факторов у российских студентов доминирует уверенность в возможности самореализоваться на родине и нежелание оставлять близких, у чешских – убежденность в возможности самореализации в Чехии. Таким образом, с одной стороны, можно было бы говорить о большей привязанности российского студента к семье, но, с другой стороны, для чешского студента в принципе не существует понятия заграницы, поскольку Чехия настолько интегрирована в европейское сообщество, что учеба и работа в Германии, например, не рассматривается как «выезд за рубеж».

Что касается китайского «кейса», то реформирование китайской экономики, идущее уже почти два десятилетия, постоянно привлекает внимание отечественных ученых и публицистов, разочарованных ходом преобразований в России и потому рассматривающих китайский вариант как реальный пример иного пути к рынку, поскольку Китай демонстрирует гибкий, творческий подход, постоянно корректируя методы и формы преобразований, приводя политику в соответствие с экономической реальностью. В итоге для китайской «социа-

листической рыночной экономики» характерны многоукладность и всеобщее распространение рыночных отношений при сохранении государственного контроля и регулирования хозяйственной деятельности в интересах роста реального и социального благосостояния народа. А в России складывается впечатление, что идеология и политика зачастую довлеют над прагматическими задачами.

Долгое время Россия и Китай были геополитически закрытыми странами, что обусловило прохождение ими собственного пути развития, характеризующегося запоздалой модернизацией и болезненным переходом от общего социалистического прошлого к нынешней капиталистической, рыночной системе. К факторам, сближающим наши страны, следует также отнести их многонациональный характер, что приводит к схожим проблемам в выработке национальной и миграционной политики; взаимную интеграцию благодаря общности границ и студенческому обмену. Значимые различия российского и китайского обществ детерминированы, в первую очередь, особенностями социального аспекта реформирования – в отличие от российского радикализма в проведении реформ, для Китая характерна попытка мягкого и последовательного сочетания социалистической и капиталистической концепций, планового и рыночного способов хозяйствования, институциональная подготовка инноваций и продуманная молодежная политика, направленная на ускорение адаптационных процессов в новых условиях. К основным факторам модернизации китайской экономики относят (суть различий российского и китайского реформирования)²⁴⁵: отказ от разрушения и критики прошлого; предварительная теоретическая проработка реформ под руководством правительства; акцент на человеческом измерении; отказ от реформ «по чужим рецептам» ради «строительства

²⁴⁵ Пивоварова Э. Уроки хозяйственной реформы в КНР // Российский экономический журнал. 1997. № 5–6. С. 67.

социализма с китайской спецификой»; отказ от обвальная либерализации экономики; развитие многообразных форм собственности (коллективных, единоличных, частных, совместных (с иностранным участием).

Таким образом, важнейшими факторами, оказывающими влияние на ценностные ориентации российской и китайской молодежи, являются рыночные формы, формирующие ценности материальной заинтересованности, экономической самостоятельности и социальной независимости. В целом изменения последних десятилетий в ценностно-мотивационной структуре российского и китайского обществ исследователи сводят к нарастанию индивидуалистических настроений, несмотря на различия российской и китайской моделей реформирования. В частности, китайскому руководству удалось максимально задействовать в ходе модернизации традиционные ценности (конфуцианства – усердие, бережливость, смирение с бедностью, приоритет земледелия над прочими видами хозяйственной деятельности и справедливости над выгодой, культ семьи, самодисциплина и др.). В значительной степени благодаря этому для китайского общества не характерен российский конфликт поколений, когда «за предельно короткий исторический период, с 1985 года, в общественном сознании феномен “советского человека” трансформировался в многоликий портрет “россиянина”».²⁴⁶ Изменение общего социально-экономического контекста жизни молодого человека в российском обществе привело к тому, что преемственность и воспроизводство ценностных ориентаций уступили место адаптационным механизмам.

Хотя изучению молодежи как особой социально-демографической группы и ее ценностных ориентаций посвяще-

---

²⁴⁶ *Гаврилюк В. В. Трикоз Н. А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96.

но множество социологических проектов, практически нет кросскультурных исследований ценностных ориентаций студенческой молодежи постсоциалистических стран, а большинство имеющихся имеют теоретический характер (рассматриваются базовые/дореформенные ценности, описывается вектор общественных изменений, делаются выводы о результатах социополитических и экономических трансформаций в ценностно-мотивационной структуре общественного и молодежного сознания.²⁴⁷ Тем не менее, как показывают данные исследований, для китайской и российской студенческой молодежи характерно бесконфликтное сосуществование консервативных и патриотических ориентаций с либеральными и глобализационными; политический радикализм части студенчества компенсируется политической апатией и гражданской пассивностью другой; экономические приоритеты демонстрируют безоговорочную поддержку рыночной модели и склонность работать в частном секторе; в целом для молодых поколений характерен рост прагматизма и индивидуализма за счет снижения альтруистических настроений. Очевидны и значимые различия молодежи двух стран: для российского студенчества большое значение имеет политическая мощь страны, для китайского – скорее экономическая; у китайской молодежи сильны традиции коллективизма, она предпочитает государственные формы собственности и занятости и т.д.

В 2007 году кафедра социологии РУДН совместно с Центром исследований молодежи и юношества Китая провела сравнительное исследование ценностных ориентаций студенческой молодежи Москвы и Пекина. Как показали результаты опроса на московской и пекинской выборках (свыше 1000 респондентов каждая), ценностная сфера российской и китайской мо-

---

²⁴⁷ См., напр.: *Лапин Н. И.* Базовые ценности и социокультурная трансформация России // *Социология власти.* 1999. № 4; *Лисовский В. Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000.

лодежи имеет как общие характеристики, так и особенности. Так, в качестве основной причины получения высшего образования у российских и китайских студентов выступает желание получить знания, необходимые для дальнейшей жизни, однако далее мнения студентов двух стран разнятся: второй по значимости мотив у китайских студентов – заинтересованность предприятия, на котором они уже работают или собираются, у российских – желание стать квалифицированным специалистом, третье по рангу в системе координат китайских студентов; на третьем месте у российских студентов – желание просто получить диплом. Если бы у студентов была возможность выбора, почти половина китайских студентов хотела бы учиться за границей (среди россиян каждый третий), соотношение становится противоположным в случае с теми, кому их вуз нравится (не хотят менять место учебы) – каждый второй россиянин и каждый третий китайский студент. Каждый четвертый китайский и каждый пятый российский студент пошли бы учиться в другой вуз, будь у них такая возможность. Планируют продолжить образование после окончания вуза (магистратура, аспирантура, второе высшее) 50% китайских и 67% российских респондентов. Таким образом, существенных различий по образовательному блоку не прослеживается, за исключением тех моментов, что китайские студенты в большей степени ориентированы на обучение за границей и скорейшее трудоустройство после окончания вуза.

Каждый третий российский и китайский студент полагает, что легко сможет найти себе рабочее место по специальности после окончания вуза, каждый пятый настроен на долгий поиск работы по специальности; полагают, что без проблем найдут себе работу не по специальности 50% китайских и 36% российских респондентов. Главные требования к работе у китайских студентов – ее интересность, возможность самореализации, небольшой, но стабильный доход и возможность

новых знакомств; у российских студентов на первом месте оказались высокая оплата труда и интересность (в равной степени), на втором – возможности карьерного роста, лишь на третьем – возможность самореализации. Российские студенты испытывают меньший оптимизм, чем их китайские сверстники, оценивая свои шансы на трудоустройство, и придерживаются более прагматичных критериев поиска работы (деньги и карьера).

Большинство опрошенных выросло в полных семьях (порядка 70%), и свои отношения с родителями характеризуют как полное взаимопонимание (китайские респонденты чаще, чем российские – 46% против 38%) или теплые, дружеские (порядка 40%). Своих детей воспитывали бы примерно также 46% китайских респондентов и 64% российских – категорически по-другому настроен каждый четвертый китайский студент и каждый пятый российский. Порядка 70% опрошенных обладают широким кругом общения, среди которого выделяют несколько близких друзей. В тяжелые моменты жизни студенты обращаются к друзьям и родителям. В официальном или гражданском браке состоит в четыре раза больше российских студентов, чем китайских (12% против 3%). Главное условие заключения брака – финансовая независимость, способность обеспечить себя и свою семью (так считает 66% китайских студентов) – треть россиян думает также, другая треть пока не задумывалась об этом. Большинство респондентов хотели бы иметь двух детей. Личную ответственность студенты ощущают, в первую очередь, за семью и близких, на втором месте – они сами и друзья, на третьем – страна. Таким образом, семейная модель родительской семьи в несколько большей степени приемлема для российских студентов, чем для китайских: последние не вступают в брачные отношения в период учебы, откладывая брак на период достижения финансовой состоятельности.

Интересуются политикой 84% китайских и 70% российских студентов. Примерно четверть опрошенных не принимает участия в выборах, будучи уверенными, что их участие в голосовании ничего не меняет. 44% китайских и треть российских студентов полагают, что ситуация в стране оказывает значительное влияние на реализацию их жизненных планов – треть респондентов не оценивает это влияние как значимое. Считают себя патриотами 86% китайских и половина российских студентов. Последние более взвешенно оценивают сближение со странами Запада, видя в нем и хорошее и плохое (45% против 24%), тогда как китайские студенты видят в нем больше пользы, чем вреда (53% против 23%). Как граждане своих стран китайские и российские студенты гордятся историей, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями. Различия в предметах национальной гордости таковы: положением Китая на мировой арене гордятся 73% (и лишь 25% российских респондентов), научными достижениями – 70% (против 50%), армией – 71% (против 19%). Общие зоны недовольства студентов двух стран – развитие экономической и социальной сфер, уровень жизни населения; специфическая российская зона недовольства – деятельность государственных органов. Уровень доверия правительству, собранию народных представителей, партии власти, общественным организациям, банкам, судам, армии, бизнесу, средствам массовой информации в Китае значительно (в 2–3 раза) превышает аналогичные показатели по России. Иными словами, в целом китайские студенты ощущают себя более комфортно в обществе, демонстрируя высокий уровень доверия основным социальным институтам.

Верующими себя считают 56% российских студентов и 9% китайских (неверующими, соответственно, 20% и 61%); в Ки-

тае доминирует буддизм (46%), в России – православие (82%). Треть опрошенных не посещает религиозные учреждения. Причину обращения человека к религии китайские студенты, видят, прежде всего, в морально-нравственной ее составляющей (73%), тогда как для российских студентов одинаково значимы морально-нравственное ядро, облегчение душевных страданий и покаяние (по 50%).

Основными проблемами молодежи студенты двух стран считают морально-нравственную деградацию общества, однако для китайских студентов она приоритетна наряду с безответственностью молодого поколения, тогда как у россиян на первом месте девиантные практики (наркомания и алкоголизм). Для россиян менее значимы такие проблемы, как коррупция и отсутствие взаимопонимания с родителями.

В качестве слагаемых жизненного успеха российские и китайские студенты единодушно называют собственные знания и умения, наличие нужных связей и знакомств, трудолюбие, поддержку родных и близких и коммуникабельность; вспомогательным фактором выступает диплом престижного вуза и знание иностранного языка; для китайских студентов важна удача (83% против 54%). Чтобы добиться успеха, китайский студент считает необходимым быть коммуникабельным оптимистом, честным, исполнительным и изворотливым; российский студент – трудолюбивым, коммуникабельными, целеустремленным и талантливым (честолюбие, оптимизм и расчетливость – второстепенны).

Для китайских студентов характерен более позитивный социальный настрой – большинство (около 80%) согласны с утверждениями, что спокойная совесть важнее прибыли, мир не без добрых людей, главное в жизни – честь и достоинство. Сознание российской молодежи более амбивалентно – в принципе россияне разделяют данные установки, хотя в меньшей степени (порядка 65%-70%), однако примерно столько же по-

лагает, что в России без взятки невозможно решить ни одну проблему, большинство людей заняты своими проблемами и равнодушны к проблемам других. Тем не менее, в будущее студенческая молодежь двух стран смотрит с надеждой и оптимизмом (около половины) или же спокойно (порядка 40%). Треть опрошенных считает себя оптимистами, треть – реалистами, половина планирует свою жизнь на ближайшую перспективу, треть – и на отдаленную. Самым важным в жизни студенты считают семью и здоровье.

Поскольку тематические акценты наших опросов зависят и от предпочтений наших коллег, с сербскими социологами мы оценивали патриотический настрой студенческой молодежи. В 2011–2012 годы мы предприняли одну из первых попыток прицельного социологического «замера» патриотических настроений студенческой молодежи, хотя соответствующие вопросы и небольшие тематические блоки неоднократно включались в инструментарий анкетирований, посвященных оценке ценностных ориентаций нынешних российских поколений. Конечно, речь идет об очень незначительном патриотическом блоке, который дублировал несколько из указанных выше вопросов, поскольку в серии опросов в фокусе исследовательского интереса находился не патриотический настрой как таковой, а «поведение» его компонентов в контексте других ценностей молодежи. Так, анкетирование 2012 года на репрезентативной по профилям обучения выборке московского студенчества показало, что практически каждый второй московский студент считает себя патриотом; трудности с однозначной идентификацией себя в терминах патриотизма испытывает каждый третий, ссылаясь на невозможность подобной номинации своего отношения к стране (следует признать, что данное понятие слишком замылено, особенно в российском публичном дискурсе) или утрату данным термином своего значения в глобализирующемся мире (Табл. 1).

Таблица 1

Если Вы затруднились ответить на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?», объясните почему:	2007	2012
Я не понимаю смысла понятия «патриотизм»	14%	8%
Мне сложно однозначно определить мое отношение к своей стране как патриотизм	51%	65%
В современную эпоху глобализации понятие патриотизма полностью теряет смысл	29%	24%
Другое	6%	3%

Поскольку комплексный инструментарий оценки ценностных ориентаций студенческой молодежи использовался нами неоднократно с 2007 года, сравнение результатов опросов 2007 и 2012 годов позволяет говорить о постепенном размывании понятия «патриот» в повседневном дискурсе (несмотря на его активное и политически чувствительное использование в медийном и публичном дискурсах): число затрудняющихся с однозначной идентификацией себя как патриота выросло за это время на 6% за счет отказывающихся назвать свое отношение к стране патриотизмом. Кроме того, число уверенно называющих себя патриотами (несмотря на неоднозначность оценок политических процессов в стране и в мире, судя по ответам на другие вопросы анкеты) осталось на том же уровне (половина опрошенных), а число не согласных идентифицировать себя подобным образом сократилось на 7% (Табл. 2).

Таблица 2

Считаете ли Вы себя патриотом?	2007	2012
Да	51%	51%
Нет	18%	11%
Мне сложно однозначно ответить на этот вопрос	32%	38%

Независимо от самооценки в терминах патриотизма, московские студенты гордятся историческим прошлым страны, ее природными богатствами, культурным наследием (порядка 90%) и спортивными достижениями (около 75%). Позиции России на международной арене – повод для гордости для каждого четвертого респондента, научные достижения и система образования – для каждого второго. В целом предметы национальной гордости и антигордости демонстрируют относительную стабильность, поскольку в распределении ответов во времени не отмечено значимых колебаний. Следует отметить лишь почти двойное увеличение числа тех, кто не считает культурное наследие страны поводом для личной гордости (с 7% до 13%) – вероятно, это следствие того, что за последние годы средства массовой информации последовательно дискредитировали и отрицали культурные достижения советского периода, которые прежде оценивались однозначно позитивно. С другой стороны, весьма громогласна и политическая риторика, требующая отказа от «почитания на лаврах советского прошлого», если нечем гордиться в настоящем, что также могло обусловить некоторое снижение значимости указанного индикатора.

К сожалению, в ответах московских студентов прослеживается следующая динамика: гордость за культурное наследие в широком смысле слова (достижения прежних поколений) сохраняется на высоком уровне с середины 2000-х годов на фоне постепенного нарастания (хотя и в пределах статистической погрешности) разочарования нынешними условиями жизни, фиксируемого целой группой эмпирических индикаторов. Общие для большинства студентов сферы социального недовольства (показатели антигордости приближаются к 90%) таковы: состояние экономики и социальной сферы (лишь 13% находят здесь основания для гордости), соблюдение прав и свобод человека (17%), деятельность государственных органов (15%) и в целом уровень жизни населения (10%).

Вполне предсказуемо столь высокий уровень социального недовольства не может не влечь за собой низкого уровня доверия базовым социальным институтам: лишь треть доверяет правительству и негосударственным организациям, судам и средствам массовой информации; каждый четвертый – Совету Федерации и Общественной палате (в последнем случае относительно высокий уровень доверия может объясняться банальным непониманием миссии и функций данной институции); каждый пятый – Государственной Думе. Абсолютный лидер студенческого рейтинга доверия – президент (58%, хотя треть не доверяет и ему), за ним следует церковь (50%), банки (47%) и крупный бизнес (40%). Антилидеры рейтинга – политические партии (им не доверяет 72% опрошенных), полиция и правоохранительные органы (77%) и армия (65%).

Вполне предсказуемы оказались и лидеры студенческого рейтинга ключевых для российской молодежи проблем – наркомания и алкоголизм (реже упоминается курение, но все вместе они влекут серьезные проблемы со здоровьем), морально-нравственная деградация общества, преступность (т.е. акцент делается на личных поведенческих характеристиках); за ними следует группа «объективных» факторов, видимо, определяющих широкое распространение проблем первой группы, – безработица и ее последствия – нехватка материальных средств, коррупция, недоступность образования, и в то же время общая экономическая и политическая ситуация в стране, стимулирующая поколенческие конфликты (Табл. 3).

Таблица 3

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?	%	«Места»
Наркомания	76%	1
Алкоголизм	60%	2
Морально-нравственная деградация общества	48%	3

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?	%	«Места»
Курение	38%	4
Преступность	31%	5
Проблемы со здоровьем	28%	
Безработица	25%	6
Нехватка материальных ресурсов	25%	
Отсутствие поддержки со стороны государства	24%	
Коррупция власти	19%	7
Недоступность образования	16%	8
Экономическая ситуация в стране	14%	9
Нарушение гражданских прав и свобод	13%	
Ограниченные возможности досуга, скучная жизнь	12%	
Отсутствие взаимопонимания с родителями	12%	
Политическая ситуация в стране и мире	4%	10

Взглянув на Таблицу 4, согласно которой лишь каждый десятый студент уверен, что ситуация в стране (описанная выше в весьма темных тонах) никак не связана с его жизненными планами (с 2007 года данный показатель снизился на 6%), можно было бы ожидать, что опрошенные продемонстрируют склонность к пессимистическим оценкам своего будущего (Табл. 5), однако респонденты, напротив, смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом (каждый второй) или же без особого беспокойства, надежд и иллюзий (порядка 40%).

Таблица 4

По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?	2007	2012
Ситуация в стране никак не связана с моими жизненными планами	16%	10%
Может повлиять, но крайне незначительно	32%	34%

По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?	2007	2012
Будет оказывать значительное влияние	25%	34%
Реализация моих жизненных планов полностью зависит от ситуации в стране	7%	6%
Затрудняюсь ответить	20%	16%

Таблица 5

С каким настроением Вы смотрите в будущее?	2007	2012
С надеждой и оптимизмом	46%	49%
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	43%	43%
С тревогой и неуверенностью	8%	7%
Со страхом и отчаянием	3%	1%

Возможно, подобный жизненный оптимизм в свете приведенных выше данных объясняется, с одной стороны, «юношеским максимализмом» и свойственной молодости уверенности, что все будет хорошо, с другой стороны, консолидированной поколенческой гордостью своим культурным наследием в широком смысле слова, что придает уверенности в своих силах и предоставляет поведенческие образцы для подражания. Треть респондентов считает себя оптимистами, треть – реалистами, треть ориентируется по ситуации; половина планирует жизнь на краткосрочную перспективу, каждый третий – на долгосрочную.

В исследованиях патриотического настроения сербской молодежи также использовались две стратегии: прямые «замеры» патриотизма как ценности и социальной установки на репрезентативной выборке белградского студенчества в 2010 году; косвенные «замеры» – через оценку восприятия студентами Косовской Митровицы проблемы сохранения целостности

и суверенитета страны. Прежде чем перейти к анализу результатов данных опросов, подчеркнем, что политические трансформации, целенаправленно проводимые в жизнь руководством Сербии с начала 2000-х годов, были направлены на формирование в общественном мнении устойчивого негативного восприятия патриотизма как «антиценности», от имени и под лозунгом которой совершались как «преступления» в ходе вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии, так и коррупционные аферы и растраты госбюджета. Понятия «патриотизм» и «патриот» подвергались насмешкам на протяжении всего первого десятилетия XXI века.

Таков контекст исследования, проведенного в мае 2010 года на выборке белградских студентов в 500 человек методом анкетирования. 64% опрошенных считают себя патриотами, 11% – нет, каждый четвертый затруднился однозначно ответить на данный вопрос. Если суммировать число последних с не считающими себя патриотами, то окажется, что чуть меньше трети студентов испытывают сложности с самоидентификацией в терминах патриотизма (Табл. 6).

Таблица 6

Если Вы затруднились ответить на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?», объясните почему?	2010
Я не понимаю смысла понятия «патриотизм»	9,8%
Мне сложно однозначно определить мое отношение к своей стране как патриотизм	45,1%
В современную эпоху глобализации понятие патриотизма полностью теряет смысл	33,2%
Другое	10,9%

Следует помнить, что речь идет о респондентах, которые имеют весьма смутные воспоминания о войнах на территории

бывшей Югославии, не способны судить об их причинах на основе личного опыта, чья социализация проходила в условиях доминирования дискурса, возлагающего вину за все вооруженные столкновения на Сербию и постулирующего в качестве основного доказательства «европейскости» страны требование, чтобы каждый серб был как можно менее патриотичен. Но, несмотря на массивную антипатриотическую пропаганду в течение десятилетия, почти 2/3 студентов в крупнейшем университете страны, в столице Сербии, где воздействие идеологии глобализации было максимальным, назвали себя патриотами.

Чтобы оценить, каковы основания национальной гордости респондентов, формирующие и поддерживающие чувство патриотизма, в анкете был предложен вопрос «Вы гордитесь...», 13 возможных ответов на который были сформулированы в виде дихотомических шкал (Табл. 7). Наибольшую гордость у белградских студентов вызывают «объекты», максимально нейтральные в социально-политическом контексте, но выступающие внятными источниками патриотических чувств: природные ресурсы, спортивные достижения, культурное наследие, история страны (эти варианты набрали более 85%), с огромным отрывом за ними следует система образования (около 35%); уровень жизни населения – повод фактически для чувства стыда (97% не находят здесь оснований для гордости), за ним с незначительным отставанием следует экономика, социальная сфера и положение страны на международной арене, набравшие более 90% негативных ответов.

Таблица 7

Вы гордитесь...	Да (%)	Нет (%)	Ранг
Природными ресурсами	91,7	8,3	1
Спортивными успехами	88,4	11,6	2
Культурным наследием	87,6	11,9	3
Историей страны	85,6	14,3	4
Системой образования	34,8	65,2	5

Вы гордитесь...	Да (%)	Нет (%)	Ранг
Армией	31,3	68,7	6
Развитием науки и техники	29,5	70,5	7
Защитой прав и свобод личности	29,1	70,9	8
Работой государственных органов	11	89	9
Положением страны на международной арене	8,4	91,6	10
Состоянием социальной сферы	5,3	94,7	11
Экономикой страны	3,7	96,3	12
Уровнем жизни граждан	3,3	96,7	13

Поскольку в качестве респондентов выступали студенты, мы сочли важным узнать их «экспертное» мнение о проблемах, с которыми сталкивается сегодня сербская молодежь (Табл. 8): лидером оказалась наркомания (80%), каждый второй назвал алкоголизм (47%); на втором месте по частоте упоминаний – проблемы, решением которых может и должно заниматься общество, – преступность и безработица (по 58%). Лишь каждый десятый студент назвал в качестве острой проблемы молодежи отсутствие поддержки государства (11% – примерно столько же указали недоступность образования и ограниченные возможности досуга, что также входит в зону государственного регулирования и внимания), что можно интерпретировать как результат привыкания молодежи к сложившемуся положению дел. Хотя политическая ситуация в стране и мире не вошла в число лидеров молодежных проблем, набрав примерно 12% ответов, более половины опрошенных (57%) убеждены, что она определяет реализацию их жизненных планов (Табл. 9), – вероятно, данное противоречие объясняется тем, что последние десятилетия сербской истории можно охарактеризовать как время последовательного применения жестких принципов государственного вмешательства во все сферы жизни общества.

Таблица 8

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?	%	Ранг
Наркомания	80	1
Преступность	58,3	2
Безработица	57,8	3
Алкоголизм	46,8	4
Морально-нравственная деградация	36,5	5
Экономическая ситуация в стране	35,3	6
Коррупция власти	31,9	7
Нехватка материальных ресурсов	28,9	8
Курение	23,7	9
Отсутствие взаимопонимания с родителями	13,1	10
Политическая ситуация в стране и мире	12,4	11
Отсутствие поддержки со стороны государства	10,8	12
Недоступность образования	10,8	12
Ограниченные возможности досуга, скудная жизнь	10,6	13
Проблемы со здоровьем	8	14
Нарушение гражданских прав и свобод	6,9	15
Другое	1,6	16

Таблица 9

По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?	%
Ситуация в стране никак не связана с моими жизненными планами	8,8
Может повлиять, но крайне незначительно	25,1
Будет оказывать значительное влияние	47,4
Реализация моих жизненных планов полностью зависит от ситуации в стране	9,5
Затрудняюсь ответить	9,1

Тем не менее, в будущее белградские студенты смотрят вполне реалистично: 44% – с надеждой и оптимизмом, 30% – спокойно, хотя и без особых надежд и иллюзий; каждый пятый респондент выразил тревогу и неуверенность, каждый десятый – страх и отчаяние. Почти половина опрошенных планирует свое будущее на краткосрочную перспективу (45%), чуть менее трети – на долгосрочную (30%), 16% вообще не планируют свое будущее, предпочитая жизнь сегодняшним днем, а каждый десятый не задумывался об этом. «Полученные данные согласуются с ранее зафиксированной тенденцией, согласно которой в государствах переходного типа экономический кризис порождает стойкое ощущение, что повседневная жизнь для большинства населения – не что иное как борьба за выживание. Феномен “сокращающейся перспективы” доминирует в социальной атмосфере подобного типа обществ, проявляя себя в отказе от долгосрочных целей, интересов и стратегий в пользу краткосрочного планирования».²⁴⁸

Если мы обратимся к сравнению патриотического настроения студентов Белграда и Москвы, то, несмотря на вполне предсказуемые различия в данных, следует признать, что молодежь двух стран считает себя патриотами: практически каждый второй в Москве и 64% в Белграде, однако количество не считающих себя патриотами одинаково (11%), т.е. сербские студенты реже, чем московские (25% против 38%) испытывают сложности в однозначной идентификации себя как патриотов. Меньшинство российских и сербских студентов испытывает затруднения в самоопределении себя как патриотов, и доминирующая причина – сложность однозначного наименования отношения к стране «патриотизмом», что можно оценивать как результат существенных пробелов в функцио-

²⁴⁸ Petrović J. Vrednosni stavovi studenata: religioznost, prosocijalni stavovi i odnos prema budućnosti. Beograd, 2011. С. 892.

нировании институтов социализации, ответственных за формирование патриотического настроения, – о признании данного факта говорит то, что российское руководство с 2001 года последовательно реализует программы патриотического воспитания. Второй основной аргумент, к которому апеллировали студенты, затруднившиеся назвать себя патриотами, – утрата понятием патриотизма своего смысла в эпоху глобализации. Хотя данный вариант ответа чаще выбирали сербские студенты, следует все же признать, что и российское, и сербское общество в перспективе столкнется с проблемой неоднозначности восприятия и претворения в жизнь идеологии глобализации, особенно среди молодых своих граждан.

Наиболее интересны различия московского и белградского студенчества в выборе оснований для национальной гордости. Так, у российской молодежи безусловные лидеры – героическое прошлое страны, искусство, спортивные успехи, культурные, научные и технические достижения, тогда как у сербских студентов, которые демонстрируют куда большую консолидированность оценок, – менее «политические» объекты – природные ресурсы (92%), спортивные успехи, культурное наследие и история страны (более 80%) и система образования (35%), т.е. базовые поводы для гордости у студентов двух стран практически совпадают (история, культура и спорт). Если сопоставить распределение ответов на соответствующий вопрос по российской и сербской выборке, то не меньшее сходство демонстрируют и антилидеры рейтинга национальной гордости – экономическая ситуация, система социального обеспечения, уровень жизни населения и т.д. Не меньшее единодушие демонстрируют студенты и в оценке наиболее важных для молодежи проблем: в двух массивах лидирует наркомания, за которой следуют алкоголизм, пре-

ступность и морально-нравственная деградация общества. Сербские студенты несколько больше обеспокоены проблемой безработицы: хотя серьезные сложности с трудоустройством молодежь испытывает во всех переходных обществах, различия в частоте упоминаний безработицы московскими и белградскими студентами, видимо, объясняются более низким уровнем безработицы в России.

Другое значимое различие в распределении ответов российских и сербских студентов прослеживается в оценках влияния текущей ситуации в стране на реализацию жизненных планов молодежи: московских респондентов такое беспокоит существенно реже, чем белградских, что, видимо, можно рассматривать как индикатор стабилизации жизни в России. В целом российские студенты чаще смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом, среди них больше и реалистов, оценивающих свое будущее спокойно, пусть и без особых надежд и иллюзий. Среди белградских студентов выше уровень тревоги и беспокойства, которые выражает каждый пятый (среди россиян 7%), причем каждый десятый респондент испытывает страх и отчаяние (в Москве 1%).

Региональный срез сопоставительного анализа

Обсуждение результатов опроса студентов в Пекине и Москве привело российскую и китайскую исследовательские группы к закономерному вопросу: если структура и содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи двух стран оказалась столь схожей, будет ли картина аналогичной в случае сопоставительной характеристики по тем же параметрам студентов столичных и региональных вузов внутри

стран? Второй этап российско-китайского проекта был проведен в 2009 году в формате анкетирования выборок студенческой молодежи Гуанчжоу в Китае и Майкопа в России (в каждом городе было опрошено 1000 человек).²⁴⁹

По своим социально-экономическим и демографическим показателям Гуанчжоу занимает третье место среди городов Китая. После присоединения к Китаю Гонконга и Макао сформировался пояс из трех крупнейших городов – Гонконг–Гуанчжоу–Макао, уровень урбанизации которого достигает 90%. Гуанчжоу обладает развитой образовательной системой и научной базой (более 60 высших учебных заведений и 300 научно-исследовательских организаций).

Результаты опроса показали, что в региональном центре несколько выше обеспокоенность событиями в стране и мире, интерес к политической сфере, уровень патриотизма и социальной ответственности. Так, 31% отметили, что «постоянно интересуюсь событиями в стране и мире», 63% – «интересуюсь по мере необходимости», что в сумме на 10% выше, чем аналогичный показатель в опросе пекинской студенческой молодежи. Несколько выше оказался и уровень доверия регионального студенчества государственным органам и общественным организациям – примерно на 7%-9% выше аналогичных показателей пекинской молодежи, что, впрочем, не изменило рейтинговые позиции социальных институтов китайского общества.

Несмотря на одинаковый уровень патриотического настроения – 83% студентов в Гуанчжоу и Пекине назвали себя патриотами, между двумя городами обнаружилось существенные различия в показателях социальной ответственности:

²⁴⁹ К сожалению, в отличие от китайских коллег, обладающих неограниченными централизованными возможностями проведения социологических опросов на всей территории Китая, наши возможности определяются договоренностями между конкретными научно-исследовательскими и образовательными институтами.

отвечая на вопрос «За кого в первую очередь Вы чувствуете свою ответственность?», 55% студентов в Гуанчжоу назвали государство и народ, что на 33% выше, чем в Пекине. Тем не менее, большинство студентов в обоих городах активно участвуют в избирательном процессе, гордятся культурным наследием Китая, историей страны, спортивными достижениями, природными богатствами, армией, положением Китая на международной арене, научными достижениями и т.д., а наибольшее недовольство выражают системой образования и уровнем жизни населения.

Практически по всем вопросам анкеты колебания значений между Пекином и Гуанчжоу незначительны. Например, среди критериев жизненного успеха в Пекине доминируют самореализация и семейное благополучие, а социальные достижения оказались на третьем месте; а в Гуанчжоу лидируют самореализация и социальные достижения, тогда как семейное благополучие заняло третью позицию. Тем не менее, и в том и в другом случае безусловные лидеры по степени важности в жизни человека – семья и здоровье, а на первое место среди ряда факторов, определяющих жизненный успех, респонденты ставят личностные качества – моральные принципы и готовность постоянно и тяжело работать над совершенствованием своих знаний и умений.

В целом результаты опроса в Гуанчжоу, третьем по своим социально-экономическим и демографическим показателям городе Китая, крупном политическом, культурном и образовательном центре страны, позволили нашим китайским коллегам сделать вывод, что структура и содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи столичных и региональных вузов настолько схожи, что нет смысла говорить о существенных различиях, значимых в интерпретационном отношении. Конечно, в Гуанчжоу предсказуемо несколько выше оказалась обеспокоенность социально-экономическими и по-

литическими событиями, как, впрочем, и уровень патриотизма и доверия органам государственной власти и общественным институциям; почти в два раза больше респондентов, для которых важно, чтобы заработная плата была пусть не очень высокой, но обязательно стабильной; выше удовлетворенность разными сторонами жизни (питанием, условиями проживания, степени социальной интегрированности) при аналогичных с пекинскими респондентами оценках уровня материального положения. Подобные тенденции всегда прослеживаются в ситуации снижения «урбанизированности» (и, соответственно, роста безработицы и сокращения институциональных возможностей самореализации в профессиональном и социальном плане) и нарастания «традиционности» и «общинности» образа жизни.

Практически по всем остальным показателям студенты столичных и региональных вузов Китая не обнаружили заметных различий: все респонденты гордятся достижениями китайского общества в культурном, историческом, спортивном, сырьевом, военно-техническом и социальном отношении, тогда как уровень жизни населения и система образования вызывают их недовольство; в качестве базовых критериев жизненного успеха называют здоровье, семейное благополучие и самореализацию, в том числе социальные достижения, требующие от человека коммуникабельности, оптимизма, трудолюбия, настойчивости, порядочности и целеустремленности как необходимых дополнений к профессиональным знаниям и навыкам. Студенты во многом следуют собственному рецепту успешности: смотрят в будущее спокойно или оптимистично, планируют продолжать обучение и дальше, надеются успешно трудоустроиться, пусть и не по специальности, возлагают ответственность за современное состояние китайского общества в том числе и на молодежь, обвиняя ее

(т.е. себя) в безответственности, лени и пристрастии к вредным привычкам.

Рассмотрим, насколько схожими оказались ценностные приоритеты студентов Москвы и Майкопа. Майкоп – столица Республики Адыгея, которая считается дотационным периферийным районом со слабыми выходами к общероссийской системе коммуникаций и одной из самой русскоязычных и полиэтничных республик, наименее проблемной по состоянию рынка труда. К социальным преимуществам Адыгеи относят климатические и рекреационные ресурсы, освоенность территории и высокую плотность населения, более медленные, по сравнению с общероссийскими, темпы депопуляции, соседство с развитыми районами Краснодарского края, стимулирующее трудовые миграции, продуктивное личное подсобное хозяйство, высокую продолжительность жизни; к социальным проблемам – слабо развитую экономику (Майкоп – единственный промышленный центр республики с диверсифицированной экономикой), дефицит рабочих мест и высокий уровень безработицы, старение населения и депопуляцию (наблюдается нетипичная для Северного Кавказа естественная убыль населения), низкую заработную плату в основных отраслях экономики и низкие доходы населения, особенно сельского, слабую урбанизированность, межэтнические проблемы и сохранение патриархальных клановых форм.

В Майкопе на момент опроса существовал целый ряд вузов²⁵⁰: два вуза – Адыгейский государственный университет и Майкопский государственный технологический университет; пять филиалов государственных и негосударственных вузов других российских регионов – Московского открытого социального университета, Северокавказской академии государственной службы, Кубанской государственной меди-

²⁵⁰ *Асланова М. А.* Развитие образовательной системы поликультурного региона (на примере Республики Адыгея): Автореф. дисс. к. п. н. Майкоп, 2007.

цинской академии и др. Выборка студентов в Майкопе, как и в московском опросе, репрезентировала генеральную совокупность по структуре выпуска специалистов.

Как и студенты московских вузов, в качестве основных мотивов обучения майкопские респонденты назвали желание получить необходимые для дальнейшей жизни знания и стать квалифицированным специалистом. Наиболее заметными оказались расхождения в выборе следующих причин получения высшего образования: для московских студентов чаще важно получение диплома (17% против 9%) или отсрочки от армии (16% против 7%), а также возможность удачно выйти замуж (5% против 2%). Сложно предложить здесь интерпретации, но, видимо, следует говорить о более ответственном отношении к образованию и более осознанном подходе к жизненному выбору – получать высшее образование или нет – в Майкопе. Однако удовлетворенность качеством образования у московских студентов выше – 53% (против 42%) не хотели бы сменить вуз обучения; каждый третий студент Майкопа (и только 17% в Москве) предпочли бы учиться в другом российском вузе.

Продолжать обучение в магистратуре или аспирантуре планирует больше московских студентов, чем майкопских (27% против 17%), тогда как настроены закончить образование степенью бакалавра или специалиста 31% московских и 42% майкопских респондентов. Настрой на получение высшего образования в Майкопе серьезен, но студенты осознают и не всегда высокое качество образования, и отсутствие необходимости повышать образовательный уровень в ситуации высокой безработицы, когда работодатели не будут терпеть отлучки сотрудника на учебу, а родители не смогут прокормить ребенка еще несколько лет. Эти предположения подтверждаются оценками молодежи своих шансов на трудоустройство после окончания вуза: хотя более 80% уверены,

что смогут найти работу сразу после окончания вуза, каждый третий майкопский студент полагает, что ему придется долго искать работу по специальности (в Москве – 17%), а каждый четвертый (36% в Москве) – что без проблем найдет себе работу, но не по специальности.

В последние годы исследователи говорят о новой модели образовательного поведения и трудовой занятости молодежи, которая предполагает все большее распространение выхода студентов на рынок труда и обретение первичного трудового опыта во время учебы, гораздо раньше, чем это было прежде.²⁵¹ Эта модель представлена и в наших данных: на момент опроса работал каждый второй московский студент (в основном в коммерческих структурах), но только треть – по будущей специальности; в Майкопе работал каждый пятый, и только четверть из них – по специальности. Критерии трудоустройства у работающих студентов: главное – возможность совмещать работу с учебой, на втором месте – размер заработной платы и связь со специальностью.

Понимая ограниченность регионального рынка труда, майкопские студенты предъявляют несколько иные требования к будущей работе: хотя, как и московские респонденты, приоритетными критериями занятости они считают высокую заработную плату (76%) и интересность (74%), гарантии карьерного роста и возможность приносить пользу людям для них более значимы (69% против каждого второго и 28% против 18% соответственно), а предоставляемые работой перспективы самореализации, свободы действий и свободного времени, наоборот, менее важны (33% против 43% и 18% против 26%). С одной стороны, здесь, видимо, срабатывают прагматичные критерии – главное трудоустроиться, а потом уже можно соотносить степень занятости с возможностями личностного

---

²⁵¹ См., напр.: Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М., 2002.

роста и досуга. С другой стороны, ощутимо влияние поведенческих моделей традиционного общества, для которого важна как позиция человека в иерархии, так и вытекающие из нее возможности поддержки родственных и дружеских социальных сетей.

Трактовка успешности в сознании студентов совпадает, но акценты несколько различаются. Для майкопской молодежи успех выступает как сумма трех компонентов – материального достатка, карьерных достижений и семейного благополучия (более 60%), за которыми следуют творческая самореализация (47%) и общественное признание (24%). Для московских респондентов безусловным мерилom успешности является материальный достаток (61%), на втором месте – комплекс из творческой самореализации, карьерных достижений и семейного благополучия (порядка 50%), а общественное признание важно для каждого третьего. К личностным качествам, которые позволяют человеку достичь жизненного успеха, студенты относят, прежде всего, трудолюбие и целеустремленность (более 60%), коммуникабельность и талант (более 50%); на втором месте – оптимизм и расчетливость. Московские студенты чаще называют прагматизм (18% против 5%), честолюбие и амбициозность (35% против 20%), умение манипулировать окружающими (30% против 22%) и цинизм (7% против 4%); майкопские, наоборот, умение держать язык за зубами (29% против 17%), честность (32% против 22%), исполнительность (32% против 24%), хотя в то же время и умение идти напролом в достижении цели (30% против 23%). В целом налицо более «индивидуалистическая» ориентация московского студенчества и более «коллективистская», традиционная – майкопского.

Критерии профессионального успеха в таком ценностном поле тоже несколько различны: большинство (около 80%) признает важность знаний и умений, трудолюбия и готовно-

сти много работать, коммуникабельности наряду с наличием нужных связей и знакомств; однако для майкопской молодежи более значима поддержка родителей, друзей и близких (77% против 66%), а диплом престижного вуза наряду с удачей кажутся менее важным. Наиболее существенное расхождение в понимании предпосылок успешной карьеры между студентами двух городов – оценка роли иностранного языка – 85% студентов в Москве против 64% в Майкопе считают необходимым знать хотя бы один иностранный язык (видимо, это связано с пониманием майкопскими респондентами ограниченности использования иностранных языков на региональном рынке труда).

Минимальные различия между студентами столицы и регионального центра прослеживаются по блоку межличностных отношений. Большинство студентов выросло в полных семьях (в Майкопе несколько больше – 78% против 71% – за счет меньшего количества монородительских семей); каждый второй проживает с родителями (54% в Майкопе и 47% в Москве). Свои отношения с родителями респонденты оценивают позитивно, однако майкопские студенты чаще характеризуют их как полное взаимопонимание (каждый второй против 39%), тогда как московские студенты – скорее как теплые и дружеские (46% против 36%). Почти 70% устраивает модель воспитания детей, принятая в их семьях. Относительно желаемого количества детей мнения майкопских и московских студентов практически совпали: 4% не хочет иметь детей, каждый десятый мечтает о большой семье, где будет более трех детей, около 40% ориентированы на двух детей. Пунктом расогласования выступает семья с тремя детьми – в Москве на нее ориентируется 13%, в Майкопе – 23% за счет снижения количества неопределившихся и желающих быть родителями только одного ребенка.

Практически идентичны в двух массивах оценки брачных перспектив: 88% не состоят в официальном браке и не живут вместе, но далее цифры немного отличаются – среди московских студентов более распространен «гражданский брак» (7% против 4%), тогда как в Майкопе – официальный брак (7% против 5%). Подобные цифры не позволяют делать обобщения, но, видимо, в Майкопе отношение к гражданским бракам остается более настороженным, чем в столице. Некоторый брачный традиционализм прослеживается и в ответах майкопских студентов на вопрос, когда они планируют официально оформить отношения с любимым человеком: количество никогда не задумывавшихся над этим в Майкопе ниже (22% против каждого третьего в Москве), как и число не видящих необходимости в официальном оформлении отношений (2% против 4,4%). Треть опрошенных в обоих городах считает нужным отложить этот вопрос до достижения финансовой состоятельности, треть майкопских респондентов собирается заключить брак сразу после окончания вуза и трудоустройства (в Москве таковых 22%).

Что касается дружбы, то общая тенденция здесь сводится к наличию широкого круга общения (у более чем 70%), где респонденты выделяют несколько близких людей. В сложной жизненной ситуации около 60% обратятся к друзьям, треть – к любимому человеку, а большинство – к родителям и близким родственникам, причем к родителям в случае адыгейских студентов чаще (75% против 66%). Отношение к близким людям у всех опрошенных трепетное: каждый третий чувствует ответственность за друзей, более 80% – за семью и близких. «Эгоистов», что весьма предсказуемо, оказалось больше в московских вузах – 43% студентов чувствует ответственность только за себя (в Майкопе 30%).

Иной важный пункт различий в ценностных доминантах столичной и майкопской молодежи – политизированность:

17% студентов Майкопа утверждают, что чувствуют ответственность за свой народ (в Москве только 6%), но она не вытесняет общероссийской ответственности – за страну (в Майкопе ее ощущают 14%, в Москве – каждый десятый). Эти цифры вполне объяснимы в свете данных социологических исследований о соотношении типов идентичности: от горизонтальной субэтнической (внутри адыгского этноса) и этнической (как русского или адыга) – отсюда высокий уровень ответственности за народ, до вертикальной – гражданской.²⁵² Несмотря на то, что городская среда всегда характеризуется многонациональным окружением и расширяет рамки межэтнического диалога и взаимопроникновения культур, русским населением, доминирующим в этнической структуре Адыгеи, «почти потеряна традиционная (этническая) культура».²⁵³ Суждение «Каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью» лидирует у адыгейцев, но не у русских, что характерно для полиэтничных регионов, где наряду с распространением «нормальной» этнической идентичности озвучиваются гиперэтнические установки, например, в Адыгее незначительно доминируют представления о мононациональном браке, хотя регулярно фиксируется большая доля межнациональных.²⁵⁴

В целом майкопские студенты демонстрируют несколько более высокий уровень политизированности (понимаемой широко – как интерес к разным аспектам жизни общества), чем их московские сверстники. Так, 28% майкопских респондентов всегда стараются быть в курсе политических событий

---

²⁵² Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.

²⁵³ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. С. 19.

²⁵⁴ Делова Л. А. Социокультурные факторы межэтнической брачности (на примере Республики Адыгея): социологический анализ: Дисс. к. с. н. Майкоп, 2001.

в регионе, стране и мире (в Москве – 21%), а число вообще не интересующихся политикой и не желающих слышать о ней в Майкопе меньше (4% против 9%). Причины незаинтересованности студенты объясняют, прежде всего, отсутствием свободного времени (около 40%), затем идут уверенность, что «политика – это грязное дело» (22%), и убеждение в бессмысленности занятий ею (23% майкопских и 27% московских респондентов). Тем не менее, большинство принимает участие в выборах – число никогда не голосующих из принципиальной веры в невозможность что-либо изменить составляет 28% в Москве и 22% в Майкопе. Однако и здесь прослеживаются различия: каждый второй майкопский студент всегда ходит голосовать (в Москве 28%), а каждый третий принимает участие лишь в важных голосованиях (44% в Москве).

Наибольшие расхождения студенты двух городов продемонстрировали в своих партийных симпатиях, хотя и здесь просматриваются общие тенденции. В Майкопе оказалось меньше респондентов, не симпатизирующих вообще никаким партиям (29% против 42%). Приверженцев национально-патриотических, социал-демократических, религиозных и прочих партий среди респондентов двух городов оказалось примерно поровну, но симпатизирующих либерально-демократическим партиям больше в Москве (20% против 12%): майкопские респонденты чаще выбирают в качестве объекта политических симпатий «партии, находящиеся сейчас у власти» (52% против 29%), что подтверждает установку традиционного общества на поддержку и уважение того, кто смог высоко подняться в социальной иерархии.

Практически идентично в двух городах распределение ответов на вопрос об отнесении себя к патриотам: считает себя патриотом каждый второй; треть затруднилась ответить на вопрос. Основная причина затруднений – сложность однозначного определения своего отношения к стране как патри-

отизма (каждый второй затруднившийся квалифицировать себя как патриота); почти треть не ответивших на вопрос полагает, что понятие патриотизма утратило в эпоху глобализации свое значение. Предметы национальной гордости также совпадают – история страны, природные богатства, культурное наследие и спортивные достижения; большинство не обнаруживает поводов для гордости в деятельности государственных органов управления (в Москве больше – 84% против 75%), в экономической и социальной сферах (оценки уровня жизни), в том, что не соблюдаются) права и свободы.

Весьма противоречивы оценки развития науки и техники – мнения респондентов разделились примерно поровну с небольшим перевесом в пользу тех, кто испытывает гордость за научно-технические достижения (вполне в духе государственной риторики). Наибольшие различия студенты продемонстрировали в характеристике положения страны на международной арене: московские респонденты не видят здесь поводов для гордости (74%), майкопские менее консолидированы – 40% полагает, что России есть чем гордиться. Столь же амбивалентны оценки армии: только треть майкопских и каждый пятый московский студент находят здесь поводы для гордости.

Несмотря на столь пессимистичные оценки состояния российского общества, студенты смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом (54% в Майкопе и 46% в Москве) или же спокойно, пусть и без особых надежд (35% и 42%). Практически каждый десятый студент, испытывающий чувство тревоги и неуверенности, размышляя о будущем, – грустный показатель, но следует учитывать общий настрой студента старших курсов, которому приходится придиричиво оценивать свои жизненные перспективы, отказываясь от юношеских мечтаний в столкновениях с реальными проблемами.

Основной институциональный субъект доверия молодежи – президент, рейтинг доверия которого составляет порядка 60%; несколько отстает от него церковь – уровень доверия к ней превышает 50%. Лидеры по критерию недоверия таковы: с одной стороны, силовые структуры – милиция и правоохранительные органы, которым не доверяет 79% московских студентов и 69% майкопских (соответствующие уровни доверия – 15% и 23%), за ними следует армия (недоверие выразили 67% московских и 51% майкопских студентов) и суды (доверяет им каждый третий); политическим партиям им не доверяет 63% майкопских студентов (доверяет 22%) и 73% московских (14%), за ними идут российские общественные и международные неправительственные организации – не доверяет им каждый второй, доверяет – каждый третий (в Майкопе каждый пятый). Столь тотальное «недоверие», видимо, объясняет и политическую апатию молодежи (понятно нежелание поддерживать организации, которым не доверяешь), и нарастание авторитарных тенденций (если субъект национального доверия один, то он единолично может легитимировать большую часть социальных практик).

В целом уровень доверия майкопских студентов базовым социальным институциям на 10%-20% выше, чем у их московских сверстников. Так, доверяют правительству 46% студентов Майкопа (32% студентов московских вузов); Государственной Думе – 33% (21%); Совету Федерации – 37% (26%); Общественной палате – 32% (23%). Средства массовой информации не вызывают доверия у 63% московских и у каждого второго студента Майкопа. Уровень доверия банкам совпадает (каждый десятый затруднился ответить, мнения остальных поделились примерно поровну между доверяющими и сомневающимися), но крупный бизнес оказался более привычен и понятен столичным студентам – уровень доверия ему среди них выше (41% против 31%).

Если проранжировать (условно) варианты ответов студентов на вопрос о наиболее острых проблемах, которые сегодня стоят перед молодежью, то на первом месте окажутся наркомания и алкоголизм; на втором – курение и морально-нравственная деградация общества; на третьем – проблемы со здоровьем, преступность, нехватка материальных средств и отсутствие поддержки государства; на четвертом – неблагоприятная экономическая ситуация в стране, которая делает недоступным образование, ограничивает досуговые возможности, обуславливает коррупцию властных структур и нарушение гражданских прав и свобод. Иными словами, российская молодежь, независимо от региона проживания, винит в своих проблемах не только общественный порядок, но и себя – за социально неодобряемые практики.

Во мнениях московской и майкопской молодежи прослеживаются важные различия: во-первых, как свою важнейшую проблему студенты Майкопа назвали безработицу (71% против каждого четвертого в Москве). Во-вторых, ряд расхождений в ответах, видимо, определяется большей традиционностью адыгейского общества: его в меньшей степени затронула морально-нравственная деградация (ее назвали 48% московских респондентов и 32% майкопских) и в большей степени отличаются теплые и близкие отношения детей с родителями (отсутствие взаимопонимания с родителями как проблему назвали 12% московских и 6% майкопских респондентов). Тем не менее, эти различия не повышают уровень пессимизма – как пессимистов себя характеризуют лишь 3,5%, остальные считают себя либо оптимистами, либо реалистами, либо «ситуационистами».

Отсутствие единого вектора социального самочувствия связано с амбивалентным восприятием общества: с одной стороны, студенты убеждены, что большинство людей сегодня занято только своими проблемами и равнодушно к нуждам

других (около 75%), что без взятки невозможно решить ни одну проблему (в Майкопе 74% против 64%); с другой стороны, уверены, что мир не без добрых, отзывчивых людей (около 80%), главное в жизни человека – честь и достоинство (78% в Майкопе и 68% в Москве), а спокойная совесть важнее любой прибылью (65%). По ряду показателей майкопские студенты настроены более пессимистично: каждый третий полагает, что молодежь испытывает проблемы с адаптацией (в Москве каждый пятый); практически каждый второй студент Майкопа думает, что российская молодежь чувствует себя потерянными поколением (каждый третий студент столичного вуза), в том числе в силу непонимания родителями проблем нынешних студентов. Вероятно, поэтому «маккиавелистов», придерживающихся жизненного принципа «цель оправдывает средства», среди майкопских студентов больше (54% против 41%). Тем не менее, суммарное количество баллов по шкале Лайкерта, включающей в себя приведенные выше суждения, позволяет характеризовать социальное настроение студентов столицы и регионального центра как позитивное (более 80%), а пессимизм чаще свойственен майкопской молодежи (12% против 6%). Данное настроение определяют и оценки материального положения: хотя доминируют «средние» оценки (45%-48%), выше среднего свой достаток оценивает 34% московских респондентов и 23% майкопских, тогда как ниже среднего – наоборот, 18% студентов в Москве и 33% – в Майкопе.

В Майкопе больше число верующих (69% против 56%): 53% считают себя православными, мусульман 43%. Говорить о соотношении представителей разных конфессий в Майкопе и Москве бессмысленно, учитывая мозаичный характер таковых в Москве и устойчивую структуру в Адыгее, однако частота посещения религиозных учреждений в обоих городах одинакова – практически еженедельно посещает храмы/мечети лишь каждый десятый, больше трети – вообще не по-

сещает, а каждый второй – несколько раз в год по большим праздникам. По мнению студентов, религия дает человеку морально-нравственную опору в жизни, возможность облегчить душевные страдания и покаяться, реже – смысл жизни и путь к спасению в вечной жизни, иногда – возможность найти близких по духу людей.

Интересные различия студенческой молодежи двух городов прослеживаются по таким показателям, как структура досуга: студенты Майкопа намного реже ходят в кино (еженедельно или несколько раз в месяц – 19% против 60%), реже посещают театры, выставки, концерты классической музыки (13% против 26%), клубы и дискотеки. Другие варианты проведения свободного времени практически не различаются по представленности – это прогулки с друзьями, посещение шоу и музыкальных мероприятий, занятия спортом, чтение газет, журналов и художественной литературы (число московских студентов, читающих книги ежедневно, оказалось в два раза выше – 26% против 12%), просмотр телевизионных фильмов и программ (почти ежедневно смотрят телевизор 61% майкопских респондентов, но каждый второй москвич), видео-игры. Эти различия, очевидно, говорят о больших возможностях московских студентов как в финансовом плане, так и с точки зрения наличия соответствующих возможностей. Наиболее показательным распределением ответов на вопрос о пользовании Интернетом: почти ежедневно проводят с его помощью свое свободное время 52% московских и 23% майкопских студентов, несколько раз в месяц – наоборот, только 8% московских и 15% майкопских респондентов, очень редко – каждый десятый москвич, но каждый пятый студент в Майкопе, никогда не пользуются Интернетом 21% студентов Майкопа и только 5% москвичей.

На первое место по значимости для себя лично студенты поставили семью (в Москве несколько меньше – 72% против 81%), на второе – здоровье и друзей, на третье – образование,

на четвертое/пятое – работу, далее следуют материальный достаток, свободное время, религия, политическая и общественная деятельность. Конечно, наблюдаются небольшие вариации в распределении приоритетов студентов двух городов (например, московские респонденты в пять раз чаще на первое место ставят свободное время и в два раза чаще присваивают религии последнюю позицию), но они не настолько статистически значимы, чтобы можно было говорить о существенных различиях в мировоззрении молодежи.

Таким образом, налицо амбивалентный характер ценностно-нормативной сферы студенческой молодежи, и в случае региональных вузов картина становится еще более сложной: с одной стороны, студенты Майкопа придерживаются тех же ценностных доминант, что и их московские (и в целом российские) сверстники; с другой стороны, ряд ценностных приоритетов у них иной по причине влияния как более традиционной социокультурной ситуации (например, материальный достаток выступает лишь как один из, но не первостепенный критерий жизненного успеха), так и меньших институциональных возможностей самореализации в образовательной (их чаще не устраивает качество образования, они не собираются продолжать обучение), профессиональной (они чаще уверены, что не смогут найти работу по специальности, чаще не могут трудоустроиться), общественно-политической (выше уровень доверия базовым социальным институтам) и прочих сферах жизни. В целом структура и содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи столичных и региональных вузов Китая, в отличие от России, настолько схожи, что нет смысла говорить о различиях и пытаться понять факторы, таковые детерминирующие; в российском контексте различия ценностных доминант столичного и регионального молодежного самосознания более ярко выражены, иначе акцентированы и потому содержательно важны.

Ожидания и опасения студенчества: оценка в кросскультурном контексте

Несмотря на активную проработку проблематики катастрофического/кризисного сознания в последние десятилетия и фактически институционализацию социальных страхов как предмета социологического анализа, тематики ценностей и массовых страхов редко взаимосвязываются в эмпирических исследованиях, хотя общепризнанно, что современный человек живет в «обществе риска», где устойчивой формой массового сознания стало «катастрофическое», а большая часть страхов социально детерминирована – это страхи социальных объектов и ситуаций взаимодействия. Вероятно, внушительная концептуальная проработка и апробация многообразных познавательных средств и методических приемов изучения страха не лишили данное понятие избыточной дискуссионности и коннотированности: до сих пор не оформился единый подход к его теоретической и эмпирической интерпретации и универсальная классификация страхов; налицо конкуренция множества терминологически близких страху и пересекающихся с ним понятий, позитивных и отрицательных оценок страхов, соотношения реального, потенциального и воображаемого, личностного и социального в его продуцировании и т.д. Тем не менее, неопределенность не отменяет необходимости изучения страхов, ставших сегодня тотальными, повсеместными и рутинизированными, и прежде всего реальных и «нормальных» страхов как ключевого индикатора и «маркера» ценностных ориентаций. Однако следует помнить о двух принципиальных моментах: во-первых, для социологического «измерения» необязательно, чтобы страхи были актуализированными (средства массовой информации «нормализуют» разнообразные риски, шансы встретиться

с которыми воочию исключительно малы); во-вторых, некорректно рассматривать страхи как детерминанту только деструктивных форм поведения (агрессии, насилия, дезадаптации и пр.) – они могут выступать и в подобном качестве (особенно в целях политической пропаганды), но нас интересуют в доминантном модусе своего функционирования – как характеристики массового сознания.

Сконструированный нами в 2013 году опросный инструментарий был призван решить следующие задачи: выявить смысложизненные приоритеты студенческой молодежи (базовые ценности и трактовки жизненного успеха); определить ключевые страхи студента (в сфере трудоустройства, материального достатка, личной жизни, здоровья, учебы); оценить общий уровень тревожности молодежи; выявить предпочитаемые респондентами стратегии преодоления дискомфортных ситуаций и обозначить факторы, обуславливающие состояние тревоги (например, источники информации об угрозах). Ниже представлены результаты анкетирования выборочных совокупностей студенчества в Москве и в Пекине (их последовательность отражает тематическую структуру анкеты): они носят описательный характер, поскольку сложность предметного поля не дает возможности иных форматов аналитической отчетности, и наши китайские коллеги работают преимущественно с «линейками».

Итак, весьма удручающими оказались оценки студентами своего эмоционального состояния за последний месяц (Рис. 1): если сложить доли постоянно испытывающих беспокойство и напряжение (15% российских респондентов и 12% китайских) и иногда ощущавших озабоченность и опасения (34% и 57%), то мы получим половину московской выборки и чуть меньше двух третей пекинской. Практически не ощущавших тревогу среди россиян больше (40% против 26%). Если студенты испытывают сильный страх или тревогу, то

обращаются за советом/поддержкой/утешением к родным и близким людям (46% российских респондентов и 50% китайских) или друзьям (44% и 51%), каждый пятый «ждет, когда само пройдет» (22% и 17%).

Рисунок 1. «Оцени свое основное эмоциональное состояние за последний месяц»

«Нормальная» амбивалентность российского молодежного самосознания проявляется в том, что 50% указали, что за последние несколько месяцев им случалось радоваться своим успехам, а 47% – что испытывали усталость и безразличие (Табл. 10). Блок остальных позитивных эмоций представлен более консолидировано (вариации значений от 21% до 32%), тогда как негативные эмоции демонстрируют больший разброс, и зависть в этом списке явный аутсайдер.

Таблица 10

«Случалось ли тебе за последние несколько месяцев»	Условный позитив Россия	Условный позитив Китай	Условный негатив Россия	Условный негатив Китай
Радоваться успехам	49,5%	38,3%		-
Чувствовать, что тебе все удастся	32,2%	33,9%		
Чувствовать себя свободным	29,5%	17,1%		
Испытывать абсолютное счастье	28,3%	35,3%		
Ощущать уверенность в завтрашнем дне	20,8%	22,1%		
Ощущать усталость, безразличие	-		46,6%	33%
Чувствовать обиду			29,5%	16,6%
Ощущать озлобленность, агрессивность			26,7%	8,9%
Чувствовать одиночество			24,6%	28,8%
Ощущать растерянность			22,6%	29,1%
Испытывать страх			17,5%	9,9%
Чувствовать отчаяние			14,5%	11,5%
Испытывать зависть			7,9%	8,2%

О схожести самоощущения российских и китайских студентов можно говорить в том смысле, что блок позитивных эмоций представлен более консолидировано (хотя китайские респонденты реже чувствуют себя свободными и радуются своим успехам, но чаще испытывают абсолютное счастье), чем блок негативных (китайские респонденты реже чувствуют усталость/безразличие, обиду, агрессию и страх). Принципиальные различия студенческих групп формируют два параметра:

во-первых, «градус» эмоциональности российских респондентов явно выше, особенно в выражении негативных эмоций (ни один вариант ответа на данный вопрос не набрал в пекинской выборке 40% и доля выбирающих множество вариантов здесь ниже); во-вторых, китайские респонденты реже выбирают негативно коннотированные и активно-личностные эмоциональные состояния, поэтому у них трое аутсайдеров – страх, зависть и озлобленность/агрессивность (различие в три раза, видимо, обусловлено тем, что «агрессивный» в русском языке имеет и позитивную окраску – хорошими считаются «агрессивная реклама», «агрессивный стиль вождения» и пр.).

«Контекст» опроса (анкеты раздавались в вузах), несомненно, оказал влияние на сферу негативных переживаний: каждый второй утверждал, что таковые у него были в основном связаны с учебой. Затем «зоны» негативных эмоций расходятся: примерно у каждого третьего россиянина они связаны со всем остальным, т.е. с семьей, друзьями, работой и здоровьем (в вопросе использовался набор дихотомических шкал); тогда как у 41% пекинских студентов – с друзьями, у каждого третьего – с работой/трудоустройством, у каждого пятого – со здоровьем, у 15% – с семьей.

Интересно совпадение двух выборок не только по параметру переживаний, связанных с учебой, но и с негативными эмоциями в сфере трудоустройства, хотя среди московских студентов работающих или подрабатывающих 60%, а среди пекинских – 90% (впрочем, китайские коллеги объединили два вопроса российской анкеты в один, поэтому оценить долю работающих китайских студентов сложно). Основной критерий поиска места работы у россиян – возможность ее совмещения с учебой (46%), каждый пятый назвал связь работы с получаемой специальностью, ее интересность и уровень заработной платы. В китайской выборке модель распределения приоритетов оказалась такой же, хотя мотив совмещения работы с уче-

бой набрал меньше ответов (36%). Те студенты, что не работают и не подрабатывают, в России аргументируют это тем, что не могут совмещать работу и учебу (33%), или же акцентируя приоритетность учебы по сравнению с трудоустройством в текущий момент (38%). У китайских студентов основным мотивом отказа от трудоустройства стало, с одной стороны, то же соображение о невозможности совмещения работы и учебы (28%), и каждый пятый акцентирует приоритетность учебы, с другой стороны – неудачный опыт поиска работы (26% не смогли найти работу, в которой бы их все устраивало).

Что касается ожиданий на будущее, то большинство надеется возглавить коммерческую организацию – в качестве владельца (37% российских респондентов и 27% китайских) или руководителя. Различия по остальным вариантам карьеры незначительны (Табл. 11): китайские студенты чаще хотели бы стать руководителем в государственной организации, работать в коммерческой организации или в свободном режиме на дому, и расхождения с российской выборкой связаны с меньшим числом надеющихся вообще не работать или пока не представляющих своего будущего.

Таблица 11

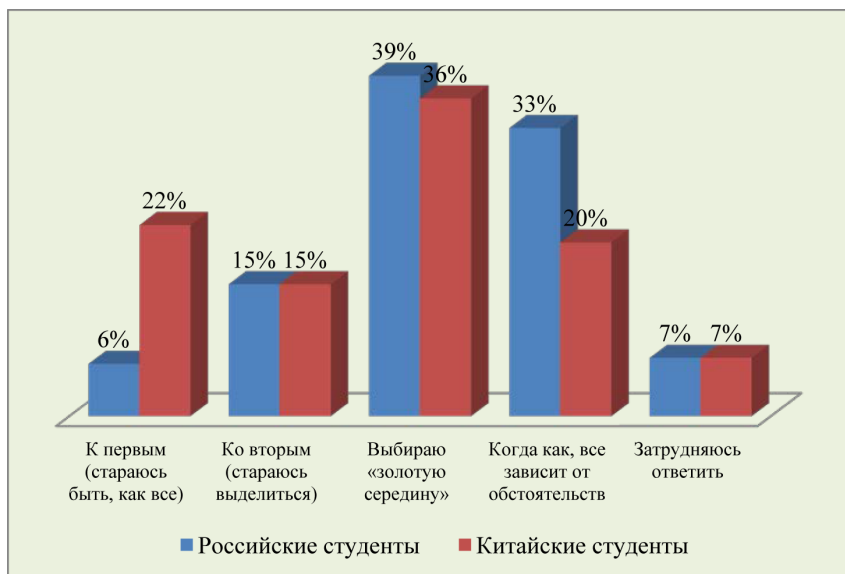
«В будущем ты надеешься:»	Россия	Китай
Стать хозяином бизнеса	36,8%	26,9%
Стать руководителем в коммерческой организации	16,1%	16,8%
Стать руководителем в государственной организации	8,9%	13,3%
Работать в коммерческой организации	9,9%	12,8%
Работать в госорганизации	7,6%	8,2%
Работать в свободном режиме или на дому	14,3%	19,3%
Не работать вообще	5,8%	1,2%

Для снижения «негативности» восприятия инструментария, прежде чем задавать вопросы о страхах и опасениях, в анкету были включены нейтральные вопросы об учебе. Так, абсолютными лидерами среди продолжений фразы «Обучение в университете для тебя, в первую очередь...» у российских студентов стали: возможность стать квалифицированным специалистом, получить «корочку», необходимую для трудоустройства, и знания, необходимые для жизни, – они набрали по 44% и говорят о прагматичном восприятии высшего образования, хотя ненамного отстает от них вариант «возможность саморазвития и самореализации». Несколько иную лидерскую «тройку» мы наблюдаем у китайских студентов: возможность получить знания, необходимые для дальнейшей жизни (52%), и «корочку» (43%) сохранили свои позиции, но третьим «лидером» оказались возможности саморазвития и самореализации (48%), тогда как значимое для московских студентов стремление стать квалифицированным специалистом разделяет лишь каждый десятый пекинский респондент (этот мотив оказался эквивалентен трактовке обучения в университете как приятного способа времяпрепровождения и даже шанса заключить удачный брак).

Различия в оценке роли обучения не влияют на учебу: 41% российских и 45% китайских респондентов уверены, что «учатся нормально, могли бы и лучше, если бы захотели», каждый четвертый «старательно учит только то, что может пригодиться в дальнейшем, и забывает на остальное», каждый пятый утверждает, что учеба в университете складывается у него «здорово – впитывает знания, как губка, и учится легко». Основная сложность для российских студентов – все успевать (43%), затем «досдавать долги» (27%), «выступать перед аудиторией» (отвечать на семинарах, делать доклады

и пр.) и «писать контрольные работы» (аттестации, рефераты, курсовые и пр.) (по 20%), «получать плохие оценки» (15%); лишь каждый десятый считает, что ничего сложного в учебе нет, а потому «учится легко и с удовольствием». К сожалению, наши китайские коллеги, несмотря на то, что итоговый текст анкеты был согласован сторонами, убрали из данного вопроса вариант ответа «все успевать», поэтому сравнивать результаты некорректно. Лидером измененного списка ответов в китайской выборке стали выступления перед аудиторией (32%), затем идут плохие оценки (23% против 9% в Москве), «общение с преподавателями», которое назвал каждый пятый респондент наряду с подготовкой домашних заданий и досдачей долгов. Кроме того, в китайской версии анкеты в вопрос был добавлен вариант «все хорошо», в результате чего доля тех, у кого «все хорошо», составила 23% (если учитывать здесь и тех, кто не видит в учебе ничего сложного и «учится легко и с удовольствием»).

В варианте о выступлениях перед аудиторией был, по сути, заложен переход к следующему тематическому блоку анкеты, в котором студентам предлагалось оценить свое социальное самочувствие и высказаться о значении для себя публичной сферы жизни. Среди российских и китайских студентов оказалось примерно одинаковой доля считающих себя социальными конформистами, но не забывающих о самореализации (39% и 36% соответственно), стремящихся выделиться (по 15%) и затруднившихся охарактеризовать себя в заданных координатах (Рис. 2). В России больше (33% против 20%) ситуационно ориентирующихся в жизненных реалиях, тогда как в Китае – социальных конформистов, стремящихся быть, как все (22% против 6%).

Рисунок 2. «Одни люди боятся быть не такими, как все. Другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому ты бы отнес(ла) себя?»

Жизненный успех для студентов – прежде всего, семейное благополучие (примерно по 60%), по остальным критериям респонденты расходятся: у российских студентов на втором месте оказались материальный достаток/богатство (47%) и творческая самореализация (44%), за которыми следуют карьерные достижения (35%), а у китайских студентов семейное благополучие делит первенство с творческой самореализацией (59%), а уже за ними со значительным отрывом следуют материальный достаток, богатство и карьерные достижения (их назвал каждый третий). Иными словами, наблюдается сложный комплекс параметров самооценки себя как успешных людей, но для китайских студентов сфера личной жизни и самореализации более значима.

Уже по распределению ответов на этот вопрос можно прогнозировать достаточно высокий уровень тревожности студенчества, поскольку достичь всех элементов успеха в современном обществе сложно, даже учитывая, что респондентам важно признание и уважение, в первую очередь, семьи, близких и друзей (более 60%), а собственная самооценка отстает от ближнего круга, хотя в два раза более значима в китайской выборке (15% против 29%). Чтобы достичь успеха, по мнению российских студентов, человеку, прежде всего, необходимы трудолюбие (59%), коммуникабельность (52%), целеустремленность (50%), талант, способности и оптимизм (по 41%), честолюбие и амбициозность (35%), умение идти напролом в достижении цели (34%), расчетливость (30%) и исполнительность (28%). Набор ключевых качеств успешности у китайских студентов иной: в первую очередь, оптимизм (68%), затем коммуникабельность (47%), лояльность (44%) и честность (40%), каждый третий назвал изворотливость, исполнительность, целеустремленность, искренность, независимость и талант/способности. Несмотря на различия, в обеих странах список нужных для успеха качеств получился не только внутренним, но и разномастным, поскольку сочетать в себе все эти черты крайне сложно.

Отвечая на вопрос «Представь на минуту, что на один день ты стал Президентом Российской Федерации. На решении каких проблем, наиболее важных и тревожащих именно студенческую молодежь, ты бы сосредоточился?», российские студенты вполне консолидировано назвали, по сути, объективные факторы, которые мешают им стать успешными с помощью своего трудолюбия, коммуникабельности, целеустремленности, талантов, оптимизма и пр.: отсутствие системы социальных гарантий (63%), а также блат, взяточничество и коррупцию (45%) (Табл. 12).

Таблица 12

«Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации. На решении каких проблем ты бы сосредоточился?» (в китайском варианте «Какие из следующих проблем ты бы хотел решить в первую очередь?»)	Российские студенты	Китайские студенты
Реформа социальной сферы (человек должен быть уверен, что даже старый или больной он сможет вести достойную полноценную жизнь)	63,1%	33%
Искоренение блата, взяточничества, коррупции	45%	42,9%
Сокращение бедности	41%	38,5%
Обеспечение достойного трудоустройства выпускников вузов	33,5%	43,7%
Реформа правоохранительных органов для обеспечения безопасности	32,7%	31,3%
Повышение стипендий до прожиточного минимума	26,3%	17%
Обеспечение равных возможностей всех молодых людей в получении высшего образования	20,3%	33,1%

Китайские коллеги, видимо, решили снизить проективность вопроса и сместить его с общегосударственного уровня, в результате чего приоритетами (примерно по 40%) стали обеспечение достойного трудоустройства выпускников вузов, искоренение блата, взяточничества и коррупции и сокращение бедности (последние два параметра одинаково важны для российских и китайских респондентов), тогда как реформа социальной сферы называлась в два раза реже (это может быть связано не столько с изменением инструментария, сколько с давним отказом государства в Китае от многих форм со-

циальной поддержки). Учитывая, что для российского общества в последние годы характерен «демографический провал», и возможности получения высшего образования практически коррелируют с числом выпускников школ, проблема доступности образования оказалась более значимой для китайских студентов (33% против 23%), а патерналистские ожидания у них представлены в меньшей степени – им важнее помощь в трудоустройстве, чем повышение стипендий).

Для «диагностики» ключевых страхов студентов в анкете был задан вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаясь больше всего?», распределение ответов на который в российской выборке сложно назвать непредсказуемым, и варианты можно условно сгруппировать в несколько тематических блоков (примем во внимание только набравшие более 15% – Табл. 13): боязнь одиночества, неизлечимой болезни, безработицы и бедности, денежной работы без самореализации, а также разочарований – в профессии/деле/любимом человеке/учебе. За исключением разочарования в учебе и в любви, по долям (более 15%) данный набор страхов является общим для российских и китайских студентов, однако прослеживаются и различия: китайские студенты, видимо, более фаталистичны, поэтому в два-три раза реже опасаются заболеть неизлечимой болезнью или остаться бездетным, меньше страшатся одиночества и потери близких, но больше – отсутствия финансовых возможностей жить так, как они хотят (в том числе безработицы).

Таблица 13

«Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаясь больше всего?»	Россия	Китай
Потерять близких	57%	41,3%
Заболеть неизлечимой болезнью	34,4%	17,8%
Быть бездетным	31,2%	10,7%

«Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаясь больше всего?»	Россия	Китай
Оказаться одиноким человеком	30,8%	24,8%
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	27,4%	37,8%
Оказаться безработным	24,4%	30,4%
Бедности	22,8%	22,3%
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	20,8%	21,1%
Разочарования в выбранном деле/профессии	16,2%	17,6%
Неудачи в любви	15,6%	11,2%
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	14,6%	10,7%
Оказаться под следствием /в тюрьме	13,2%	8,7%
Не выйти замуж/не жениться	11,8%	11,7%
Умереть	10,8%	11,6%
Публичного унижения/оскорбления	10,4%	10,7%
Стать жертвой преступников	9,4%	11,8%
Внепланово забеременеть	7,2%	4,9%
Заболеть свиным гриппом или иной пандемической болезнью	5%	8,5%
Пойти служить в армию	3,6%	6,2%
Жизни без компьютера/Интернета	2,6%	3,8%

В значительной степени объясняет столь явно доминирующий среди российских студентов страх потерять близких распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься

столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?»
(Табл. 14).

Таблица 14

«Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями?»	Очень + немного боюсь	
	Россия	Китай
Террористические атаки	81,4%	75,4%
Разгул преступности в жизни страны	73,2%	83,6%
Коррупция и беззаконие	72,1%	96,6%
Последствия мирового экономического кризиса	69,9%	86,9%
Политический экстремизм	66,8%	70,4%
Стихийные бедствия (землетрясение, наводнение и пр.)	66,2%	90,3%
Военные действия	65,6%	74,3%
Массовая эпидемия	64,5%	87,7%
Химическое и радиационное заражение воды, воздуха	64,1%	84,2%
Экологическая катастрофа	63,5%	91,4%
Межэтнический конфликт	60,5%	77%
Ядерная война	60,5%	69,2%
Полная утрата традиций и культуры	59,2%	61,6%
Техногенная катастрофа	58%	82,5%
Вытеснение мигрантами коренного населения	54,3%	50,8%
Гражданская война	54,1%	57,2%
Революция/пугч/переворот	51,4%	75,5%
Безвластие, анархия	47,5%	54,9%
Вторжение инопланетян	21,9%	41,2%

57% опрошенных боятся потерять близких именно потому, что оценивают как высоко вероятные в нашей стране террористические угрозы (81%), разгул преступности, коррупции и беззакония (более 70%), последствия мирового экономи-

ческого кризиса, который влияет на уровень безработицы, бедности и разгул преступности (70%), политический экстремизм, стихийные бедствия, военные действия, массовые эпидемии, радиационные, техногенные и экологические катастрофы, ядерную войну (свыше 60%) и т.д.

В «репертуаре» страхов российского студенчества очевидны две крайние позиции: максимальные опасения вызывает угроза террористических атак (81%) (что объяснимо, учитывая частоту сообщений о реализованных и предотвращенных терактах в средствах массовой информации), наименьшие – вторжение инопланетян (22% против 41% китайских респондентов). Несмотря на декларируемый фатализм, уровень тревожности китайских студентов оказался выше практически по всем факторам угроз: свыше 90% боятся столкнуться с коррупцией и беззаконием, стихийными бедствиями и экологическими катастрофами; свыше 80% – с преступностью, последствиями мирового экономического кризиса и массовыми эпидемиями, в том числе в результате химического и радиационного заражения окружающей среды и техногенных катастроф; свыше 70% – терактов, политического экстремизма, революций/переворотов, военных действий и даже ядерной войны. По ряду параметров уровень озабоченности китайского студенчества выше, чем российского – как в социально-экономической сфере (97% против 71% опасаются столкнуться с коррупцией и беззаконием, 87% против 70% – с последствиями мирового экономического кризиса), так и в связи с катастрофами природно-экологического (90% против 60%), техногенного (80% против 60%), эпидемиологического (88% против 65%) и военно-политического (75% против 55%) характера.

В основном об угрозах студенты узнают из Интернета, который относительно давно стал безусловным лидером молодежного рейтинга источников информации и сфер досуговой деятельности, а также из телевизионных передач, т.е. угрозы

имеют медийный формат, а не статус реально актуализированных. Ближний круг общения играет менее определяющую роль, поскольку различные его «участники» набрали в данном вопросе от 16% до 27% (Табл. 15). В целом следует отметить «традиционализм» китайской молодежи в выборе источников информации: меньше студентов пользуется Интернетом, предпочитая традиционные медиа (телевидение, радио, газеты и журналы) и коммуникативные каналы (общение со сверстниками и разговоры). Лишь каждый пятый российский и каждый седьмой китайский респондент уверенно заявил, что после просмотра информационных и аналитических сообщений у него не возникает чувство тревоги – каждый десятый испытывает его практически всегда, свыше 70% – иногда.

Таблица 15

«В основном о перечисленных выше угрозах ты узнаешь»	Российские студенты	Китайские студенты
Из Интернета	84,3%	72,6%
Из телевизионных передач	54,3%	64,2%
От родственников, друзей	27%	21%
Из разговоров со сверстниками	24,4%	35,1%
Читая газеты, журналы	22,2%	42,3%
Из разговоров с людьми старших поколений	19,7%	16,1%
Из радиопередач	15,2%	30%
От случайных людей (например, в общественных местах)	10,8%	17,1%

Тем не менее, некорректно утверждать, что при высоком уровне тревожности российское и китайское студенчество отличает пессимизм и безрадостный настрой, хотя различия молодежи двух стран значительны. Как и во многих российских опросах, в самооценках и в восприятии окружающих

реалий студенты не склонны высказываться консолидировано – выборка распадается на три условные совокупности: треть (31%) затруднилась однозначно оценить наметившиеся векторы изменения жизни в стране за последнее время (среди китайских респондентов – 21%), 35% считают, что она вообще не меняется, а 26% склонны фиксировать ее изменения в худшую сторону (считают, что она становится все лучше и безопаснее, 8%). Однако с тревогой и неуверенность в будущее смотрит 16% российских студентов – 37% скорее с надеждой и оптимизмом, 42% спокойно, но без особых надежд и иллюзий, т.е. говорить о доминирующем трагически-безрадостном настрое нельзя. Еще более оптимистичное восприятие действительности демонстрируют китайские студенты: более половины (59%) убеждены, что жизнь в стране становится лучше, ухудшения отметили 7%, отсутствие изменений – 13%. Впрочем, позитивное восприятие реалий не повлекло за собой существенного по сравнению с российской выборкой перераспределения ответов на вопрос, как студенты смотрят в будущее: 12% – с тревогой и неуверенностью, 33% – спокойно, 48% – с надеждой и оптимизмом (т.е. «надеющихся» несколько больше, чем «спокойных», в отличие от московской выборки).

Вероятно, подобный уровень спокойствия в оценке будущего на фоне высокой озабоченности перспективами личного столкновения с огромным спектром угроз, объясняется тем, что большая часть страхов и опасений личного характера (бедность, одиночество, нереализованность и пр.) еще не вполне актуальна для молодежи, а социально-политического и стихийно-катастрофического характера – воспринимается как неотвратимая неизбежность благодаря постоянному и потому рутинизирующему страху медийному «шуму». Это подтверждает и самооценка респондентов: треть российских и каждый второй китайский студент квалифицируют себя как оптими-

стов (30%), реалистов (33% и 18%) или «ситуационистов» (26% и 13%), тогда как пессимистами себя назвали 4% и 9%. Большие опасения социально не состояться испытывают китайские студенты: иногда боятся, что могут стать неудачниками, 39% россиян и 61% китайцев (часто – 4% и 17%), тогда как категорически исключают для себя эту возможность 41% и 12%, причем в целом довольны своей жизнью 64% российских студентов и 70% китайских, недовольны – 8% и 15% (29% и 10% затруднились высказаться по этому вопросу однозначно). Вероятно, некоторую амбивалентность в ответах китайских студентов, которые декларируют и большой оптимизм, и больше опасений в отношении собственного будущего, можно объяснить устойчивыми социокультурными трактовками «нормального» поведения: в российском обществе принято преуменьшать и замалчивать реальные достижения и опасения, тогда как в китайском – скорее трезво оценивать свои шансы, в целом надеясь на позитивное развитие событий.

«Статус» института семьи и семейно-брачные ценности молодежи в сравнительном контексте

Вряд ли в современном мире есть понятие столь же важное, сколь и дискуссионное, как семья в самом широком смысле слова – совокупность супружеских, родительских, дружественных и прочих отношений. На протяжении десятилетий ученые, публицисты, журналисты, да и все мы в повседневной жизни постоянно ведем споры о том, какой должна быть семья по составу, распределению ролей, внутренним отношениям и критериям родства, и точки зрения здесь полярны – от идеалистичного восприятия семьи в социально-конструктивистском смысле (результат договоренностей людей, которые могут быть не связаны ни биологическим, ни юридическим

родством) до алармистских суждений о кризисе или исчезновении семьи в силу утраты основополагающих функций базового социального института, выполняемых в прежних типах общественных систем.

Признавая в какой-то мере бесспорность аргументов представителей обеих позиций, следует все же уточнить, что самые пессимистические оценки и прогнозы сконцентрированы на теоретическом уровне научных обобщений, тогда как в эмпирических исследованиях, когда люди отвечают на конкретные вопросы о родительской и собственной семье, нынешние социальные реалии не предстают кризисными и свидетельствуют о воспроизводстве традиционных паттернов даже у самых молодых поколений. Безусловно, указанное разведение теоретического и эмпирического уровней носит условный характер, поэтому поясним, что имеется в виду, обозначив сначала основные траектории концептуальных поисков по семейной проблематике, а затем представив результаты ряда эмпирических проектов, реализованных Социологической лабораторией РУДН в сотрудничестве с нашими чешскими, китайскими и казахстанскими коллегами.

Бесспорно, на протяжении всей социальной истории семья играла принципиально важную роль в жизни каждого человека и различных групп и сообществ. Социальные антропологи определяют семью как исторически базовый социальный институт, возникший примерно 500 тысяч лет назад и постепенно эволюционировавший к своим современным формам (полигамия, полиандрия, моногамия и т.д.), хотя и до «изобретения» семьи люди жили вместе, производили потомство, вели совместную деятельность в определенной системе эмоциональных связей. И хотя «та» протосемья существенно отличается от привычного нам образа семьи, отрицать факт наличия в ней неких семейных отношений вследствие кровно-биологических связей «родитель-ребенок» нельзя. Семья –

«основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью»,²⁵⁵ поэтому зарождение научного анализа семьи и брака датируется работами древнегреческих философов Платона и Аристотеля, которые предложили «патриархальную» трактовку семьи (как микромоделю патриархального общества), доминировавшую до середины XIX века.

«Качество» выполнения семьей своих функций зависит от целого ряда факторов, начиная с внешних – социального окружения – и заканчивая психологической обстановкой внутри семьи, однако немаловажную роль играет и форма брака – некая общественная санкция, задающая формат семейных отношений.²⁵⁶ Брак в этом смысле претерпевает изменения вместе с обществом, которое посредством брака упорядочивает и санкционирует права и обязанности людей в рамках семьи – супружеские, родительские и пр. Так, сегодня браки возможны между людьми одного пола,²⁵⁷ в ряде обществ разрешены полигамные браки и т.д.

Можно выделить следующие виды современных браков²⁵⁸: официально зарегистрированный; консенсуальный – незарегистрированный по обоюдному согласию; религиозный (церковный) – совершенный по религиозным обрядам и освященный церковью; однополый; фиктивный – мнимый, выдаваемый за действительный). Это все моногамные союзы двух людей, но возможны и союзы между одним мужчиной и несколькими женщинами – полигиния (разрешена в некоторых государствах исламского мира и ряде немусульманских стран Африки), по-

---

²⁵⁵ Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 562.

²⁵⁶ Холостова Е. И. Семьеведение. М., 2012. С. 17.

²⁵⁷ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 601–602.

²⁵⁸ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эрозия в современных обществах. СПб., 2004.

лиандрия – когда одна женщина имеет несколько мужей (например, у народов Тибета и Гавайских островов), полигинандрия – групповой брак, объединяющий двух или более мужчин и двух или более женщин.²⁵⁹ Также существуют «неполные семьи», «материнские семьи», «повторные браки», «семьи с неродными родителями», «браки с раздельным проживанием супругов», конкубинат (сожительство мужчины и женщины без заключения брака), суаньянтаж (союз замужней женщины с холостым мужчиной, приводящий к рождению ребенка).

Сегодня расширился «репертуар» не только браков, но и отношений внутри семьи. Так, если в России в конце XIX века основной задачей мужчины считалось обеспечение дома, женщины – рождение и воспитание детей, и огромную роль в жизни семьи играла православная церковь, которая задавала ее нравственные императивы,²⁶⁰ то сегодня женщина не только занимается домашними делами, рождает и воспитывает детей, но и, как ее муж, работает, строит карьеру, нередко бывает основным «добытчиком»; в целом в развитых обществах снизилась роль религии и традиционных семейных ценностей.²⁶¹ «Материальный достаток, мотивация на карьеру как мужчин, так и женщин, удлинение сроков образования, повышение эффективности контрацепции, а значит, и планирование рождаемости – все это снизило значимость взаимоотношений родителей и детей. Тому же, впрочем, способствует и передача основной части забот о подрастающем поколении внесемейным воспитателям: ребенок проводит большую часть года в школе, а лета – в лагере».²⁶²

---

²⁵⁹ Терехин А. Т., Будилова Е. В., Карпенко М. П. Глобальные тенденции изменения брачности населения // Народонаселение. 2005. № 3. С. 119.

²⁶⁰ Костикова Е. В. Введение в гендерные исследования. М., 2005. С. 132.

²⁶¹ Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 29.

²⁶² Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 110.

Все это порождает кризис семьи, о котором писал еще П. А. Сорокин. Одно из его проявлений – модель «семья-клуб»: супруги не претендуют на великую любовь, а ищут согласия, балансируют между фрустрацией и удовольствием и все решения принимают в ходе переговоров; ребенок – партнер, обладающий определенными правами, от которого ждут «воздаяния»; семья существует до тех пор, пока один из супругов не нарушит лежащий в ее основе контракт, однако разрыв не воспринимается как крах – это возможность, предусмотренная условиями контракта, поэтому нет разницы – зарегистрированный брак или «свободный союз». Помимо форм брака изменились и факторы, влияющие на решение вступить в брак: прежде значимую роль играли социальный статус, религиозная принадлежность, материальное положение и т.д., сейчас нарастает тенденция к заключению брака «по любви», без ограничений по признаку расы, национальности или религии.

Многообразие трансформаций, переживаемых семьей, привело к тому, что в научном и публицистическом дискурсах доминируют не ответы и оценки, а вопросы о будущем семьи. Одни ученые убеждены, что нынешние процессы приведут институт семьи к полному краху; другие, наоборот, видят в них предвестников очередной трансформации форм семьи и брака. Как правило, в качестве аргумента представители второй точки зрения приводят результаты опросов, согласно которым, несмотря на разнообразие реальных воплощений брачно-семейных моделей, представления людей о нужном, важном и должном в этой сфере остаются весьма традиционными. Так, в 2015 году каждый второй россиянин считал идеальным возрастом вступления в брак – 18–24 года, каждый третий – 25–29 лет²⁶³; мотивы вступления в брак – «чтобы были дети, продолжился род» (60%), «чтобы рядом был человек, который тебя поймет и поддержит в любой жизненной

²⁶³ Жениться позже, чтобы помогать друг другу по хозяйству // http://romir.ru/studies/707_1442264400.

ситуации» (43%), «чтобы был уютный дом, благоустроенный быт» (38%), «чтобы чувствовать себя нужным кому-то, иметь возможность о ком-то заботиться» (36%), «чтобы не расставаться с любимым человеком» (31%).²⁶⁴ Модель семьи, в которой мужчина играет роль добытчика и кормильца, а женщина – домохозяйки, хранительницы очага, не утрачивает популярности: большинство поколений считают ее идеальной и стремятся воплотить в собственной жизни. Семья с большим отрывом лидирует среди значимых для россиян ценностей: за четверть века «значимость всех жизненных целей выросла, однако главными по-прежнему остаются семья, дети и здоровье» – подавляющее большинство (свыше 90%) считает своими первостепенными жизненными задачами создание семьи (94%), воспитание детей и обеспечение их будущего.²⁶⁵

Несомненно, столь важное значение семьи не является специфической особенностью российского общества, о чем свидетельствуют результаты опросов, реализованных на выборах студенчества трех столиц – России, Чехии, Казахстана и Китая – в 2015–2016 годах (в каждом городе было опрошено около 1000 человек, основным критерием отбора респондентов был «статус» студента столичного вуза и гражданство страны, поэтому в Москве и Пекине выборки состояла из студентов столичных вузов, а в Астане и Праге – из студентов главного вуза страны). Понимая ограничения подобного сравнительного проекта и кросскультурных исследований в принципе (несмотря на более чем вековую историю и богатый арсенал методических решений в рамках количественного и качественного подходов, здесь остается множество нерешенных вопросов, касающихся обеспечения эквивалент-

---

²⁶⁴ Брак в России: вчера и сегодня // <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214>.

²⁶⁵ Что в жизни главное? Пресс-выпуск № 2770 // <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141>.

ности данных), с учетом корректного перевода инструментария и достижения социологическим сообществом консенсуса относительно «алгоритма» согласования процедур сбора, обработки, анализа и презентации данных сравнительных исследований, можно говорить о сопоставимости полученных данных для характеристики мировоззренческих доминант студенческой молодежи трех стран.

В рамках проекта было использовано две анкеты: «Ценностные ориентации студенчества» с соответствующим тематическим блоком по семейно-брачной проблематике и «Страхи, надежды и опасения современного студента», где таковая была введена в закрытия ряда вопросов. Представления и реалии российской молодежи в семейно-брачной сфере оказались ближе чешской, а не казахстанской ситуации. Так, все время росли в семье с обоими родителями по 62% российских и чешских респондентов и 84% казахстанских; часть детства/юности провели в семье с одним родителем 23% российских студентов, 32% чешских и 8% казахстанских, все время росли в семье с одним родителем – соответственно, 13% российских и по 4% чешских и казахстанских студентов. На момент опроса российские студенты проживали с родителями (37%), одни (25%) или с друзьями (22% – в общежитии или в съемной квартире). Среди казахстанских студентов эти пропорции сместились в пользу проживающих с друзьями (46%) за счет проживающих с родителями (19%), а на третьем месте оказался вариант «с родителями и/или другими родственниками» (17%), что, вероятно, свидетельствует о большем распространении в Казахстане и расширенных семей, и родственной поддержки (когда долговременный приют предоставляется даже дальним родственникам). Большинство чешских студентов проживают с родителями (56%) (что не следует интерпретировать как свидетельство большей близости отношений – в такой маленькой стране, как Чехия, основная доля

студентов – жители Праги и пригородов, тогда как в Москве и Астане разброс регионов выезда студентов в столицу огромен), 12% – с партнером/партнершей, 12% – с супругом(–ой) и ребенком (детьми).

Ответы на вопрос «Вы состоите в браке?» в российской выборке распределились следующим образом: не состоят в отношениях 58%, не живут вместе, а просто встречаются 27%, живут в гражданском браке 10%, состоят в официальном браке 6%. В казахстанской выборке по 4% респондентов состоят в официальном или гражданском браке, не состоят в отношениях 73%, состоят – 19%. В чешской выборке распределение ответов оказалось иным – просто встречается 43%, не состоят в отношениях 41%, живут в гражданском браке 15%, состоят в официальном браке менее 1%.

Интерпретировать эти данные сложно, но напрашивается вывод, что поступление в высшее учебное заведение в Чехии, видимо, рассматривается как зрелость, поэтому больше чешских студентов состоят в отношениях и в гражданском браке (но не в официальном браке, вступление в который в западных странах сегодня сдвигается к тридцатилетнему рубежу), тогда как в России и Казахстане студенты, вероятно, придерживаются характерного для их родителей представления, что получение высшего образования – не признак зрелости, а жизненный проект на пути к ней, и для эффективного прохождения данного жизненного этапа следует сфокусироваться на учебе и будущей карьере, а не на любовных отношениях и тем более семейно-брачных обязанностях. Отчасти это подтверждает распределение ответов на вопрос, когда студенты планируют официально оформить отношения: на первом месте во всех странах оказался вариант «когда стану финансово независим(а)» (Россия – 32%, Казахстан – 36%, Чехия – 34%), на втором – «пока еще не задумывался над этим» (27%, 21% и 31%), однако на третьем месте в российской и казахстанской

выборках вариант «как только закончу вуз» (по 17%), т.е. один жизненный проект, прежде чем приступить к реализации следующего (создание семьи), тогда как у чешских студентов – вариант «никогда – не вижу необходимости официально оформлять наши отношения» (13%), т.е. вполне западный паттерн.

Относительно желаемого количества детей мнения респондентов несколько разошлись, и по распределению ответов российская молодежь оказалась ближе чешской, воспроизводя западный тренд на малодетность. Так, в Москве каждый пятый пока не определился с желаемым количеством детей, каждый третий хотел бы иметь двух детей, 17% – трех; в Чехии более половины ориентированы на двухдетную семью (55%) или однопдетную (17%), а каждый десятый декларирует ориентацию на бездетность (11%) (в российском обществе она жестко порицается). Казахстанская молодежь ориентирована на многодетность: 39% студентов хотят иметь трех детей, 29% – больше трех, хотя много и не определившихся (16%), что, видимо, объясняется контекстом опроса – получение высшего образования открывает перед девушками (речь о них, потому что рождение ребенка неизбежно выбивает женщину из рабочего графика) больше карьерных возможностей, чем лишь хранение домашнего очага, однако устойчивые традиционные представления о должном репродуктивном поведении женщины могут противоречить личным карьерным устремлениям.

В тяжелые моменты жизни студенты обращаются за помощью и поддержкой, прежде всего, к родителям – 79% чешских респондентов (19% – к родственникам), 67% казахстанских (24%), 61% российских (26%). Здесь также следует быть осторожным в интерпретациях: большее количество обращающихся за помощью к родителям в чешской выборке вряд ли объясняется более высокой привязанностью и степенью доверия – скорее более зрелыми отношениями, тогда как в более «традиционных» российском и казахстанском обществах все

еще срабатывает стереотип «лишь бы мама/папа не узнали», поэтому в случае возникновения проблем проще и безопаснее с точки зрения родительских санкций обращаться за помощью к родственникам, которые не только помогут, но и «подготовят» родителей. Эту версию подтверждают доминирующие во всех трех странах позитивные оценки студентами своих взаимоотношений с родителями, хотя между выборками есть различия в «оттенках» этих отношений. В Чехии и Казахстане лидирует характеристика «у нас полное взаимопонимание, мы очень хорошо ладим друг с другом» (хотя и с очень разными долями – 44% и 76% соответственно), на втором месте – «отношения теплые, дружеские» (41% и 22%). В России соотношение двух вариантов меняется – как теплые и дружеские свои отношения с родителями квалифицирует 47%, как полное взаимопонимание – 36%. Впрочем, примерно равные доли респондентов (почти каждый второй) во всех трех странах ориентированы воспитывать своих детей примерно так же, как воспитывали их.

Отвечая на вопрос «За кого, в первую очередь, Вы чувствуете свою ответственность?», респонденты выбирали преимущественно три варианта: «только за себя», «за свою семью и близких» и «за друзей», хотя соотношение ответов в выборках различаются. Так, ответственность только за себя лидирует в Чехии с большим отрывом (96%), далее идет ответственность за семью и близких (55%) и за друзей (21%), т.е. модель мировосприятия эгоцентрична, с фокусом на ближайшем семейном круге. В Казахстане и России столь же безусловным лидером оказалась ответственность за семью и близких (86% и 76%), за ней с огромным отрывом идет ответственность только за себя (30% и 39%) и за друзей (24% и 31%), т.е. жизненный мир казахстанской и российской молодежи сосредоточен на круге близких людей. Позиции российской молодежи здесь вновь неоднозначны: с одной стороны, россияне столь

же «традиционны», как их казахстанские сверстники, в плане ощущения ответственности за родных и близких; с другой стороны, они чаще говорят об отсутствии взаимопонимания с родителями – видят в этом острую проблему лишь 3% казахстанских респондентов, но 18% российских (этот показатель превышает чешский – 11%).

Признание такого круга людей, как семья, близкие и друзья крайне важно для всех студентов – российских (50%), казахстанских (72%) и чешских (81%), за ним с серьезным отрывом следует «только собственная самооценка» (Россия – 15%, Казахстан – 21% и Чехия – 61%) и «широкий круг знакомых» (по 14% в России и Казахстане и 11% в Чехии). Видимо, студенческая молодежь рассматривает в качестве референтной группы лишь очень близкий круг, включая себя, а в Чехии самооценка по значимости равноценна признанию значимых других из ближайшего социального круга, тогда как в Казахстане и России более сильны традиционные представления, что внешнее признание важнее самооценки. Это подтверждает и распределение ответов на вопрос «Для Вас лично успех – это, прежде всего,...?»: чешские студенты на первое место поставили не только семейное благополучие (58%), как их российские (53%) и казахстанские (63%) сверстники (все прочие варианты жизненного успеха следуют за семейным благополучием с большим отрывом), но и творческую самореализацию (60% – против 42% в российской и 33% в казахстанской выборке), т.е. эгоцентричное мировосприятие в большей степени характерно для чешских студентов и соответствует «западной» модели, тогда как более традиционные российское и казахстанское общества все еще не мыслят идеальный жизненный путь лишь как самореализацию. Соответственно, для большинства чешских студентов наиболее приемлема равноправная модель распределения ролей в семье, где оба супруга работают (68%), а не традиционная – когда мужчина обеспе-

чивает семью, а женщина занимается домашним хозяйством (счел ее приемлемой лишь каждый десятый).

По последнему пункту мы не можем охарактеризовать предпочтения российской и казахстанской студенческой молодежи, потому что соответствующий вопрос им не задавался, а в анкету чешского опроса был добавлен целый тематический блок, посвященный семье и браку. Если в Астане российский вариант анкет был подвергнут незначительным правкам – форматированию и сокращениями, то в чешский вариант анкеты были внесены и содержательные изменения. Так, отвечая на вопрос «Насколько для Вас важны хорошие отношения в семье?», большинство чешских респондентов ответило, что «очень важны» (70%) или «скорее важны» (21%), т.е. семья с эмоциональной точки зрения для чешских студентов, несмотря на эгоцентричное мировосприятие, предельно важна. С утверждением, что «на первом месте для меня семья» выразили согласие 89%, друзей назвал более важными, чем семью, каждый третий. С высказыванием «семья поддерживает меня в наиболее важных решениях» выразили согласие 76% чешских студентов, и пожертвовать ради семьи карьерой в случае необходимости готовы 65%.

Значение семьи для российских и казахстанских студентов измерялось и негативно эмоционально нагруженными вопросами. Отвечая на вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего Вы опасаетесь больше всего?», студенты называли, в первую очередь, потерю близких» (50% в Москве и 45% в Астане), а среди прочих страхов также преобладают связанные с семейной (в широком смысле) жизнью: «быть бездетным» (27% и 19%), «оказаться одиноким человеком» (24% и 19%), «неудачи в любви» (22% и 9%), «не выйти замуж/не жениться» (14% и 12%) и др.

Таким образом, говорить о кризисе традиционных семейных ценностей и тем более о крахе семьи как социального института, якобы постепенно и неотвратимо прекращающего

выполнять свои важнейшие функции, сегодня неверно. Действительно, семья претерпевает серьезные трансформации, радикальность которых может иметь разный вектор (от архаизации в ряде регионов исламского мира до рационально мотивированного отказа от семьи и детей в западных странах), однако опросы молодежи, получающей высшее образование в столицах трех государств (т.е. речь идет о когорте, прилагающей серьезные усилия для жизненного успеха), показали, что семья сохраняет для молодых поколений вполне традиционные смыслы и функции, порождая готовность воспроизводить семейно-репродуктивные паттерны родителей. Семья сохраняет для молодежи свое приоритетное значение как главная жизненная ценность, о чем свидетельствуют и приведенные выше распределения ответов, и прямой вопрос, использованный, к сожалению, только в российской анкете, где респондентам было предложено расставить понятия-ценности по степени важности для себя лично на десятибалльной шкале (хотя респонденты часто превращают данную ранговую шкалу в оценочную, уравнивая по значимости сразу несколько понятий, с чем приходится мириться): на первое место по значимости в своей жизни семью поставили 62% опрошенных, на второе – 18%.

Что касается китайского общества, то, согласно статистическим данным, в настоящее время типичная модель семьи в Китае – «4–2–1», т.е. две пары пожилых дедушек и бабушек, муж, жена и единственный ребенок: большинство молодых людей не приемлет такие новые типы брака, как «голая свадьба» (без покупки квартиры, автомобиля, свадебной церемонии и т.д.), «мгновенная свадьба» (женитьба ранее чем через три месяца после знакомства), семья без детей с обоими работающими супругами.²⁶⁶ В России же типичная современная семья – муж, жена и один-двое детей, причем большинство

²⁶⁶ 当代中国青年价值观调查报告 (Отчет по результатам исследования ценностей современной китайской молодежи). 人民网, 2013.

студентов (60%) убеждено, что молодая пара должна жить отдельно от родителей.

Несмотря на распространенный стереотип, что сегодня молодые люди предпочитают свободные отношения без обязательств, результаты опросов в России и Китае показывают, что семейная жизнь остается приоритетной и «естественной» для большинства респондентов. Так, согласно данным, полученным на выборах студенчества РУДН и пекинских вузов, китайские студенты связывают жизненный успех, прежде всего, с семейным благополучием (62%), далее следует творческая реализация (59%) и лишь затем, со значительным отставанием, материальный достаток (35%) и карьерные достижения (32%). Для российских студентов личный успех также связан, в первую очередь, с семейным благополучием (58%), но на втором месте оказался материальный достаток (47%) и творческая самореализация (45%). В вопросе, где китайским и российским студентам предлагалось проранжировать базовые смысложизненные ценности по степени важности, большинство респондентов поставили семью на первое место в системе личных ценностей.

Молодые китайцы убеждены, что «все люди должны вступать в брак», 99% согласны, что «хороший/счастливый брак очень важен», причем распределение ответов не выявило значимых различий по критерию пола и возраста.²⁶⁷ Схожие результаты были получены в опросе российских студентов: менее 1% не видят необходимости оформлять отношения; каждый пятый хочет заключить брак, когда станет финансово независим настолько, чтобы обеспечить свою семью; 40% планируют вступить в брак, когда будут считать себя психологически готовыми к созданию семьи, т.е. зрелость и мате-

---

²⁶⁷ 薛亚利 结婚还是不结婚? – 青年人对不婚的态度及代际比较 (Сю Яли. Жениться или не жениться? Отношение молодых людей к безбрачию сквозь призму поколенческого анализа) // 当代青年研究. 2011. № 8. С. 62.

риальная независимость – основные условия создания семьи и заключения официального брака.

Конечно, критерии выбора спутника жизни не могли не подвергнуться серьезным изменениям в китайском обществе: в конфуцианские времена ключевыми требованиями были положение в обществе, внешность и послушание невесты, уровень образования, социальный статус и достаток семьи жениха; с образованием КНР большое значение обрели политические воззрения; сегодня определяющий фактор – чувства (любовь).²⁶⁸ Опрос молодежи в возрасте от 15 до 34 лет показал, что современные китайцы в выборе спутника жизни акцентируют внимание на моральных качествах и характере (82%), мировоззрении и системе ценностей (66%) и здоровье (54%), тогда как социальный статус и материальное положение семьи не столь значимы (25% и 14% соответственно), хотя девушки больше внимания уделяют материальному положению партнера (21% против 8%), а мужчины – внешности (37% против 16%). Для российских студентов идеальный партнер – тот, кто «любит» (72%), «никогда не предаст» (56%), «которого люблю» (54%) и он «хочет создать со мной семью» (49%), «разделяет со мной общие интересы» (47%), «понимает меня с полуслова» (43%). Российские юноши также чаще, чем девушки, акцентируют внимание на внешности: 47% (против 27%) считает, что идеальная супруга должна быть привлекательной. Необходимость чувствовать себя любимым подчеркивается и китайской молодежью: 65% согласились с тем, что «если не получается найти парня/девушку, который(-ая) нравится тебе, то нужно найти того, кому ты нравишься» (18% не согласны с этим), т.е. большинство предпочтет «быть с тем, кто любит меня», а не «с тем, кого я люблю».

---

²⁶⁸ Челнокова-Щейка А. В. Трансформация семейных ценностей в современном Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 312.

Несмотря на растущую самостоятельность и независимость китайской молодежи в семейно-брачных вопросах, мнение родителей о будущем супруге все еще играет важную роль для большинства опрошенных: только 15% не считают необходимым получить согласие родителей на заключение брака.²⁶⁹ В России же 3% студентов убеждены, что следует оформлять свои отношения, только если родители одобряют брак; лишь каждый десятый уверен, что его выбор должен нравиться близким людям.

Примерно в равной степени российская и китайская молодежь не ассоциирует понятия «брак» и «любовь»: с выражением «любовь – это любовь, брак – это брак, любовь не означает брак» согласны 39%, не согласны 34% китайских студентов; каждый второй студент РУДН считает понятия любви и брака близкими, но не отождествляет их, для трети они равнозначны, а каждый десятый четко их разводит. Иными словами, студенты рассматривают любовь и брак как достаточно самостоятельные «вещи» и не считают любовь самой по себе условием вступления в брак.

Идеальный брак для китайской молодежи – один на всю жизнь, несмотря на обыденность разводов в современном обществе: 56% студентов уверены, что «брак должен быть один на всю жизнь», и отсутствие здесь различий по критериям пола и возраста свидетельствует о доминировании традиционной модели брака. Каждый второй студент РУДН идеальным браком считает тот, где между мужем и женой складываются партнерские равноправные отношения, и, как и его китайские сверстники, убежден, что женщина не должна заниматься только домашним хозяйством и детьми – у супругов должны быть общие интересы, досуг, они должны вместе решать важные вопросы. Сегодня снижается давление стереоти-

---

²⁶⁹当代大学生婚恋价值观研究 (Исследование ценностей любви и брака для современных студентов) // 中国青少年研究. 2011. № 5. С. 43–44.

па обязательности брака, которое в традиционном обществе было чрезвычайно сильным: молодые люди, вступая в брак, стремятся обрести личное счастье, под которым понимают гармоничные отношения, основанные на любви и предоставляющие возможности для развития и удовлетворения психологических и сексуальных потребностей.²⁷⁰

Вступление в брак становится все более серьезным и осознанным личным решением, что обуславливает тенденцию роста среднего брачного возраста в Китае: он составляет 27 лет для девушек и 29 лет для юношей. После введения закона о свободе выбора супруга в 1950 году вступление в брак стало свободным и добровольным, в отличие от прежних времен, когда считалось делом семейным (продолжение рода) и общественным (экономический союз между родами); политика планирования семьи рассматривала поздние браки как одну из эффективных мер сокращения рождаемости, они же привели к распространению безбрачия. С 2005 года студенты в Китае получили право вступать в брак, если достигли брачного возраста – 22 года у мужчин и 20 лет у женщин, в результате сегодня в крупнейших вузах КНР треть студентов живет парами, каждый второй уже имел подобный опыт. В России за последние десятилетия возраст регистрации первого брака вырос на три года (у мужчин с 24,4 до 27,4, у женщин – с 22,2 до 25 лет), хотя молодежь в среднем вступает в брак раньше, чем в Китае, особенно девушки (считают оптимальным возрастом вступления в брак 22–25 лет, мужчины – 25–30 лет).

Что касается желаемого количества детей, то предпочтения российских и китайских студентов совпадают – они ориентируются на двухдетную семью (40,4% и 57% соответственно), но в России чаще на втором месте желание иметь трех детей (25,1%), а в Китае – одного (35%). В этом можно увидеть эф-

---

²⁷⁰ Почагина О. В. Семья в Китае: новые формы – иные ценности // Отечественные записки. 2008. № 3.

фективность государственной политики: в Китае кампания по ограничению рождаемости оказалась успешной в том смысле, что сформировала у молодежи устойчивую ориентацию на небольшие семьи, и все больше молодых китайцев хотят лишь одного ребенка²⁷¹; в России же кампания по стимулированию рождаемости формирует ориентацию на рождение, как минимум, двух детей.

По мнению ученых, основная причина трансформации моделей демографического поведения – модернизация норм, ценностей и социальных установок в брачно-семейной сфере: прежде всего, возросла степень общественного принятия интимных отношений между людьми, не состоящими в браке. В китайском обществе сожитительство (называемое россиянами «гражданским браком») не одобряется: большинство молодых китайцев считают его подготовкой к официальному браку и способом убедиться в своем выборе; рождение ребенка в таких отношениях не допускается, несмотря на то что отношение к внебрачным сексуальным связям и рождению детей становится все более спокойным вследствие реформ открытости и идеологической эмансипации. Тем не менее, с утверждением, что «внебрачных сексуальных отношений не всегда удастся избежать, к этому нужно относиться с пониманием и терпимостью», в той или иной степени согласен лишь каждый четвертый китайский студент, каждый второй – не согласен (55%); 67% уверены, что «внебрачные отношения должны осуждаться и наказываться».²⁷² С 2000-х годов примерно 30%-40% не состоящих в браке молодых людей не осуждают сексуальные отношения до брака, тогда как в 1990-е годы доля решительно их осуждающих как «ошибочные/неправильные»

---

²⁷¹ *Cai Y.* China's below-replacement fertility: Government policy or socioeconomic development? // *Population and Development Review*. 2010. Vol.36. No.3. P.434.

²⁷² 当代大学生婚恋价值观研究 (Исследование ценностей любви и брака для современных студентов) // *中国青少年研究*. 2011. № 5. С. 45–46.

составляла 70%. Однако 78% китайских респондентов полагают, что «в гражданском браке по сравнению с зарегистрированным отсутствует чувство безопасности», 62% не считают «сожитительство хорошим способом узнать друг друга перед свадьбой», т.е., китайское общество остается достаточно консервативным в вопросах добрачных сексуальных отношений и сожитительства.²⁷³

Иного отношения к «гражданскому браку» придерживаются российские студенты – большинство воспринимает его положительно (70%), каждый второй считает сожитительство «прекрасным способом почувствовать себя семьей» (53%), 17% ценят такой вид брака за отсутствие обязательств и возможность легко уйти.²⁷⁴ Если в начале XX века сожитительство считалось неправильным и осуждалось обществом, то сегодня гражданский брак становится все более популярным: 5% студентов РУДН на момент опроса состояли в зарегистрированном браке, 8% жили в гражданском браке; каждый третий считал необходимым в перспективе зарегистрировать брак в органах ЗАГС, 17% убеждены, что можно жить и в гражданском браке. Однако другие исследования, подтверждая распространение сожитительства среди молодежи, фиксируют его временный характер: большинство молодых людей (67%) начинают отношения с гражданского брака, но 69% (как не имеющих опыт сожитительства, так и имеющих) строят планы на юридически оформленный брак.

Таким образом, на шкале ценностных приоритетов китайской и российской молодежи семья и брак сохраняют свое основополагающее значение: молодежь признает важность создания семьи и ориентируется на вступление в брак как необ-

---

²⁷³ 刘汶蓉 婚前行为和同居观念的现状及其影响因素 (Лю Вэньронг. Добрачные отношения и сожитительство: современная ситуация и факторы влияния) //青年研究. 2010. № 2. С. 28–29.

²⁷⁴ Тихомиров Д. А. Добрачные сексуальные отношения российской молодежи: проблема нормы и отклонения. М., 2010. С. 15–16.

ходимый этап жизненного пути, основанный, прежде всего, на чувствах, а не на соображениях улучшения своего социального или материального положения за счет брачного партнера, при этом, однако, не отождествляя понятия брака и любви. Поэтому у молодежи отчетливо фиксируется тенденция на откладывание официальной регистрации брака до момента обретения финансовой независимости (в том числе и благодаря карьерным достижениям). Тем не менее, для китайской молодежи, как и для общества в целом, характерен большой традиционализм, фиксируемый, в первую очередь, через достаточно негативное отношение к сожителю (хотя восприятие добрачного секса стало более спокойным), тогда как в России гражданский брак рассматривается студентами скорее позитивно. Несколько более традиционны и общие представления китайской молодежи о семье и браке – это должен быть единственный брак на всю жизнь с близким по духу партнером; российские же студенты больше ценят равноправные отношения супругов. Несмотря на фиксируемые статистикой кризисные тенденции – увеличение числа сожительств, рост внебрачной рождаемости, повышение возраста вступления в брак и др. – молодежь обеих стран продолжает считать семью главной жизненной ценностью человека и планирует в будущем вступить в официально зарегистрированный брак и создать семью, основанную на любви, общих интересах и воспитании детей.

Сопоставительная характеристика ценностных ориентаций студенческой молодежи

В этом разделе мы представим результаты опросов, которые были проведены в 2016 году. Речь идет исключительно о презентации и описании полученных данных, поскольку проводить более сложную аналитическую работу мы не могли

по целому ряду причин. Во-первых, базовый инструментарий для оценки ценностных ориентаций студенческой молодежи был разработан нами еще в 2006 году, однако к 2016 году он был несколько модифицирован, чтобы соответствовать нынешним реалиям, поэтому мы лишь отчасти можем проводить сравнения нынешних и прежних московских студентов с точки зрения их мировоззренческих приоритетов. Во-вторых, несмотря на то, что российская команда переслала своим чешским и казахстанским коллегам, владеющим русским языком, итоговый вариант анкеты, который они могли изменять лишь с позиций лингвистической эквивалентности (перевод на чешский язык) и социальной релевантности (в вопросе про доверие базовым социальным институциям их набор неизбежно менялся), наши казахстанские коллеги сократили вопросник, а чешские коллеги также модифицировали его – исключив ряд вопросов, заменив некоторые вопросы вариантами, которые сочли более подходящими, и добавив несколько вопросов. В итоге мы имеем три не вполне идентичных вопросника, поэтому проводим сопоставительный анализ не по всем тематическим блокам и вопросам анкеты. В-третьих, организационные возможности проектов, подобных нашему, задают пределы обобщения полученных данных. Хотя мы будем говорить про столичное студенчество трех стран (для краткости – российские студенты, чешские студенты и казахстанские студенты), в Москве было опрошено 1000 студентов старших курсов разных вузов (выборка квотировалась только по профилям обучения – социально-гуманитарные специальности, технические и естественнонаучные), в Праге и Астане были опрошены студенты только одного крупнейшего университета (400 студентов Карлова университета и 500 студентов Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева).

Таким образом, речь не идет о широких обобщениях и тем более сопоставлениях мировоззренческих приоритетов российской, казахстанской и чешской молодежи – только об обозначении некоторых акцентов в ценностях трех студенческих групп, которые выступают в качестве ориентиров, задают смысловые горизонты социального действия и критерии оценки событий и ситуаций. Поскольку в социологии принято разводить ценности (уровень общества) и ценностные ориентации (индивидуальный уровень), то идентификация ценностных ориентаций помогает понять существующий в обществе набор ценностей, задающий нормы и правила поведения и усваиваемый молодыми поколениями в ходе социализации. Безусловно, мы помним про «парадокс Лапьера», согласно которому индивиды не всегда действуют согласно декларируемым ценностям. Однако это не отменяет необходимости выявления этих ценностей, пусть и в формате своеобразных эталонов, а не руководства к действию (вариантов преодоления «парадокса Лапьера» в социологических исследованиях было предложено немало, но они не являются предметом нашего рассмотрения.

Итак, обратимся к полученным эмпирическим данным, чтобы ответить на несколько странный, но обоснованный вопрос, учитывая сколь радикально сегодняшнее российское общество отличается по своим социально-экономическим и политическим чертам от себя же десятилетней давности: в своих мировоззренческих приоритетах нынешние российские студенты больше похожи на себя же десять лет назад или же на своих чешских и казахстанских сверстников?

Нужно отметить, что с казахстанскими коллегами это наш первый опыт исследовательского взаимодействия, тогда как с чешскими коллегами мы имеем давний опыт сотрудничества. Еще в 1999 году кафедра социологи я РУДН совместно с Карловым университетом провела разведывательное иссле-

дование ценностных ориентаций молодежи России и Чехии, проверяя гипотезу, что молодежь двух стран легче и менее болезненно, чем старшие поколения, адаптировалась к требованиям нового общественного устройства, при этом разделившись на три условные группы: часть молодежи ориентируется на западные модели; часть стремится сочетать ценности демократического рыночного общества с традиционными ценностями социалистического общежития; часть аполитична и погружена в устройство личной жизни и быта. Как показали результаты исследования в Праге и Москве в конце 1990-х годов, между российским и чешским обществами не обнаружилось кардинальных различий, потому что многие проблемы и противоречия переходного периода были общими, но их проявления носили специфический «национальный» оттенок, усугубляемый, прежде всего, несопоставимостью масштабов российского и чешского «кейсов» как по размерам, так и по внутренней дифференциации.

В 2002 году мы провели полномасштабное сравнительное исследование содержания патриотических представлений российской и чешской студенческой молодежи, а также обусловленных ими моделей жизненного самоопределения (хотя само понятие патриотизма оказалось неактуальным для Чехии, где следует говорить не о патриотизме, а о национальной идентичности, поскольку в Чехии понятие патриотизма сливается с этнической и территориальной проблематикой). Как показали результаты опросов студенческой молодежи, структура патриотизма у двух групп состоит из трех компонентов – когнитивного, аффективного и конативного. Ни один из них не доминировал по сравнению с остальными: студенты проявили единодушие в оценках своих стран как «среднеразвитых», в приверженности их позитивному образу, в негативной оценке деятельности властных структур, в чувстве гордости

за прошлое, в отсутствии обеспокоенности возможностью распада государства и установления военной диктатуры и т.д.

Тем не менее, как и в случае с Казахстаном, комплексный опросный инструментарий для реконструкции смыслозначимых ценностей студенческой молодежи в Чехии не применялся, и 2016 год стал первым для нас исследовательским проектом по сравнительной характеристике ценностных доминант студенческой молодежи трех стран. Как показали результаты опроса, ценностная сфера студенческой молодежи трех стран имеет как общие черты, так и особенности. Рассмотрим основные блоки ценностных ориентаций, вопросы по которым были представлены в анкете.

Образовательные ценности. В качестве основной причины получения высшего образования московские студенты, как и десятилетие назад, называют желание стать квалифицированным специалистом (свыше 60%) и получить знания, необходимые для дальнейшей жизни, хотя второй показатель снизился (с 67% до 53%), что, видимо, можно объяснить более прагматичным отношением к образованию – оно должно превращать вчерашнего школьника в квалифицированного специалиста прежде всего, а общая эрудированность – вещь в современном обществе полезная, но менее значимая (Табл. 16). О росте прагматичности студентов в восприятии обучения в высшем учебном заведении говорит и то, что практически в два раза (с 6% до 11%) выросла доля тех, кто получает высшее образование, ориентируясь на запросы конкретного работодателя. Существенное падение доли тех, кто воспринимает высшее образование как возможность получить отсрочку от армии вряд ли можно столь же легко объяснить – этот показатель может быть результатом систематических смещений в долях опрошенных юношей и девушек, потому что их соотношение не квотировалось, а рекомендовалось отслеживать в процессе отбора респондентов, и в итоге оно составило 40% на 60%.

Таблица 16

Почему вы решили получить высшее образование?	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Хочу получить знания, необходимые мне для дальнейшей жизни	67%	53%	57%	52%
Хочу стать квалифицированным специалистом	64%	61%	64%	51%
Мне нужен только диплом	17%	16%	13%	42%
На этом настаивали мои родители	13%	15%	10%	22%
В этом заинтересовано предприятие, на котором я работаю/собираюсь работать	6%	11%	9%	17%
Дома скучно сидеть	10%	12%	2%	10%
Обучение в вузе – прекрасная возможность удачно выйти замуж	5%	7%	2%	6%
Возможность получить отсрочку от армии	16%	6%	0,2%	10%
Другое	5%	1%	0,5%	-

Распределение ответов казахстанских студентов оказалось практически идентичным за исключением нескольких наименее значимых позиций, свидетельствующих о еще более целерациональном отношении к высшему образованию: практически никто не пошел учиться из-за скуки (2% против каждого десятого московского респондента), чтобы выйти замуж или получить отсрочку от армии. Чешские студенты продемонстрировали иную структуру предпочтений: с одной стороны, у них также два доминирующих мотива, как и у российских и казахстанских студентов; с другой стороны, ненамного отстает от них и формальный критерий – получения диплома как такового (42%), и они чаще относятся к высшему образованию прагматично-формально (17% ориентируются

на работодателя, каждый десятый хочет получить отсрочку от армии или борется со скукой, 6% планируют найти себе выгодную партию в университете).

Если бы у студентов была возможность выбора, почти треть московских респондентов хотела бы учиться за границей, каждый второй не хочет менять место учебы, потому что ему нравится его вуз, а 13% предпочли бы учиться в другом российском вузе (этот показатель несколько снизился за десять лет за счет повышения двух предыдущих). Последний показатель совпадает в московской и казахстанской выборках, однако первые два различаются: не треть, а 44% казахстанских студентов хотели бы учиться за границей, соответственно, не каждому второму, а 42% нравится учиться в их нынешнем вузе. В этом вопросе мнение чешских студентов почти полностью совпало с мнением российских сверстников, но десятилетней давности: каждый пятый чешский респондент предпочел бы учиться в другом чешском вузе, каждый второй учился бы там, где учится, а каждый третий хотел бы учиться за границей).

Планирует продолжать образование (магистратура, аспирантура, второе высшее) большинство российских студентов, и этот показатель не изменился за десятилетие (лишь каждый третий собирается ограничиться дипломом бакалавра). Практически каждый второй казахстанский и чешский студент собирается поступать в магистратуру (43% российских респондентов), каждый четвертый российский и казахстанский студент хотел бы получить второе высшее образование (лишь 8% чешских респондентов, что, видимо, говорит о более четком понимании сути и цели своего обучения в университете), и в целом меньше всего доля не собирающихся продолжить обучение после бакалавриата в Казахстане (каждый пятый против каждого третьего российского респондента; с чешскими данными сложно проводить сравнение, поскольку изменились не формулировки вопросов, а разбивка закрытий по во-

просам, что изменило суть ответов на вопрос о продолжении обучения).

Трудовые ценности. Оценки шансов на трудоустройство после окончания вуза незначительно изменились у московских студентов за прошедшие десять лет, хотя можно констатировать некоторый рост оптимизма. Как и прежде, каждый пятый предполагает, что ему придется долго искать рабочее место по специальности, однако доля уверенных, что легко и быстро трудоустроятся по профессии возросла (с 29% до 38%) за счет сокращения доли настроенных на трудоустройство не по специальности (с 36% до 20%) (Табл. 17).

Таблица 17

Как Вы оцениваете свои шансы на трудоустройство после окончания вуза?	Москва	Астана	Прага
Думаю, что легко и быстро найду себе работу по специальности	38%	44%	16%
Мне придется долго искать себе рабочее место по специальности	22%	22%	34%
Думаю, что без проблем найду работу, но скорее не по специальности	20%	24%	22%
Полагаю, что долго останусь безработным	5%	7%	25%
Я уже нашел работу, где останусь и после окончания вуза	16%	4%	3%

Наиболее пессимистично настроены чешские студенты (каждый четвертый полагает, что долго останется безработным, 34% против 22% в других выборках ориентированы на долгий поиск работы по специальности, лишь 16% против

порядка 40% полагают, что легко и быстро найдут работу по специальности), а наиболее деятельно – российские студенты (16%, что в четыре раза больше аналогичных показателей в других выборках, уже нашли работу), и хотя доли трудоустроенных совпадают в казахстанском и чешском опросах, казахстанские респонденты настроены столь же оптимистично, как их российские сверстники.

На момент опроса работали (будучи ограничены размерами анкеты, мы не конкретизировали тип занятости – полная, частичная, подработки и пр.) 42% российских респондентов, в основном не по профессии (28%) и на коммерческих предприятиях (69% трудоустроенных). Предсказуемо основным критерием поиска работы была возможность ее совмещения с учебой (59%), тогда как работа по специальности и заработная плата – вторые по значимости позиции (по 28%) (Табл. 18). Доля работающих казахстанских студентов намного ниже (26%), преимущественно это тоже работа не по специальности (16%) и на коммерческих предприятиях (62%). Основные критерии поиска работы совпадают с российской выборкой, хотя связь работы со специальностью оказалась более значимой, чем заработная плата (однако в российском опросе респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа, а в казахстанском и чешском – лишь один). Распределение ответов у московских студентов оказалось ближе чешской выборке, потому что здесь также работают 42%, хотя чаще не по специальности (36%) и тоже на коммерческих предприятиях (63%). По критериям выбора места работы российская ситуация явно ближе казахстанской: хотя студенты трех стран, в первую очередь, стремятся разумно совмещать работу и учебу, связь со специальностью оказалась наименее значимой для чешских респондентов.

Таблица 18

По каким критериям Вы выбирали место работы?	Москва	Астана	Прага
Я искал(а) работу, связанную со своей специальностью	28%	31%	7%
Я искал(а) работу так, чтобы можно было совмещать работу	59%	48%	62%
Главным критерием была заработная плата	28%	19%	15%
Другое	2%	2%	16%

Главные требования к работе московских студентов за десятилетие не изменились с точки зрения их условной иерархии по частоте упоминаний (Табл. 19): в лидерах высокая оплата труда и интересность; на втором месте гарантии карьерного роста и возможность самореализации; далее идут престиж работы и возможность новых знакомств, достаточно свободного времени, польза людям и небольшой и стабильный доход. Несмотря на то, что, как и прежде, московские студенты придерживаются прагматичных критериев поиска работы, но они несколько утратили свои позиции (уменьшились доли ориентированных на высокий заработок, личный интерес, карьерный рост и новые знакомства) за счет роста интереса студенческой молодежи к «социальной эффективности работы» – ее пользе для людей. Наиболее устойчивыми оказались два требования к работе – каждый третий ориентируется на ее престижность, каждый десятый – на близость к дому (что оправданно, учитывая размеры такого мегаполиса, как Москва).

Аналогичную структуру мотивов выбора места работы мы наблюдаем у казахстанских студентов за исключением трех не самых значимых критериев: они в два раза реже упоминают свободное время и расширение круга знакомств, а местонахождение работы для них не важно. Схожую структуру мотивов мы наблюдаем и у чешских респондентов, однако различия с российской выборкой здесь более значимы: во-первых,

более важной оказалась профессиональная самореализация, поскольку требование к работе быть интересной – наиболее частотное (68%), а также ее социальное значение (требование к работе приносить пользу людям назвал каждый третий) и близость к дому (каждый пятый), т.е. социально-личностное значение и удобство работы оказались более важными для чешских студентов, чем для российских и казахстанских, причем не только в сравнительной перспективе, но и внутри ценностно-мотивационного комплекса.

Таблица 19

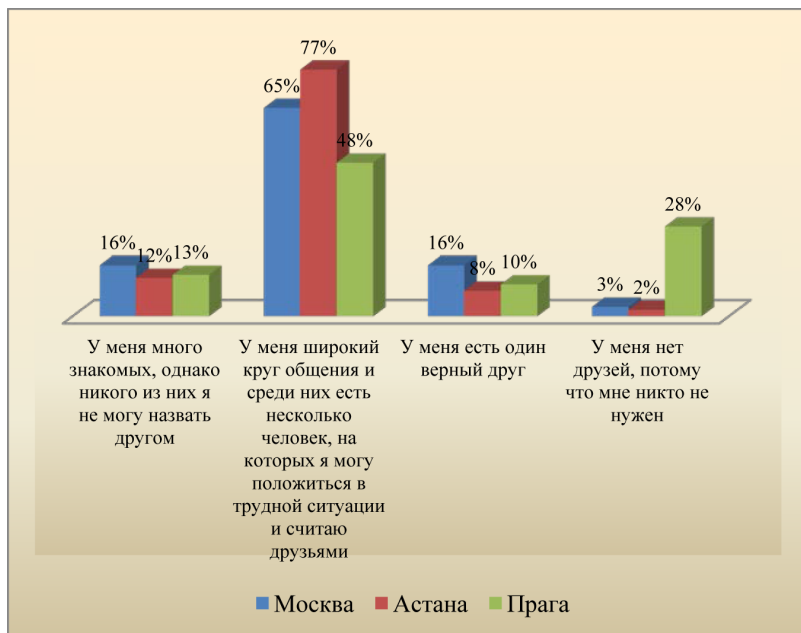
В первую очередь, работа должна	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Быть высокооплачиваемой	68%	55%	52%	47%
Быть в первую очередь интересной для меня	67%	59%	34%	68%
Гарантировать карьерный рост	55%	42%	35%	43%
Предоставлять свободу действий, возможность самореализации	43%	37%	40%	45%
Быть престижной	30%	28%	24%	27%
Предполагать возможность новых знакомств, расширения круга общения	28%	21%	13%	26%
Оставлять достаточно свободного времени	26%	25%	12%	32%
Приносить пользу людям	18%	27%	23%	34%
Приносить небольшой, но стабильный доход	15%	21%	25%	31%
Находиться близко к дому	12%	11%	2%	22%

Межличностное взаимодействие. Большинство опрошенных выросло в полных семьях, хотя размеры «большинства» различаются. Так, все время росли в семье с обоими родителями росли 62% московских и чешских респондентов (в Москве этот показатель за десятилетие снизился на 8%), но 84% казахстанских. В настоящий момент казахстанские респонденты живут преимущественно с друзьями, видимо, в общежитиях или снимая вместе квартиру (46%), или с родителями и другими родственниками (37%), российские студенты – тоже (22% и 46% соответственно), тогда как чешские студенты – в основном с родителями и другими родственниками (65%), намного реже с друзьями или с партнером/супругом (по 12%).

Свои отношения с родителями московские респонденты характеризуют либо как полное взаимопонимание (36%), либо как теплые, дружеские (47%), и распределение ответов совпадает с чешской выборкой (44% и 41%). Суммарно аналогичный показатель крепких межпоколенных связей в казахстанском опросе выше – (98% против 81%), однако преимущественно за счет утверждающих, что у них с родителями полное взаимопонимание (76%) – каждый пятый респондент характеризует отношения с родителями как теплые и дружеские (вероятно, это свидетельство большей «традиционности» казахстанского общества). Своих детей воспитывали бы примерно так же, как воспитывали их, 71% московских студентов – категорически не приемлет модель родительской семьи каждый пятый. Вполне предсказуемо в свете распределения ответов на предыдущий вопрос аналогичные показатели в казахстанской выборке составили 80% и 13%, а в чешской – 58% и 23%.

В основном студенты обладают широким кругом общения, где выделяют несколько близких друзей (Рис. 3): распределение ответов на данный вопрос схоже в трех выборках (с некоторыми колебаниями), за исключением чешских респондентов, 28% которых признались, что у них нет друзей, потому

что им никто не нужен, что существенно сократило долю тех, кто обладает широким кругом общения с несколькими верными друзьями (каждый второй против 65% московских респондентов и 77% казахстанских).

Рисунок 3. «У Вас много друзей?»

В тяжелые моменты жизни студенты обращаются за помощью и поддержкой, прежде всего, к родителям и друзьям, хотя кредит доверия этим группам несколько различается (Табл. 20). Наибольший кредит доверия – у чешских родителей (к ним обратится 79%) и у казахстанского родственного круга (частота упоминаний родителей и родственников здесь аналогична московской выборке, но существенно ниже, видимо, в силу большей «традиционности», ориентация на любимого и других людей вне семейного круга). Чешские студенты, видимо, вос-

принимают любимого человека как близкого друга, поэтому частота его упоминаний близка показателю друзей (42% и 52%).

Таблица 20

К кому Вы обращаетесь за помощью в тяжелые моменты Вашей жизни?	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
К родителям	66%	61%	67%	79%
К близким родственникам	21%	26%	24%	19%
К друзьям	61%	57%	44%	52%
К любимому человеку	32%	29%	9%	42%
К квалифицированному специалисту (к психологу)	3%	7%	1%	7%
К священнику/духовнику/религиозному наставнику	3%	5%	4%	2%
Переживаю трудные периоды в одиночку	22%	17%	15%	23%
Другое	2%	1%	1%	1%

В официальном или гражданском браке в 2006 году состояли 12% московских студентов, к 2016 году этот показатель немного вырос (16%) – он выше казахстанского в 9% и аналогичен чешскому, однако из 16% чешских студентов 15% живут в гражданском браке. Главное условие заключения брака – финансовая независимость, способность обеспечить себя и семью: так считает треть московских респондентов, другая треть пока не задумывалась о браке (Табл. 21). 17% откладывают официальную регистрацию брака на окончание вуза – факт получения диплома, видимо, рассматривается как первый шаг во взрослую жизнь, в том числе предполагающую официального супруга. За десять лет выросла доля тех, кто считает, что нужно не только закончить обучение, но и устроиться на работу, прежде чем официально оформлять отношения, – с 7% до 16%.

Таблица 21

Когда вы планируете официально оформить Ваши отношения?	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Как только закончу вуз	15%	17%	17%	10%
Когда устроюсь на работу	7%	16%	17%	11%
Когда стану финансово независим(а) настолько, что смогу обеспечить семью	36%	32%	36%	34%
Другое	6%	3%	2%	2%
Никогда – не вижу необходимости официально оформлять отношения	4%	3%	5%	13%
Пока еще не задумывался	31%	27%	21%	31%

Ответы на этот вопрос практически полностью совпали в российской и казахстанской выборках за исключением более низкой доли во второй тех, кто пока не задумывался об официальном браке, что также, видимо, можно объяснить большей «традиционностью» казахстанского общества, где принятие подобных решений не является личной прерогативой, а обсуждается широким семейным кругом. Предсказуемо главное условие заключение брака для чешских студентов – также финансовая независимость, с российскими студентами их объединяет и частота игнорирования этого вопроса, однако доли откладывающих официальное заключение брака до окончания вуза и трудоустройства здесь ниже за счет большего числа убежденных в ненужности официального оформления отношений вообще (13% против 3% в московской и 5% в казахстанской выборках).

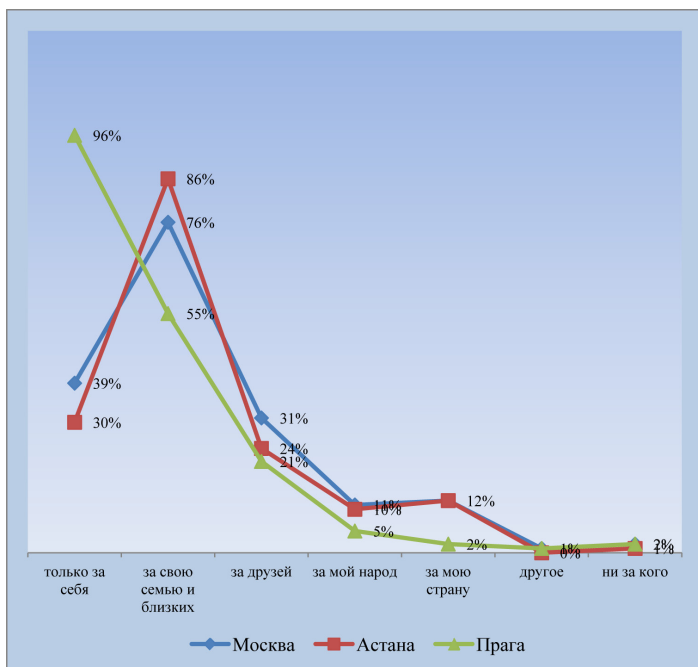
Модальное значение желаемого числа детей совпадает у российских и чешских респондентов – двое, хотя чаще эту цифру называют чешские студенты (каждый второй против каждого третьего), а у казахстанских этот показатель – трое (Табл. 22). Для чешских студентов характерна большая определенность

в планировании своего родительского будущего: здесь практически нет затруднившихся назвать желаемое количество детей, доминирует ориентация на двухдетную семью или – на много реже – на однодетную, каждый десятый заявил о нежелании иметь детей. Российские и казахстанские респонденты чаще затрудняются назвать желаемое число детей (видимо, собираясь принимать решение в зависимости от социально-экономической ситуации и возможностей семьи), но чаще казахстанские студенты представляют свою будущую семью как трехдетную и более многодетную (68%), тогда как российские ориентируются на формулу «двое детей плюс-минус один».

Таблица 22

Сколько детей Вы хотели бы иметь?	Москва (2006)	Москва 2016	Астана	Прага
одного	10%	14%	5%	17%
двух	41%	33%	14%	55%
трех	13%	17%	39%	9%
больше трех	9%	9%	29%	3%
пока не знаю	22%	21%	16%	5%
не хочу иметь детей	4%	6%	1%	11%

Как показывает Рисунок 4, в восприятии личной ответственности чешские студенты принципиальным образом отличаются от российских и казахстанских сверстников высочайшей степенью индивидуализма: 96% заявили, что, прежде всего, несут ответственность за себя, лишь каждый второй признает ее по отношению к семье и близким, каждый пятый – друзьям, и фактически здесь круг личной ответственности чешских студентов замыкается. Респонденты в Москве и Астане солидарны в том, что основная зона их личной ответственности – семья и близкие, причем для казахстанских студентов она несколько приоритетнее, а московские студенты чаще признают личную ответственность за друзей и только за себя.

Рисунок 4. «За кого, в первую очередь, Вы чувствуете свою ответственность?»

Политические ценности. В той или иной мере интересуется политическими событиями большинство московских студентов, и этот показатель не изменился за десятилетие; каждый десятый категорически отказывается от включения политической проблематики в сферу собственных интересов (Табл. 23). Аналогичное распределение ответов наблюдается в чешской и казахстанской выборках, но в последнем случае доля аполитичных ниже, а распределение позиций внутри блока политически заинтересованных и их оппонентов иное: казахстанские студенты чаще выбирают социально одобряемый вариант постоянного отслеживания политических событий, а в Москве и Праге студенты предпочитают говорить скорее о неравнодушии к политической повестке дня.

Таблица 23

Вы интересуетесь политикой?	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Да, я всегда стараюсь быть в курсе политических событий в стране и мире	21%	21%	45%	20%
По мере необходимости: не особенно рвусь быть в курсе всего, но не могу сказать, что равнодушен(а)	49%	44%	33%	49%
Нет, это не мое – если я и узнаю о чем-то, то случайно	21%	24%	15%	27%
Вообще не интересуюсь политикой и даже не хочу слышать об этом	9%	12%	7%	4%

В качестве причины незаинтересованности в политической составляющей современной жизни российские студенты называют, прежде всего, недостаток свободного времени, вторыми по частоте упоминаний стали бессмысленность отслеживания политических событий в силу, видимо, невозможности влиять на происходящее, а также убеждение, что политика – грязное дело (их назвал каждый четвертый), причем за десять лет возросла частота упоминания собственной незрелости как оправдания аполитичности (с 5% до 12%) (Табл. 24). Аналогичные причины политической незаинтересованности мы видим в казахстанской выборке за исключением того, что студенты чаще ссылаются на бессмысленность политики, чем на отсутствие свободного времени, поэтому по обоснованию своей аполитичности российские и чешские студенты оказались более близки, причем десять лет назад московские студенты столь же редко ссылались на свою незрелость как оправдание аполитичности.

Таблица 24

Если Вы не проявляете интереса к политическим событиям, аргументируйте свою позицию	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Мне еще рано интересоваться политикой	5%	12%	14%	4%
Не вижу в этом смысла	27%	24%	38%	29%
Политика – грязное дело	21%	25%	19%	21%
У меня просто не хватает времени отслеживать политические события	42%	35%	26%	34%
Другое	5%	4%	3%	13%

Всегда в выборах участвует лишь 27% московских респондентов (52% казахстанских и 37% чешских, т.е. российская молодежь наиболее политически пассивна). Самые важные голосования несколько спасают ситуацию – в них участвует 43% московских респондентов (34% казахстанских и 48% чешских), и в итоге никогда не голосуют, будучи уверенны, что их голос ничего не меняет и ни на что не влияет, соответственно, 29%, 15% и 14% опрошенных. И, наоборот, меньше трети (28%) московских студентов, каждый третий казахстанский и лишь 17% чешских респондентов полагают, что ситуация в стране оказывает существенное воздействие на реализацию их жизненных планов – противоположного мнения придерживается, соответственно, каждый четвертый, третий и пятый опрошенный (Табл. 25).

Таблица 25

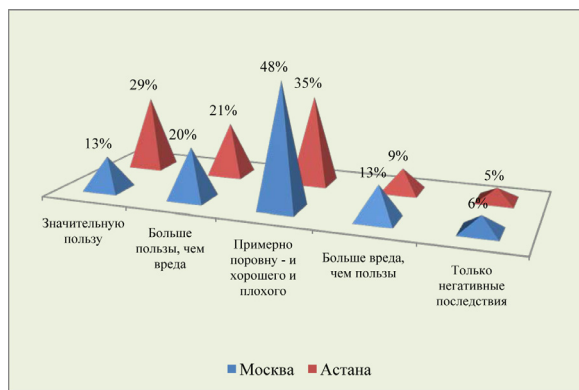
По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?	Москва	Астана	Прага
Ситуация в стране никак не связана с моими жизненными планами	24%	30%	21%
Может повлиять, но крайне незначительно	35%	24%	46%
Будет оказывать значительное влияние	22%	22%	13%
Реализация моих жизненных планов полностью зависит от ситуации в стране	6%	13%	4%
Затрудняюсь ответить	14%	12%	16%

В российскую анкету был включен вопрос «Каким политическим партиям/движениям/силам Вы симпатизируете?», призванный не столько идентифицировать предпочтения студенчества (это вряд ли имеет смысл, учитывая обозначенный выше высокий уровень его аполитичности), сколько оценить уровень социальной конформности применительно к политической проблематике, для чего в список ответов был введен вариант «симпатизирую партиям, находящимся сейчас у власти». Этот вариант ответа оказался наиболее частотным (38%), но наряду с вариантом «не симпатизирую никаким партиям» (31%), т.е. фактически 69% опрошенных не ответили на вопрос. Остальные предпочтения распределились следующим образом: либерально-демократическим партиями симпатизируют 17%, социал-демократическим – 16%, национально-патриотическим – 10%, коммунистическим – 7%, центристским, религиозным, предпринимательским – примерно по 4%.

Схожее распределение ответов наблюдается в казахстанской выборке, но здесь большее число опрошенных отметило партии, находящиеся у власти (51%), что сократило долю не симпатизирующим никаким партиям (18%), а остальные

симпатизируют либерально-демократическим партиям – 18%, национально-патриотическим – 11%, социал-демократическим – 8%, коммунистическим – 7% и предпринимательским – 5%. Провести аналогичную суммирование по чешским данным невозможно, поскольку в анкете были перечислены аббревиатуры чешских партий, и распределить их по идеологическим группам по аналогии с российской анкетой не получится без серьезного политологического анализа. Единственное, что можно констатировать в данной ситуации, – каждый пятый чешский респондент не симпатизирует никаким политическим партиям/силам/движениям, но отсутствие симпатий, учитывая, что остальные респонденты отметили конкретные партии, видимо, говорит не об аполитичности и отсутствии интереса, как в случае с российскими респондентами, а именно об несимпатичности приведенных в списке политических акторов.

В целом московские студенты более взвешено оценивают сближение со странами Запада, видя в нем и хорошее и плохое (48% против 35% казахстанских респондентов), тогда как казахстанские студенты чаще видят в нем больше пользы, чем вреда (50% против 33%) (чешские коллеги не включили данный вопрос в анкету, видимо, понимая, что он не имеет смысла в интегрированной в европейское сообщество Чехии) (Рис. 5).

Рисунок 5. «Сближение со странами Запада принесло нашей стране»

Как граждане своих стран студенты гордятся, в первую очередь, историческим прошлым, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями (Табл. 26). Однако казахстанские студенты выше оценивают деятельность нынешних социальных и государственных институтов, поскольку, в отличие от российских сверстников, добавляют к предметам гордости армию и положение страны на мировой арене, и все прочие показатели национальной гордости, которые набрали у российских респондентов менее 45%, здесь превысили 60%. Уровень социального недовольства государственными институциями оказался самым высоким в Чехии – 77% не находят здесь поводов для гордости. По данному вопросу чешские студенты оказались более близки российским студентам (за исключением высокой оценки соблюдения гражданских прав и свобод, а также гордости за систему образования, уровень жизни населения и армию, что сближает чешских и казахстанских респондентов). Соответственно, социальное самочувствие казахстанских респондентов явно более позитивно, учитывая, сколько поводов для гордости им предоставляет нынешнее общество.

Таблица 26

Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы:	Москва	Астана	Прага
Историей страны	90%	95%	94%
Природными богатствами	86%	87%	94%
Культурным наследием	85%	90%	94%
Спортивными достижениями	77%	85%	95%
Армией	57%	77%	78%
Положением страны на мировой арене	56%	82%	51%
Развитием науки и техники	53%	64%	85%
Системой образования	45%	64%	79%

Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы:	Москва	Астана	Прага
Соблюдением прав и свобод	45%	66%	70%
Деятельностью государственных органов	42%	60%	23%
Состоянием социальной сферы	39%	68%	42%
Состоянием экономики страны	34%	67%	45%
Уровнем жизни населения	34%	63%	65%

Следует отметить, что распределение ответов в российской выборке свидетельствует о росте многих показателей за прошедшее десятилетие (так, в два раза увеличилась доля гордящихся положением страны на международной арене, видимо, вследствие громких политических и военных кампаний российского руководства, по остальным параметрам национальной гордости рост показателей существенно меньше) – эти данные представлены в других разделах монографии. Также нужно упомянуть, что в российской и казахстанской анкетах использовался набор дихотомических шкал, а в чешской анкете – шкала из трех градаций («да, горжусь», «в основном да, горжусь» и «нет, не всегда»), поэтому мы, по сути, не имеем права проводить сопоставления (использовался разный инструментарий), но в Таблице 26 мы все же представили данные чешского опроса, суммировав варианты «да» и «в основном да».

Соответственно, уровень доверия базовым социальным институтам в Казахстане превышает аналогичные показатели по России (хотя на удивление не так значительно, как можно было бы предположить, судя по вопросу о предметах национальной гордости), а они, в свою очередь, существенно выше, чем в Чехии, за исключением нескольких институтов – охраны правопорядка в широком смысле слова и гражданского общества (Табл. 27).

В Таблице приведены не все параметры оценки уровня социального доверия, а лишь совпадающие во всех трех анкетах и потому позволяющие проводить сопоставления. В целом, судя по распределению ответов чешских респондентов на последние два вопроса, молодые поколения в большей мере надеются и доверяют институтам гражданского общества (но не средствам массовой информации), а не государственным структурам (но, видимо, верят в механизм разделения властей) и институтам рынка (доверяют банкам, но не крупном бизнесу).

Таблица 27

В какой мере Вы доверяете/не доверяете:

Полностью доверяю + скорее доверяю	Москва	Астана	Прага
Президенту	63%	69%	9%
Правительству	57%	59%	18%
Церкви (религии)	52%	59%	16%
Судам	51%	49%	57%
Армии	47%	55%	56%
Государственной Думе (Парламенту)	46%	58%	18%
Полиции и правоохранительным органам	45%	45%	48%
Банкам	44%	51%	50%
Общественным организациям	42%	51%	58%
Крупному бизнесу	40%	55%	29%
Международным неправительствен- ным организациям	37%	47%	52%
Политическим партиям	34%	49%	17%
Средствам массовой информации	32%	45%	26%

К сожалению, наши чешские коллеги исключили из анкеты набор суждений для оценки социального самочувствия респондентов, который мог бы отчасти объяснить столь неровное распределение уровня доверия по социальным институтам, поэтому мы можем сопоставлять ответы только российского и казахстанского студенчества (суммированы варианты «полностью согласен» и «скорее согласен»). Чаще всего российские респонденты соглашались с утверждением, что большинство людей сегодня занято только своими проблемами и равнодушно к проблемам других (62%), каждый второй полагает, что в стране без взятки невозможно решить ни одну проблему и что цель всегда оправдывает средства, каждый третий – что большинство молодежи чувствует себя потерянным поколением, и родители не понимают своих детей и чем живет молодежь. Реже всего российские респонденты соглашались с тем, что спокойная совесть важнее любой прибыли, что главное в жизни – честь и достоинство, что молодежь не испытывает проблем с адаптацией к жизни в современном обществе и находит общий язык со старшим поколением, а мир не без добрых людей (менее 17%).

Казахстанские респонденты отчасти солидарны с российскими сверстниками: они согласны, что большинство людей замкнулось на собственных проблемах и безразличны к окружающим (75%), а цель оправдывает средства (66%); каждый второй убежден, что невозможно решить ни одну проблему без взятки, молодежь чувствует себя потерянным поколением, и родители не понимают своих детей; однако каждый третий (что существенно чаще, чем в московском опросе) убежден, что молодежь вполне адаптировалась к современной жизни и находит общий язык со старшим поколением, что спокойная совесть важнее любой прибыли, мир не без добрых людей, а главное в жизни – честь и достоинство.

Несмотря на различия в социальном самочувствии и оценках возможностей самостоятельно определять течение своей жизни, студенческая молодежь трех стран выразила схожее отношение к выбору горизонта планирования – лишь каждый пятый опрошенный предпочитает вообще не строить планы. Однако горизонты планирования различаются: российские и чешские студенты чаще строят планы на ближайшую (45% и 54%), а не отдаленную перспективу (30% и 26%), тогда как казахстанские студенты предпочитают просчитывать свои действия на самую отдаленную перспективу (57%), а не на ближайшее будущее (23%).

Общие ценностные приоритеты и проблемы. Верующими себя считают 81% московских респондентов (15% не относят себя ни к какому вероисповеданию, доминирует православие – 75%), 92% казахстанских (вариант про вероисповедание был исключен, доминирует ислам – 92%) и только 24% чешских (доминирует христианство – 59%). Высокие показатели религиозности не означают реальную воцерковленность, о чем свидетельствует частота посещений религиозных учреждений: регулярно (каждую неделю или 2–3 раза в месяц) их посещает лишь каждый четвертый верующий российский респондент (26% не посещает вообще), каждый второй казахстанский (7%) и 41% чешских (13%), что, видимо, свидетельствует об осознанном выборе веры и целенаправленном следовании канонам поведения верующего человека чешскими респондентами.

Среди причин обращения человека к религии для российских студентов наиболее значима ее способность очищать душу, облегчать душевные страдания и предоставлять морально-нравственную опору в жизни, хотя за десятилетие последние два компонента несколько утратили значение: покаяние оказалось на первом месте по частоте упоминаний, к лидерам приблизилась трактовка религии как пути к спасению

души и вечной жизни. Как и прежде, каждый третий видит в религии смысл жизни, 13% – шанс стать частью сообщества близких по духу людей, менее 10% – способ ухода от реальности (Табл. 28). Распределение ответов российских студентов ближе казахстанской выборке, чем чешской, хотя казахстанские респонденты реже считают религию способом обретения смысла жизни, спасения души и облегчения душевных страданий. Чешские студенты консолидированно отметили большее количество неотъемлемых черт религиозного мировоззрения, и каждый третий выделил в религии возможность обрести близких по духу людей, но в то же время 17% считают ее способом ухода от реальности.

Таблица 28

Что, по Вашему мнению, люди находят/ищут в религии?	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
морально-нравственную опору жизни	52%	44%	48%	57%
облегчение душевных переживаний, страданий	51%	42%	28%	58%
очищение души, покаяние	50%	51%	41%	52%
спасение души, путь к вечной жизни	32%	38%	30%	44%
смысл жизни	27%	30%	16%	51%
чувство общности с близкими по духу людьми	14%	13%	9%	32%
ничего – лишь ложное утешение и уход от реальности	10%	8%	2%	17%
затрудняюсь ответить	10%	8%	6%	-
другое	3%	1%	1%	8%

Основные проблемы молодежи несколько по-разному видятся студентам трех стран (Табл. 29). Ключевые проблемы, по мнению московских студентов, как и десятилетие назад, –

наркомания (хотя уровень озабоченности снизился, что, видимо, говорит о более позитивном восприятии собственного поколения и о нынешнем медийном позиционировании данной проблемы как одной из, а не главной) и алкоголизм (в меньшей степени курение), сопровождаемые морально-нравственной деградацией общества (преступность потеряла свои позиции, ее отмечает не каждый третий, а 18%). Далее идет блок объективных факторов, перечисленные проблемы отчасти детерминирующих: высокий уровень безработицы и нехватка материальных средств, коррупция власти и отсутствие поддержки со стороны государства, недоступность образования, сложная экономическая и гражданско-правовая ситуация, межпоколенческое непонимание.

Таблица 29

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
наркомания	76%	56%	37%	76%
алкоголизм	60%	55%	32%	1%
морально-нравственная деградация общества	48%	45%	23%	-
курение	38%	44%	41%	1%
преступность	31%	18%	4%	-
проблемы со здоровьем	28%	30%	24%	3%
безработица	25%	28%	41%	4%
нехватка материальных средств	25%	21%	12%	13%
отсутствие поддержки со стороны государства	24%	17%	7%	5%
коррупция власти	19%	17%	34%	15%
недоступность образования	16%	17%	7%	-

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
экономическая ситуация	14%	15%	13%	-
нарушение гражданских прав и свобод	13%	11%	7%	4%
ограниченные возможности досуга, скучная жизнь	12%	21%	8%	10%
отсутствие взаимопонимания с родителями	12%	18%	3%	11%
политическая ситуация в стране и в мире	4%	10%	5%	10%

За прошедшее десятилетие несколько снизился уровень студенческой озабоченности отсутствием поддержки со стороны государства. С одной стороны, она объективно возросла; с другой стороны, учитывая медийное освещение и реальные объемы финансирования молодежных программ, снижение этой озабоченности выглядит не существенным. В то же время студенты стали чаще упоминать в качестве проблемы своего поколения ограниченные возможности досуга (21% против 12%), что, вероятно, говорит о снижении их экономической доступности, а не о сокращении спектра потенциальных занятий, а также политическую ситуацию в стране и мире (сегодня ее называет каждый десятый против 4% десятилетие назад, что объяснимо в свете активных действий российского руководства на международной арене в последние несколько лет).

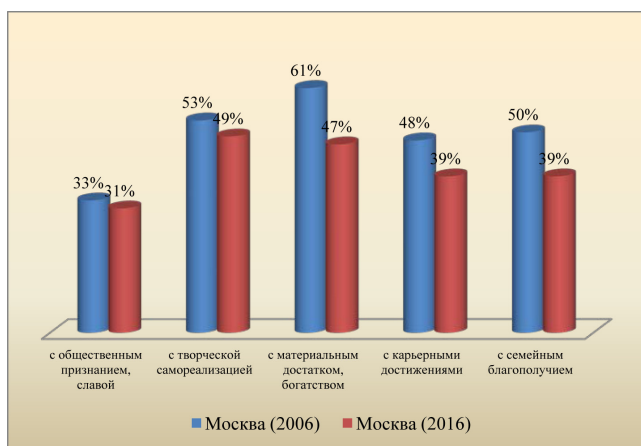
Учитывая представленное выше распределение предметов национальной гордости казахстанских респондентов, вполне предсказуемо уровень их озабоченности перечисленными проблемами молодежи оказался намного ниже российских показателей за исключением курения и проблем

со здоровьем (аналогичный уровень), а также безработицы и коррупции власти (более высокий уровень). Казахстанские студенты считают, что главные проблемы молодежи сегодня – это, во-первых, безработица и коррупция (41% и 34%), задающие негативный объективный контекст жизни молодежи; во-вторых, ее собственные девиантные практики – наркомания (37%), алкоголизм (32%) и курение (41%). Такие проблемы, как преступность, отсутствие поддержки со стороны государства, нарушения гражданских прав и свобод, недоступность образования и ограниченные возможности досуга, отсутствие взаимопонимания с родителями и политическая ситуация в стране и в мире, не рассматриваются казахстанскими респондентами как актуальные для молодежи.

Наши чешские коллеги сократили список закрытий в данном вопросе, ограничившись вариантами, которые, видимо, имеют смысл для чешского общества. Полученное распределение ответов, во-первых, вновь подтверждает существование устойчивого коллективного образа своего поколения с явными оценочными акцентами, судя по тому, что доминирует одна молодежная проблема – наркомания (76%), а следующими с огромным отрывом (их назвал примерно каждый десятый) идут нехватка материальных средств, ограниченные возможности досуга, отсутствие взаимопонимания с родителями, коррупция власти и политическая ситуация (учитывая обозначенный выше низкий уровень доверия чешских студентов политическим институтам, видимо, их неэффективность и соответствующие последствия студенты не считают проблемой именно своего поколения). Во-вторых, чешские студенты демонстрируют меньший «патернализм» по сравнению с российскими и казахстанскими сверстниками: реже называют в качестве проблем своего поколения объективные факторы, определяющие положение молодежи (в частности, уровень безработицы), и отсутствие поддержки со стороны

государства для них незначимо, в чем они солидарны с казахстанскими, но не с российскими студентами.

Блок вопросов о трактовке жизненного успеха наши чешские и казахстанские коллеги сократили, ограничившись лишь критериями профессионального успеха, поэтому мы можем сделать выводы лишь о некоторых изменениях представлений московского студенчества (Рис. 6). Если в 2006 году приоритетным критерием жизненного успеха для них был материальный достаток (61%), второе место делили творческая самореализация, карьерные достижения и семейное благополучие (их назвал каждый второй), а каждый третий отметил общественную признанию, то спустя десятилетие не изменилась лишь позиция общественного признания. Сегодня для студентов успех – это набор достижений, в котором одинаково значимы материальный достаток и творческая самореализация (их назвал каждый второй), на втором месте – карьерные достижения и семейное благополучие (по 39%), т.е. очевидна личностно ориентированная трактовка успеха как достижение максимальной свободы – материальной и самовыражения.

Рисунок 6. «С чем Вы, в первую очередь, ассоциируете понятие “успех”?»

Однако смысложизненные ценности российских студентов за десятилетие не изменились. Как и прежде, в вопросе, где респондентам предлагалось проранжировать по степени значимости десять понятий, студенты продемонстрировали редкое единодушие – главные жизненные приоритеты опрошенных – семья (немного ухудшила свои позиции – на первое место ее поставили 62% против 71% в 2006 году, но вместе со вторым рангом она также набирает 80%) и здоровье (разброс здесь больше, но для каждого второго оно вошло в тройку лидеров); срединную позицию на итоговой «шкале значимости» заняли образование, работа и друзья, незначительно от них отстает материальный достаток и свободное время; на последних позициях оказались политика, общественная деятельность и религия.

Наши казахстанские коллеги не включили вопрос с ранговой шкалой в анкету. Судя по чешским данным, структура смысложизненных ценностей у молодежи наших стран совпадает с точки зрения итоговой иерархии, хотя разброс мест здесь больше. Лидирует в ранжированном списке также семья (входит в тройку лидеров у большинства опрошенных), на втором месте (входят в пятерку лидеров) здоровье и друзья, на третьем месте – образование и работа, далее идут свободное время и материальный достаток, на последнем месте – религия.

Судя по Рисунку 7, смена акцентов в трактовке жизненного успеха не изменила представления российских студентов о том, какие личностные качества позволяют человеку его достичь. В первую очередь, это набор таких однозначно позитивных качеств, как трудолюбие, коммуникабельность, целеустремленность и способности (за исключением трудолюбия все качества немного потеряли в частоте упоминаний, как и практически все представленные в списке черты). Вторую группу наиболее значимых качеств, набравших свыше 20%, составили более разнородные черты (могут быть как положительными, так и отрицательными) – честолюбие и расчетливость, оптимизм и честность, упрямство и изворотливость, исполнительность, умение идти напролом в достижении цели и манипулировать окружающими. За десятилетие из этой группы выпала способ-

ность идти на компромисс (14% против 24% в 2006 году), что согласуется с приведенными выше данными о важности самореализации. Реже всего (менее 9%) студенты, как и прежде, называют негативные качества – коварство, цинизм, жадность и беспринципность, хотя в эту группу попала и щедрость.

Рисунок 7. «Как Вам кажется, какие личностные качества сегодня позволяют человеку достичь успеха?»

В выборе оснований успешной профессиональной карьеры студенты трех стран выразили удивительное единодушие в том смысле, что частота выборов вариантов ответов на этот вопрос говорит, что для успешной карьеры важно буквально все (Табл. 30).

Таблица 30

**На Ваш взгляд, что сегодня определяет
успешную профессиональную карьеру?**

Полностью согласен + скорее согласен	Москва	Астана	Прага
Собственные знания и умения	86%	81%	85%
Коммуникабельность, способность легко находить общий язык	84%	86%	87%
Трудолюбие, готовность много рабо- тать ради достижения цели	83%	78%	85%
Знание иностранного языка(ов)	77%	86%	93%
Наличие связей, знакомств	75%	75%	89%
Поддержка родителей, друзей и близких	71%	76%	51%
Удача, везение, случай	66%	61%	61%
Наличие диплома престижного вуза	62%	76%	67%

Тем не менее, можно отметить несколько различий. Так, чешские респонденты верят, в первую очередь, в личные качества – трудолюбие, знания, коммуникабельность и знание иностранного языка, но считают, что этот набор нужно подкрепить связями и знакомствами (называя их чаще российских и казахстанских сверстников, что не соответствует стереотипам о «западной» модели карьерного пути, в отличие от «традиционной» российской и казахстанской). Менее значимы для чешских студентов формальный критерий – диплом престижного вуза, трудно уловимая удача и поддержка родителей, друзей и близких, т.е. под связями и знакомства-

ми выше подразумеваются профессиональные контакты, что объясняет частоту выбора данного варианта. Различия между казахстанскими и российскими студентами незначительны, за исключением того, что первые чаще упоминают необходимость знать иностранный язык, а вторые чаще полагаются на диплом престижного вуза.

В будущее молодежь смотрит с надеждой и оптимизмом (каждый второй российский студент, 70% казахстанских респондентов), реже спокойно, без особых надежд и иллюзий (39% российских студентов, каждый пятый казахстанский респондент), но каждый десятый российский студент – с тревогой и неуверенностью (7% в казахстанской выборке). Результаты чешского опроса отличаются: треть опрошенных смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом, 37% – спокойно, но без особых надежд и иллюзий, а 27% – с тревогой и неуверенностью. Треть российских респондентов считает себя оптимистами (40% казахстанских, но 27% чешских), треть – реалистами (39% и 33%), каждый четвертый ориентируется по ситуации.

Таким образом, ценностная сфера студенческой молодежи трех стран по одним основаниям поразительно схожа, а по другим неожиданно различается. Так, нынешние студенты прагматично относятся к высшему образованию – как путевке во взрослую жизнь, в том числе по формальным критериям одипломливания, и не собираются ограничиваться дипломом бакалавра но российских студентов чаще устраивает статускво (вуз, в котором они учатся), тогда как их чешские и казахстанские сверстники предпочли бы иной вуз, желательно за границей. В целом чешские студенты более пессимистично настроены, например, оценивая свои шансы на легкое и быстрое трудоустройство по специальности, но пессимизм можно объяснить тем, что они предъявляют к трудоустройству более высокие требования в плане личностной самореализации и социальной значимости.

Вероятно, многие отличия в ответах чешских студентов можно объяснить характерной для научно-публицистической литературы отсылкой к «западному характеру» чешского общества. Российское общество, видимо, занимает некую промежуточную позицию, потому что по одним вопросам ближе чешскому, а по другим – казахстанскому. Скажем, по параметрам межличностного взаимодействия, в частности по устойчивости и надежности межпоколенных связей и опоры на семейно-родственный круг казахстанские студенты продемонстрировали большой «традиционализм», а чешские студенты чаще признаются в отсутствии друзей и восприятии этой ситуации как нормальной, но кредит доверия родителям в сложной жизненной ситуации у них столь же беспрецедентен.

В целом для чешских респондентов характерна большая консолидированность и определенность в выборе вариантов ответов: среди них практически нет затруднившихся назвать желаемое количество детей и доминирует ориентация на двухдетную семью; они отличаются высоким декларируемым индивидуализмом в определении масштабов личной ответственности, что объясняется высоким уровнем недовольства и недоверия государственным институтам и меньшими патерналистскими ожиданиями. У них в несколько раз выше (хотя речь идет об очень незначительных долях) наполнение градаций «другое» и более консолидированные мнения, что говорит об определенности жизненной ситуации с точки зрения восприятия окружающих реалий и собственной позиции в контексте ценностных предпочтений. Казахстанские студенты, наоборот, выделяются более высокими показателями конформности и социального оптимизма, что объясняется высоким уровнем доверия базовым социальным институтам, которое, в свою очередь, основывается на высокой оценке (гордости) не только прошлых достижений страны, но и ее настоящего.

ЧАСТЬ 4

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОБРАЗОВ СТРАН-СОСЕДЕЙ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСТВА

Методические компоненты оценки

В современном мире общественное мнение – базовый социальный институт и, судя по многочисленным примерам из новейшей истории целого ряда стран, играет важную роль по внутренней политике и потому используется государственными структурами и политическими силами для мобилизации населения в собственных интересах. В сфере внешней политики «потенциал» воздействия общественного мнения незначителен, вернее, лишь номинально и декларативно высок – как «опоры» государственных решений (поэтому политические лидеры и государственные чиновники, обосновывая неприятные для собственного реноме действия, любят ссылаться на то, что «этого хотят граждане страны»).

Стереотипы общественного сознания о странах-соседах формируются либо стихийно (скажем, в результате массовых туристических поездок в страну, которая геополитически и/или экономически не является важным партнером для государства), либо целенаправленно – когда государству важно получить поддержку своих действий на внешнеполитической арене. В последнем случае стереотипизация более ярко выражена и оценочна: официальный политический и медийный дискурс формирует в общественном сознании либо образ врага для оправдания агрессии, либо, наоборот, образ друга – для обоснования финансовой или иной помощи другой стране за счет своих налогоплательщиков. В качестве ярких примеров активного использования второго механизма формирования нужного вектора социальных представлений обычно приво-

дят демократические страны (прежде всего, США), «где законность силовой акции определяется общественным мнением... американские и другие западные лидеры прекрасно отдавали себе отчет, какую реакцию вызовут не сходявшие с телеэкранов кадры... массового исхода албанских беженцев из Косово... весной 1999 года общественное мнение поддержало вмешательство НАТО в косовский кризис; во Франции в начале бомбардировок его одобряли только 37%-38% населения, к концу апреля – уже до 70%».²⁷⁵

В последние десятилетия российской истории, в отличие от советского периода, ключевую роль в формировании образов стран-соседей в общественном сознании россиян играет первый механизм. Этому способствует и общий аполитизм нынешней жизни и политическая индифферентность россиян в особенности; и широкое распространение информационных технологий, благодаря чему различные организации и частные лица (например, популярные блоггеры) активно распространяют в социальных сетях собственные «образы» различных стран; и свобода географических передвижений, когда в погоне за впечатлениями мы фотографируем наиболее «экзотические» элементы социального ландшафта иных государств. В целом в России, США и многих других геополитически-имиджево успешных странах (считающихся основными игроками на мировой политической арене, несмотря на серьезные экономические проблемы и неудачные военные кампании; а неуспешные страны замкнуты на собственных проблемах и отвлекаются на международную обстановку, только если популистские решения требуют мобилизации фактора внешней угрозы) общественное мнение традиционно озабочено главным образом внутренними проблемами, социальными и экономическими, и среднестатистический гражданин

---

²⁷⁵ Колосов В. «Низкая» и «высокая» геополитика // <http://bd.fom.ru/report/map/oz02061904>.

сравнительно редко (если вообще когда-либо) вспоминает о внешней политике – обычно в периоды радикальной перестройки мировой архитектуры или в кризисных ситуациях (вооруженного противостояния или насильственной смены политического режима в «банановой республике»), особенно если они противоречат его картине мира («не может быть!») или затрагивают личные интересы (Министерство иностранных дел Российской Федерации не рекомендует ему выезжать на любимый курорт).

Вот почему та геополитическая картина мира, которая в большей степени стихийно складывается в массовом сознании, обычно отличается от реального положения дел на международной арене, в том числе, с точки зрения отношений России с теми или иными странами. В современном мире, где бурно развиваются массовые информационные и коммуникационные технологии и сфера туризма и путешествий, качество знаний о зарубежье снизилось, соответственно, расширилось поле и возможности для распространения поверхностных стереотипных и мифологизированных представлений, причем среди как рядовых граждан, так и публичных политиков (судя по мировым средствам массовой информации, тут «отличился» экс-президент Джордж Буш-младший, допустивший немало географических и геополитических ляпов).

В этой ситуации кроется несколько проблем: во-первых именно мифологемы все в большей степени определяют восприятие массовым сознанием геополитического порядка как легитимного или неправильного. Во-вторых, общественное мнение подвержено резким колебаниям, потому что даже частное событие, в сложившийся стереотипный образ не вписывающееся, может мгновенно изменить вектор восприятия страны на прямо противоположный. В-третьих, в социологических исследованиях мы вынуждены «замерять» именно стереотипный «шум», сформировавшийся в общественном

сознании под воздействием средств массовой информации и политических манипулятивных технологий, причем, если образы стран и событий на международной арене существенно различаются у крупных социально-демографических и/или идеологических «сегментов» общественной структуры, то учитывающий лишь общие стереотипы инструментарий может не выявить конфликтующие мировоззренческие взгляды. Тем не менее, замерять этот «шум» необходимо для оценки состояния общественного сознания и прогнозирования его развития, пусть и в формате выявления упрощенного стержневого образа других стран – у каждой из них он будет складываться из разных элементов, учитывающих ее «объективный» геополитический статус и взаимоотношения с Россией в прошлом и в настоящем.

Подобные исследования проводятся в России с конца 1990-х – начала 2000-х годов. В частности, можно назвать серию опросов, проведенную Фондом «Общественное мнение» под общим названием «Геопроект» (список состоял из примерно сорока ведущих держав и нескольких средних и малых стран, играющих заметную роль в мировой политике). Эти опросы уже в 2000–2001 годы показали, что представления россиян о ведущих мировых державах весьма монолитны и сфокусированы на их базовых геополитических характеристиках (например, в случае Китая они так или иначе связаны с его гигантскими размерами и растущей ролью в мировой политике и экономике), тогда как структура представлений о небольших странах, не играющих в мире важной геополитической роли, разнообразна (скажем, образ Греции оказался причудливой смесью исторических и мифических фактов, дополненных знаниями о греческих товарах и курортах). Еще десять лет назад по результатам опросов и фокус-групп исследователи ФОМа сделали вывод, что «представление о Китае как о гигантской быстро развивающейся державе заставляет рос-

сийских граждан полагать, что для России отношения с этой страной важнее, чем с США. Еще вполне живы воспоминания о противостоянии между СССР и Китаем в 1960–1970-х годах, о вооруженных столкновениях на границе (1969). В сочетании эти ассоциации могут привести к достаточно опасным фобиям».²⁷⁶ Это лишь одно из подтверждений необходимости изучать образы стран-соседей в общественном мнении.

Социологическая лаборатория РУДН совместно с Пекинским Центром исследований детства и юношества, Белградским государственным университетом и Сербской академией образования неоднократно проводила оценку базовых доминант мировоззрения студенческой молодежи. В 2010–2011 годах мы впервые дополнили к этому времени уже неоднократно апробированный опросный лист новым тематическим блоком, призванным показать, какой образ стран-соседей складывается в сознании студенческой молодежи (дополнительный блок вопросов был небольшим, чтобы, с одной стороны, содержательно не перегружать анкету и не удлинять процедуру опроса сверх оптимальных для него временных параметров; с другой стороны, чтобы в максимально несензитивной форме «снять» базовые ассоциации и стереотипы в отношении других стран).

В разработке инструментария исследования мы исходили из убеждения, что аналитическая оптика изучения собирательных образов других стран должна учитывать два принципиальных обстоятельства: во-первых, политическая риторика и информационный «шум» средств массовой коммуникации всегда формируют определенный стереотипный образ некоторой страны и ее типичного жителя; во-вторых, однажды сформировавшись, он обретает устойчивость, как любой стереотип, упрощающий повседневную жизнь за счет экономии усилий по идентификации незнакомых объектов (которые

²⁷⁶ Колосов В. «Низкая» и «высокая» геополитика // <http://bd.fom.ru/report/map/oz02061904>.

мы не то чтобы не желаем знать, а, скорее, реально оцениваем собственные шансы близкого знакомства с ними как нулевые), и определяет наше социальное восприятие.

Как только в исследовании возникает понятие «стереотип», мы неизбежно обращаемся к работам У. Липмана: со времени введения им в категориальный аппарат социологии данного понятия и его концептуальной проработки в социальном мире и механизмах его «картографирования» мало что изменилось. Как десятилетия и столетия назад, мы способны и все чаще (в силу усложнения и информационного насыщения социального мира) вынуждены выхватывать из действительности некоторые фрагменты: «Человек – не аристотелевский бог, озирающий все сущее единым взглядом, а продукт эволюции, который может выхватить фрагмент реальности, достаточный, чтобы выжить, и в потоке времени поймать несколько моментов озарения и счастья. Постепенно он создает для себя и в своей голове заслуживающую доверия картину мира, находящегося за пределами его досягаемости».²⁷⁷ Пока человек не имеет личного опыта (включенного наблюдения) и/или не предпринимает усилий по сбору разноплановой информации об интересующей его стране из разных источников (признаемся честно, мало кто из нас этим занимается), он продолжает жить в (счастливом для себя) плену стереотипов о других странах и их типичных жителях. Если этот плен дарует ему спокойствие и уверенность в завтрашнем дне, то никакой личный опыт не разрушит устойчивые стереотипы: «восприятие фактов фильтруется в моральном отношении через селективный взгляд, направляемый стереотипами... видят то, что ожидают увидеть, моральной оценкой руководит эмоционально окрашенный стереотип, символ, фантазия... усеченное видение».²⁷⁸

---

²⁷⁷ Липман У. Общественное мнение. М., 2004. С. 27.

²⁷⁸ Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

Поскольку сотрудничество с нашими китайскими коллегами имело более стабильную многолетнюю основу, а образ Китая должен быть вполне сложившимся в сознании российской молодежи (по причине «укорененности» страны в российском государственном дискурсе и медийной риторике), первоначально небольшой тематический блок вопросов был апробирован в анкетировании московских студентов с целью выявления устойчивого образа Китая в данной социально-демографической группе. Вполне очевидно, что образ Сербии был бы менее четким в сознании студенческой молодежи по целому ряду причин: небольшая территория страны (а, значит, и меньшая геополитическая роль и «статус» в политическом и медийном дискурсе); редкая и событийно фиксированная актуализация сербской тематики в средствах массовой информации (обычно речь идет не о Сербии как таковой, а о поведении ведущих мировых держав по отношению к ней); отсутствие научного и публицистического интереса к Восточной и Центральной Европе в целом, не говоря уже об образе этих стран в российском обществе.

В то же время реформирование китайской экономики постоянно привлекает внимание отечественных ученых и публицистов, разочарованных ходом преобразований в России и потому рассматривающих китайский вариант как реальный пример иного, гибкого, творческого и одновременно прагматичного пути к рынку (в России же, наоборот, складывается впечатление, что идеология и политика зачастую довлеют над сугубо прагматическими задачами). Китайский вариант «социалистической рыночной экономики» характеризуется многоукладностью и распространением рыночных отношений при сохранении государственного регулирования хозяйственной деятельности в интересах роста социального благосостояния и часто квалифицируется российскими исследователями как упущенный политическим руководством

нашей страны оптимальный вариант реформирования. Россию и Китай многое сближает: геополитическая закрытость в прошлом (обуславливающая публицистический рефрен об особом пути в связи с запоздалой модернизацией), многонациональный и многоконфессиональный характер (что приводит к схожим проблемам в выработке национальной и миграционной политики), взаимная интеграция благодаря, прежде всего, общности границ и мобильности населения и т.д.

Значимые различия наших стран детерминированы, в первую очередь, социальными особенностями реформ – в отличие от российского реформаторского радикализма, Китай отличает последовательное сочетание социалистической и капиталистической концепций, планового и рыночного способов хозяйствования²⁷⁹: отказ от разрушения и критики прошлого; предварительная теоретическая проработка реформ под руководством и контролем правительства; отказ от «чужих рецептов» ради «строительства социализма с китайской спецификой» и от обвальной либерализации экономики; развитие многообразных форм собственности и т.д. Сравнивая экономические реформы на начальных этапах, китайские ученые констатировали, что в Китае сначала «создают теорию, а затем педантично ей следуют», а в России «учатся плавать, бросившись в реку».²⁸⁰ Например, в России была обновлена вся государственная и политическая система, тогда как в Китае реформы были менее радикальными.²⁸¹

Более того, образы Китая и китайцев в России – также вполне устойчивая проблематика научно-исследовательских и публицистических изысканий. Например, В. С. Мясников,

²⁷⁹ *Пивоварова Э.* Уроки хозяйственной реформы в КНР // Российский экономический журнал. 1997. № 5–6. С. 67.

²⁸⁰ Там же. С. 68.

²⁸¹ *Бао Ш.* Сравнение реформ в России и Китае // Китайские политологи о характере и результатах перестройки в России в «эпоху Ельцина». Экспресс-информация Института Дальнего Востока РАН. 2000. № 4.

специалист по российско-китайским отношениям, эксперт с российской стороны по установлению границ перед подписанием договора о сотрудничестве России и Китая в 2001 году, называет в качестве главных черт «этнопсихологии китайского этноса» хитрость («составлять планы, стратагемы, ... в которых содержатся ловушки для партнера»), трудолюбие, упорство характера, черту, «которая идет от конфуцианской идеологии» – взаимопомощь.²⁸² Формирование устойчивых стереотипных представлений российского общественного сознания о Китае и китайцах он связывает с периодом строительства сибирской магистрали, когда сотни тысяч китайцев были приглашены на работу (с тех пор в России сильно убеждение, что китаец хорошо работает); с массовым участием китайцев в гражданской войне на стороне красных (это были лучшие пулеметчики), что породило убеждение, что они исключительные воины; с тем, что после победы китайской народной революции в начале 1950-х годов в российских вузах обучалось много китайцев, которые показали себя упорными, трудолюбивыми, настойчивыми, честно отработывавшими то, за чем их послали (получать знания).

В последние годы китайское направление – наиболее перспективное в российской внешней политике, о чем может свидетельствовать беспрецедентное по масштабам проведение и освещение в средствах массовой информации национальных годов обеих стран (2006–2007), которые по китайской инициативе продолжились объявлением годов русского и китайского языков в 2009–2010 годах. Данные мероприятия рассматриваются иногда как прямая причина смены вектора российского общественного мнения в отношении Китая: если в 2006 году, по данным опроса ВЦИОМ, большинство россиян воспринимали Китай как второго после США потенци-

---

²⁸² Мясников В.С. Об образе Китая в России // <http://magazeta.com/columns//glevfedorov/2007/06/10/myasnikov>.

ального врага России, то уже через год большинство респондентов высказало мнение, что Китай – наоборот, наиболее дружественная нам страна.²⁸³ Безусловно, подобные тренды в общественном мнении – и закономерный результат активного сотрудничества двух стран, и итог деятельности средств массовой информации, в частности, продуманной стратегии по созданию позитивного образа Китая в России в программах международного радио Китая, где используются приемы гиперболизации (каждый факт сводится к положительному знаменателю и используется как информационный повод для сообщений о достижениях КНР); персонификации достижений (зарубежной аудитории предлагается собирательный образ китайца в формате многочисленных примеров успешных людей, представляющих разные социальные слои, что формирует стереотип о благополучии страны); сравнения на основе контраста, что позволяет преподнести Китай в более выигрышном свете по отношению к другим странам, прежде всего, к России (образ российского предпринимателя часто подается через призму таких качеств, как ненадежность, непредсказуемость; китайского – наоборот, как человека ответственного и серьезного, что формирует стереотип заинтересованности россиян в сотрудничестве с китайцами) и т.д.

В литературе встречается мнение, что «российское фундаментальное образование давало и дает общие представления о восточных цивилизациях, государствах, их истории и культуре. Наибольшее внимание этому уделено в средних классах школы при изучении истории древнего мира. В ходе изучения... новой и новейшей истории любые упоминания о Китае носят отрывочный характер (по сравнению с историей России и стран Европы). Таким образом, основное представление о Китае и китайцах закладывается в подростковом возрасте

---

²⁸³ *Монастырева О. В.* Специфика коммуникативной стратегии в программах на русском языке Международного радио Китая // Медиаскоп. 2009. № 2.

на уровне впечатления – красочных рассказов об огромной цивилизации и могучем народе, богатейшей китайской культуре и произведениях искусства, научных достижениях... Россиян восхищают императорские династии, красивые дворцовые церемонии с пышными одеждами, боевые искусства, китайские изобретения (порох и фейерверк, компас, бумага, шелк, оттисковое книгопечатание и др.), необычная храмовая архитектура, своеобразная поэзия, язык и иероглифика, китайское трудолюбие, символизируемое огромными рисовыми полями, религиозность, высокая нравственность (буддизм, нормы этики и морали конфуцианства)... В результате подрастают самые поверхностные, несколько однобокие знания, основанные на впечатлениях масштабности, необычности, непохожести на русское... До сих пор характерно наличие широко распространенных стереотипов в восприятии россиянами китайцев... как людей прилежных и трудолюбивых, но в то же время не слишком сообразительных и с налетом провинциализма (в противоположность европейцам), а Китая как страны с громадным населением, готовым хлынуть в другие страны, в первую очередь Россию».²⁸⁴

По юмористическому замечанию, все человечество по отношению к Китаю можно поделить на три категории: «синофилы, синофобы и равнодушные»²⁸⁵: среди профессионально занимающихся Китаем или шире – Востоком – представлены только первые две категории; в российском широком околополитическом, политологическом и бытовом пространствах преобладает скорее синофобия или синомифология. «Прокитайскую» позицию обычно занимают сторонники «патриотического социализма» (например, члены КПРФ), которые

---

²⁸⁴ Лю Ю. Образ Китая в зеркале политической корректности российского общества // <http://www.ia-centr.ru/expert/2415>.

²⁸⁵ Лукин А. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения // Неприкосновенный запас. 2003. № 3.

видят в Китае пример социалистической страны, решившей задачу создания мощного государства, успешно противостоящего Западу на международной арене, повысившего жизненный уровень населения, эффективно развивающего экономику и одновременно сохранившего власть компартии, а также сторонники тесных отношений с Китаем по геополитическим соображениям; антикитайскую позицию – люди, придерживающиеся самых разных взглядов (от радикальных западников до крайних националистов).

Работ, посвященных логике формирования имиджа Китая в России, немного, поскольку взаимоотношения России с Китаем – тема, актуальная скорее для части регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, граничащих с Китаем, а не всего российского общественного мнения. В зависимости от конкретной международной и внутривосточной ситуации отношение к Китаю в общественном мнении колебалось от идей «братания с угнетенными народными массами Китая» до откровенных антикитайских настроений; с 1960-х годов среди советской интеллигенции наметился всплеск интереса к китайским верованиям, которые проникали в Советский Союз в предельно искаженных формах. Анализ этих колебаний позволяет исследователям характеризовать развитие образа Китая в России как типичный пример эволюции представлений, которые не столько качественно трансформируются с течением времени, сколько меняют уже давно исторически сложившиеся акценты в новых социально-экономических и геополитических контекстах²⁸⁶: устойчивое убеждение в особой дружественности российско-китайских отношений – на геополитические опасения перед Китаем как враждебной, отсталой (по сравнению с цивилизованным Западом) страной, которая понимает лишь язык силы, и обратно (мотивы для

²⁸⁶ Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.

спокойствия или опасений варьируют в исторической перспективе).

Тем не менее, количество опросов, в том или ином формате затрагивающих проблематику российско-китайских имиджей среди жителей двух стран, постоянно растет. Например, по данным зондажа общественного мнения в Хабаровске в августе-сентябре 2004 года, основным источником представлений россиян о китайцах является собственный опыт общения, аналогичный опыт родственников и знакомых, информация средств массовой информации. При этом только у каждого четвертого есть знакомые китайцы (одноклассник, коллега по работе, знакомый торговец на рынке), менее 10% имеют друзей-китайцев. Опрос молодежи в Чите и российских и китайских граждан в Забайкальске в 2006 году, призванный охарактеризовать образ россиян в глазах простых китайцев, которые регулярно выезжают на заработки в Россию, и, аналогично, россиян, которые также регулярно выезжают в Китай, показал, что россияне выделяют в качестве базовых позитивных черт китайского населения трудолюбие (43%), целеустремленность (55%) и коллективизм (61%); негативных – корыстолюбие (43%), угодничество (39%), эгоизм, трусость и равнодушие (примерно каждый четвертый).²⁸⁷ Отвечая на вопрос, какие черты им нравятся в русском населении, китайские респонденты выделили душевность/доброту (75%) и честность (50%); среди недостатков – пьянство (72%), корыстолюбие, эгоизм и тунеядство (примерно каждый четвертый). Большая часть опрошенных жителей КНР считает, что возможность захвата российских территорий Китаем в будущем и враждебных отношений двух стран исключена (76%) – примерно столько же россиян считают китайцев друзьями. Менее бла-

---

²⁸⁷ Алагуева Т., Васильева К., Островский А. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4.

годушно настроены в отношении Китая жители Забайкальска и Читы (вступает в действие актуализированный мотив взаимоотношений): более половины уверены, что «если власти пустят ситуацию на самотек, захват (Китаем российских территорий) может произойти» (58%), «это реально, к этому все идет» (29%).

Хотя образы Китая и китайцев в России – вполне устойчивая проблематика научно-исследовательских и публицистических изысканий,²⁸⁸ работ, посвященных формированию и содержательным акцентам имиджа Китая в России, немного, поскольку взаимоотношения двух стран имеют скорее региональную актуальность – они важны для части регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, граничащих с Китаем, а не для всего российского общественного мнения.²⁸⁹ В целом сложившийся в сознании 42% россиян образ Китая носит скорее позитивный оттенок,²⁹⁰ особенно если речь идет о людях старшего возраста и респондентах с высшим образованием, тогда как о негативном образе Китая говорят 12%, причем чаще (29%) именно жители Дальнего Востока. 67% россиян считают Китай дружественным по отношению к России государством (18% – недружественным), на Дальнем Востоке 34% считают его недружественным (противоположного мнения придерживается 58%), ухудшение отношений прогнозирует каждый пятый.²⁹¹

Эти данные вполне объяснимы в свете того, что регионально сфокусированная российская озабоченность экспансией

---

²⁸⁸ См., напр.: *Мясников В.С.* Об образе Китая в России // <http://magazeta.com/columns/glevfedorov/2007/06/10/myasnikov>.

²⁸⁹ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.

²⁹⁰ *Алагуева Т., Васильева К., Островский А.* Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 4.

²⁹¹ *Геопроект: Китай* // <http://bd.fom.ru/report/map/dd012232>.

Китай на дальневосточные и сибирские территории нередко звучит со страниц средств массовой информации в формате алармистских высказываний о том, что два миллиона китайцев ежегодно нелегально остаются в России, хотя это не подтверждается официальными данными: «Привычным тезисом в вопросе о страшной “китайской миграции” является отсутствие точных данных. Авторы так и пишут, что никто точно не знает, сколько китайцев в России, но, наверное, уже миллионы, но “при рассмотрении фактических данных китаисты вынуждены были сделать вывод о незначительном характере китайской нелегальной иммиграции. Однако в многочисленных статьях продолжают утверждать, что счет нелегальных мигрантов из Китая идет на миллионы, а также постоянно воспроизводится метафора о союзе России с Китаем, как союзе “кролика и удава”».²⁹²

Тем не менее, опросы общественного мнения не фиксируют особой тревоги россиян в отношении восточного соседа: практически каждый второй относится к Китаю скорее равнодушно, и даже жители Дальнего Востока втрое чаще питают к этой стране симпатию, чем антипатию (соответственно, 53% и 18%). В качестве причин такого геополитического спокойствия обычно называются²⁹³: довольно благожелательное отношение россиян к китайцам в целом на уровне устойчивых стереотипов массового сознания (трудолюбивы, сплоченны, дружелюбны, политическое руководство мудро и компетентно); демографическая ситуация не то чтобы оправдывает китайскую экспансию, но побуждает относиться к ней с пониманием (китайцы не считаются виноватыми в гигантском демографическом дисбалансе); респонденты уверены в необходимости поддерживать и развивать добрососедские отношения с таким мощным

---

²⁹² Мясников В.С. Об образе Китая в России // <http://magazeta.com/columns//glevfedorov/2007/06/10/myasnikov>.

²⁹³ Геопроект: Китай // <http://bd.fom.ru/report/map/dd012232>.

соседом, как Китай, который, по оценкам 44% опрошенных в ближайшие 10 лет займет лидирующие позиции в мировой экономике и политике. Треть респондентов утверждает, что образ Китая в их представлении нейтрален, особенно молодежь (каждый второй). Сравнивая Россию с Китаем, россияне, как правило, отмечают, что Китай развивается более успешно (67%), а Россия имеет большее влияние в мире (73%). Китай вошел и в тройку лидеров стран (наряду с Белоруссией, которая вызывает наибольшие политические симпатии у россиян старшего возраста, и Германией), являющихся для России нужным и ценным партнером, с которым стране важно поддерживать тесные, хорошие отношения.

Итак, опросный инструментальный нашего эмпирического исследования включил в себя следующие вопросы: тематический блок об источниках получения информации о Китае (семь закрытых вопросов в табличной форме); просьба написать имена трех известных респонденту китайских общественных деятелей (открытый вопрос); вопрос-меню, в котором респонденту из 21 закрытия предлагалось выбрать не более пяти наиболее, на его взгляд, соответствующих менталитету и поведению китайцев характеристик; вопрос-меню, в котором респондент должен был выбрать из предложенного списка три страны, к которым он относится наиболее положительно, или написать собственный вариант (не упомянутую в списке страну в варианте «другое»); закрытые вопросы, оценивающие интерес респондента совершить поездку в Китай и характеризующие восприятие влияния на Россию отношений с Китаем; табулированный набор суждений о китайском общественном развитии, по каждому из которых респондент должен был выразить степень своего согласия; закрытый вопрос, оценивающий заинтересованность в изучении китайского языка.

Опросный инструментальный для идентификации содержательных доминант собирательного образа Сербии в воспри-

ятии российских студентов был несколько модифицирован и в итоге включил в себя следующие вопросы: тот же тематический блок об источниках получения сведений о стране, где, с учетом меньшего информационного «шума» в отношении Сербии по сравнению с Китаем и Казахстаном, две градации были объединены в одну (получение информации из печатных средств массовой информации), вопрос о поездке в страну вынесен в отдельный (Сербия не представляет собой важного туристического направления и ее посещаемость могла «затеряться» в вариантах информирования о стране), убран вопрос о получении информации из кинофильмов (в отличие от широко известного в мире китайского кинематографа, сербский вряд ли вызовет какие-то ассоциации в массовом сознании россиян, в принципе, даже если респонденты смотрели сербские фильмы, они вряд ли запомнили их в качестве таковых); вопрос-меню с просьбой выбрать любое количество ответов, соответствующих ассоциациям респондентов со словом «Сербия» (можно было написать и свой вариант ответа); аналогичные инструментарию по Китаю и Казахстану просьба написать имена трех известных сербских общественных деятелей (открытый вопрос), вопрос-меню, в котором респонденту из 21 закрытия предлагалось выбрать не более пяти наиболее соответствующих менталитету и поведению сербов характеристик (была добавлена возможность написать собственный вариант), и вопрос-меню, в котором респондент должен был выбрать из списка три страны, к которым он относится наиболее положительно, или написать собственный вариант (в каждом из трех опросов в этом списке фигурировал Китай, но Казахстан и Сербия добавлялись только в «своих» анкетах); закрытый вопрос, предлагающий оценить степень дружелюбности взаимоотношений России и Сербии; аналогичный инструментарию по Китаю и Казахстану закрытый вопрос, характеризующий восприятие респонден-

том влияния на Россию отношений с Сербией; закрытый вопрос-самооценка респондентом уровня информированности о Сербии (от «специалиста» до вообще не понимающего, что это за страна и где она находится, – вполне актуальный вопрос для небольших государств Европы, карта которой выглядит как лоскутное одеяло на фоне просторов Казахстана, не говоря уже о Китае); закрытые вопросы, оценивающие заинтересованность респондентов в изучении сербского языка и поездке в Сербию.

Содержательные результаты оценки

Если говорить о некотором обобщенном образе Китая, который стал очевиден в результате использования данного опросного инструментария в анкетировании репрезентативной выборочной совокупности студентов московских вузов в 2011 году, то складывался он, прежде всего, благодаря средствам массовой информации. В качестве известных китайских общественных деятелей московские студенты назвали Мао Цзэдуна (71%), на втором месте – Конфуций (33%), на третьем – Ху Дзинтао и Джеки Чан (по 15%). Сложившийся у российских студентов собирательный образ типичного жителя Поднебесной таков: трудолюбивый, дисциплинированный патриот-коллективист, семейственный, легко обучаемый, почитающий науку и воспитанный (вполне однозначный и позитивный образ). Общий образ Китая у московских студентов также положителен – страна со все возрастающей ролью в мире (54%) благодаря быстрому экономическому росту (58%) и успешному реформированию (48%), причем каждый четвертый московский студент уверен, что России следует ему поучиться. 28% полагают, что бурное развитие КНР угрожает государственной безопасности России, а 44% увере-

но, что российско-китайский союз будет играть важную роль в мировой геополитической структуре.

Образ России у китайских студентов тоже складывается, прежде всего, благодаря средствам массовой информации (в получении сведений о другой стране к ним обращались 93% пекинских респондентов) и особенно Интернету (66%). 82% имеют представление о российском кинематографе; лишь 9% посещали Россию, порядка 40% хотели бы это сделать. В качестве известных российских общественных деятелей пекинские студенты назвали Путина (67%), на втором месте оказался Ленин (44%), на третьем – Ельцин (29%) и Сталин (28%), на четвертом – Горький (18%) и Толстой (17%), на пятом – Пушкин (10%), Мария Шарапова (9%) и Чайковский (8%). Сложившийся у китайских студентов собирательный образ типичного россиянина таков: патриот, семейственный, верный и честный, но в то же время дикий и коварный; почитающий науки, миролюбивый и оптимистичный, трудолюбивый и ленивый одновременно (Табл. 1).

Таблица 1

Какие из характеристик соответствуют менталитету и поведению	китайца?	россиянина?
патриотизм	50%	55%
семейственность	41%	37%
честность	12%	29%
дисциплина	50%	15%
верность	13%	37%
дикость	7%	26%
романтизм	3%	10%
трудолюбие	64%	17%
коллективизм	56%	8%
коварство	8%	19%
реализм	9%	4%
индивидуализм	8%	6%
воспитанность	19%	14%

Какие из характеристик соответствуют менталитету и поведению	китайца?	россиянина?
миролюбие	10%	23%
лень	6%	20%
воинственность	9%	15%
обучаемость	25%	12%
великодушие	7%	15%
оптимизм	7%	18%
свободолюбие	5%	15%
почитание науки	22%	19%

Наиболее положительно пекинские студенты относятся к 1) Франции, Швейцарии, Германии, 2) России, США, Англии, Южной Кореи и Кубе; московские (причем их мнение менее консолидированно) – к 1) Японии, Франции, Германии, Англии, Швейцарии, 2) США и Китаю, т.е. наши страны пока еще не на первом месте по привлекательности и позитивности восприятия друг у друга (Табл. 2). Тем не менее, отношения России и Китая рассматривались как несущие каждой из стран массу позитивных моментов (так считали 73% московских и 84% пекинских студентов). Собираемый образ России, который сложился у пекинских студентов, – страна, играющая значимую роль не только в регионе (44%), но и в последние двадцать лет в мире (46%), сильная своей армией, но не очень успешно прошедшая этап реформирования (по сравнению с Китаем).

Таблица 2

Укажите, к каким трем странам Вы относитесь наиболее положительно	Московские студенты	Пекинские студенты
США	17%	22%
Япония	33%	7%
Китай	20%	
Россия		26%
Франция	30%	49%

Укажите, к каким трем странам Вы относитесь наиболее положительно	Московские студенты	Пекинские студенты
Германия	30%	44%
Англия	36%	25%
Швейцария	28%	50%
Южная Корея	7%	22%
Белоруссия	11%	1%
Украина	12%	3%
Чехия	10%	4%
Северная Корея	2%	8%
Куба	13%	21%
Австралия	14%	7%
Египет	8%	3%

Апробированный опросный инструментарий мы использовали для выявления собирательного образа Казахстана в глазах московского студенчества. Конечно, его геополитическая роль, медийная представленность и риторическая артикуляция в российском внешнеполитическом дискурсе по определению уступают китайским, но, тем не менее, среди иных стран СНГ именно Казахстан выступает наиболее нейтральным (и даже позитивно настроенным) экономическим и политическим партнером России в сообщениях средств массовой информации и заявлениях политических лидеров. Как и в случае с Китаем, обобщенный образ Казахстана складывался, прежде всего, под влиянием средств массовой информации, однако данный источник сведений о стране оказался столь же значим, как и общение с казахстанскими знакомым/друзьями (так утверждали около половины опрошенных). К Интернету в поисках информации о Казахстане обращалась треть респондентов; не менее важны в формировании образа Казахстана и культурные «артефакты» – фильмы, песни, книги (как ни странно, но около трети имеют представление о казахстанском кинематографе,

музыке и литературе). 90% никогда не были в Казахстане (здесь цифры вполне схожи с «китайским» опросом – 86%).

В качестве известных казахстанских общественных деятелей 80% назвали президента страны Нарсултана Назарбаева; остальные значимые для московских респондентов фигуры набрали не более 5%-7% упоминаний, причем сюда вошел не только Абай (Кунанбаев) (7%) – поэт, философ, композитор, просветитель, мыслитель, общественный деятель, основоположник казахской письменной литературы, но и Чингиз Айтматов (5%) – киргизский писатель, что говорит о смутных представлениях молодежи о страновой принадлежности ключевых для советского периода персоналий. Сложившийся у российских студентов собирательный образ типичного казаха в основном положителен: семейственный, патриот, коллективист, трудолюбивый; примерно каждый четвертый полагает, что казахи свободо- и миролюбивы, дисциплинированы и в то же время воинственны.

84% отмечали положительное влияние Казахстана на Россию: 14% считают, что взаимоотношения наших стран приносят России значительную пользу, а 70% – что плюсов в наших отношениях больше, чем минусов. Однако в целом у студентов не сложился однозначный образ Казахстана, поскольку 60% полагают, что мало что знают о стране. Считающие себя вполне осведомленными уверены, что российско-казахстанский союз будет играть важную роль в мировой геополитической структуре, потому что Казахстан выбрал успешный путь реформирования – это не бедная отсталая страна, пусть пока и не перегоняющая российскую экономику, но играющая все возрастающую роль в мире. 60% убеждены, что Россия и Казахстан – добрые соседи, и бурное развитие Казахстана не угрожает безопасности нашей страны.

Следует отметить, что в геополитическом контексте актуализация образа Казахстана в российском общественном мнени-

нии под влиянием политического и медийного дискурса в значительной степени обусловлена укреплением его позиций на международной арене после визита Нарсултана Назарбаева в Китай (в конце 2006 – начале 2007) и подписания ряда соглашений между двумя странами, которые, в том числе, знаменуют геополитический отход Казахстана от России, пусть таковой, «в отличие от аналогичного движения Азербайджана, практически не афишируется в российских средствах массовой информации... формула “Казахстан плюс Китай минус Россия” в наибольшей степени характеризует те изменения, которые произошли во внешней политике Казахстана... В российских средствах массовой информации данные соглашения не попали в фокус общественного внимания. Более того, привычно позиционировалось, что в Казахстане успешно функционируют РАО ЕЭС, Газпром и то, что ВВП Казахстана на половину формируется российскими инвестициями»,²⁹⁴ чтобы поддержать геополитический имидж России как ключевого игрока на территории СНГ.

Некоторым подтверждением отмеченной актуализации могут служить результаты общероссийского репрезентативного опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в апреле 2007 года²⁹⁵: с 2002 года доля знающих о том, какой город является столицей Казахстана, выросла на 10% (41%); Казахстан в представлении россиян выглядит более «отсталой» страной по сравнению с Россией – 46% уверены, что россияне живут богаче, обеспеченнее, у них больше демократических прав и свобод, Россия после распада Советского Союза развивается успешней; зафиксированный в 2002 году образ Казахстана в массовом сознании – степной край и бывшая советская республика, унаследовавшая космодром Байконур

---

²⁹⁴ Маслов О. Ю., Прудник А. В. Казахстан начала XXI века как Польша перед 1939 годом // <http://www.polit.nnov.ru/2007/01/30/kazakhstan>.

²⁹⁵ Отношение к Казахстану // http://bd.fom.ru/report/cat/count_/kazakhstan/d071827.

и запомнившаяся «покорением целины» – постепенно размывается (такие ассоциации сохранились, но звучат в два раза реже). Что касается российско-казахстанских отношений, то 72% считали их хорошими, 80% убеждены, что России нужно стремиться к более тесному взаимодействию с Казахстаном, 50% симпатизировали президенту Назарбаеву.

Вполне предсказуемо образ Сербии в молодежном восприятии также складывался благодаря средствам массовой информации (в получении сведений о другой стране к ним обращались 80%), особенно Интернету (54%). Лишь 11% московских студентов посетили Сербию хотя бы раз в жизни (но это очень большой для масштабов страны показатель, учитывая, что аналогичный процент побывавших в Китае составляет 15%, а в Казахстане – 10%, но он, скорее всего, связан с транзитным проездом через Сербию и региональными туристическими программами). Свой уровень информированности о Сербии студенты оценили как крайне низкий, что, видимо, объективно отражает реальное положение дел: каждый третий не представляет себе, что это за страна и где она находится (32%), каждый второй имеет о ней самое общее представление (58%), т.е. в ответах студентов мы видим именно социальные стереотипы. Низкий уровень информированности о стране обуславливает то, что основная ассоциация с названием «Сербия» – географическая (страна на Балканском полуострове); вторую по частоте упоминаний группу ассоциаций формируют высказывания геополитического толка, соответствующие наиболее частотному наполнению медийного дискурса о Сербии (страна, постоянно вовлеченная в этнополитические конфликты с другими бывшими странами Югославии, на территории которой проживает близкий нам славянским происхождением и православной верой народ). Последнюю по значимости группу ассоциаций, выбранную каждым пятым респондентом, составил набор из геополитических (наиболее дружелюбная по отношению к России страна Европы с высоко патриотичным народом) и туристических (хорошее место для отдыха с прекрасной природой) клише (Табл. 3).

В качестве известных сербских общественных деятелей московские студенты назвали Слободана Милошевича – видного политического деятеля, отстаивавшего политические интересы и независимость сербов, который был осужден Гаагским трибуналом за преступления против косовских албанцев и скончался, не дождавшись приговора суда (8%); Бориса Тадича – президента Сербии с 2004 по 2012 годы (5%); Эмира Кустурицу – известный музыкант и кинорежиссер, прославившийся своими гротескными музыкальными комедиями и драмами о сербской жизни (4%) и Воислава Коштуницу – президента Югославии в 2000–2003 годы, премьер-министра Сербии в 2004–2008 гг., основателя и лидера Демократической партии Сербии (3%) (Табл. 4).

Таблица 3

Какие ассоциации у вас возникают, когда вы слышите о Сербии?	
Страна на Балканском полуострове	47%
Страна со сложными этнополитическими отношениями с бывшими странами Югославии	33,7%
Близкий России славянским происхождением и православной верой народ	33,1%
Страна, постоянно вовлеченная в политические конфликты	31,1%
Страна с прекрасной природой	21,8%
Наиболее дружелюбная по отношению к России страна Европы	18,7%
Хорошее туристическое место	17,7%
Страна со славными культурными традициями	15,2%
Страна с высоко патриотичным народом	15%
Страна с самобытной кухней	12,5%

В «конкретно-человеческом» измерении в наибольшей степени проявились различия в степени осведомленности московских студентов о Сербии и Китае: в последнем случае лидеры наиболее известных общественных деятелей в открытом вопросе набирали на порядок больше упоминаний – Мао Цзэдун (71%), Конфуций (33%), Ху Дзинтао и Джеки Чан (по 15%).

Таблица 4

Десятка наиболее известных российской молодежи сербов	
Слободан Милошевич	7,8%
Борис Тадич	5,3%
Эмир Кустурица	3,5%
Воислав Коштуница	2,6%
Ратко Младич	1,8%
Милорад Павич	1,7%
Соня Петрович	1,6%
Зоран Джинджич	1,1%
Вука Карадич	1,1%
Милош Красич	0,8%

Кроме того, в десятку наиболее известных российской молодежи сербов (набравших от 1% до 2% упоминаний, но часто респонденты вписывали только фамилии и не всегда правильно) попали: Ратко Младич – генерал, начальник штаба войск Республики Сербия, который был обвинен Гаагским трибуналом в геноциде в мусульманском анклаве Сербница в 1995 году; Зоран Джинджич – сербский политик, выступавший за независимость Сербии от США и НАТО; Вука Карадич – реформатор сербского языка; Милорад Павич – либо югославский футболист и тренер, либо его тезка сербский поэт и писатель; Соня Петрович – нападающая женской баскетбольной команды «Спарта Энд К»; Милош Красич – фут-

больный игрок, полузащитник туринского клуба «Ювентус». Иными словами, московским студентам известны только медийные сербские имена, которые появляются в российских средствах массовой информации в связи с политическими, культурными или спортивными событиями. Но поскольку Сербия – страна по объективным причинам (масштабов) не очень способная создавать информационные поводы для массового молодежного интереса, набор персоналий и частота их упоминаний существенно уступают аналогичным показателям анкетирования о Китае.

Образ типичного серба в представлении российских студентов таков: патриот, склонный к коллективизму и свободолюбивый семьянин, честный и трудолюбивый, одновременно воинственный и миролюбивый, воспитанный, дисциплинированный, верный реалист – позитивный, но несколько противоречивый образ. Последняя характеристика, видимо, определяется тем, что страна воспринимается, с одной стороны, как традиционная, аграрная, патриархальная, с другой – как участвующая в (вооруженных) конфликтах (Табл. 5).

Таблица 5

По-вашему, какие из нижеперечисленных характеристик соответствуют менталитету и поведению сербов?	
Патриотизм	55,9%
Семейственность	32,9%
Свободолюбие	31,3%
Коллективизм	27,7%
Трудолюбие	27%
Воинственность	21,8%
Честность	20,7%
Миролюбие	20,5%
Воспитанность	18,9%
Дисциплина	18,7%

По-вашему, какие из нижеперечисленных характеристик соответствуют менталитету и поведению сербов?	
Верность	17,8%
Реализм	16%
Оптимизм	12,8%
Великодушие	12,6%
Индивидуализм	10,4%
Дикость	9,9%
Коварство	9,7%
Романтизм	8,6%
Лень	8,1%
Обучаемость	7,4%
Почитание науки	5,2%

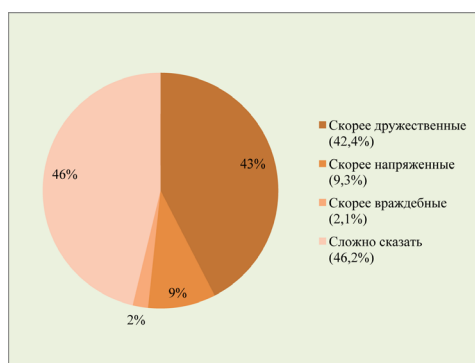
Наиболее положительно московские студенты, пусть и не вполне консолидировано, относятся к 1) Англии и Испании, 2) Швейцарии, Германии, Австралии, Франции, Украине и Чехии; Сербию в этом качестве отметил лишь каждый пятнадцатый опрошенный, что еще раз подтверждает несформированность общего образа страны в сознании молодых россиян (следует отметить, что в аналогичной анкете, когда Сербия вообще не была представлена в списке закрытий, ее не написал никто из опрошенных в варианте «другое», т.е. даже 6,5% – результат, обусловленный общим тематическим контекстом опроса) (Табл. 6).

Таблица 6

Укажите, к каким трем странам Вы относитесь наиболее положительно:	
Англия	30,1%
Испания	24,2%
Швейцария	20,5%
Германия	17,5%
Австралия	15,4%
Франция	14%

Укажите, к каким трем странам Вы относитесь наиболее положительно:	
Украина	13,8%
Чехия	12,8%
Куба	10,8%
Белоруссия	10,4%
Сербия	6,5%
Китай	5,9%
Япония	5,1%
Египет	4,7%
Южная Корея	3%
Северная Корея	1,8%
США	0,2%

Тем не менее, видимо, с учетом всех перечисленных выше позитивно окрашенных ассоциаций и социальных стереотипов, связанных с обобщенным образом Сербии, московские студенты оценивают отношения наших стран на сегодняшний момент как скорее дружественные (42%), хотя практически каждый второй и затруднился с ответом на данный вопрос (46%) (Рис. 1), и имеющие для России больше плюсов, чем минусов (74%) (Рис. 2).

Рисунок 1. «Как бы Вы оценили взаимоотношения России и Сербии на сегодняшний момент?»

Рисунок 2. «На Ваш взгляд, какое влияние на Россию оказывают отношения с Сербией?»

Безусловно, мы признаем поверхность и схематичность полученных данных, однако использование иных схем для оценки обобщенного образа стран-соседей в масштабных эмпирических проектах представляется не только затруднительным, но и не оправданным: более громоздкие и детализированные анкеты не дадут искомым результатов просто потому, что существующие стереотипные образы других стран не обладают сложной и многокомпонентной структурой (в этом суть и роль механизма стереотипизации в формировании устойчивых социальных представлений), особенно когда речь идет о столь не ключевой на геополитической арене стране, нечасто привлекающей внимание российского истеблишмента и средств массовой информации, как Сербия.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПРОЕКТА

- *Нарбут Н.П., Голенкова З.Т., Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенчества России и КНР: региональные различия // *China Youth Today*. 2010. № 5 (на кит. яз.).
- *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Образы стран-соседей в восприятии студенческой молодежи (по результатам социологических исследований) // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2011. № 4.
- *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные приоритеты студенческой молодежи России и Китайской Народной Республики // *Социальная структура общества: КНР-РФ, сравнительный анализ*. Пекин, 2011 (на кит. яз.).
- *Троцук И.В.* Образ Сербии в российском обществе: результаты опроса московского студенчества // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2012. № 3.
- *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социологическая оценка образов стран-соседей в восприятии российской студенческой молодежи: методические и содержательные компоненты // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2012. № 4.
- *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные приоритеты студенческой молодежи России и Китая: общее и особенное // *Межкультурное взаимодействие в полиэтничной молодежной среде: социологический подход*. М., 2012. .
- *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные приоритеты студенческой молодежи России и Китайской Народной Республики // *Россия и Китай. Изменения в социальной структуре общества*. М., 2012.
- *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Образ стран-соседей в восприятии российской студенческой молодежи // *Альманах добрососедства*. М., 2013
- *Trotsuk I., Suvakovic U.* The Value of patriotism for students in Russia and Serbia // *Serbian Political Thought*. 2013. Vol.7. No.1.

- *Троцук И. В.* Мироззренческие доминанты молодежи: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов, надежд и опасений // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. № 3.
- *Нарбут Н. П., Троцук И. В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. № 4.
- *Trotsuk I. V.* Patriotic and geopolitical components of youth outlook in Russia // V. Vuletic, J. Ciric, U. Suvakovic (eds.). Globalizacija i deseuverenizacija. Kosovska Mitrovica, 2013.
- *Narbut N. P., Trotsuk I. V.* Sociological evaluation of neighbor countries' images: methodological issues // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.
- *Троцук И. В., Шувакович У.* Патриотизм как ценность: компоненты социологического анализа (сравнительная характеристика России и Сербии) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. № 3.
- *Нарбут Н. П., Троцук И. В., Цзи Цзиньфэн.* Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 1.
- *Нарбут Н. П., Троцук И. В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- *Нарбут Н. П., Троцук И. В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 2.
- *Нарбут Н. П., Троцук И. В.* Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 3.

- *Троцук И.В., Скрынникова М. П., Цзи Цзиньфэн.* Приоритеты китайской молодежи в профессиональной сфере и положение молодых специалистов на рынке труда КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12.
- *Троцук И.В., Савельева Е. А., Салех А. А.* Семья, брак, любовь – равноценные или несвязанные понятия для молодых россиян? // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 3.
- *Нарбут Н.П., Троцук И. В.* Ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере: результаты эмпирического проекта // Поиск. 2014. № 4.
- *Троцук И.В., Скрынникова М. П.* Семейно-брачные ценности молодежи России и Китая: сравнительный анализ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 3.
- *Нарбут Н.П., Троцук И. В.* Мировосприятие российской молодежи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4.
- *Троцук И.В., Сохадзе К. Г.* Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 4.
- *Троцук И.В., Савельева Е. А.* «Статус» дружбы в мировоззренческом комплексе российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2014. № 9.
- *Нарбут Н.П., Троцук И. В.* Ценностные ориентации студенчества России и КНР: сравнительный аспект // Молодежь в современном обществе: проблемы и перспективы. М., 2014.
- *Троцук И.В., Скрынникова М. П.* Сравнительный анализ семейно-брачных ценностей молодежи России и Китая // Здоровый образ жизни российской молодежи. Тюмень, 2014.

- *Троцук И. В.* Ценностные приоритеты китайской молодежи: общая характеристика и оценка влияния семейно-демографической политики КНР // Россия – Тюмень: векторы евразийского развития / Под ред. В. К. Левашова, Н. Г. Хайруллиной. Тюмень, 2015. С. 130–139.
- *Троцук И. В.* Социальное самочувствие студенчества: индикаторы оценки настроений самой высокообразованной молодежной когорты российского общества // Улога образовања и васпитања у развијању хуманистичких, интеркултуралних и националних вредности. Косовска Митровица, 2015.
- *Троцук И. В., Парамонова А. Д.* Приоритеты и стереотипы российской молодежи в сфере брачности (на примере национально-смешанных союзов) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. № 3.
- *Троцук И. В., Сохадзе К. Г.* Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.
- *Narbut N. P., Trotsuk I. V.* Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. № 4.
- *Троцук И. В., Савельева Е. А.* Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. № 4.
- *Suvakovic U. V., Narbut N. P., Trotsuk I. V.* The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. Т. 16. № 4.
- *Trotsuk I. V., Ivlev E. A.* Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. № 2.

- *Trotsuk I. V.* Sociological study of the images of the neighboring countries: Russian student youth stereotypes, and their contextual frames // **Зборник Радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини**. 2016. № XLVI.
- *Троцук И. В., Сохадзе К. Г., Лаврушина А. И.* (Не)институциональные форматы социальной активности российской молодежи (по результатам экспертных и массовых опросов) // **Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки**. 2016. № 6–7.
- *Троцук И. В., Парамонова А. Д.* «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // **Вестник РУДН. Серия «Социология»**. 2016. № 3.
- *Trotsuk I. V.* Some ‘indicators’ to ‘measure’ patriotism in the contemporary world // **Социолошки преглед (Serbian Sociological review)**. 2017. Vol.LI. No.3.
- *Narbut N.P., Trotsuk I. V.* Neighboring countries’ images: Persistent stereotypes of the Russian student youth // **Вестник РУДН. Серия «Социология»**. 2017. Т. 17. № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ЧАСТЬ 1. Ценностные ориентации молодежи: возможности социологической оценки	37
Подходы, методики и задачи социологического анализа.....	37
«Статус» дружбы в мировоззрении российской молодежи.....	49
Соотношения понятий «семья», «брак» и «любовь».....	65
Патриотические и геополитические компоненты мировосприятия российской молодежи.....	86
Социальная активность молодежи.....	122
ЧАСТЬ 2. Страхи и опасения молодых поколений	147
Мировоззренческие доминанты: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов и опасений.....	147
Репертуар страхов российского студента.....	170
Ожидания и опасения студентов в профессиональной сфере.....	182
ЧАСТЬ 3. Сравнительные (кросскультурные) исследования	230
Сопоставительный анализ: задачи, возможности и ограничения.....	230
Постсоциалистические страны как «кейс» для сравнительного анализа.....	246
Региональный срез сопоставительного анализа.....	274

Ожидания и опасения студенчества: оценка в кросс-культурном контексте.....	292
«Статус» института семьи и семейно-брачные ценности молодежи в сравнительном контексте.....	309
Сопоставительная характеристика ценностных ориентаций студенческой молодежи.....	328
ЧАСТЬ 4. Социологическая оценка образов стран-соседей в восприятии студенчества.....	364
Методические компоненты оценки.....	364
Содержательные результаты оценки.....	381
Избранная библиография проекта.....	394

Научное издание

**Нарбут Николай Петрович
Троцук Ирина Владимировна**

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
СТУДЕНЧЕСТВА**

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Издание подготовлено в авторской редакции

Компьютерная верстка *М.В. Рогова*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

В оформлении обложки использована карикатура Херлуфа Бидструпа

Подписано в печать 27.11.2017 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,48. Тираж 500 экз. Заказ 1884.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН

115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
